

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

**XIII Всероссийская конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»
(20–24 апреля 2009 г.)**

ТОМ V
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Томск
2009

ББК 74.58
В 65

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»*

В 65 XIII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (20–24 апреля 2009 г.) : В 6 т. Т. V. Философия. Социальные науки. Культурология ; ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Издательство ТГПУ, 2009. – 380 с.

Научные редакторы:

*Куликов С.Б., канд. филос. наук, доцент;
Бердникова И.А., канд. филос. наук, доцент;
Ланкин В.Г., д-р. филос. наук, профессор.*

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

© ГОУ ВПО «ТГПУ», 2009

ФИЛОСОФИЯ

ТЕМА ЛЮБВИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Р. А. Ачолова

Томский государственный педагогический университет

*До сих пор о любви была сказана только
одна неоспоримая правда, а именно, что
«тайна сия велика есть»*

А.П. Чехов

Тема любви вечна. Вопросом о сущности любви задавались как в античные времена, так и в наши дни. А что, собственно, мы хотели бы знать о ней? Если мы ждем, чтобы нам описали, какая она бывает, – это одно дело, с которым лучше обратиться к поэзии. Именно поэзия говорит о любви самым подходящим языком образным. Но даже поэзия не всесильна: никогда даже самое верное, гениальное слово не может в совершенстве выразить переживания любви. А уж тем более не могут выразить любовь некоторые молодежные песенки, в которых однообразные повторения слов «любовь» только обозначают, но совсем не раскрывают реального переживания человека.

В статье раскрыто, как к этой теме относились в античные времена и как относится современная молодежь к ценностям любви. Чтобы понять, что такое любовь, можно обратиться к науке или философии. Наука может многое: изучить условия, при которых любовь приходит или проходит, обобщить факты и выявить закономерности, но и ее возможности ограничены: сама любовь как человеческое отношение и переживание не может быть измерена никакими научными средствами.

А что может философия? Полного объяснения любви она, в конечном счете, тоже не дает, но проясняет значение этого феномена. Мы рассмотрим идеи, в которых отобразились типичные философские представления той или иной эпохи, и особое внимание уделим античной философии, в частности на примере произведения Платона «Пир» [1].

Начнем с темы любви в античной философии, как о ней размышляли философы того периода. Любовь для древних греков не более загадочна, чем все остальное, разве что притягательнее многих иных вещей. Свои представления о любви литераторы и философы античности выражали обычно посредством мифологических образов.

Те многообразные значения, которые в русском языке охватываются одним словом «любовь», язык древних греков выражает разными словами: эрос, филия, сторге, агапэ. В этом есть определенное преимущество; может быть, у древних греков было меньше поводов для недоразумений, чем сегодня у нас, когда кто-то говорит о любви и его с пониманием выслушивают,

а в конце концов, выясняется, что один из собеседников думал при этом о любви к ближнему, а другой об эротике.

Эрос у древних греков – это половая, страстная любовь. Мифологическим олицетворением эроса является бог Эрот, или Эрос.

Филия – это привязанность к самым разнообразным вещам. Это и любовь к родителям, к детям, и любовь к родине, и любовь к товарищам (дружба), и эротическая любовь, и любовь к познанию, и прочее.

Агапэ – еще более мягкая любовь, жертвенная и снисходящая к ближнему. Именно такое понимание любви восхваляло христианство в период заката языческой культуры.

Сторге – любовь-привязанность семейная.

В Древней Греции любовь была представлена в образах нескольких мифологических существ – прежде всего Афродиты и Эрота, а в Риме соответственно – Венеры и Амура. Это человеческое чувство и влечение переносилось греками на весь мир, принимало вид безличной силы, существующей самостоятельно.

Гесиод задал вопрос, что возникло первым? Сначала зародился хаос, а потом множество богов и между ними прекраснейший Эрос. Таким образом, Эрос представляется как одна из первых сил, появившихся в мире. Под его влиянием и продолжается цепь порождений.

Парменид объясняет происхождение богини любви. Он говорит, что в центре космоса находится богиня любви, которая посылает соединиться мужскому с женским. Богиня любви влияет на взаимное влечение существ, связывает земной и небесный миры.

Эмпедокл отводил важнейшую роль в существовании мира филии. Он говорил, что в мире есть четыре основных элемента – земля, вода, воздух и огонь, а сочетание их находится под действием двух сил – Вражды и Любви. Эти силы по очереди господствуют в мире. Эмпедокл считал, что существование одной лишь Любви было бы губительно для космоса.

Понятием любви как безличной силы пользовались пифагореец Филолай, атомист Демокрит, софисты Горгий, Продик, Критий.

Выделим более конкретное понимание любви, представленное в произведении Платона «Пир» [1].

В древнегреческой мысли сформировали миф, рассказанный одним из персонажей диалога Платона «Пир». Согласно этому мифу, были когда-то на земле двойные люди, имевшие четыре руки, ноги, два лица, глядевшие в разные стороны. Андрогини были трех полов: мужского – от Солнца, женского – от Земли, а также обоеполого – от Луны, поскольку Луна совмещает оба начала. Зевсу пришла идея: разделить каждого андрогина пополам, чтобы уменьшить их силу. И с тех пор каждый ищет соответствующую ему половину. То есть если мужчина был раньше частью двуполого андрогина, его влечет к женщине, и соответственно женщину, отделенную от мужской половины, – к мужчине. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привле-

кают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчины, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому... Когда же двоим, удастся повстречать друг в друге именно свою половину, обоих охватывает удивительное чувство привязанности, близости и любви. Таким образом, миф об андрогинах объясняет любовь, как жажду целостности и стремление к ней.

Еще одно объяснение природы любви предлагает сам Платон в том же диалоге «Пир». Он оспаривает мысль, будто любовь – это поиск своей половины. Люди стремятся в действительности не к половинам, а к благу и бессмертию. Люди, смертные по своей природе, стремятся путем рождения детей сохранить себя в вечности, ради этого они и служат Эроту. Многие, беременные телом, просто рожают обычных детей. Но есть и беременные духовно, это – творцы, изобретатели, вынашивающие разум и прочие добродетели. Они тоже испытывают страстное желание родить и особенно радуются, когда встречают человека, наделенного прекрасной и даровитой душой. В соприкосновении с прекрасным рождается на свет то, что давно вынашивалось душой. Дети, рожденные душой, в отличие от обычных детей, бессмертны. Платон не призывает отменить земную любовь. Она – необходимая ступенька, ведущая человека к познанию любви небесной. В молодости человека сначала влечет к прекрасному телу, затем он замечает, что есть и другие прекрасные тела, и все они в этом смысле подобны одно другому.

Это как в наши дни: существуют же некое деление среди современной молодежи. Некоторые смотрят сразу на внешность, даже не узнав человека поближе (возможно, он духовно красив). Говорят же, что первое впечатление складывается именно по внешности, но, тем не менее, душа, характер играет далеко не последнюю роль. Проблема современной молодежи, по моему мнению, состоит в том, что они пытаются найти некий идеал красоты, но в большинстве случаев красоты не душевной или внутренней, а внешней, которая так изменчива. Даже Платон в своем диалоге «Пир» говорит нам, что те люди, которые предпочитают красоте душевной красоту телесную, изменчивы, ибо тело с течением времени стареет, а душевная красота вечна. Тогда человек начинает ценить душевную красоту выше телесной, его влечет к красоте нравов и наук. Постепенно, движимый любовью, человек поднимается над отдельными разновидностями прекрасного и его взору открывается прекрасное в его чистоте, идеальное, вечное, превосходящее все земное. Любовь к высшим ценностям – это и есть так называемая платоническая любовь, причем она не отвергает низшего эроса, а относится к нему как к своей ступеньке. Сам Эрот, ведущий человека в занебесье, – сын бога богатства Пороса и богини бедности Пеннии, потому он противоречив. Сын своей матери, он – беден и некрасив, но, наследуя черты отца, он храбро и неудержимо стремится к прекрасному и совершенному. Будь он совершенно красив и умен, он не испытывал бы постоянного недовольства собой и не тянулся бы к красоте и мудрости. Эрот – стремление от худшего к лучшему. Так истолковывает миф об Эроте Платон.

Итак, Платон считает, что у каждого человека своя любовь, и любовь эта бывает разная, она имеет разные ценности и может приносить благо и разрушение. И в наши дни существует множество толкований любви. Многие люди, например, может быть, сами того не зная, верят в миф об андрогинах, по которому все люди разделены на две части единого целого и каждый ищет свою половину.

В ходе изучения данной темы было проведено анкетирование молодежи, студенческой среды. Было опрошено 50 человек. Целью данного исследования является мнение современной молодежи по данному вопросу, что сейчас больше ценится внешние (тело) или внутренние качества (душа). Безусловно все из опрошенных были когда-то влюблены. В основном, конечно, делается большой акцент на внешности человека, на каких-то качествах поведения, как человек выглядит. Из 50 опрошенных в ходе анкетирования, 35 были разочарованы в выборе своей второй половины и 15 человек, соответственно остались довольны выбором. При этом, из 50 опрошенных на красоту тела смотрят 31 человек, и на красоту души, соответственно 19 человек. Выводы напрашиваются сами. Сейчас молодежь делает свой вывод в пользу внешних данных, многие порой даже игнорируют внутренние качества. И в результате многие разочаровываются, все по причине того, что только по внешности нельзя судить о человеке.

Ознакомившись с толкованием античной философии на тему любви, стало понятно, что в древние времена ценности были совсем иные, нежели у современной молодежи. Тогда ценили красоту в гармонии души и тела; красота тела приветствовалась наряду с красотой души, вспомним хотя бы то, какие скульптуры создавались во времена античности. В нынешние дни любовь настоящая встречается редко, ведь любовь это гармония тела и души. А у молодежи идет большой уклон к красоте телесной, так и не познав красоты душевной. Получается, что человек влюбляется в эту картинку, и дальше ничего не видит, а картинка то меняется, человек стареет, только душа все та же.

«Я дышу – и, значит, я люблю! Я люблю – и, значит, я живу!» (В. Высоцкий). О любви сказаны миллионы слов и написаны горы книг. Есть формулы любви, научные определения, великое множество философских трактатов, и все же для каждого нового поколения, вступающего в жизнь, философия любви – это тайна за семью печатями, крепость, которую надо покорить самому, пройдя нелегкий путь обретения и потерь, который существовал как в античное время, так и в наши дни. Молодежные представления порой разрушительны. Иногда нужно обратиться к представлениям, которые были у той эпохи. Они более нравственно смотрели на эту тему. А прошлый опыт – тот самый ориентир, который поможет преодолевать сомнения и познавать великое таинство этого вечного как мир и столь же загадочного слова – любовь! Любовь – понятие необычайно емкое и многозначное.

Литература

1. Платон. Пир / Платон // Федон, Пир, Федр, Парменид. – М. : Мысль, 1999. – С. 81-134.

Р. РОРТИ О СООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е. А. Барышникова, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

Данная статья основана на эссе известного американского философа Ричарда Рорти «От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов». Изучая статью, у нас сложилось впечатление, что философ вместе с интеллектуалами ищет истину, но не может поставить равенство между нею и Богом и истиной объективной реальности, которую ищет философия.

Кто такие «интеллектуалы»? На взгляд Р. Рорти, это такие люди, которые стремятся к подлинной автономии и которые имеют достаточно денег и досуга, чтобы осуществлять свои стремления: посещать различные церкви или различных гуру, ходить в разные театры и музеи и, главное, читать много разных книг [см.: 1, с. 31]. Но интеллектуалы не просто читают книги или пользуются той или иной информацией. Они это делают, чтобы извлечь достоверный смысл жизни и стать подлинной автономной личностью. Другие же (не интеллектуалы) довольствуются при этом тем, как получится, если просто находиться в этой реальности. Интеллектуалы, по мнению Р. Рорти, ищут не просто истину, а искупительную истину, которую можно сформулировать вопросом: так что же нам делать с нами самими? Другими словами, по-хайдеггеровски, они одержимы жаждой подлинности, а, по-блумовски, (имеется в виду современный философ Гарольд Блум) стремлением быть самими собой. Р. Рорти считает, что «интеллектуалы Запада со времен Возрождения прошли три этапа: сначала они надеялись получить искупление от Бога, потом – от философии, теперь того же ждут от литературы» [1]. В религии человек получал заветный смысл жизни от Бога. Искупление философией означает усвоение некоторой совокупности представлений, претендующих на понимание действительности такой, какой она является на самом деле. Литература же дает максимально возможное количество смыслов, которыми можно воспользоваться. Если со времен философии И. Канта можно было прийти к мысли о том, «что даже Священный Персонаж Евангелий следует воспринимать в свете собственной совести индивидуума» [1, с. 32], то Г. Гегель высказал предостережение о поисках искупительной истины через философию в связи с тем, что она начинает «рисовать серой краской по серому». И, несмотря на то, что сам Г. Гегель очень надеялся на то, что дает людям истину в последней инстанции, С. Кьеркегор и К. Маркс окончательно развеяли эти надежды. Следо-

вательно, с этих времен интеллектуалы перестали доверять философии как способной представить действительность «такой, какой она есть по истине» [1]. Р. Рорти полагает, в отличие от И. Канта и М. Хайдеггера, что замена философии на литературу в поисках искупительного смысла была шагом вперед. Однако те, кто по-прежнему полагают, что искупительная истина в религии основана не на доказательствах, а на вере, считают ее вполне релевантной. Более того религия без философии, т. е. «беспримесная религия», иронизирует сам Р. Рорти, возможна лишь в том случае, «когда философия провозгласит, что мышление каждого века должно прийти к одному и тому же результату» [1, с. 33]. Отсюда возникает вопрос: а существует ли такое познание, которое может заменить и религию, и философию, и стать ответом на поиск подлинности личностного существования? Большинство современных западных интеллектуалов находит ответ в такой, ранее считавшейся маргинальной, области, как художественная литература (повести и романы). Именно в этой области «исповедующие литературную культуру надеются обрести искупление через контакт с доступными ныне пределами человеческого воображения» [1, с. 35], которые можно бесконечно раздвигать пламенем художественного творчества. Именно искусство дает возможность расширять свое Я через знакомство со многими другими способами человеческого существования. Поэтому, считает Р. Рорти, «последние пять столетий западной интеллектуальной жизни можно представить себе как сначала продвижение (progress) от религии к философии, а потом – от философии к литературе» [1]. Основанием для таких выводов является, по его мнению, «разжалование науки из возможного источника искупительной истины в модель рационального сотрудничества» [1, с. 41]. Подобное отношение к научным истинам Р. Рорти считает современным аналогом прежнего «разжалования Евангелий из рецепта достижения вечного блаженства в сборник здравых этических наставлений. Именно такое разжалование рекомендовали произвести И. Кант и Т. Джефферсон, и именно это постепенно осуществили за последние два столетия либеральные протестантские теологи» [1]. В этом смысле философские теории являются самоуничтожающимися артефактами, потому что они ничем не отличаются от того, «чем так умело занимались и занимаются и бобры, и плотники» [1].

Можно согласиться с Р. Рорти в том, что религия занимала господствующее место в духовной жизни человека вплоть до эпохи Возрождения. Так же и с тем, что XVIII–XIX века стали философскими откровениями в духовной жизни человечества. И что литература критического реализма на Западе и литература Золотого века, начиная с А.С. Пушкина, и Серебряного века, начиная с А. Блока, имеют всемирное значение в постижении общественных отношений и понимании глубин личностной жизни. Однако это, на наш взгляд, не полная истина о месте и роли религии, философии и искусства (а не только литературы) в жизни человека вплоть до современности. Эти формы человеческой духовности зародились вместе с появлением человека из специфических человеческих потребностей и сопровождают его

на протяжении всего человеческого существования, выполняя свои собственные функции.

Религия появилась из потребности поклонения покровителю рода и надежды на защиту своим покровителем. Религии менялись, пока не возникли вместе со становлением национальных культур монотеистические религии, реализующие те же самые функции при условии выполнения человеком заветов Бога. Поскольку природа человека подвижна, корень с питательной силой разветвляющихся возможностей есть «дух человеческий» [2, с. 45], питаемый волей Творца. Даже наука не отрицает полностью эту идею в тех областях, где кончаются её объяснительные возможности (например, при анализе феномена смерти). Отрицание такой идеи «означало бы разочарование, ведущее к стоицизму Жака Моно, открывшего Вселенную, лишенную какого бы то ни было смысла, глухую к нашей музыке, Вселенную, в которой мы появились случайно к вящему гневу и отчаянию шекспировского Макбета» [3, с. 223]. Если нет Бога (как писал Ф. Ницше, «мы убили Бога»), то «всё дозволено» и не является пороком. Вместо Бога на пьедестал Р. Рорти поставил человеческое воображение. То, что было дано нам во благо, теперь обернулось оружием против своего же Создателя. Р. Рорти замечает: «Становление религиозной терпимости было связано с различием между потребностями общества и потребностями личности – с осознанием того, что религия не относится к сфере потребностей общественных» [1, с. 40]. Из этого ясно, что религия личностна, но общество – это также подобие личности. Значит, потребности общества должны совпадать с потребностями личности, поскольку прежде всего идёт становление суверенной личности, а затем суверенного государства.

Возможна ли замена философии литературой в современном обществе, пусть только для интеллектуалов? Мы полагаем, что именно для интеллектуалов по-прежнему сохраняется потребность в философском рефлексивном, проблематизирующем бытие знании. Конечно, для массовой культуры философия излишня, но для нее излишним оказывается и чтение художественной литературы, которую вполне заменяет телевидение и кинематограф. Данные опроса читателей Москвы, полученные «Левада-центром», показали пессимистичные результаты. Выяснилось, что 37 % опрошенных совсем не читают книг. Опрос показал, что постоянно читают книги 23 % опрошенных москвичей, а 40 % горожан читают непостоянно от раза к разу. Детям читают книги, согласно опросу «Левада-центра», только 7 % родителей этой библиотеки. На чтение глубоких произведений не хватает времени, намного проще бывает почитать бульварный роман [цит. по : 4, с. 254]. Разумеется, на этом фоне философскую литературу читают еще меньше, но философия как обобщенное систематизированное, особенно социальное знание, тем более в условиях российской неопределенности общественного развития, является востребованным знанием в кругу интеллектуалов и даже массовой культуры. Искупительная истина, следуя выражению Р. Рорти, скорее всего, находится в философских текстах профессиональных интеллектуалов, нежели в море

литературы, особенно постмодернистской и популярной, в котором можно скорее утонуть, чем вычерпать искупительную истину. Занятие философией – это элитарное дело, но, учитывая, что она преподается в каждом вузе, в определенной степени мы имеем большую аудиторию, приобщенную к философской культуре. Поэтому искупительную истину о смысле жизни и перспективах человеческого развития учащаяся аудитория вычерпывает из философских текстов. Следовательно, переход к откровению только через художественную литературу, как это констатирует Р. Рорти, оказывается преждевременным: философия, особенно для интеллектуалов, не исчерпала свое специфическое предназначение и выполняет свои мировоззренческие функции, опираясь в настоящее время на науку.

Эстетическая функция искусства, а не только художественной литературы, всегда во всем мире была и остается незаменимой. Роль искусства в формировании искупительной истины особенно действенна благодаря воображению и катарсису. При условии художественного воображения знакомство со многими другими способами человеческого существования позволяет формировать человеческое «Я». Причем «Я» формируется в направлении гармонизации с человеческим совершенством, ибо такова эстетическая функция искусства. Искусство не ограничивается только гносеологическими (познавательными) возможностями, что неявно подразумевается в работе Р. Рорти.

Посредством художественного образа искусство несет в себе направленность на прекрасное, а потому выступает приобщением к искупительной истине. Художественный образ, создаваемый искусством, включает в себя весь неисчерпаемый спектр эстетических характеристик (безобразное, трагическое, низменное, комическое и др.) Однако это верно не в случаях утверждений преимуществ безобразного, комического и низменного. Эстетические характеристики художественного образа в самом широком диапазоне своего проявления служат красоте, ее утверждению. Еще со времен Аристотеля сильна точка зрения, что через отрицание безобразного, осмеяние и развенчание комического, через отвращение к низменному искусство выполняет свою эстетическую функцию утверждения красоты.

Все общеинтересное, попадая в сферу искусства, трансформируется в направленность на прекрасное, воздействуя на разум, эмоции и душу человека. Эстетические характеристики художественного образа есть только разнообразные способы социокультурного воспроизведения человека, средства формирования прекрасной индивидуальности в соответствующих исторических пределах, обусловленных возможностями развивающихся цивилизаций, через накопление субъективного эстетического опыта, через сопереживание, через субъективацию искусства, через получение искупительной истины. Из эмпирического мира человеку трудно вычерпать его действительное эстетическое содержание, поскольку это мир господства конечного, преходящего и относительного. Только искусство, дающее внешнее воплощение явлению жизни в соответствии с эстетическими закономерностями, может получить

«характер всеобщности в отличие от природной разрозненности» [5, с. 173] – так обобщенно выразил эту мысль Г. Гегель.

Вследствие многофакторности человеческой красоты эстетическая функция искусства неисчерпаемо богата. Она включает в себя эстетизацию природной чувственности человека, равно как нравственное, политическое, религиозное, научное, экономическое содержание, выступая универсальным средством эстетического воспитания. Приобщение к искупительной истине выполняется всеми эстетическими средствами, включая воображение, о котором как о необходимом условии говорил Р. Рорти.

Таким образом, мы приходим к выводу, что все три формы духовности (религия, искусство и философия) для получения искупительной истины, несколько видоизменяясь, остаются действенными в современном мире.

Литература

1. Рорти, Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов / Р. Рорти // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 30–41.
2. Розанов, В. В. Цель человеческой жизни / В. В. Розанов // Смысл жизни: Антология. – М. : Прогресс, Культура, 1994. – С. 19–64.
3. Пригожин, И., Стенгерс И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Эдиториал, 2001. – 240 с.
4. Художественно-эстетическая культура педагога // Культура педагога: современный цивилизационный контекст. – Томск : Изд-во ТПУ, 2008. – 300 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Искусство, 1968. – 312 с.

БЫТИЕ В КУЛЬТУРЕ. ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

А. С. Безверхин

Томский государственный педагогический университет

Феноменология Э. Гуссерля тематизировала трансцендентальное измерение сознания человека. Возник вопрос о бытии самого сознания, который породил экзистенциализм, поставивший проблему человеческого существования как отношения человека к своему собственному бытию и к бытию всего сущего. Обратимся к экзистенциалистскому пониманию бытия в культуре путем экспликации соответствующей концепции М. Хайдеггера. По словам С. Неретиной и А. Огурцова, именно этот автор «...делает акцент на онтологической природе культуры, на ее сопряженность с бытием, на том бытийном свете, которым светятся подлинные творения культуры» [1, с. 170].

М. Хайдеггер считает, что начиная с Нового времени «человеческая деятельность понимается и осуществляется как культура. Культура есть в

этой связи реализация верховных ценностей путем заботы о высших благах человека. В существе культуры заложено, что подобная забота со своей стороны начинает заботиться о самой себе и так становится культурной политикой»[2, с. 42]. Таким образом, М. Хайдеггер видит основание культуры в новом понимании человеком самого себя, которое возникло в Новое время.

В чем же состоит новое понимание человека? М. Хайдеггер связывает его с философскими инновациями, которые осуществил Р. Декарт, выразив наиболее полно в фундаментальном тезисе картезианства «Я мыслю, следовательно, я существую». Проследим, как раскрывает содержание и значение этого тезиса М. Хайдеггер.

Приступая к тезису, М. Хайдеггер сразу же отвергает простую логическую констатацию существования («я существую») как следствие из факта мышления («я мыслю») в качестве поверхностной. М. Хайдеггер обращает внимание на то, что сам Р. Декарт понимает под мышлением, употребляя в важных местах для него слово *percipere* (*per-cipio*), что означает овладение какой-либо вещью в смысле поставления-перед-собой, «пред-ставления». Мышление у Р. Декарта есть так же *idea* (делание видимым) и *dubitare* (сомнение как несомненная процедура верификации сущего в акте мышления). Мышление как удостоверяющее пред-ставление одновременно у Р. Декарта выставляет меня пред-ставляющего, поэтому Р. Декарт говорит: всякое *cogito* (я мыслю, т. е. пред-ставляю) есть *cogito me cogitare* (представление меня пред-ставляющего). Таким образом, всякому пред-ставлению, предоставляющему то или иное сущее, представленный предмет так же сопредставлен представляющему человеку, его Я, Ego. При этом представляющий сущностно конституирует само представление. Говоря иначе, сознание предметов возможно лишь через само-сознание, в основе которого лежит человеческая самость, Ego, которое поэтому есть *subiectum*, субъект. Новшество Р. Декарта в том и состояло, что представляющее Я становится масштабом для того, что выступает в пред-ставлении сущего.

Для адекватного понимания «*cogito* есть *cogito me cogitare*» мы должны, согласно М. Хайдеггеру, спросить: что такое *cogitation* в декартовых «Первоначалах философии»? Ответ гласит: «Под именем «*cogitation*» я понимаю все то, что для нас, сознающих притом самих себя, в нас происходит, насколько мы об этом в нас имеем сопутствующее знание. Так что не только познание, воление, воображение, но также ощущение здесь то же самое, что мы именуем *cogitare*»[2, с. 125]. Таким образом, Р. Декарт под «*cogitation*» понимает предоставление пред-ставленного, когда «представляющий человек заранее и всеохватно сам от себя решает, что может и вправе считаться установленным и постоянным»[2, с. 126].

В «Первоначалах философии» Р. Декарт провозглашает познание «я мыслю, следовательно, я существую» наидостовернейшим и первым по рангу, неоспоримым мерилом для истины. Так, по М. Хайдеггеру, был заложен фундамент новоевропейской метафизики, поставившей в центр всего сущего мыслящего, пред-ставляющего субъекта человеческого.

В фундаментальном тезисе Р. Декарта в представлении настолько укоренен представляющий, что делает, по М. Хайдеггеру, «ergo» («следовательно») излишним. «Не «я есмь» впервые выводится из «я представляю», а «я представляю» есть по своему существу то, что уже приставило ко мне это «я есмь» – а именно пред-ставляющий»[2, с. 127–128]. В любое представление уже включен я пред-ставляющий, поэтому М. Хайдеггер сокращает тезис Р. Декарта до *cogito sum*. В этом тезисе раскрывается связь между *cogito* и *sum*, между представлением и существованием. Само бытие есть пред-ставленность, а истина – достоверность пред-ставленного по мере существа человеческого как пред-ставляющего. Таково новое истолкование бытия и истины Р. Декартом, согласно интерпретации М. Хайдеггера.

Само «Его» трактуется Р. Декартом как мыслящая вещь, что, по М. Хайдеггеру, следует понимать как представление-самой-себя, т. е. как самосознание. При этом необходимо отметить следующий важный момент: «Бытие представляющего субъекта, который удостоверяет сам себя в акте представления, оказывается мерой для бытия всего представимого как такового. Соответственно всякое сущее необходимо измеряется этой мерой бытия в смысле удостоверенной и самоудостоверенной представленности»[2, с. 129]. Таким образом, вся природа, истолкованная Декартом как вещь протяженная, берется в расчет и становится объектом технического покорения. М. Хайдеггер обозначил это как «постав». Человек и его культура в новоевропейской парадигме становятся предметом технологических манипуляций и обретают матричное существование.

Обновление европейской культуры видится М. Хайдеггеру в качестве пересмотра сущности человека. Для М. Хайдеггера вопрос о сущности человека – это не вопрос о человеке. До того, как есть сам человек со всеми его атрибутами, всегда уже имеется его бытие-вот или *Dasein*. Сущность человека, которая тождественна его существованию, определяется открытостью человека к бытию, но главным отношением к бытию.

Главной дилеммой современной европейской культуры является решение вопроса о соотношении трансцендентального субъективизма и экзистенциального присутствия (вот-бытия) как базовых парадигм самоидентификации человека в мире. М. Хайдеггер решительно критикует трансцендентальный субъективизм Э. Гуссерля за его ориентацию на обработку сущего, истолкованного как поле феноменов. По замечанию Ф. фон Херрманна: «Для Гуссерля метод подхода трансцендентальных эпохе и редукции производит раскрывающее высвобождение *абсолютного бытия* чистого сознания. Это бытие называется абсолютным, поскольку содержит в себе в качестве интенционального смысла иной род бытия – реальность как бытие пространственно-временного мира. Однако рассмотренное с принципиальной позиции М. Хайдеггера редуктивно открытое абсолютное бытие сознания *не* представляет собой *изначального способа бытия* (курсив фон Херрманна – А. Б.) «субъекта». Напротив, в редуктивном подходе к сфере абсолютного бытия «субъект» укореняется в себе самом

как трансцендентальном *ego-cogito-cogitatum* и окончательно лишает себя возможности феноменологического выявления своей экзистенциальной бытийной конституции и самостно-экстатически-горизонтной разомкнутости бытия вообще»[3, с. 65–66].

М. Хайдеггер делает попытку мыслить бытие само по себе без сущего. Истина как непотаенность бытия требует для себя человека как зеркало, которое должно отражать не себя, а бытие. Человек как отражение бытия вносит в чувственно воспринимаемое сущее сверхчувственное понимание или смысл, мысль и через слово, язык («дом бытия», по М. Хайдеггеру) упорядочивает сущее. Причем происходит это путем наименования и организации космоса (т.е. порядка) из хаоса. Причем светом бытия человек не владеет, ибо в момент, когда зеркало бытия зеркалит себя (рефлексируя, т.е. оборачивая себя на самого себя как исходный пункт всех свершений), появляется яйность как субъектность всего сущего, преломляющая свет бытия в технологию потребления природы или постав. Отсюда возникает главная проблема всей европейской культуры: как возможна обратная процедура десубъективизации человека, исцеление субъектно-объектной дихотомии? Это необходимо для приобщения бытию, для обновления самого человека, ибо, по замечанию М. Хайдеггера, вопрос о сущности человека – это не вопрос о человеке, а о чем-то, что его порождает в качестве мыслящего существа – вопрос о чистом бытии. Как заслужить нам дар бытия, которое тайно правит нами, показывая и одновременно скрывая себя в феноменах культуры, например, через могущество технического покорения сущего? Мы должны научиться практикам отпускания себя в просвет бытия, расцепляя самотождество нашего Я, искусству мыслить сознание без Я. Все это В. И. Молчанов обозначил очень точно как «буддизм бытия»: «По словам одного из учеников и друзей философа, М. Хайдеггер, прочитав книгу Судзуки «Дзен-буддизм», заметил: «Если я правильно понимаю этого человека, это есть то, что я пытался сказать во всех своих работах»»[4, с. 142]. Здесь культура Запада таинственно пересекается с культурой Востока, открывая возможность их продуктивного синтеза.

Таким образом, мы приходим к целому ряду выводов. Во-первых, тематизация М. Хайдеггером проблематики культуры связана с экспликацией новоевропейского принципа трансцендентального субъективизма, введенного Р. Декартом. Согласно М. Хайдеггеру, именно в Новое время произошла манифестация феномена культуры как таковой, что обусловлено фундаментальными и сущностными онтологическими трансформациями. Речь идет о том, что человеческое присутствие, бытие-в-мире (*Dasein*) произвело радикальную переориентацию в своем самоистолковании самого себя. Произошло высвобождение человеческого разума из под властвующего господства метафизических конструкций средневековой схоластической теологии. Отныне центральной точкой системы отсчета бытия всего сущего человеческого присутствие полагает исключительно самое себя, истолкованного как рефлектирующая (самосознающая) человеческая субъ-

ективность (самость, *ego cogito*). В этой перспективе все налично существующее неизбежно становится системой представлений представляющей субъективности человека, которая удостоверяет и фундирует все представленное своей собственной сопредставленностью в любом представлении представляющем представляемый объект. Таким образом, все сущее превращается в картину мира человеческой субъективности или в человеческую культуру, которая объемлет все сущее и довлеет над ним, в том числе и над религиозным культом как частью культуры.

Во-вторых, М. Хайдеггер эксплицирует фундаментальную зависимость культуры от бытия, ибо если культура существует, то бытие является самым первым из всех возможных определений культуры. Согласно М. Хайдеггеру, для западноевропейской метафизики характерно забвение бытия как такового и акцент на бытие сущего. Под сущим здесь понимается все налично существующее: дома, горы, звезды, люди, вещи и другие явления. Сущее скрывает истину как несокрытость, непотаенность бытия самого по себе. Поэтому М. Хайдеггер определяет бытие отрицательным образом как ничто из существующего.

Только бытие открывает человеку чтойность сущих вещей, делая его их господином. Телос (цель, направление) человеческой самости, уподобившись зеркалу, отражает свет бытия в сущее. Однако с появлением самосознания это зеркало начинает зеркалить само себя: отношение человеческого я к бытию заменяется отношением я к самому себе путем рефлексии. Теперь самосознающее я полагает себя субъектом, то есть лежащим в основании всего сущего. Этот поворот в Новое время осуществил Р. Декарт, введя принцип *ego cogito, ergo sum*. Новоевропейский проект интерпретации бытия сущего превращает все существующее в предмет представления лежащей в его основании человеческой самости, выступающей в качестве субъекта. Таким образом, сама культура обретает матричное существование как объект технологических манипуляций человека. Только открывшись бытию, человек перестанет потреблять культуру, но наполнит ее формы светом истины, то есть непотаенности и несокрытости чистого бытия.

Литература

1. Неретина, С., Огурцов, А. Время культуры / С. Неретина, А. Огурцов. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2000.
2. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993.
3. Херрманн, Ф.-В. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Ф.-В. Херрманн. – Мн. : Пропилеи, 2000.
4. Молчанов, В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В. И. Молчанов. – М. : Высш. шк., 1988.

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАТУРФИЛОСОФИИ

В. Н. Безменов

Томский государственный педагогический университет

Становление механистической картины мира справедливо связывают с именем Галилео Галилея, который установил законы движения свободно падающих тел и сформулировал механический принцип относительности. Но главная заслуга Галилея в том, что он впервые применил для исследования природы экспериментальный метод вместе с измерениями исследуемых величин и математической обработкой результатов измерений. Если эксперименты спорадически ставились и раньше, то математический их анализ впервые систематически стал применять именно он. Подход Галилея к изучению природы принципиально отличался от ранее существовавшего натурфилософского способа, при котором для объяснения явлений природы придумывались априорные, не связанные с опытом и наблюдениями, чисто умозрительные схемы.

Натурфилософия, что следует из ее названия, представляет собой попытку использовать общие философские принципы для объяснения природы. Такие попытки предпринимались еще с античной эпохи, когда недостаток конкретных данных философы стремились компенсировать общими философскими рассуждениями. Иногда при этом высказывались гениальные догадки, которые на многие столетия опережали результаты конкретных исследований. Достаточно напомнить хотя бы об атомистической гипотезе строения вещества, которая была выдвинута древнегреческим философом Левкиппом (V до н.э.) и более детально обоснована его учеником Демокритом (ок. 460 до н.э. – год смерти не изв.), а также об идее эволюции, высказанной Эмпедоклом (ок. 490 – ок. 430 до н.э.) и его последователями. Однако после того, как постепенно возникали и отделялись от нерасчлененного философского знания конкретные науки, натурфилософские объяснения стали тормозом для развития науки.

В этом можно убедиться, сравнив взгляды на движение Аристотеля и Галилея. Исходя из априорной натурфилософской идеи, Аристотель считал «совершенным» движение по кругу, а Галилей, опираясь на наблюдения и эксперимент, ввел понятие инерциального движения. По его мнению, тело, не подверженное воздействию каких-либо внешних сил, будет двигаться не по кругу, а равномерно по прямой траектории или оставаться в покое. Такое представление, конечно, – абстракция и идеализация, поскольку в действительности нельзя наблюдать такую ситуацию, чтобы на тело не действовали какие-либо силы. Однако эта абстракция является плодотворной, ибо она мысленно продолжает тот эксперимент, который приближенно можно осуществить в действительности, когда, изолируясь от действия це-

лого ряда внешних сил, можно установить, что тело будет продолжать свое движение по мере уменьшения воздействия на него посторонних сил.

Переход к экспериментальному изучению природы и математическая обработка результатов экспериментов позволили Галилею открыть законы движения свободно падающих тел. Принципиальное отличие нового метода исследования природы от натурфилософского состояло, следовательно, в том, что в нем гипотезы систематически проверялись опытом. Эксперимент можно рассматривать как вопрос, обращенный к природе. Чтобы получить на него определенный ответ, необходимо так сформулировать вопрос, чтобы ответ на него был однозначным. Для этого следует так построить эксперимент, чтобы по возможности максимально изолироваться от воздействия посторонних факторов, которые мешают наблюдению изучаемого явления в «чистом виде». В свою очередь, гипотеза, представляющая собой вопрос к природе, должна допускать эмпирическую проверку выводимых из нее некоторых следствий. В этих целях, начиная с Галилея, стали широко использовать математику для количественной оценки результатов экспериментов.

Таким образом, новое экспериментальное естествознание в отличие от натурфилософских догадок и умозрений прошлого стало развиваться в тесном взаимодействии теории и опыта, когда каждая гипотеза или теоретическое предположение систематически проверяются опытом и измерениями. Именно благодаря этому Галилею удалось опровергнуть прежнее предположение, высказанное еще Аристотелем, что путь падающего тела пропорционален его скорости. Предприняв эксперименты с падением тяжелых тел (пушечных ядер), Галилей убедился, что этот путь пропорционален их ускорению, равному $9,81 \text{ м/с}^2$. Из астрономических достижений Галилея следует отметить открытие спутников Юпитера, а также обнаружение пятен на Солнце и гор на Луне, что подрывало прежнюю веру в совершенство небесного космоса.

Новый крупный шаг в развитии естествознания ознаменовался открытием законов движения планет. Если Галилей имел дело с изучением движения земных тел, то немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571–1630) осмелился исследовать движения небесных тел, вторгся в область, которая раньше считалась запретной для науки. Кроме того, для своего исследования он не мог обратиться к эксперименту и поэтому вынужден был воспользоваться многолетними систематическими наблюдениями за движениями планеты Марс, проведенными датским астрономом Тихо Браге (1546–1601). Перепробовав множество вариантов, Кеплер остановился на гипотезе, что траекторией Марса, как и других планет, является не окружность, а эллипс. Результаты наблюдений Тихо Браге соответствовали этой гипотезе и тем самым подтверждали ее.

Открытие законов движения планет Кеплером имело неоценимое значение для развития естествознания. Оно свидетельствовало, во-первых, о том, что между движениями земных и небесных тел не существует непреодолимой пропасти, поскольку все они подчиняются определенным естест-

венным законам; во-вторых, сам путь открытия законов движения небесных тел в принципе не отличается от открытия законов земных тел. Правда, из-за невозможности осуществления экспериментов с небесными телами для исследования законов их движения пришлось обратиться к наблюдениям. Тем не менее, и здесь исследование осуществлялось в тесном взаимодействии теории и наблюдения, при тщательной проверке выдвигаемых гипотез измерениями движений небесных тел.

Формирование классической механики и основанной на ней механической картины мира происходило по двум направлениям:

1) обобщение полученных ранее результатов и, прежде всего, законов движения свободно падающих тел, открытых Галилеем, а также законов движения планет, сформулированных Кеплером;

2) создание методов количественного анализа механического движения в целом.

Известно, что Ньютон создал свой вариант дифференциального и интегрального исчисления непосредственно для решения основных проблем механики: определения мгновенной скорости как производной от пути по времени движения и ускорения как производной от скорости по времени или второй производной от пути по времени. Благодаря этому, ему удалось точно сформулировать основные законы динамики и закон всемирного тяготения. В наши дни количественный подход к описанию движения кажется чем-то само собой разумеющимся, но в XVIII в. это было крупнейшим завоеванием научной мысли. Решающую же роль в становлении механики сыграл, как уже отмечалось, экспериментальный метод, который обеспечил возможность проверять все догадки, предположения и гипотезы с помощью тщательно продуманных опытов.

Ньютон, как и его предшественники, придавал большое значение наблюдениям и эксперименту, видя в них важнейший критерий для отделения ложных гипотез от истинных. Поэтому он резко выступал против допущения так называемых скрытых качеств, с помощью которых последователи Аристотеля пытались объяснить многие явления и процессы природы. Сказать, что каждый род вещей наделен особым скрытым качеством, при помощи которого он действует и производит эффект, – указывал Ньютон, значит, ничего не сказать. В связи с этим он выдвигает совершенно новый принцип исследования природы, согласно которому вывести два или три общих начала движения из явлений и после этого изложить, каким образом свойства и действия всех телесных вещей вытекают из этих явных начал, – было бы очень важным шагом в философии, хотя причины этих начал и не были еще открыты.

Эти начала движения и представляют собой основные законы механики, которые Ньютон точно формулирует в своем главном труде «Математические начала натуральной философии», опубликованном в 1687 г. Чтобы ясно оценить революционный переворот, осуществленный Ньютоном в механике и точном естествознании в целом, необходимо, прежде всего,

противопоставить его метод принципам чисто умозрительных построений прежней натурфилософии и широко распространенным в его время гипотезам о «скрытых» качествах. О натурфилософском подходе к изучению природы мы уже говорили, отметив, что в подавляющем большинстве такие взгляды были ничем не подкрепленными умозрениями и спекуляциями. И хотя в заголовке книги Ньютона тоже встречается термин «натуральная философия», в XVII и XVIII вв. он обозначал изучение природы, т. е. естествознание. Утверждение Ньютона, что гипотезы не должны рассматриваться в экспериментальной философии, было направлено против гипотез о «скрытых» качествах, подлинные же гипотезы, допускающие экспериментальную проверку, составляют основу и исходный пункт всех исследований в естествознании. Как нетрудно догадаться, сами принципы тоже являются гипотезами глубокого и весьма общего характера.

При разработке своего метода Ньютон ориентировался на аксиоматический метод, блестяще примененный Евклидом при построении элементарной геометрии. Однако вместо аксиом он опирался на принципы, а математические доказательства отличал от экспериментальных, поскольку последние имеют не строго достоверный, а лишь вероятностный характер. Важно также обратить внимание на то, что знание принципов или законов, управляющих явлениями, не предполагает раскрытия их причин. В этом можно убедиться из оценки Ньютоном закона всемирного тяготения. Он всегда подчеркивал, что этот закон устанавливает лишь количественную зависимость силы тяготения от тяготеющих масс и квадрата расстояния между ними. Что же касается причины тяготения, то он считал ее раскрытие делом дальнейших исследований. Довольно того, что тяготение на самом деле существует и действует согласно изложенным нами законам и вполне достаточно для объяснения всех движений небесных тел и моря, — писал Ньютон.

Открытие принципов механики действительно означает подлинно революционный переворот, который связан с переходом от натурфилософских догадок и гипотез о «скрытых» качествах и т. п. спекулятивных измышлений к точному экспериментальному естествознанию, в котором все предположения, гипотезы и теоретические построения проверялись наблюдениями и опытом. Поскольку в механике отвлекаются от качественных изменений тел, постольку для ее анализа можно было широко пользоваться математическими абстракциями и созданным самим Ньютоном и одновременно Лейбницем (1646–1716) анализом бесконечно малых. Благодаря этому изучение механических процессов было сведено к точному математическому их описанию.

Для такого описания необходимо и достаточно было задать координаты тела и его скорость (или импульс mv), а также вывести уравнение его движения. Все последующие состояния движущегося тела точно и однозначно определялись его первоначальным состоянием. Таким образом, задав это состояние телу, можно было определить любое другое его состояние как в

будущем, так и в прошлом. Выходит, что время не оказывает никакого влияния на изменение движущихся тел, так что в уравнениях движения знак времени можно было менять на обратный. Очевидно, что подобное представление было идеализацией реальных процессов, поскольку оно абстрагируется от фактических изменений, происходящих с течением времени. «Оглядываясь на прошлое, мы ясно видим, что понятие закона, доставшееся нам в наследство от науки XVII в., формировалось в результате изучения простых систем, точнее, систем с периодическим поведением, таким, как движение маятника или планет. «Необычайные успехи динамики связаны со все более изящной и абстрактной формулировкой инструментов описания, в центре которого находятся такие системы. Именно простые системы являются тем частным случаем, в котором становится достижимым идеал исчерпывающего описания. Знание закона эволюции простых систем позволяет располагать всей полнотой информации о них, т. е. по любому мгновенному состоянию системы однозначно предсказывать ее будущее и восстанавливать прошлое» [1, с. 7].

Следовательно, для классической механики и механистической картины мира в целом характерна симметрия процессов во времени, которая выражается в обратимости времени. Отсюда легко возникает впечатление, что никаких реальных изменений при механическом перемещении тел не происходит. «Идеалом классической науки была «прозрачная» картина физической Вселенной. В каждом случае предполагалась возможность указать причину и ее следствие. Но когда возникает необходимость в стохастическом описании, причинно-следственная часть усложняется. Мы не можем говорить более о причинности в каждом отдельном эксперименте. Имеет смысл говорить лишь о статистической причинности. С такой ситуацией мы столкнулись довольно давно – с возникновением квантовой механики, но с особой остротой она дала о себе знать в последнее время, когда случайность и вероятность стали играть существенную роль даже в классической динамике и химии. С этим и связано основное отличие современной тенденции по сравнению с классической: в противоположность «прозрачности» классического мышления она ведет к «смутной» картине мира» [1, с. 384].

Литература

1. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

В. Н. Безменов, Ю. В. Дроняева

Томский государственный педагогический университет

Научно-философская картина мира – особая форма теоретического знания, имеющая исторический характер. Посредством нее интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска, создается представление об онтологии мира. Термин «картина мира» используется в различных смыслах. В мировоззренческом смысле – это образ мира, модель мира, видение мира.

Первый этап становления и функционирования научно-философской картины мира связан со становлением в культуре Нового времени механистической картины мира как единой, т.е. общенаучной, естественнонаучной и общеобъяснительной. Она получила название классической механистической картины мира. Для утверждения механистической картины мира потребовалось примерно два столетия. За этот период произошли грандиозные изменения в культуре, в ходе чего практически полностью изменились представления о природе... Природа стала представлять собой механизм. В отличие от Аристотелевой физики, Галилей учит, что природу нельзя «преодолеть», она ничего не делает «даром», её невозможно обмануть, но её можно измерить, «книга природы написана языком математики». Основоположителем экспериментально-математического метода исследования природы был великий итальянский ученый Галилео Галилей (1564–1642). Леонардо да Винчи дал лишь наброски такого метода изучения природы, Галилей же оставил развернутое изложение этого метода и сформулировал важнейшие принципы механического мира.

Став профессором математики Падуанского университета, ученый развернул активную научно-исследовательскую деятельность, особенно в области механики и астрономии. Для торжества теории Коперника и идей, высказанных Джордано Бруно, а, следовательно, и для прогресса материалистического мировоззрения вообще огромное значение имели астрономические открытия, сделанные Галилеем с помощью сконструированного им телескопа. Он обнаружил кратеры и хребты на Луне (в его представлении – «горы» и «моря»), разглядел бесчисленные скопления звезд, образующих Млечный Путь, увидел спутники Юпитера, разглядел пятна на Солнце и т.д. Благодаря этим открытиям Галилей стяжал всеевропейскую славу «Колумба неба». Астрономические открытия Галилея, в первую очередь, спутников Юпитера, стали наглядным доказательством истинности гелиоцентрической теории Коперника, а явления, наблюдаемые на Луне, представлявшейся планетой, вполне аналогичной Земле, и пятна на Солнце подтверждали идею Бруно о физической однородности Земли и неба. Откры-

тие же звездного состава Млечного Пути явилось косвенным доказательством бесчисленности миров во Вселенной.

Открытия Галилея положили начало ожесточенной полемики со схоластами, отстаивавшими аристотелевско-птолемеевскую картину мира. Ранее теорию Коперника видели в качестве одной из гипотез, причем ее идеологи считали, что доказать гипотезу невозможно. В момент появления доказательств Римская церковь принимает решение запретить пропаганду взглядов Коперника, а его книга вносится в «Список запрещенных книг» (1616 г.). Все это поставило деятельность Галилея под удар, но он продолжал работать над совершенствованием аргументации теории Коперника. Путем целого ряда блестящих экспериментов Галилей создал новую отрасль механики – динамику или учение о движении тел.

Занимаясь вопросами механики, Галилей открыл ряд ее фундаментальных законов: пропорциональность пути, проходимого падающими телами, квадратам времени их падения; равенство скоростей падения тел различного веса в безвоздушной среде (вопреки мнению Аристотеля и схоластиков о пропорциональности скорости падения тел их весу); сохранение прямолинейного равномерного движения, сообщенного какому-либо телу до тех пор, пока какое-либо внешнее воздействие не прекратит его (что впоследствии получило название закона инерции), и др.

Философское значение законов механики, открытых Галилеем, и законов движения планет вокруг Солнца, открытых Иоганном Кеплером (1571–1630), было громадным. Понятие закономерности, естественной необходимости родилось, можно сказать, вместе с возникновением философии. Но эти первоначальные понятия были не свободны от значительных элементов антропоморфизма и мифологии, что послужило одним из гносеологических оснований их дальнейшего толкования в идеалистическом духе. Открытие же законов механики Галилеем и законов движения планет Кеплером, давшими строго математическую трактовку понятия этих законов и освободившими понимание их от элементов антропоморфизма, ставило это понимание на физическую почву. Тем самым впервые в истории развития человеческого познания понятие закона природы приобретало строго научное содержание.

На основе законов механики Галилей доказывает теорию Коперника, которая была непонятна большинству людей, не знавших этих законов. Например, с точки зрения «здорового рассудка» кажется совершенно естественным, что при движении Земли в мировом пространстве должен возникнуть сильнейший вихрь, сметающий все с ее поверхности. В этом и состоял один из самых распространенных аргументов против теории Коперника. Галилей установил, что равномерное движение тела несколько не отражается на процессах, совершающихся на его поверхности. Например, на движущемся корабле падение тел происходит так же, как и на неподвижном. Поэтому легко обнаружить равномерное и прямолинейное движение Земли на самой Земле.

Все эти идеи Галилей сформулировал в «Диалоге о двух главнейших системах мира – Птолемеевой и Коперниковой» (1632). Данная книга послужила поводом для обвинений со стороны католической церкви. Ученый был привлечен к суду римской инквизицией, и в 1633 г. состоялся знаменитый процесс, на котором Галилей был вынужден отречься от своих воззрений.

В то же время Галилей не перестал утверждать, что природа должна изучаться с помощью математики и опыта, а не только на основе Библии. В познании природы человеку следует руководствоваться так же и собственным разумом. Предмет науки – природа и человек. Предмет религии – «благочестие и послушание», сфера моральных поступков.

Исходя из идеи о бесконечности Вселенной, Галилей выдвинул идею, согласно которой познание истины – это бесконечный процесс. Данная установка Галилея противоречила схоластической мысли и привела его к необходимости разработать новый метод познания. Галилей отрицательно относился к силлогистической логике, которая, по его словам, пригодна для исправления логически несовершенных мыслей, незаменима при передаче другим уже открытых истин, но не способна приводить к открытию новых знаний. Однако именно это должно вытекать из применения научного метода.

При разработке научного метода Галилей выступил сторонником опыта как пути, который может привести к истине. Заслуга Галилея состоит в том, что он разработал принципы научного исследования природы, о которых мечтал Л. да Винчи. В отличие от других мыслителей Возрождения, Галилей видел в опыте не простое наблюдение природных явлений, но возможность открыть фундаментальные законы, опираясь на решающую роль эксперимента. Под этим подразумевалась планомерная постановка опытов, посредством которых исследователь как бы задает природе интересующие его вопросы и получает на них ответы.

Исследуя природу, ученый должен пользоваться двойным методом: резолутивным (аналитическим) и композитивным (синтетическим). Под композитивным методом Галилей подразумевает дедукцию, понимая ее не как простую силлогистику, вполне приемлемую и для схоластики, а как путь математического исчисления фактов. Многие мыслители этой эпохи мечтали о таком исчислении, а Галилей одним из первых обнаружил под ним реальные основания. Ученый показал значимость количественного анализа, точного определения количественных отношений при изучении явлений природы. Тем самым обнаружилась точка соприкосновения опытно-индуктивного и абстрактно-дедуктивного способов исследования природы. Книгу природы, говорил Галилей, невозможно понять, если не овладеть ее математическим языком, знаки которого суть треугольники, круги и другие математические фигуры.

В то же время механистическое понимание природы не может объяснить ее бесконечное качественное многообразие. Галилей в работе «Пробирщик» (1623) указывает, что частицам материи присущи определенная форма, величина, они занимают определенное место в пространстве, дви-

жуются или покоятся, но не обладают ни цветом, ни вкусом, ни запахом, которые, таким образом, не существенны для материи. Все чувственные качества возникают лишь в воспринимающем субъекте.

Не менее строго эта ограниченность проявляется в понимании происхождения Солнечной системы. Стремясь объяснить устройство Вселенной, Галилей утверждал, что бог, создавший мир, поместил Солнце в центр мира, а планетам сообщил движение по направлению к Солнцу, изменив в определенной точке их прямой путь на круговой. На этом деятельность бога заканчивается. С тех пор природа обладает своими собственными объективными закономерностями, изучение которых – дело только науки.

В 1686 году Ньютон опубликовал «Математические начала натуральной философии». В этой работе были разработаны основные понятия, необходимые для создания картины мира, получившей название механистической: «масса», «ускорение», «инерция». В третьей книге «Начал» представлен закон всемирного тяготения. Основное содержание этого закона – явление гравитации, лежащей в основе механизма действия всемирного тяготения.

И.Р. Пригожин полагает, что в эту эпоху мир классической физики начал раскрываться в качестве мира, лишённого времени. Механическая природа, сотворенная и управляемая по единому плану, прославляет своего создателя и тем самым великолепно удовлетворяет запросы как теологов, так и физиков. Она не противоречит религиозной картине мира, которая вписывается в культуру и порождена культурой этого времени. Пригожин замечает: «Таким образом, основной миф, на котором строилась механистическая картина, можно рассматривать как результат сложившегося в конце средних веков особого комплекса условий резонанса и взаимного усиления экономических, политических, социальных, религиозных, философских и технических факторов» Классическая наука была порождена культурой, пронизанной идеей союза между человеком, находящимся на полпути между божественным и естественным порядком, и богом, рациональным и понятным законодателем, суверенным архитектором, которого мы постигаем в нашем собственном образе» [1, с. 97].

Из этого ясно, что классическая наука претендует на открытие единственной истины о мире. Такую истину может выразить некоторый единый язык, который и дает ключ к пониманию всей природы. Например, полагали, что закон всемирного тяготения одинаково применим и к движению атомов, и к перемещению планет и звезд галактики. В мире классической динамики все события обратимы и считаются столь же вероятными (можно использовать аналогию с событиями в киноплёнке, прокрученной с конца на начало). Признание законов Ньютона делает природу «законопослушной», «покорной», предсказуемой.

В то же время с современной точки зрения природа во многом хаотична, нерегулируема и непредсказуема. Из этого еще не следует, что классическая картина не состоятельна. В качестве описания обратимых, статичных траекторий движения одиночных тел классическая динамика и в со-

временных условиях образует центральное ядро физики. Язык классической динамики позволяет выразить статический характер, придаваемый описываемым ею системам.

В таком контексте становится ясным, что ньютоновский синтез не мог быть полным, ибо описываемые динамикой силы взаимодействия не объясняют сложное и необратимое поведение материи. Первые объекты, выделенные классической механикой, действительно были просты: свободно падающие тела, маятники, движения планет. Согласно высказыванию И. В. Черниковой, укрепившееся в менталитете убеждение о том, что природа проста и ничего не делает понапрасну, легло в основу научной картины мира, основные положения которой таковы: природой управляют неизменные от сотворения мира законы, физические тела не могут мыслить. Образ природы-механизма транслировался в культуре нового времени на модели социальных миров. И.В. Черникова замечает: «Механистические модели мира довольно разнообразны. Образ природы как часового механизма сменил образ паровой машины, затем позднее -кибернетической, но всё равно машины. Модель механизма – это наиболее традиционное виденье природы с XVII века по XX» [2, с. 63].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что «простота машины», к которой стремились представители классической науки, отнюдь не является отличительной чертой фундаментальных оснований мира. В объеме мировых процессов простота – это довольно уникальное явление, которое не может быть отождествлено со всем миром. С такой точки зрения природа вовсе не «комфортабельна» и не «согласована», как полагали в классическую эпоху.

Литература

1. Пригожин, И. Р., Стенгерс, И. Порядок из хаоса / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
2. Черникова, И. В. Механизм – образ природы Нового времени / И.В. Черникова // Философия и история науки. – Томск : Изд-во НТЛ, 2001. – С. 50–77.

КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ-ЗНАНИЯ М. ФУКО И ЕЕ ВКЛАД В ДИСКУССИЮ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

А. В. Волков

Петрозаводский государственный университет

Общеизвестно, что философия и методология науки является на сегодняшний день признанной и престижной областью философских исследований, за которой стоит достаточно большая традиция. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что мыслители, внесшие наиболее заметный вклад в эту сферу исследований, имели по большей частью физическое

образование, а зачастую сами были крупными физиками и поэтому современная философия науки фактически является философией физики.

Что же касается философской рефлексии над методологическими основаниями гуманитарного знания, то она более молода и не имеет за собой такой сложившейся традиции, как философия и методология физико-математического знания. Данное обстоятельство указывает на настоятельную необходимость специального рассмотрения философии социогуманитарных наук. Один из тех, кто внес особый вклад в эту область исследований, был французский философ и культуролог Мишель Фуко.

С самого начала своей научной деятельности М. Фуко волновал вопрос о том, как возможны науки о человеке и почему они возникли в том виде, как они существуют сейчас? При этом, отвечая на эти вопросы Фуко, обращается к явлению, которое на первый взгляд кажется лишь внешним образом связанным со знанием. Этим явлением выступает власть.

Привычка подсказывает мыслить власть и знание как явления, которые связаны друг с другом лишь игрой интересов и идеологий. Стереотипом, программирующим восприятие отношений между знанием и властью, оказывается представление о том, как власть подчиняет себе знание и заставляет служить своим интересам или же, как она отпечатывается на нем и налагает на него идеологические ограничения. Между тем, с точки зрения Фуко отношения между властью и знанием куда более тонкие и интимные. По мысли Фуко, знание, включая те способы, с помощью которых оно формируется, уже само по себе (т.е. еще до его политического использования) есть форма власти. И, наоборот, власть с самого начала есть знание. Таким образом, в реальности существует только единое нераздельное целое – «власть-знание».

Задаваясь вопросом о происхождении наук о человеке, Фуко стремится сформулировать такую концепцию власти, при которой сама власть со свойственными ей отношениями господства и подчинения послужила бы матрицей для возникновения научного знания о человеке.

Свою концепцию «власти-знания» как некую гипотезу о происхождении западного человека и научного знания о нем, Фуко излагает в начале 70-х годов в работах «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975), «История сексуальности» (1976). Однако следы этой гипотезы можно обнаружить и в более ранних работах и в частности в работе «История безумия в классическую эпоху» (1961).

Если быть кратким, то сутью этой работы является попытка Фуко ответить на вопрос о том, из каких оснований вырастает психиатрическая лечебница и сама психиатрия как наука о душевных болезнях. Фуко обращает внимание на то, что долгое время в западноевропейском обществе сумасшедшие содержались вместе с преступниками, нищими, бродягами, просто больными людьми в так называемых «исправительных домах», задачей которых было искоренить нищету, праздность как источники социальных беспорядков. В этих исправительных домах к сумасшедшим применялись

такие же полицейские меры, как и к преступникам – решетки на окнах, темницы, кандалы и т.д. И только в самом конце 18, начале 19 века преступники, сумасшедшие, больные оказались разделены и появляются собственно психиатрические больницы. Первоначально эти больницы называли «приютами», «убежищами» и их возникновение было связано с именами Пинеля во Франции и Тьюка в Англии.

Момент, который представляется очень важным для Фуко во всей этой истории, связанной с реформой лечебных заведений следующий. Традиционно создание психиатрических больниц рассматривается как некое «освобождение» психических больных и отмена практики физического принуждения (цепей, решеток и т.д.). Между тем, Фуко стремится существенно скорректировать данное мнение. Он утверждает, что в действительности на смену одному типу принуждения пришел другой. Психиатрическая больница и сама психиатрия как знание о человеке возникает не в результате упразднения отношений господства и подчинения, а вследствие установления их новой модификации, в результате появления новой формы власти.

Внимание Фуко привлекает тот факт, что в первых психиатрических больницах вместо цепей и засовов используются религия (прежде всего ее моральное содержание) и труд. И это, считает Фуко, весьма примечательно. Дело в том, что лечебница, устроенная на принципах религиозной общины и труда требовала от душевнобольного постоянной борьбы с самим собой, ставила его перед необходимостью постоянно соизмерять и сравнивать свои мысли, желания с правилами труда и религии. Уже это говорит о том, что принуждение не исчезло, но скорее «сменило прописку». Если раньше оно было извне в виде решеток, цепей, то теперь оно переместилось во внутрь, в сознание больного. Душевнобольного теперь заставляют чувствовать себя ответственным за соблюдение правил и норм и виноватым, в случае их нарушения.

С точки зрения Фуко эта трансформация власти, в ходе которой внешнее насилие было интериоризировано, сменилось требованием самоконтроля, имело существенное значение для появления нового знания о человеке. В самом деле, замена власти решеток на власть норм потребовала практики надзора за отклонениями от установленного порядка и эта же практика надзора позволяла собирать информацию о поведении душевнобольного, т.е. способствовала становлению такой науки как психиатрия.

В целом, как уже говорилось, работа «История безумия в классическую эпоху» была лишь первым шагом на пути формирования некоего продуктивного понимания власти, при котором сама власть становится источником научных знаний о человеке. Свое продолжение это продуктивное понимание власти получает в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975).

Исходным понятием этой работы является понятие дисциплинарной власти. Под дисциплиной Фуко понимает методы, позволяющие осуществлять мелочный, детальный контроль за человеком, обеспечивающие посто-

янное подчинение его сил, ставящие его в отношение «послушание – полезность». Разумеется, дисциплины были известны человеку с незапамятных времен. Они в той или иной форме существовали, видимо, всегда. В Древнем Риме, например, была развита военная дисциплина, послужившая образцом для Европы эпохи Возрождения. В средневековые развитые формы дисциплинарных процедур существовали в монастырях. Однако, начиная с эпохи Нового времени (17–18 вв.), дисциплинарные процедуры становятся всеобщими и господствующими. Они распространяются не только в армии и монастырях, но и в больницах, школах, на заводах. Это связано с распространением эпидемий и борьбой против них, со становлением всеобщего обучения и массовой школы, с переходом от мануфактуры к машинному производству и т.д.

Наиболее распространенными механизмами дисциплинарной власти становятся распределение индивидов, их действий в пространстве и времени. Что касается пространства, то здесь начинает господствовать принцип: каждому индивиду – свое место, каждому месту – свой индивид. В качестве примера Фуко приводит госпиталь, когда больным запретили свободное перемещение, они должны были оставаться в палатах, к каждой койке привязывали табличку с фамилией больного, больной заносился в реестр, с которым врач сверялся во время обхода. Примером на эту же тему может служить организация школьного класса. Главной ее формой в 18 веке становится «встраивание в ряд». Ж.Б. де Ла Салль – один из реформаторов той эпохи мечтал, что у каждого ученика будет свое место, которое нельзя ни покинуть, ни поменять, разве что по распоряжению или с согласия школьного инспектора. Наконец, аналогичные процессы происходят на заводах, возникающих в конце 18 века. Корпуса заводских предприятий строятся так, чтобы не допускать ни малейшего смещения рабочих во время труда.

Дисциплинарная власть контролирует не только пространственное размещение индивидов, но и их время. В подтверждение тому Фуко приводит целый ряд примеров. Скажем, школьное расписание начала 19 века, в котором по минутам расписаны: вхождение учителя в класс, звонок, вхождение детей, молитва, усаживание за парты и т.д. «8.45: появление наставника, 8.52: наставник приглашает детей, 8.56: приход детей и молитва, 9.00: дети рассаживаются по скамьям, 9.04: первый диктант и т.д.». То же самое детальное дробление времени происходит и на заводе. В регламентах фабрик конца 18 – начала 19 века часто имеют место записи вроде следующих: «если рабочие придут более чем через четверть часа после звона колокола»; «если рабочего отвлекают во время работы и он теряет больше пяти минут»; «тот, кого нет на работе в положенный час» и т.д.

В целом, предпринятый Фуко анализ таких социальных институтов как завод, армия, школа, больница показывает, что в 17–18 вв. в Европе действительно складывается совершенно особый тип власти, называемый дисциплинарным. При этом появление этого нового феномена – дисциплинарной власти, общества ставит один резонный вопрос. А именно: каковы послед-

ствия появления феномена дисциплинарной власти для истории науки и научного познания?

В ответе на этот вопрос собственно и проявляется особенность философского взгляда Фуко на науку и в частности социогуманитарную. С точки зрения Фуко именно дисциплинарная власть и послужила основой для генезиса наук о человеке. Фуко вводит в этой связи даже специальный термин «власть-знание», подчеркивая тем самым, что власть не только «подавляет», «цензурирует», «исключает», но и производит и в данном случае – производит знание о человеке.

Каким же образом науки о человеке стали эффектом власти? Что означает этот единый комплекс «власть-знание»? Фуко поясняет свою мысль следующим образом.

Дисциплинарная власть, локализуемая в школе, больнице, на заводе, в тюрьме вменяет человеку в обязанность – под страхом наказания того или иного рода – соблюдать требующуюся данными учреждениями дисциплину и как следствие этого изобретает особую технику контроля за людьми, наполняющими дисциплинарные пространства. Эту технику контроля Фуко называет надзором. Основными инструментами надзора за человеком в дисциплинарных пространствах являются всевозможные практики осмотра – в больнице это медицинский обход, в школе – экзамен, в армии – военный парад.

В отношении экзамена Фуко замечает, что если раньше, т.е. в средневековые практиковался лишь один экзамен, знаменовавший конец обучения, то, начиная с 17–18 в.в., экзамен становится постоянным фактором на протяжении всего процесса обучения. Например, в парижской Высшей Инженерно-дорожной школе было 16 экзаменов в год: 3 – по математике, 3 – по архитектуре, 3 – по черчению, 2 – по письму, 1 – по обтесыванию камней, 1 – по стилю, 1 – по съемке местности, 1 – по пользованию уровнем и 1 – по замеру пропорций. Экзамен служил инструментом подхлестывания и контроля за всем процессом приобретения знаний. Он поощрял приобретение нужных знаний, препятствовал накоплению ненужных, осуществлял ранжировку учащихся по уровню и т.д. Здесь-то Фуко и обращает внимание на роль экзамена как техники надзора для становления наук о человеке: непрерывная экзаменация, предполагающая сравнение всех и вся позволила объективировать ученика и тем самым дала начало такой науке о человеке как педагогика.

Сходная ситуация имела место с медицинским осмотром. В 17 веке врач просто добавлял свой осмотр ко многим другим формам контроля – религиозной, административной и т.д. Он практически не участвовал в повседневном управлении больницей, а сама больница была едва ли не богдельней. Однако постепенно осмотр становится более регулярным, более продолжительным. Правила 18 века устанавливают расписание обходов и их продолжительность (минимум два часа), предписывают сменную работу врачей, которая обеспечивала бы проведение обходов ежедневно, даже в Пасхальное воскресенье. Наконец, в 1771 г. учреждается должность дежур-

ного врача, в чьи обязанности входит оказание помощи не только днем, но и ночью, в промежутках между обходами приходящего врача. В итоге, сложившаяся ситуация породила соответствующее следствие: каждодневный осмотр в больнице способствовал объективации больного и тому, что больница становится генератором такой науки о человеке как медицина.

Наконец, в военном деле, осмотр – это парад, смотр, показательные учения. Первый грандиозный военный парад в истории Западной Европы был устроен 15 марта 1666 г. Людовиком XIV. В нем участвовали 18 тысяч человек. Фуко обращает внимание, на то, что смотр или парад, являющийся методом контроля больших групп людей, так же послужил основой для возникновения тактики – столь важной в военном деле науке о пространственном упорядочении людей, нашедшей применение в эпоху наполеоновских войн.

Далее, к сказанному необходимо добавить еще один момент. Важным инструментом надзора в дисциплинарных пространствах становятся методы записи, письменной документации. Запись и документация ведется в армии, где требуется, например, разыскивать дезертиров, избегать повторного рекрутирования одних и тех же людей, устанавливать точный баланс без вести пропавших и убитых; в больнице, где требуется устанавливать личность больных, изгонять симулянтов, проследить эволюцию болезней, фиксировать начало эпидемий; в учебных заведениях, где определяют знания каждого ученика, его уровень и способности, применение, какое он может получить по окончании учебы и т.д.

Примечательно, во всех этих случаях то, что методы письменной регистрации и документирования оказываются не только средствами управления людьми, их поведением, телами, но и средствами их познания. Благодаря аппарату записи происходит нечто совершенно беспрецедентное в истории науки. Впервые со времен Аристотеля в поле научного познания попадает человек как индивид.

В самом деле, составление всевозможных досье, анкет, анамнезов, архивов осуществляется не для того, чтобы свести фигурирующего в них человека к его «видовым чертам», а для того чтобы утвердить его в его индивидуальных чертах, в его конкретной эволюции, в его собственных способностях. Методы записи как техники надзора за человеком дают начало специальным наукам, которые Фуко называет «клиническими». Это и клиническая медицина, и статистика, и социология и т.д. Все они основываются на введении именно индивидуального в сферу знания и именно через формализм записи и документалистику письменной регистрации.

Уже говорилось, что «концепция «власти-знания» постоянно развивалась Фуко, получая все большую детализацию. В работах по истории сексуальности Фуко наряду с феноменом дисциплинарной власти выделяет еще два – феномен «власти-признания» и т.н. «био-власти». И тот и другой так же, по мнению Фуко, сыграли решающую роль в развитии и становлении

наук о человеке и в частности тех, что имеют приставку «психо»: психология, психиатрия, психоанализ.

Власть-признание берет начало от установленной еще в средневековые христианской церковью практики контроля над человеком через обращенное к нему требование исповедоваться в своих мыслях, желаниях, переживаниях. Примечательно при этом то, что особое значение христианская церковь придает исповеди, касающейся проявлений плоти, короче, всему тому, что связано с сексом. По началу от исповедывающегося требовался педантичный обзор полового акта в самом его отправлении, в частности – признание о взаимном расположении партнеров, принятых позах, жестах, прикосновениях, точном моменте наслаждения. Начиная с Реформации и Контрреформации, речь шла уже не о том, чтобы рассказывать что и как было сделано, а о том, чтобы восстановить мысли, образы, сопровождающие половой акт.

Впоследствии, уже в 18 веке контроль за сексуальной жизнью человека постепенно освобождается от религиозной оболочки и перемещается в сферу государства – семьи, школы, правосудия, медицины и т.д. Дело в том, что, начиная с 18 века, идет стремительное развитие капитализма, производительности труда, ресурсов, что в свою очередь требует приумножения жизненных сил, способностей, регулирование популяции соответственно экономическим процессам. Так вот, как следствие этого секс становится предметом контроля, ибо именно с ним связаны биологические процессы: размножения, рождения, смерти и т.д. Оформляется новый вид власти – власть над живым или био-власть, контролирующая процент рождаемости, возраст вступления в брак, законные и незаконные рождения, преждевременность и частоту половых актов, последствия безбрачия, применения противозачаточных средств и т.д.

Своего рода привилегированными объектами контроля со стороны био-власти оказывается сексуальность детей и женщин, ибо с детьми связывается будущее всего рода в целом, а женщина несет ответственность за здоровье своих детей, прочность института семьи. Выразительным примером продуманного контроля и воспитания в области секса стали образовательные колледжи 18 века. Пространство классов, форма столов, устройство дворов для отдыха, планировка спален – все это, говорит Фуко, было продумано так, чтобы обеспечивать надзор за учениками и их сексуальностью. Например, в одном из уставов коллежа говорилось, что воспитатели должны ложиться спать не ранее, чем они удостоверяться, что каждый ученик находится в своей постели. Кровати должны быть отгорожены друг от друга перегородками высотой в два метра. Спальни должны быть освещены в течение ночи.

Всем ходом своей мысли Фуко и здесь ведет к тому, что становление системы власти-признания и био-власти имело существенные последствия для наук о человеке. Во-первых, исповедь как средство контроля за человеческими помыслами вела к объективации внутреннего мира человека, того,

что называется самосознанием и как следствие этого давала начало такой науке как психология. А во-вторых, поскольку привилегированной материей исповеди был секс, то исповедь-признание, а в последствии и био-власть вели к объективации человеческой сексуальности и как следствие этого инициировали рождение наук, для которых тема сексуальности является одной из самых главных – психоанализа, отчасти психиатрии.

В целом, сказанного о Фуко и его работах, видимо, достаточно для того, чтобы стала очевидной мысль о «власти-знании», власти как матрице генезиса наук о человеке. Вместе с тем, в завершении разговора о Фуко хотелось бы обратить внимание на еще одну мысль, которая как тень сопровождает концепцию «власти-знания». А именно: дисциплинарные пространства (школа, казарма, больница и т.д.), в которые был помещен западноевропейский человек в начале Нового времени, сделали возможными не только науки о человеке (педагогика, психологию, психиатрию, социологию и т.д.), они сформировали, произвели и самого человека как определенную совокупность стратегий поведения и техник самоидентификации. В этой связи, человек всегда был и оставался для Фуко и многих других философов не естественной данностью с неким самоподразумеваемым смыслом, а искусственным продуктом, смысл которого меняется от эпохи к эпохе, от культуры к культуре. Трудно переоценить всю важность этой мысли для ученого-гуманитария.

Литература

1. Фуко М. Надзирать и наказывать / М. Фуко. – М. : Ad Marginem, 1999. – 477 с.
2. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. – М. : Смысл, 1998. – 308 с.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 574 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
5. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974 – 1975 году / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2005. – 432 с.

КАТЕГОРИЯ СМЫСЛА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ

С. В. Волкова

Петрозаводский государственный университет

По признанию многих современных философов, педагогов, психологов ощущение смыслоутраты можно считать одной из отличительных черт современности. Как справедливо заметил В. П. Зинченко: «20 век может быть признан рекордсменом по утрате общечеловеческих ценностей и смыслов, по идиотизму сконструированных взамен, по варварству в их навязывании

и бесплодности поисков новых смыслов. Однако это не основание для их прекращения» [3, с. 11].

В современных условиях настоящего духовного кризиса, большинство четко сформулированных истин и ориентиров недавнего прошлого игнорируется, а чаще всего просто отвергается молодыми людьми. Образование, будучи по сути своей обращенным непосредственно к человеку, принимает все более отчужденный характер от человека и фундаментальных ценностей. Оно все чаще рассматривается сугубо с утилитарной точки зрения – в качестве приобретения знаний, умений, необходимых для овладения определенными технологиями, выполнения узкопрофессиональных функций. Можно говорить в этой связи об отчуждении образования от духовности, культуры, личности. Зачастую лавина усложняющихся знаний выступает для самих учащихся как знания формальные, скорее общепринятые, чем имеющие непосредственное отношение к их собственной деятельности, что неизбежно приводит к отчуждению учащихся от учебной деятельности, ее предметного содержания.

Такое отношение к знаниям, учебной деятельности, образованию в целом, лишает учащихся возможности полноценного самоопределения, сутью которого является формирование у ученика внутренней готовности к осмысленному и самостоятельному построению своего личностного развития.

Как отмечают исследователи, для того чтобы любая форма человеческой деятельности, в том числе и учебной, не становилась человеку чуждой, противостоящей ему силой, она должна быть не просто насильно усвоенной учащимися, а добровольно и свободно построенной. В учащихся нельзя насильно втискивать пресловутые ЗУНы. Ученики должны иметь возможность свободно подняться над пространством доступных им видов деятельности, найти себя в материале, *построить* новую деятельность.

Сложившаяся же система образования, как отмечает В.А. Сластенин, рассматривает учащихся как объект воздействия, формирования, игнорирует его как субъекта личностного развития, не формирует как носителя рефлексии. Массовая практика обучения зачастую строится по технократическому типу, разворачивается в логике «наукоучения» (В.С. Библер). Данная система не отрицает ученика, но отводит ему пассивную роль слушателя, наблюдателя, абсолютизируя роль знания.

Ведущая роль отводится учителю, который транслирует знания ученику, тогда как последнему остается только внимать учителю и постараться как можно лучше усвоить преподносимое. Сообщаемые ученику знания предстают в неподвижной, застывшей форме – как понятия, правила, схемы, формулы, законы и т.д. Такие знания В.П. Зинченко называет «мертвыми», в противовес «живым» знаниям, творимым непосредственными участниками учебного процесса. Причем знания в традиционной системе обучения «вводятся» путем прямой передачи без учета собственно личностной активности учащихся, направленной на созидание «живого» знания, личностных смыслов в актах творчества. В этих условиях образование при-

обретает нормативный, регламентированный, закрытый характер. Ученики усваивают и воспроизводят уже готовые знания, жизненный и нравственный опыт других. Возможности их собственного смыслотворчества (жизнетворчества) ограничены.

Современный же человек нуждается не в привычном образовании своей личности посредством научения, т.е. передачи знаний, но в образовании, которое предоставляет возможность обретения каждым учащимся смысла своего учения и жизни. Поэтому в пришедшей на смену знаниево-функциональной гуманитарной парадигме в педагогике главной ценностью становится конкретный человек, его внутреннее, духовное пространство, специфика индивидуального процесса познания. Приоритетное значение получает субъективированное, личностное знание, у которого всегда есть автор в его уникальности и неповторимости чувств, отношений, индивидуального опыта. Учебный процесс в данной парадигме богат импровизацией, основан на диалоге, обмене смыслами, сотрудничестве его участников. Содержание учебной деятельности не регламентируется, имеет открытый характер. Ученик активно участвует в созидании знания, выступающего материалом для его собственного самостроительства, включается в смыслотворчество, не ограничиваясь лишь добросовестным усвоением заданных извне значений.

Таким образом, смысл и назначение гуманизации образования, в соответствии с которыми перестраивается вся система педагогической деятельности и педагогических отношений, предполагает переориентацию смысла и приоритетов образования с социально-прикладного плана (реализации образовательных стандартов, помощь в выборе профессии, социализация) на бытийно-человеческий. Для этого должно измениться отношение к институту образования, как специально организованному пространству, в котором индивид получает стимул и предпосылки к развертыванию своей *человеческой сущности* во всей полноте, а не как к в чистом виде социальному инструменту. Такая ориентация существенно отличается от господствовавшего до недавнего времени функционального образования, всецело превращающего жизнь ребенка лишь в подготовку к выполнению в будущем определенных социальных функций.

Мы вовсе не склонны отрицать роль традиционного образования, понимаемого как определенный механизм трансляции культурных ценностей, норм, жизненных смыслов. Но вынуждены признать, что в рамках традиционного образования человеку предлагалось в основном приспособляться к определенным нормам и смыслам. Однако стремительный прогресс науки, культуры, техники неуклонно требует иного подхода к образованию.

Речь идет, прежде всего, о попытках рассмотрения образования как способа непрерывного воспроизводства каждым учащимся смысла и понимания. Образование трактуется исследователями как бытие смыслов, как смысловой универсум. Именно опыт приобщения к этому полю смыслов, опыт, возрождаемый в каждой личности как переживаемый и понимаемый смысл, является

истоком образования. Приобщение учащихся к поиску и обретению собственных смыслов, профилактика «экзистенциального вакуума» (В. Франкл) определяется в качестве актуальной задачи образования.

Таким образом, очевидно, что на современном этапе развития образования категория «смысла» не может более оставаться в тени, но выходит на передний план. В связи с этим нам представляется важным рассмотреть генеалогию понятия «смысл» в более широком философском контексте.

Проблема смысла исследовалась в различных философских направлениях. Однако наиболее значительный вклад в исследование проблемы смысла внесла феноменология – одно из крупнейших направлений философии 20 века. Феноменология открыла абсолютно новые горизонты в осмыслении данной проблемы. Если сущностный фокус феноменологического движения в философии – человеческое сознание, то в образовании привилегии феноменологии сопряжены с конструированием личностных индивидуализированных смыслов и значений познания. С точки зрения феноменологии обосновывается неэффективность учения без обращения к индивидуальным смыслам, значениям и желаниям познающего субъекта. В связи с этим представляется вполне обоснованным рассмотреть концепцию смысла, предложенную Э. Гуссерлем, основоположником современной феноменологии. Гуссерль вручил многим наукам, в том числе и педагогике, надежный метод, позволяющий вступить на дорогу познания человеческой жизни и человеческого существования, отождествленную с сущностной уникальностью человеческого мира.

С точки зрения Гуссерля, мир, который нам дан, существует в виде некоторой реальности исключительно в человеческом оформлении, поскольку другого мира, мира без человека, нам не дано. И поэтому разговор о мире безотносительно к человеческой субъективности, с точки зрения Гуссерля, не имеет смысла. Специфика человеческой реальности мира состоит в том, что она есть деятельность, конституирующая мир в его смысловом измерении. Принципиальность этого положения, по мнению философа, состоит в том, что с самим фактом существования человеческой субъективности в мир пришла совершенно специфическая – смысловая – реальность.

Для того чтобы детальнее представить себе сущностную роль смысла в мире, рассмотрим подробнее процесс становления смысла, каким он видится Гуссерлю.

Одним из центральных положений феноменологической парадигмы является утверждение о данности мира человеку только через феномены сознания. В своей работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» Э. Гуссерль, пишет: «Неопределенно общий смысл мира и определенный смысл его компонентов есть нечто, что мы сознаем в процессе восприятия, представления, мышления, оценки жизни, то есть нечто «конституированное» в том или ином субъективном генезисе»[1, с. 17]. Источником, приписывающим смысл вещам, согласно Э. Гуссерлю, является сознание. Именно благодаря первичной деятельности сознания, осуществ-

ляющей спонтанную первоначальную организацию восприятий, «впервые получает свой смысл и свою бытийную значимость весь мир и я сам как объект, как сущий в мире человек»[2, с. 10].

Сознание, таким образом, выступает единственным полем придания смысла, а человек как носитель сознания является той первичной основой, в которой «рождаются» изначальные смыслы всех форм человеческой деятельности.

Следовательно, всякая смысловая определенность предмета в феноменологической установке трактуется не как присущая предмету самому по себе, а как результат деятельности субъекта и эта деятельность есть «последний источник всякого значимого смысла». Каждый смысл, по Гуссерлю, «интенционально содержится во внутренней сфере нашей собственной испытывающей, мыслящей, оценивающей жизни и формируется в нашем субъективном генезисе сознания»[1, с. 10]. Основой для такого рода трактовки смысла стало представление об интенциональном строении сознания.

Введение Гуссерлем понятия интенциональности, трактуемого им как направленность на тот или иной предмет, позволило философу преодолеть разорванность субъекта и объекта, характерную для рационалистической традиции. Основное внимание немецкий философ сосредоточил не на анализе объекта самого по себе, а на интенциональных актах сознания, в которых этот объект конституируется. Именно интенциональность выступает у Гуссерля источником конституирования объекта, той силой, которая координирует и синтезирует различные акты сознания, лежащие в основе конституирования предметного мира.

По мнению Э. Гуссерля, интенциональное отношение есть акт придания смысла, или значения, предмету. С феноменологической точки зрения это означает, что активное в своей основе сознание снабжает аморфную и бессвязную совокупность ощущений неким устойчивым единством, называемым смыслом, или значением. Гуссерль, таким образом, подчеркивает, что смысл это еще и акт, он динамичен. И именно в этой связи философ говорит об интенциональном (смысловом) акте, подчеркивая факт утверждения, полагания, установления, наконец, конституирования смысла, а не его автоматическое присутствие в слове или сознании индивида. Лишь после такого утверждения мир смыслового содержания становится моим личным. Гуссерль формулирует принцип познания как личной задачи.

Согласно Гуссерлю, никто не может отнять у субъекта эту необходимость личного осмысления, личного отношения к тому, с чем он сталкивается в своем познавательном опыте. Учащийся, следовательно, не должен просто опираться на что-то существующее вне его, оперировать этим. Знание, с феноменологической точки зрения, должно быть значимым для субъекта. Оно должно обладать конкретной витальной, личностной силой.

Усилиями последователей Э. Гуссерля была дана расширенная трактовка смысла. Так, уже М. Хайдеггер объявляет истинно первым способом осмысления мира не интенциональность, как акт придания смысла, а заботу. Согласно М. Хайдеггеру, смысл, хотя и является продуктом духовной

деятельности субъекта, но тем не менее не относится к его внутреннему обладанию; смысл постоянно рассеивается и потому подлежит *непрерывно возобновляемому усилию быть раскрываемым и осуществляемым заново*.

Заменяя интенциональность заботой, Хайдеггер, таким образом, окончательно ликвидирует представление о субстанциальности сознания, что в свою очередь сказывается и на понимании им специфики смысла. В отличие от интенциональности, придающей вещам «смысловое единство», забота открывает вещи в их открытости смысловой незавершенности и бесконечного доопределения смысла.

Продолжающий традиции феноменологической философии М. Мерло-Понти, подвергает понятие интенциональности радикальному пересмотру, что повлекло за собой иное, отличное от гуссерлианского понимание смысла. В противоположность Гуссерлю, смысл, согласно Мерло-Понти, конституируется в некотором никогда не завершенном и никогда до конца не определенном опыте. Овладение смыслом, по словам Мерло-Понти, никогда «не может завершиться интеллектуальным овладением нозмой» [4, с. 11].

В этом отношении понимание смысла французским автором во многом сходно со взглядами Хайдеггера. Согласно Мерло-Понти, не только мыслительные или чувственные способности, но само «тело» познающего субъекта, как нечто единое участвует в придании смысла целому универсуму и является средством его понимания. Подобно тому, как забота, открывает смысл как принципиально незавершенное, открытое многообразие отсылов и указаний, так и «тело», по мысли Мерло-Понти, конституирует такой смысл, который невозможно увидеть как «монограмму» [4, с. 149]. А в конституировании смысла участвует не только сознание, но и *вся аффективно-смысловая сфера субъекта*.

Интересную интерпретацию смысла мы находим у представителей постструктуралистской философии и в частности у Ж. Делеза. Несмотря на то влияние, которая оказала феноменология на становление взглядов французского философа, свою собственную концепцию смысла Ж. Делез выстраивает на основе критики Э. Гуссерля – родоначальника современной феноменологии. Так, в работе «Логика смысла» французский автор вслед за Мерло-Понти критикует гуссерлианское понимание смысла как нозмы акта восприятия. Не претендуя больше на роль *понятия*, т.е. на роль чего-то строгого и фиксированного, смысл трансформируется у Делеза в «*событие*», т.е. нечто еще не ставшее, неотделимое от своего собственного становления. По Ж. Делезу смысл существует не только и не столько в момент исполнения, сколько в момент его вновь-исполнения, иными словами, смысл постоянно требует продолжения (возобновления), он, выражаясь словами Ж. Делеза, *сериален*.

Таким образом, последователи Э. Гуссерля указывали на такую сущностную характеристику смысла как его открытость, принципиальную незавершенность. Педагогический аспект данной природы смысла состоит в том, что открытость смысла – есть непременно условие расширения опыта

сознания и углубления субъектом собственных знаний. Поскольку открытость смысла подразумевает возможность вновь и вновь возвращаться к однажды уже усвоенным знаниям, пересматривать собственную точку зрения, быть открытым к получению новых знаний, к другим мнениям, позициям. Такая открытость позволяет субъекту преодолевать сложившиеся стереотипы мышления и будет способствовать расширению пространства собственного сознания.

Рассмотрев понимание смысла, как оно представлено в исследовательской традиции, мы вынуждены признать, что в центре феноменологического исследования все же больше находились вопросы, связанные с механизмами образования смысла, нежели вопросы его природы.

Чрезвычайно полезным для прояснения природы смысла представляется рассмотрение концепции смысла, предложенной не менее прославленным учеником Э. Гуссерля – К. Ясперсом. Подобно Гуссерлю, Хайдеггеру и Мерло-Понти, для Ясперса смысл явления также выводится из его интенциональной направленности. Ясперс, как и его предшественники, связывает существование смысла со сферой человеческого бытия. Рассуждая об истории, как особом способе человеческого существования, немецкий философ определяет ее смысл как *связь* явлений человеческого бытия в единство исторического процесса. Именно смысл, согласно Ясперсу, как *организующий принцип* человеческого существования, конституирует историю, придает единство всему многообразию, модальности человеческой жизни.

Таким образом, существование смысла истории у Ясперса обеспечивается постоянным *усилием вопрошания* о смысле истории. И это постоянное вопрошание и есть то, что философ называет «экзистенцией истории». Философ подчеркивает здесь волевой аспект смысла, акцентируя внимание на экзистенциальном напряжении самой человеческой жизни. Смысл существует лишь постольку, поскольку человек пытается его постичь.

Подводя итог рассмотрению проблемы смысла и смыслообразования в феноменологической традиции, необходимо отметить, что основным вопросом феноменологии выступает человек, стремящийся к самоосуществлению и саморазвитию. Поэтому гуманистическая направленность феноменологии как методологическая основа образования определяется направленностью на выработку учащимися механизмов самореализации, саморазвития – личностных смыслов. При этом, поскольку ведущим принципом современной гуманитарной парадигмы в педагогике признается принцип личностно-смысловой направленности образования, постольку и рассмотрение категории «смысла» представляется так же крайне необходимым не только для философов и психологов, но и для теоретиков и практиков образования.

Литература

1. Гуссерль, Э. Амстердамские доклады II // Логос. – Вып. 5. – М., 1994. – С. 17.
2. Гуссерль, Э. Парижские доклады (1929) // Логос. – Вып. 2. – М., 1991. – С. 10.
3. Зинченко, В. П. Возможна ли поэтическая антропология. – М., 1995. – С. 11.
4. Мерло-Понти, М. В защиту философии. – М., 1996. – С. 149.

БЫТИЕ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А. С. Гамалеева, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

Мифологическое постижение мира как целостности имеет созерцательное основание и предстает в виде конкретно-чувственного образа, в котором воспринимаемое и воображаемое человеком слиты воедино, а сам образ мира включает человека в состав космического целого.

Религиозная картина мира обобщает религиозный опыт людей и делает главным предметом своего внимания соотношение повседневной эмпирии и потустороннего. Земное и небесное, человеческое и божественное – предмет религиозных размышлений. Причем мир божественного определяет людей и в их физическом бытии, и в бытии духовном. Центральный пункт религиозного понимания бытия – образ Бога (богов) как высшей истинной реальности. Оно выражает иерархическую упорядоченность сотворенного Богом мира и место человека в нем в зависимости от его отношения к Богу. «Бытие» – так называется первый раздел в Библии, где говорится о сотворении мира, о прародителях человека, его истории, нравственности вплоть до десяти заповедей человеческого бытия, которые открыл Иегова на горе Синай Моисею.

Учение о бытии – это исходная мировоззренческая проблема, которой занимается такой раздел философии, который называется онтологией. Бытие – это все, что существует, это сам человек и весь человеческий и природный мир. Бытие – это реальность, как объективная реальность, так и субъективная, равная бытию человеческого его – Я. *Бытие – это то, что есть, это то, что присутствует.*

Если говорить о структуре бытия, то ее можно представить многоструктурным образованием, в которое входит:

1) природа, существующая до человека и вне человека; 2) сам человек, как сложное образование, как бытие природное, социальное, духовное, психическое – это тело человека, созданная им социальная организация, дух человека и его душа. Таким образом, человеческое бытие не сводится к телу человека, оно вынесено за пределы его индивидуальной телесности; 3) в бытие входит и весь тот предметный (дерево, гора, река и т.д.) мир, и духовно-предметный мир (дом, книга), который создает человек и который вынесен за пределы субъекта. *Это так называемая вторая природа, которой живет человек и которая есть его бытие.*

Бытие, стало быть, природно-, социально-, духовный мир, что и наполняет содержанием онтологическую категорию сущего.

В бытии «второй природы» – в искусственном окружающем мире учтены закономерности естественного мира, без которого невозможен мир второй природы, и труд, и знания человека.

Вторая природа создана человеком для удовлетворения своих потребностей. Вторая природа – это тоже объективная реальность, но это комплексное образование – это природно-, духовно-, социальная реальность. В нее входит все – начиная от носового платка и кончая театрами и музеями. Сюда входит вся культурная реальность, созданный человеком мир культуры.

В отличие от первой природы в ее непреходящем бытии через конкретные преходящие стадии ее развития, состояния и вещи, вторая природа тесно связана с человеком и зависит от времени человеческого существования.

Первая природа существует независимо от человеческого сознания (до экологического кризиса); *вторая* – является зависимой от человеческого сознания, является его воплощением. Но это тоже объективная реальность, это опредмеченные, отлитые в формы объективной реальности природные материалы и свойства, а также знание и труд, деятельность человека. Это все очень многообразно: от конкретной тетрадки до улыбки чеширского кота (кота нет, а улыбка есть как у Льюиса Кэрролла из «Алисы в стране чудес»). Рассмотрим структурные уровни бытия, т. е. что включает в себя сущее в представленных бытийных образованиях.

Бытие человека. Человек принадлежит к 3-м реальностям: он – бытие природы, т. е. телесное бытие; он – бытие социально-духовное; он – бытие психическое, он еще и особая субъективная реальность.

Кратко охарактеризуем эти формы бытия.

1. Бытие первой природы, т. е. существующей до человека и вне его, установлено путем естественнонаучного и социально-практического опыта человека. Сейчас не нужно доказывать долго, что вещи, тела, процессы, состояния природы существовали и существуют до, вне и независимо от сознания, от сознания человека – это доказано в практической и теоретической деятельности человека. Отдельные вещи возникают и исчезают, а бытие природы существует как непреходящее. Надеемся, что непреходящее, хотя и живем в эпоху экологического кризиса и убывания вещества первой природы.

Следовательно, бытие природы отличается от других форм бытия тем, что оно непросто, хотя имеет длительную эволюцию своего развития. Остальные виды (или уровни) бытия производны от бытия природы.

2. Бытие человека, второй природы вещей, произведенных человеком, бытие духовного, социального – это виды бытия, производные от бытия природы.

Существовать, быть – это не значит быть воспринимаемым, как об этом говорил Дж. Беркли, философ и теолог первой половины XVIII в.: «Esse est percipi». Вселенная, с точки зрения современной философии, существует независимо от чьего-либо восприятия (хотя наши представления о ней – зависят, вне интерпретации нет представления о ней).

3. Бытие «второй природы» – т. е. вещей, предметов, состояний, произведенных человеческой деятельностью, – еще одна составляющая того бытия, которое называется понятием «окружающий мир».

4. Человек как природное тело принадлежит к природному бытию вещей и тел, возникающих и исчезающих. Из этого факта следует, что человек подвластен всем законам жизни, в том числе законам наследственности. И, кроме того, все телесные особенности человека, его природно-биологические параметры должны учитываться в социальном существовании, вплоть до соблюдения экологического баланса человеческого организма. Существует множество примеров нарушения такого экологического баланса. Наполеон устал с 1808 г., стал совершать ошибки и закончил бесславной смертью на о. Св. Елены. Н. Буало с 40 лет не работал; Пушкин погиб в 37 лет, но уже искал смерти; Н. В. Гоголь на 42 году жизни сошел с ума; А. П. Чехов умер в 44 г.; Джек Лондон настолько устал в зените славы, что добровольно ушел из жизни.

Однако, человек не только первая, но и вторая природа – и как вторая природа – он есть общественный индивид, живущий по законам общества. И как социум он есть дух, душа, мысль. Этот вопрос уже поднимался Декартом, который существование человека, т.е. бытие человека, определял наличием мысли: *Cogito ergo sum*. Но, правда, Декарт не связывал мыслящую субстанцию – человека – с его же субстанцией, принадлежащей природе, – организмом. Вследствие этого философию Р. Декарта называют дуалистической, т.е. исходящей из двух начал: идеального и материального в понимании объективной реальности. На самом деле принадлежность человека 2 природам дает своеобразное триединство человека: он есть единство природного, социального и духовного. А потому на него возлагается такая ответственность в космической, природной и социальной Вселенной.

5. *Бытие человека как индивида деятельного и мыслящего создает еще два вида реальности:* это объективно существующее общественное бытие, которое и создает мир культуры. Объективируя в нем свой дух, человек воспроизводит себя духовно в духовных ценностях культуры.

6. В объективную реальность входит и *повседневность*. Понятие «повседневность» восходит к категории жизненного мира Э. Гуссерля, определявшего его как существование изначальных очевидностей. Жизненный мир, или мир повседневности – это сфера непосредственно переживаемого опыта, внутри которого практически разыгрывается вся наша жизнь.

Через повседневность воссоздаются социальные практики, упорядочивается восприятие окружающего мира и систематизируется социальный опыт. Реальность повседневного мира представляет собой мир опыта деятельного субъекта, в котором он конструирует поведение и взаимодействие с другими людьми на основе самоочевидных желаний, мир здравого смысла, обыденных представлений, рутиннообразной деятельности, осуществляемой в общеизвестных и привычных жизненных ситуациях. Э. Гуссерль устремлен к тому, чтобы всякие «предрассудки», предпочтения «изначальности, опытной предданности» чего бы то ни было (и любые суждения наук, теорий, философских учений о мире «человеческой жизни») были ис-

ключены, «отложены», «подвешены» и никак не использовались в создании феноменологической концепции жизненного мира.

Что же представляет собой «жизненный мир»? В отличие от мира сконструированного и идеализированного, жизненный мир не создается нами искусственно, в некоторой особой установке, а дан непосредственно до всякой особой установки сознания, причем дан с полнейшей очевидностью каждому человеку. Это – дорефлексивная данность в отличие от теоретической установки, требующей предварительной рефлексии и перестройки сознания. Именно этот мир, говорит Гуссерль, является той общей почвой, на которой вырастают все науки. Поэтому для осмысления научных понятий и принципов мы должны обратиться к этому повседневному жизненному миру.

Основные определения жизненного мира даются Э. Гуссерлем путем противопоставления его конструкциям естествознания. Во-первых, жизненный мир всегда отнесен к субъекту, это его собственный окружающий повседневный мир. Во-вторых, именно поэтому жизненный мир имеет телеологическую структуру, поскольку все его элементы соотнесены с целеполагающей деятельностью человека. Если в естествознании все субъективное должно быть исключено, а потому там нет места и для понятия целей, то в жизненном мире все реалии отнесены к человеку и его практическим задачам. Наконец, если мир, как его описывает математическая физика, неисторичен, то жизненный мир, напротив, представляет собой историю. Если в естественных науках мы всегда прибегаем к объяснению, то жизненный мир открыт нам непосредственно, мы его понимаем»[1, с. 130–131]

Таким образом, под жизненным миром у Гуссерля подразумевается допредикативная очевидность окружающего опытного повседневного мира как универсальной почвы всех возможных научных идеализаций и абстракций. Нововременное естествознание в своих теоретических конструкциях оторвалось от этой изначальной почвы, в результате чего его абстракции перестали коррелировать с реальной жизнью. По словам Д. Н. Разеева, «...в процессе истории западноевропейской культуры наука настолько отдаляется от жизненного мира, что противопоставляется повседневности» [2, с. 185].

7. Но человек есть еще и *субъективная реальность*, индивидуальная реальность. Это тоже огромная составляющая реальности, бытия: это вся психика человека, сознание, бессознательное, начиная с форм коллективных представлений и архетипов коллективного бессознательного, как об этом писали З. Фрейд, К. Г. Юнг и др.

Для понимания субъективной реальности мы обращаемся к понятиям сознания, психики человека, ментальности, включающей в себя все слои психики.

8. Для понимания объективной реальности в философии существует *понятие материи*. Это очень старая категория, анализ которой носил сначала субстратный характер: в Древней Греции у Фалеса материя – это вода, у Гераклита – огонь, у Анаксимандра – 4 первоэлемента: воздух, вода, огонь, земля, у Анаксимена – многокачественная частица апейрон.

Субстанциальное понимание материи возникло с эпохи Возрождения: материя – это субстанция – носительница, основа всех свойств предметности, протяженности и мышления.

Материю как объективную реальность нельзя отрывать от сознания, так как объективная реальность, вторая природа выступает и овеществленным сознанием. *Поэтому материю можно определить как объективную реальность, существующую вне нашего сознания, но не обязательно независимо от нашего человеческого сознания, как это определялось раньше в марксистско-ленинской философии: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»* [3, с. 131]. Социальная реальность – это тоже материализованное бытие, но назвать ее существующим независимо от сознания нельзя. Следовательно, все, что существует вне нашего человеческого сознания, в том числе и объективированное сознание (например, ставшее книгой) называется материей. Книга, пока она не прочитана, не становится содержанием нашей психики, ума, сознания, а остается объективной реальностью.

Литература

1. Гайденко, П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 116–135.
2. Разеев, Д. Н. В сетях феноменологии / Д. Н. Разеев. // Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии. – СПб. : Изд-во СПбуниверситета, 2004.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 18.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

О. Б. Гужавина, М. Г. Тен

Томский государственный педагогический университет,
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

Среди самых разнообразных видов взаимодействия между людьми в современном социуме образовательная деятельность представляет собой тот вид целенаправленной активности, который напрямую связан с информационным обменом между его участниками, из-за чего целиком и полностью зависит от того, каким образом будет пониматься данное явление. К настоящему времени в результатах теоретической составляющей научно-исследовательской мысли различных отраслей знания сформировалось большое количество вариантов представления о смысловом содержании такого понятия, как информация. В связи с данным фактом разнятся между собой и подходы к пониманию того, какими способами необходимо плани-

ровать и реализовывать на практике образовательные технологии. Каковы причины подобного положения вещей?

Не смотря на то, что однозначного и общепринятого научного определения, выражающего сущностные (отвечающие на вопрос о том, ЧТО это такое) характеристики явления информации не существует, давность возникновения данной темы в философии обуславливает наличие достаточно исчерпывающего описания того, что же подразумевается под тем, для называния чего применяется термин «информация». Происходящее от лат. *informatio* – осведомление, разъяснение, изложение, понятие информации используется в значении сведений, сообщений, данных и т.д. о чем-либо, где факты окружающей человека действительности предполагаются «к передаче» в первую очередь. Как правило при этом подразумевается осознанность передаваемых сведений и выражение их определенным образом, то есть представление в некоторой знаково-символической форме, где в числе предпочтений среди способов оформления на первом месте стоит речевая деятельность человека или язык (изложение, разъяснение). Соотнесение с латинским же *informare* – «научать» позволяет провести прямую корреляцию между концептуальными установками сложившейся в образовательной системе традиции, получившей наименование знанческого подхода, и существующим на сегодняшний день подспудным пониманием того, каким образом осуществляется процесс информационного взаимодействия между обучающим и обучаемым.

Подчеркивая независимость содержания передаваемых сведений от того, в какой форме они представляются получателю, современные научные наработки различных отраслей естественно-научного знания, тем не менее, акцентируют результативность информационного воздействия в связи с количественными показателями усвоения и воспроизведения словесно-символически выраженных описаний. Формирование подобных концептуальных ориентиров имеет под собой давнюю и подкрепленную основательными размышлениями традицию.

Со времен античности (Сократ, Платон, Аристотель и др.) до эпохи Нового времени (картезианская рационалистическая традиция), концептуальные подходы которой к пониманию технологических особенностей процесса формирования знания человеком плавно перекочевали в современные научно-философские представления о познавательной деятельности людей, бытует мнение о том, что в поиске метода формирования информации, оперирования ею и передачи ее другим единственным результатом достигает апелляция к механизму работы такой психической способности как разум.

В контексте такого аспекта реальности как процесс познавательной деятельности человека, то есть его творческой активности по формированию знаний или по построению идеальных планов деятельности и общения, включая создание знаковых символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных видов опыта, это выглядит следующим образом. Задается вопрос о том, как

возможно человеческое познание. Выделяется один или несколько аспектов познавательной деятельности, ее технологических процессов, принимающих непосредственное участие в выработке знания о мире. Для Р. Декарта и его последователей таковыми представляются конкретно-чувственное восприятие или ощущения и рационально-логическое мышление или разум.

Поскольку знание по сути своей не материально, традиционно по форме передачи выражается в схемах и понятиях, постольку очевиднее всего в качестве его основного источника выступают те технологические процессы познавательной деятельности, результаты которых будут доступнее для такого выражения, будут автоматически поддаваться обозначению в символах и схематизации или выражению в словах: «Понятия, кои будут признаны ясными и отчетливыми, следует считать истинными ... Мы существуем, поскольку мы – существа мыслящие ... у нас есть понимание множества положений, имеющих характер вечных истин ... у нас есть также понятие некой телесной природы – протяженной, делимой, подвижной и т.д.; есть у нас и понятие неких возникающих у нас ощущений ... В этих немногих положениях мне видятся главные основы человеческого познания» [6, с. 347].

Процесс мышления направлен на решение различных познавательных проблем, где совершается переход от условий, задающих проблему к получению результата в виде знания, которое есть некоторое обобщение, понимание предмета или ситуации, вывод на основании рассуждений, составление плана. Поэтому на первые позиции выйдет не личностно-образное и хаотически сложносоставное в своей основе конкретно-чувственное восприятие (ощущение) и не потрясающее, и подчас дезориентирующее своей интенсивностью эмоциональное переживание, а оперирующий четкими и однозначными категориями разум: «... *страсти души, т.е. смутные мысли, приходящие душе не самой по себе, а от того, что, будучи тесно связана с телом, она воспринимает происходящие в нем движения ... существует большая разница между этими страстями и знаниями, или отчетливыми мыслями*» [6, с. 409–410]. Таким образом, в классическом рационализме в контексте познавательной деятельности один из ее технологических механизмов, то есть разум, становится основным источником ее конечного результата, тогда как все остальные технологические механизмы по представлению теоретиков вынуждены выполнять по отношению к нему лишь некоторую вспомогательную роль. Хотя идеи классического рационализма в наши дни подверглись значительному развитию, этот процесс касается только понимания взаимоотношений между опытом и теоретическим знанием. Эмпирическое и рефлексивное знание рассматриваются как взаимозависимые и взаимодополняющие в процессе выработки объективных представлений о мире. Основой и критерием оценки результатов их совместной деятельности представляется, так называемый, проект – стремление проверить прогноз изменения какого-либо процесса [1, с. 36].

Не отходя от взгляда на познание, как знаковое, вербальное или схематизированное выражение результатов деятельности конкретно-

чувственного восприятия и разума, и последующие философские традиции. Например, философские теории, выросшие на основе методологических принципов, выдвигаемых И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем. Согласно «Критике чистого разума» И. Канта, «всякое основанное на разуме познание исходит или из понятий, или из конструирования понятий» [7, с. 683]: «Всякое наше знание начинается с чувств (имеются в виду ощущения – примеч. авторов), переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления ... этой высшей способности познания ... Как и рассудок, разум имеет чисто формальное, т.е. логическое применение ... мы отличаем разум от рассудка тем, что называем разум *способностью давать принципы*» [7, с. 340]. И хотя в «Науке логики» Г.В.Ф. Гегеля исследовательские задачи противопоставляются выводам И.Канта, его форма знания аналогична кантовской – это понятийный аппарат: «...имманентное развитие понятия есть абсолютный метод познания ... формы мысли отлагаются прежде всего в языке» [2, с. 10–11].

Основоположник феноменологического направления философии, сформированного на базе основных принципов кантовской теории, Э. Гуссерль в работе «Логические исследования» предваряет свои рассуждения о значениях логических понятий ссылкой на утверждение Дж. Ст. Милля о том, что язык является одним из главнейших орудий мысли [4, с. 25].

Возвращаясь к рационалистической традиции, сведение познавательной деятельности к работе одного из фрагментов мыслительного процесса – разума противоречит, в том числе, утверждению самого Р. Декарта о том, что размышление с целью получения знания об объекте, в первую очередь, стремится не только осуществить некоторое обобщение (отыскать первоначала бытия объекта познания, следствием из которых является конкретная форма его существования), но и достичь *понимания* предмета или ситуации, которое он отождествляет с процессом *осознания* сущностных характеристик объекта: «Под словом мышление я понимаю все то, что совершается в нас *осознанно*, поскольку мы это *понимаем*. Таким образом, не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что мыслить» [5, с. 316]. Осознанию, в свою очередь, вполне поддаются результаты и конкретно-чувственного восприятия, и интуитивного прозрения, и эмоционального переживания как, впрочем, и их процессы.

Психоаналитическая философская традиция, родоначальником которой является З. Фрейд, например, доказала подобное утверждение на опыте разработки и применения в психотерапевтической практике технологии диагностики и коррекции невротических эмоциональных состояний, травмирующих и дезадаптирующих личность только до того момента, как они осознаются [9 и др.]. Но процесс осознания содержания эмоциональных переживаний, как и сопутствовавших им и собственно их вызывающих результатов конкретно-чувственного восприятия внешних или внутренних (интеллектуальных или др.) раздражителей, в психоанализе здесь также

отождествляется с вербализацией. З. Фрейд, решая поставленную перед собой задачу, оговаривает момент следования существующей научно-философской традиции и не выходит за рамки понимания процесса осознания как перевода на язык слов.

Не менее оправданно предположить, на наш взгляд, что источником информации о воспринимаемом объекте для субъекта может служить любая из его мыслительных способностей. Это могут быть не только результаты стороннего наблюдения за внешними проявлениями свойств объекта и мысленная идентификация этих результатов посредством сравнения их с ранее накопленными знаниями о тех или иных способах и формах существования различных объектов. Это могут быть любые знаки и «телодвижения», любые внутренние «порывы» объекта наблюдения, практически не имеющие внешнего выражения, любые «сполохи» его состояния, фиксируемые либо опосредованно через не имеющие общепринятой интерпретации проявления, либо непосредственно – через эмпатическое «подключение» (присоединение) к внутреннему эмоциональному переживанию глубинного целостного состояния объекта. Иллюстрацией такого способа получения знания об объекте могут служить, в частности, применяемые в медицинской психологии методы диагностики актуального эмоционального состояния людей, характерологических особенностей их личностной структуры, глубинных интенций их жизненного выбора и т.д. Метод ориентированного интервью [3], например, во многом основанный на диагностическом методе свободных ассоциаций К.Г. Юнга [10], предполагает установку на интерпретацию ответа обследуемого не с позиции декларируемых им в вербальных выражениях смысловых содержаний (не имеет значения, что – на какую тему, с какой интерпретацией, с какой оценкой и т.д. – говорит наблюдаемый субъект), а с позиции способа оформления субъектом своих вербальных и невербальных реакций (как он говорит – с ассоциациями из каких сфер жизнедеятельности, с применением каких предикатов и эпитетов и т.д.), а также с позиции конгруэнтности (соответствия) или неконгруэнтности его невербальных (моторных, мимических, кожно-пигментных, интонационных и т.д.) проявлений эмоциональных переживаний проговариваемым на словах. Кроме того, в психокоррекции широко используется техника присоединения к актуальному состоянию другого через копирование его позы, жестов, ритма дыхания и речи и т.д.

Понятие модальности (способа оформления) человеческого восприятия и мышления, сформулированное и используемое в таком направлении современной психологии как нейро-лингвистическое программирование, демонстрирует неправомерность общепринятого в современном научном знании представления о понятийном характере человеческого мышления: «язык наше единственное средство сообщения научного знания – большинство из нас пользуется словами при размышлении» [8, с. 14–15]. С точки зрения содержания понятия модальности, человек мыслит образами, в число которых входит и такой образ, как слово, символ, знак, являясь лишь од-

ним из большого числа вариантов. Кроме этого, в качестве нагруженного информацией, смысловым содержанием образа могут выступать звуки – с их интонациями, интенсивностью, тембром и т.д.; визуализации – с их размером, степенью приближенности или отдаления, цветом, пропорциями и т.д., кинестетические образы: ощущения – вкуса, запаха, тактильные (прикосновения к коже), мышечные и т.д. – с их интенсивностью воздействия, пространственной ориентации, размерами и т.д. В подобном контексте представляется очевидным, что, например, эмоциональное переживание с его, в большинстве случаев, невербальными средствами выражения своего смыслового содержания вполне может претендовать на способность получения и передачи знания о некотором объекте исследования. Равно как и конкретно-чувственное восприятие.

Таким образом, теоретический ориентир рационализма привел к тому, что в процессе исследования человеческих способностей познания механизм функционирования сознания (мышления) был не только отождествлен с деятельностью разума, но и сведен к единственной форме реализации этой деятельности, выведенной в качестве таковой еще мыслителями Античности – производству речевого (словесного) ряда и оперированию им. В практической реализации вышеуказанной концептуальной установки такой подход подспудно выразился в том, что в XX столетии научно-философское размышление над гносеологической тематикой сместилось в сторону лингвистического и смыслового анализа и предложений по созданию новых терминологических построений. Что касается общественно-исторической практики, в частности – организации функционирования системы образования и педагогики как практической науки, чья деятельность целеориентирована на создание технологий передачи информационных запасов вновь приходящим поколениям; то здесь исследовательские усилия перенаправились в сторону поиска способов и возможностей расширения объемов передаваемых знаний и навыков, либо – в сторону оптимизации процесса обучения за счет использования наработок инженерно-технических отраслей исследования. Форма подачи предлагаемого к усвоению информационного материала, равно как и тема влияния психических способностей восприятия в части формы представленности получаемой извне информации в сознании обучающегося при этом исследовательского внимания удостоена не была.

Имеющиеся на сегодняшний день исследования подобной проблематики, психолого-педагогической направленности – в том числе, сосредотачивают свой интерес на вопросе создания мотивации к получению знаний, выяснении влияния антропологических (возрастных, нейрофизиологических и др.) характеристик, сопутствующих процессу обучения, в лучшем случае упоминая о возможном влиянии на процесс обучения индивидуальных психических особенностей восприятия. Образовательный процесс же остается направленным на стимулирование логического, знакового мышления без одновременного развития образного.

Подобный подход, имея под собой обширный опыт общественно-полезного практического применения, тем не менее, не исчерпывает собой все особенности функционирования тех способностей человеческого мышления, которые напрямую связаны с информационной деятельностью. Творческая преобразовательная активность субъекта, направленная на производство качественно нового знания и осуществляемая на теоретическом уровне, кроме оперирования идеальными знаково-символическими и схематическими образами, включает в себя весь конгломерат форм отображения объектов окружающей действительности, получаемых субъектом в процессе восприятия всего того, с чем он в рамках этой действительности контактирует, включая возникающие в процессе собственные реакции. Визуальные (знаково-символические, схематические, изобразительно-графические или отображающие живую внешнюю форму воспринятых предметов и явлений), аудиальные (вербально-звуковые, мелодические, интонационные и т.д.), кинестетические (обонятельные, вкусовые, осязательные, тактильные, моторно-двигательные и т.п.), эмоциональные образы в буквальном смысле слова наводняют содержание сознания субъекта восприятия и переработки информации, инициируя его к конструированию тех или иных мысленных построений.

При этом не является однозначно установленным фактом, что каждый из конкретных мысленных образов, в какой бы форме он не был представлен сознанию субъекта, всякий раз наделен одним и тем же смысловым содержанием у каждого человека. Подобное положение вещей получило, к примеру, в теории нейро-лингвистического программирования наименование языка индивидуального восприятия личности.

В настоящее время в научно-педагогической мысли стало общим местом говорить, например, о том, что процессы восприятия и воображения тесно взаимосвязаны и воздействие на восприятие является фактором развития воображения (Ю.Г. Фокин, М.В. Лагунова, Е.С. Рапацевич, Е.Г. Речитская, Е.А. Сошина и др.). Согласно новейшим научным исследованиям в области медицины и психологии установлено, что индивидуальные стратегии восприятия информации связаны с функциональной специализацией полушарий головного мозга (Р. Лурия, Р. Сперри (R. Sperry), С. Спрингер и Г. Дейч, Е.Д. Холмская и др.). При решении одной и той же когнитивной задачи индивидуумы используют различные стратегии. Субъекты с доминантой левого полушария воспринимают информацию непрерывно, вербально, дискурсивно (в соответствии с законами однозначной логики), от частного к общему, а субъекты с доминантой правого полушария воспринимают информацию невербально, дискретно, от общего к частному (в соответствии с законами многозначной логики). Таким образом, эффективность решения когнитивной задачи зависит от мыслительной стратегии обучающегося.

Для решения теоретических и практических задач педагогики, построения эффективных моделей обучения использование данных об особенно-

стях восприятия учебной информации является перспективным направлением. Особое значение условия этого использования приобретают для системы высшего технического образования при моделировании процесса развития пространственного воображения. Это обусловлено спецификой мышления студентов технических вузов, в большинстве своем обладающих левой доминантой полушарий головного мозга. Студенты с левой доминантой головного мозга наделены от природы особым характером мышления, достоинства которого (аналитичность, системность, хорошая память) для формирования продуктивных пространственных образов недостаточны, так как данная категория студентов склонна создавать жесткие фиксированные модели действий, устоявшиеся образы. В процессе обучения у них не происходит развитие функций правого полушария, ответственного за пространственные представления, что связано с недостатками образовательного процесса, направленного на стимулирование развития логического, знакового мышления без одновременного развития образного. Таковы следствия традиционного рационалистического подхода к пониманию механизма информационной деятельности.

Психоаналитический подход к анализу механизмов мыслительной деятельности и жизнеобеспечивающей активности человека придерживается иных концептуальных ориентиров. Понятие личностной установки К.Г. Юнга как направленности сознания индивида на взаимодействие с определенной сферой реальности, которая имеет психофункциональную обусловленность, позволяет разграничить сферы влияния механизмов различных мыслительных способностей человека в процессе формирования им представлений о мире. Механизмы рационально-логического мышления, конкретно-чувственного восприятия, интуитивного прозрения и эмоционального переживания выступают каждый в качестве одного из способов восприятия, переработки и передачи знаний о мире, имеющего свой индивидуальный объект исследования (срез реальности), процесс (механизм восприятия реальности) и свой результат (знание об этом срезе реальности). В рамках целостного процесса формирования представлений все мыслительные способности будут «меняться местами» на ведущие и вспомогательные в зависимости от того, какой срез объекта или объект (чей объект) рассматривается. Механизмы различных мыслительных способностей будут выступать в качестве модальностей или форм осознания (форм представленности в сознании) результатов процесса формирования представлений в зависимости от преобладания той или иной личностной установки.

Современная образовательная парадигма задается целью переориентации на личностно-ориентированный подход к осуществлению педагогической деятельности, но имеющаяся система образования недостаточно эффективна для реализации подобных задач в силу существования определенных традиционных установок по организации педагогического процесса. Не смотря на то, что, например, от знанческого подхода к обучению и исключительно лекционной формы подачи материала осуществлен переход

к проблемному и личностно-ориентированному обучению, на практике отсутствуют теоретически обоснованные и эмпирически выверенные технологии обучающей деятельности иных форм. Образовательный процесс в большинстве случаев остается репродуктивным, то есть основанным на воспроизведении изложенного материала. Гуманистические цели современного образования по воспитанию творчески мыслящего специалиста не реализуются в полной мере в вузовской практике, так как осуществляются в отрыве от новейших научных открытий, связанных с изучением природы человеческих способностей.

Одним из основных механизмов реализации данной задачи, на наш взгляд, является понимание того влияния, которое оказывают на результативность информационного взаимодействия индивидуальные стратегии мышления участников образовательного процесса, целиком и полностью зависящие в конкретике от специфики проявления познавательных психических функций у отдельного индивида. Таким образом, первозначимым фактором влияния в повышении эффективности образовательной деятельности становится ориентация на преподнесение подаваемого материала в форме, соответствующей индивидуальным особенностям восприятия обучающихся.

Литература

1. Башляр Г. Новый рационализм. – М. : Прогресс, 1987. – 376 с.
2. Гегель Г. В.Ф. Наука логики. – М. : Мысль, 1999. – 1072 с.
3. Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды. Социоанализ для руководителей. – Новосибирск : РИПЭЛ, 1995. – 192 с.
4. Гуссерль Э. Логические исследования // Логос. – 1997. – № 9. – С. 25–41.
5. Декарт Р. Избранные произведения. – М. : Госполитиздат, 1950. – 712 с.
6. Декарт Р. Сочинения: В 2-х т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
7. Кант И. Сочинения: В 6-ти т. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
8. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. – Киев : Ника-Центр, 2001. – 560 с.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М. : Наука, 1991. – 455 с.
10. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. – Киев : СИНТО, 1995. – 236 с.

ДАО И ЛОГОС КАК ОСНОВАНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Е. А. Демкович

Томский государственный педагогический университет

Что было вначале? Древние говорили – вначале было Одно. «Одно порождает два» (Лао-цзы). Каковы эти два в пределах человеческого понимания? Может быть, это – Дао и Логос, представляющие две стороны, две функции Одного? Предельные понятия, и время бессильно над ними, они

появились почти одновременно, и за 25 веков, прошедших с тех пор, не исчезли. Значит, нужны, не случайны, причастны Целому.

Две глобальные Идеи, точки зрения на мир, две парадигмы: к чему устремлен мир (Логос), и как он это делает (Дао). Наш мир трудно представить вне Разума (логоса) и вне Пути (дао). Одно дополняет другое: мировой Разум, умственный потенциал и образ жизни. Это закон разворачивания Целого. Если мир следует Логосу, говорили вслед за древними греками философы Запада, то отступает Хаос и создается Гармония, космос; если мир следует дао, говорили вслед за древними китайцами мудрецы Востока, то Поднебесная живет в мире. И то, и другое, каждое по своему, организует жизнь во Вселенной. И могли ли в принципе Логос и Дао делать это на один манер, т.е. выполнять одинаковым образом свою мироустроительную функцию, если закон Целого – единство разного, функциональная асимметрия?

Много веков каждая из сторон этих двух парадигм считала (и сейчас еще продолжает считать), что именно она обладает полнотой знания. Однако эволюция человечества идет своим чередом независимо от той или иной точки зрения. Здесь мы можем лишь с ней соглашаться или ей противодействовать, но обычно из последнего ничего хорошего не получается.

Трактовка Логоса менялась от Гераклита к Стоикам. Затем от средневековых христиан – к софиологам XIX в. Греческий миф ушел в область неосознаваемых на сознательном уровне установок. Суть же Логоса – мировой Разум, воплощенное в слове Целое. Трактовка Целого причастна Бытию, причастна Истине. Оно будет всегда, сколько бы ни стремился ограниченный временем Ум предать его забвению. «Целое есть то, что имеет начало, середину и конец» в отличие от восточной вертикали: верх, низ и середина. Именно греческая концепция Целого привела со временем к концепции прогресса. Данная трактовка остается актуальной и в настоящий момент [см.: 1].

Логос (Наука) в Древней Греции приходит на смену Мифа. На смену Мифу приходит христианский Логос, где уже Слово-Логос есть тот творческий принцип, которым сотворено все сущее. В XVII в. Христианскую веру начинает теснить научное мышление.

Гераклит учил, что «вечный круговращающийся огонь (есть бог), судьба же – логос (разум), созидаящий сущее из противоположных стремлений»[там же] . Китайцы не считали возможным выделять какую-либо из стихий (воду, воздух или огонь) в качестве первоначала. Образовавшиеся в процессе круговращения ци – пять типов энергии (земля, вода, огонь, дерево, металл) – равно необходимы для существования жизни, хотя Лао-цзы и отдаст предпочтение воде (символ дао).

Греки акцентировали внимание на разумном аспекте мира – всем правит Логос. Мысль сама по себе доминирует в мире. Разумность – доминанта Ума (Нуса), определила характер последующей европейской философии, и человек разумный ощутил себя хозяином положения.

В отличие от Логоса Дао не созидает сущее из противоположных стремлений», а следует спонтанному ритму мира, где одно чередуется с другим, день приходит на смену ночи, тепло на смену холоду. Если греки акцентировали внимание на «разумном» аспекте мира и на созидании сущего «из противоположных стремлений», на «борьбе противоположностей», то китайцы – на этической стороне мира и на чередовании инь-ян, которые в строгом смысле не противоположны, ибо присутствуют друг в друге. Именно с этого момента и начинаются расхождения «логос-дао», хотя этика, гуманность также необходима для развития Ума, расширения сознания, как и Ум – для претворения этики в жизнь.

Дао – это не Разум мира, а его Путь. Если Логос «нечто явленное», то, по Лао-цзы, «явленное Дао не есть истинное (постоянное) Дао». Если Логос нечто «оформленное... сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания», противоположность всему стихийному, то Дао – самоестественно следует своей природе: «Человек следует земле, земля – небу, небо – Дао, а Дао самому себе» (Лао-цзы) [цит. по: 1].

Если сделать акцент на Единое (Одно) и на мудрость древних философов, то можно считать, что именно Гераклит и Лао-цзы отталкивались от такого Единого. Однако каждый из них шел в рамках корней своей традиции. Здесь уже не идет речь о сходстве. Ведь законы жизни не измеряются одной меркой. Ведь двое не могут быть похожими друг на друга, так же как некое Целое на другое Целое. Будучи не похожими, их роднит лишь один принцип – «все едино».

Основная идея «Даодэцзина» – путь ненасилия, ненарушения природы вещей, естественного ритма – следование естественному закону – дао. Сторонники учения о дао утверждали: «Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] дао, а дао следует самому себе» [2. §25]. В Китае, согласно традиционным взглядам, все определяет «воля Неба» (тяньмин), от него зависит богатство и бедность, счастье и несчастье. Если человек обладает личной силой (дэ), то ему не нужно бороться, само небо благоприятствует, посылает поддержку и может простолюдина сделать императором. Это не так невероятно, как может показаться, ибо речь идет о качестве и количестве той жизненной энергии, от которой, действительно, зависит судьба человека.

В греческой философии слово «начало» соответствует понятию – «архе». Так, Платон придает архе онтологический смысл – нечто неизменное, вечное. Архе – ключевое слово Аристотеля. Именно первоначальное представление об архе и узаконило принцип господства-подчинения, право главенства, власти одного над другим. Сегодня приставка «архи» (от архе) – показатель высшей степени власти, – главенство. Так, в христианской традиции – архиепископ, архиерей, архангел выражают этот смысл.

Если есть «власть», то невольно возникает вопрос: властвовать над чем? Здесь и возникает распадение мира на субъект и объект. Здесь субъект становится центром, а объект – периферия, подвластная центру в его инте-

ресах. По Аристотелю, принято считать, что противоположности (теплое – холодное, сухое – влажное) уничтожают друг друга во взаимной борьбе и разрешаются обратно в беспредельное, которое и понимается как Материя. Наш ум сегодня настроен на субъектно-объектный тип связи во всех сферах человеческой деятельности, начиная от языка и кончая социальной сферой отношений, где становится очевидностью принцип господства-подчинения. В этой ситуации сам человек «раздвоился».

Итак, какова модель мира, таков и способ мышления, и наоборот, каков способ мышления, такова и модель мира. «Все известные нам попытки объяснить происхождение мира и человеческой жизни в мифологии самых различных народов сводились к легендам, где основным мотивом была борьба между тьмой и светом, хаосом и порядком. Эта борьба представлялась как столкновение то между неведомыми стихиями, то между силами праматери-природы, то между духами и богами» [см.1]. А что касается европейской философии, то она просто закодирована уже на «борьбе» у Канта и у Гегеля, которые были убеждены, что лишь через действие сил борьбы и вражды возможно достижение всеобщего правового, гражданского состояния мира между народами.

Если сегодня «логос присущ всем», большинство людей живет так, как если бы они имели собственное понимание. При этом если люди и сталкиваются со сложившимся законом (логосом), то так или иначе они относятся к нему негативно, хотя и законопослушно-раболепно. Сегодня Логос так и не пробудился в сознании людей, не осветлил их души. А непросветленное сознание живет по своим законам, не отвечающим Истине. На уровне обыденного сознания всякая истинная идея превращается в свою противоположность.

Если сегодня относительно понятия «развитие» и выдвигается тезис «единства и борьбы противоположностей», то обычно одностороннее мышление сосредотачивает внимание не на «единство», а на «борьбе», которое и порождает различного рода комплексы «врага» и иллюзии силового решения той или иной проблемы. Ф. Энгельс писал, что «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [3, с. 545].

Считается, что в этом случае выход может быть лишь одним, так как какое значение имеет смысл властвования над миром, на три четверти поработанным, униженным, разрушенным. Однако, если властвовать, надо властвовать над всею жизнью, целиком охватив ее, слившись с ней; уметь привести все ее противоречивые силы в стройное равновесие в даосском понимании.

Процесс раздвоения оказался необратимым как в европейской, так и в русской философии. Понятие «архе» породило в свою очередь и понятие «анархе» (Шопенгауэр, Ницше, Бакунин). Именно «архе» можно считать тем генотипом, который «закодировал» Западный тип цивилизации. Имен-

но теперь приходится осознавать, что жесткая система связи Ян в наше время, находящееся на грани «бифуркации» имеет тенденцию к переходу в «несиловую», ненасильственный и, соответственно, с ориентацией на гибкую систему связей Инь. А причиной тому является хрупкость самой Жизни на нашей Планете. И именно эта переориентация уже «звучит» во всех сферах нашей культуры: и в науке, и в искусстве, в общественном сознании (потребность в добре, в милосердии).

Можно снова повторить, что взаимодействие сторон всегда образует Целое. В Целом обычно одна сторона – динамичная Функция устремленности вперед – (ЯН) должна уравниваться другой функцией – функцией покоя (ИНЬ). А это и есть Закон взаимного притяжения (ДАО). По аналогии – это вращение колеса на покоящей оси.

Несовпадение исторических ритмов Запада и Востока обусловлено несовпадением фаз развития, величиной пройденного пути с разницей в тысячелетия. Если бы одна сторона не уравнивалась другой, а удваивалась, – положим, образовалось бы два ЯН или избыток ИНЬ, – то произошла бы гибель Целого. Избыток ЯН или избыток ИНЬ неминуемо ведет к нарушению Великого Предела. Поэтому и были так озабочены мудрецы Востока законом Середины, Равновесия, видя в нем условие существования Целого. Одностороннее же нарастание энергии (ИНЬ или ЯН) ведет к ее самоистреблению [см. 1].

Если Логос – Огонь, то Дао – Вода. Свойство Огня – необратимость. Огонь по прямой восходит к Небу. («По прямому пути Бог приводит все в исполнение», – Платон.) Дао же обратимо: «Возвращение есть движение дао» («Даодэцзин») [там же]. Дао-вода колыхается туда-обратно. Логос-огонь, «созида сущее из противоположных стремлений», толкает к действию, к борьбе, преодолению, восхождению (какой смысл возвращаться в «бездну», к Хаосу, если он изначален?). Дао осуществляется не за счет столкновения противоположностей, а за счет их единства: инь-ян сами по себе следуют друг за другом, как солнце и луна, и не нужно их подталкивать, взрывать ситуацию ради перехода в иное состояние, делать Историю. Все идет своим чередом, все рождается из Небытия и возвращается в Небытие для нового цикла, но не за счет разрыва связей, а за счет наращивания силы: один виток находит на другой по мере реализации древа жизни. Дао олицетворяет память, верность изначальному, Основе.

Уравновесить две Вселенские силы, Огонь и Воду, тем более возможно, что они едины. По древнеиндийским представлениям, огонь и вода не только не противоречивы, но и пребывают друг в друге. Потому и потянулись Запад к Востоку, Восток к Западу, чтобы уравновесить крайности. И они встретятся, когда эти крайности уравновесятся в самом человеке, ибо в нем Все. Мы, действительно, переживаем момент фазового совпадения, предваряющего восхождение на новую ступень Эволюции, и как предсказывал Вернадский, планета перейдет в новое состояние, ибо прежнее исчерпало себя, и из Хаоса родится Ноосфера.

Может быть, устремленный к Логосу и следующий Дао мир сам по себе восходит к Добру. Тогда и осуществится всечеловеческая Энтелехия.

Литература

1. Григорьева, Т.П. Дао и Логос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.kiev.ua> Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев)
2. Даодэцзын // Философия Древнего Китая / составитель Ян Хин-Шун [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://Per as et Nefas /65c>.
3. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20.

О РАЗЛИЧИИ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ю. В. Дроняева, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

«Закат Европы» Освальда Шпенглера [1] направлен против линейной (линейной) картины всемирной истории. О.Шпенглер стремится противопоставить ей утверждение нелинейности культурно-исторического процесса и развивает теорию замкнутости и непроницаемости культурных миров. Он сам называет свою теорию культуры органицистской, т. е. развитие конкретной культуры рассматривается как органическая форма, в которой культура возникает, живет и умирает, т. е. проводится аналогия с растительным организмом. «Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей бесцельностью, подобно цветам в поле» [1, с. 56]. Весь пантеон культурологических исследований предпринят, в конечном счете, для определения судьбы западного мира, поскольку он обнаруживает симптомы старческой агонии европейской культуры. О. Шпенглер дает метафорическое определение культуры через понятия «организм», «личность», «художественное произведение» – чтобы подчеркнуть целостность культуры. Он выделяет восемь «великих культур»: египетскую, античную, индийскую, вавилонскую, китайскую, арабскую, западную, мексиканскую, опираясь в определении на интуицию и богатое знание культурологического материала. «Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм, писал он [1, с. 56–57].

Каждая культура предстает у него носительницей особой идеи, души. Культура – тело, в которое облачается душа. Судьба каждой культуры – своеобразный фатум, рок – представлена как расцвет и умирание культуры вследствие осуществления душой суммы возможностей народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук, прасимволов культуры. Превращение культуры в цивилизацию он рассматривает как окоченение тела культуры.

Дорогу он считает прасимволом египетской культуры в пространстве и во времени. Рассматривается ограниченное материальное тело античной

культуры, её аполлоническая душа. Дается характеристика антисториности этой культуры как выражения дионисийского культа фаллоса – знака сиюминутного настоящего.

Мир как пещера является, по Шпенглеру, прасимволом арабской души. Внутреннее пространство культуры представлено миром арабесок, фантазий и мистики. Для этой культуры характерна магическая математика, алгебра, алхимия, астрономия и астрология как соответствие прасимволу магической души.

Бесконечность рассматривается как прасимвол западной культуры, и виды деятельности соответствуют безграничности пространства. Этому содействует бесконечная мудрость и могущество западного Бога. Идеи бесконечности адекватны науке и философии. Согласно всей символике, определение западной культуры метафоризировано выражением фаустовской души. О.Шпенглер уделяет много внимания проблемам стиля культуры и символике искусства. Камень символизирует архитектуру Египта. Гармония обнажённого тела античности соответствует искусствам скульптуры и архитектуры. Готика и инструментальная музыка являются выражением фаустовской души в европейской культуре.

Соответствием роковому концу внутренней жизни духа культуры выступает последний этап, которым является цивилизация. Свои цивилизации у каждой культуры как драмы её смерти. Цивилизации – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством, за дорикой и готикой. Они – неизбежный конец, и, тем не менее, с внутренней необходимостью к ним всегда подходили» [1, с. 69]. У Шпенглера развивается концепция противоположности культуры и цивилизации, для каждой из которых характерны экспансия и гигантизм. О.Шпенглер проводит прямой параллелизм между угасанием античной культуры и современной западной, которая испытывает «закат», подобный эволюции греческой культуры в римскую цивилизацию. Далее с обстоятельностью эрудита Шпенглер дает характеристику мирового города как выражения цивилизации. Он пишет, что мировой город – это космополитизм вместо отечества; холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца и «общество» вместо государства, естественные права вместо приобретенных; деньги в качестве неорганического абстрактного фактора, лишенного связи с сущностью плодородной земли. Это состояние можно обозначить римской поговоркой: *ibi bene – ibi patria* (где хорошо, там и родина).

В мировом городе нет народа, а есть масса. Для него характерно непонимание традиций, борьба с которыми есть борьба против культуры, против знати, церкви, привилегий, династий, преданий в искусстве, границ по-

знаваемого в науке, её превосходящая крестьянский ум острая и холодная рассудочность, её натурализм совершенно нового склада, идущий гораздо дальше назад, чем у Сократа и Руссо, и непосредственно соприкасающийся в половых и социальных вопросах с первобытными инстинктами и условиями жизни. Главный принцип этой массы «*panem et circenses* (хлеба и зрелищ), который в наши дни опять живет под личиной борьбы за заработную плату и спорт. Все это составляет признаки новой по отношению к окончательно завершённой культуре поздней и лишённой будущего, однако неизбежной формы человеческого существования – цивилизации. Культура и цивилизация различаются так же, как риторика античности и журнализм, находящийся под властью денег, в современной западной цивилизации. Идеалы Платона и Канта, имевшие в виду высшее человечество, – это культурные феномены, а социализм, дарвинизм (половой отбор и борьба за существование), а также женский вопрос – это для живущего мозгом обитателя большого города, считает О. Шпенглер.

Характеризуя людей цивилизации в отличие от людей культуры в лице римлян, он изобличает их как бездушных, чуждых философии и искусства, наделенных животными и грубыми инстинктами и ценящих только материальные успехи. Таков человек римской цивилизации, обладающий интеллектом в отличие от греческой души античной культуры. Такое деление на культуру и цивилизацию свойственно не только античности. Так происходит с любой культурой, эволюционирующей в цивилизацию, характеризующейся появлением сильных духом, но совершенно неметафизических людей. Они-то и были осуществителями вавилонского, египетского, индийского, китайского, римского империализма [1, с. 70]. В Античности переход от культуры к цивилизации совершается в IV в. до н.э., в западноевропейской культуре этот переход происходит между 1800 и 2000г. С этого момента ареной больших духовных решений становится не вся страна, как это было раньше во времена культуры, когда каждая деревня играла свою роль, а 3–4 мировых города, как в цивилизации, а все остальное нисходит на уровень провинции, чтобы питать эти мировые города остатками своего высшего человеческого материала. Таким образом, мировой город и провинция – это новые формы истории, характерные для цивилизации, считает О. Шпенглер. Для цивилизации, считает Шпенглер, вместо сросшегося с землей народа характерен кочевник, паразит, житель большого города, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе человек фактов, интеллектуальный, но бесплодный, питающий глубокое отвращение к крестьянству и его высшей форме – провинциальному дворянству, а это большой шаг к неорганичности и к концу. Стать провинцией – это судьба и многих стран, не срастающихся с мировым городом.

Мировой город цивилизации исповедует космополитизм вместо отечества; холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу; научную иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца; «общество» вместо государства; естественные права вместо

приобретенных; гимнастика и турнир – это принадлежность культуры, а спорт – цивилизации, подобно тому, как в Античности различались греческая палестра и римский цирк. В каждом греке есть что-то от Дон-Кихота, в каждом римляnine – от Санчо Пансы гротесково заостряет различие культуры и цивилизации О.Шпенглер.

В отличие от культурного мира, энергия которого устремлена внутрь, энергия цивилизованного направлена на внешнее. Эта тенденция к расширению есть рок, нечто демоническое и чудовищное, охватывающее позднего человека эпохи мировых городов. Будущность Запада не есть безграничное движение вверх и вперед по линии наших идеалов. Но строго ограниченный в отношении формы и длительности и неизбежно предопределенный, измеряемый несколькими столетиями частный феномен истории, который можно на основании имеющихся примеров обозреть и определить в его существенных чертах [1, с. 79]. Современность Запада есть фаза цивилизации, но не культуры. И изменить это невозможно, сколько бы мы не облачали сожаление в одеяние пессимистической философии и лирики. Мы люди цивилизации и промышленного дизайна, а не готики или рококо. Нам приходится иметь дело с холодными и суровыми фактами поздней эпохи, параллели с которыми можем найти не в Перикловых Афинах, а в цезарском Риме.

О великой живописи или музыке среди западноевропейских условий не может быть и речи. Архитектонические способности западноевропейского человека вот уже исчерпаны столетие назад. В области архитектуры, драмы и живописи невозможны никакие завоевания, считает Шпенглер. Исходя из этого, он дает следующий совет новому поколению: «Если под влиянием этой книги люди нового поколения возьмутся за технику вместо лирики, за мореходное дело вместо живописи, за политику вместо теории познания, то поступят так, как я того желаю, и ничего лучшего им нельзя пожелать» [1, с. 81-82]. Развитие культуры в цивилизацию общее направление истории.

Эта одна из точек зрения, и она плодотворна тем, что поставила проблему этих феноменов, но в них ли дело, когда речь идет об исторической эволюции культуры. Есть совсем другие точки зрения: от неразличения культуры и цивилизации с тех пор, когда человечество шагнуло в городскую культуру (*civis* – городской) до понимания развития мировой цивилизации, осуществляемой через многообразие культур, возникающих в различных культурных регионах.

Такую точку зрения выдвинул К. Ясперс в середине XX в. Уже в осевое время VIII-II вв. до н.э. рефлексивная мысль сменила мифологическое мышление древних цивилизаций в четырех регионах мира: на Западе, на Востоке Запада (зороастрийский и иерусалимский Восток, затем и мусульманский), в Китае и Индии. Коллективное бессознательное и его архетипы сыграли свою роль в становлении менталитетов и различении культур в общем процессе цивилизационного развития. По мере этого развития в осевые культуры входили и другие народы со своим менталитетом, вносящем

разнообразие в складывающуюся универсальность. И в этом едином цивилизационном глобализирующемся процессе стало возможным на основе ментальных различий этой универсальности выделить такие типы существующих ныне культур, как 1) западноевропейский с греко-римскими корнями; 2) американский тип, отпочковавшийся от западноевропейского, но приобретший свою специфику; 3) восточнославянский, или русский тип культуры, сформировавшийся на Востоке, восприняв черты своих европейских и азиатских народностей и духовное влияние Византии [2, с. 98]; 4) арабо-исламский тип культуры, выросший из персо-иранских корней на основе исламского религиозного менталитета, но распространившийся далеко за пределы Аравийского полуострова, охватив островной мир Тихого океана и Африку; 5) индо-буддийский тип культуры, характерный не только для Индии, но и для большинства стран Индийского и Тихоокеанского регионов; 6) дальневосточно-конфуцианский тип культуры, возникший и существующий в Китае и странах, находящихся под давлением его политических структур (Северный Вьетнам, Корея, Япония до сёгунов) [3, с. 138–139]. Естественно за внеосевыми (околоосевыми) народами остается возможность втягиваться в единый мировой цивилизационный путь развития в своем типологическом культурном своеобразии.

Современный политолог Сэмюэль Хантингтон полагает, что «нереальной является парадигма единого мира, где существует или в ближайшие годы возникнет универсальная цивилизация. Очевидно, что ныне люди обладают, как и обладали в течение тысячелетий, общими чертами, которые отличают их от других существ. Эти черты всегда были совместимы с существованием множества очень разных культур. Довод о том, что сейчас появляется универсальная культура или цивилизация, не выдерживает даже беглого анализа» [4, с. 56]. Он разделяет мир в соответствии с менталитетом и считает, что вера и семья, кровь и предания – вот с чем идентифицируют себя люди в современном мире, поэтому мир будет формироваться в значительной степени под влиянием культурного фактора, на основе которого он выделяет следующие культуры (локальные цивилизации): западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, славяно-православную, латино-американскую, и, возможно, африканскую.

Литература

1. Шпенглер, О. Закат Европы. – Новосибирск, 1991. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. – Новосибирск : Наука, 1993. – 592 с.
2. Ясперс, К. Мировая история / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С.29–99.
3. Сысоева, Л.С. Осевое время К. Ясперса как основание типологии культур / Л.С. Сысоева // Культура как способ бытия человека в мире. – Томск : Изд-во НТЛ, 2000. – С. 136–139.
4. Полис. – 1994. – № 1. – С. 49–57.

ГРАНИЦЫ МАТЕМАТИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Т. А. Еретина

Томский государственный педагогический университет

Данная тема может быть представлена как частный случай традиционных проблем онтологии, теории познания и философии науки.

В онтологическом плане проблема математизации социологического знания предстает как частный случай проблемы взаимоотношений качества и количества, формы и содержания.

В плане проблем философии науки она напрямую связана с такими проблемами как:

- 1) Проблема специфики гуманитарного знания;
- 2) Проблема содержательной интерпретации математических формализмов в науке;
- 3) Проблема взаимодействия и взаимовлияние различных научных дисциплин и т.д.

Проблема границ математизации социологического знания является одним из вопросов, который связан с основными проблемами философии науки.

Современная социология применяет математико-статистические методы практически в каждом эмпирическом исследовании. Но, так было не всегда. Математический аппарат социолога рос «...параллельно и взаимосвязано развитию метрических дисциплин, как в естественных и инженерных, так и в гуманитарных, социальных (например, измерения в социологии) областях, что способствовало их оформлению в науке с точки зрения требований строгости, доказательности, объективности, верифицируемости и пр.» [1, с. 6].

Ф. Гальтон в конце XIX века положил начало настоящей прикладной статистики, а в конце XX получила широкое распространение современная вычислительная техника, которая используется в купе с математическими методами по сей день. Конечно, уровень использования количественных методов в современных исследованиях значительно вырос. Так, если в 1888 году Ф. Гальтон выступил с докладом на заседании Королевского общества «Корреляции и их измерение, преимущество по антропометрическим данным», где естественно, корреляция выступала как новый метод в исследованиях, то сейчас применяются далеко ушедшие в сложности и позволяющие проверять сложные и дифференцированные гипотезы, такие методы как, дискриминатный и логлинейный анализ, а также сложные в разработке методологии, например, структурное моделирование.

Чтобы более широко охватить применение математико-статистических (количественных) методов в социологических исследованиях и определить границы математизации социологического знания предлагаю начать исследование с определения термина «знание».

«Знание – результат процесса познания действительности, получивший подтверждение в практике; адекватное отражение объективной реальности в сознании человека (представления, понятия, суждения, теории). Знание фиксируется в знаках естественных и искусственных языков... Для фиксации научного знания используется научный язык с точными понятиями, допускающий применение математического аппарата для обработки и сжатого выражения полученных данных...», с этой целью, например, в социологическом исследовании используются аппарат теории вероятностей, а также алгебры и математического анализа [2, с. 113].

Знания, используемые социологией в математической статистике, заимствованы как уже указывалось выше из аппарата алгебры, математического анализа и теории вероятностей. Данное суждение, возможно, аргументировать при помощи следующих примеров. Построение одномерных распределений количественных признаков и способы графического выражения вариационного ряда и «Огивы Гальтона», применяемые в математической статистике заимствованы из математического анализа; метод решения таблиц 2×2 (коэффициенты ассоциации и контингенции, их связь с коэффициентами для таблиц $k \times l$) заимствован из алгебры (матрицы), а законы распределения случайных величин, как впрочем и основная терминология математической статистики целиком заимствованы из теории вероятностей.

В своей книге «О природе математического знания» Рузавин Г.И. указывает на то, что если нам необходимо «... исследовать математические отношения в чистом виде, необходимо ... абстрагироваться от других свойств и отношений вещей ... современная математика оказывается более приспособленной для анализа количественной стороны процессов, изучаемых в ... общественных науках» [3, с. 7].

Количественная определённость предмета позволяет понять сущность закона перехода количественных изменений в качественные и наоборот. Количество можно увеличить или уменьшить и при этом предмет не утратит своего качественного состояния. Говоря о количестве мы говорим о количестве данного качества.

Взаимозависимость качества и количества выражается понятием меры. «Предмет как качественная определенность может существовать в связи не со всяким, а с известным, хотя и колеблющимся в известных границах, количеством, а количественные границы его изменений обусловлены качественной определенностью предмета» [4]

Приняв во внимание качественную специфику общества (как объекта социологии) – социальных взаимодействий и отношений, социального процесса, можно понять, почему законы физики или, скажем, биологии непригодны для объяснения закономерностей и качественных характеристик отношений на всех уровнях общества. Дело в том, что человеческое общество существует и развивается по своим социальным законам и закономерностям, устанавливающим социальный генезис того или иного явления или

процесса, их роли и места в развитии и функционировании социальной системы или социальной сферы общественной жизни в целом.

В социологии связь явлений и процессов социальной действительности определяется с помощью статистических законов, характеризующих некоторое свойство или признак, присущий классу изучаемых нами объектов. Математико-статистические методы сбора социологической информации как способ построения и обоснования системы знания относятся к методам социологического исследования. Одним из способов этого метода является измерение, суть которого заключается в соотнесении объекта социальной действительности с определённой числовой осью. В зависимости от целей, задач и установок исследования измеряются и соответствующие свойства исследуемого объекта, которым приписываются числовые значения. Отображая определённые свойства объекта, числовые значения образуют числовую систему – шкалу. Присвоение числовых значений происходит не жёстко, а с определённой вероятностью в связи с качественной спецификой общества. Шкала и система оценочных суждений разрабатывается исследователем в соответствии с целью, задачами, объектом и предметом исследования. При разработке шкалы измерений выделение из социального универсума одной переменной в качестве предмета исследования подразумевается исследователем априори. Приписанные пунктам шкалы значения именуются псевдометрическими, т.к. «создают лишь иллюзию действительного, в строгом математическом смысле слова, измерения» [5].

Изучая количественную определённость как сложный процесс, предполагающий способность абстрагирования от качественного многообразия предмета, происходит углубление познания, способствующего раскрытию законов и закономерностей. Исследование количественных процессов должно происходить в тесной связи с качественной определённостью, остерегаясь абсолютизации количественного способа изучения.

Выявление количественных отношений в социологии происходит за счет шкалирования. Можно утверждать, что границы математизации совпадают с границами шкалирования.

Более того, степень математизации зависит от вида применяемой шкалы. Чем сложнее используемая шкала, тем больше применяется сложных математических действий на основе этой шкалы, а соответственно усложняется и интерпретация этой шкалы. Так, при использовании номинальной шкалы присвоение ей каких-либо бальных значений не рационально, т.к. рассматриваемые объекты принадлежат к заведомо разным классам. В порядковой же шкале между рассматриваемыми объектами или его свойствами возможно выявление иерархии соподчинённости. Именно порядковые шкалы это суть псевдометрические шкалы, т.к. присваиваемые бальные значения скорее являются семиотическими, чем строго арифметическими. Здесь важнее всего присвоение всем позициям во всех используемых суждениях, одного и того же числового ряда. Шкала отношений, предусматривает экс-

периментально установленную точку отсчёта и на самом деле только внешне не «строго математична», но скорее всё же носит логический характер.

Анализ социологического знания и практики социологических исследований показывают связь между степенью общности теоретических понятий социологии и видом применяемой шкалы. Наиболее общие понятия социологии, составляющие ее теоретическую основу (социальные отношения, социальные роли и институты и т.д.) как правило, могут быть репрезентированы только номинальной шкалой, на которой выполнимы только отношения только равенства и неравенства. Наиболее содержательные в математическом отношении шкалы применяются, как правило, к более узким по объему понятиям, репрезентирующим специфику бытия единичных социальных объектов.

Таким образом, можно сделать вывод, что степень математизации социологического знания убывает с ростом степени общности социологического знания.

Б.В. Гнеденко, известный отечественный математик писал «В наше время математизация знаний совершает своеобразный победный марш. Многие области науки и практики, до самого последнего времени находившиеся вдали от использования математических средств исследования, теперь усиленно стремятся наверстать упущенное. Причина этого, конечно, заключается не в преходящей моде, а в том, что чисто качественное исследование явлений природы, экономики, врачебного дела, организации производства, как правило, оказывается недостаточным»

Литература

1. Дункан Крамер. Математическая обработка данных в социальных науках. Современные методы. – М.: Академия, 2007. – 288 с.
2. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. – М.: Владос, 1997. – 384 с.
3. Рузавин Г.И. О природе математического знания. Очерки по методологии математики – М.: Мысль, 1968. – 302 с.
4. Константинов Ф.В. Диалектический материализм. Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев). Электронный ресурс: Н:\PSYLIB® – Ф_ В_ Константинов и др_ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.mht
5. Агабекян Р.Л., Кириченко М.М., Усатилов С.В. Математические методы в социологии. Анализ данных и логика вывода в эмпирическом исследовании. – Ростов-н/Д: Феникс, 2005. – 192 с.
6. Гегель Г.В.Ф. «Наука логики». – М.: Мысль, 1999
7. Чистяков В.П. Курс теории вероятностей. – СПб.: Лань, 2003
8. Гнеденко Б.В. Введение в специальность математика, М.: Наука, 1991.

ГРАНИЦЫ МАТЕМАТИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Т. А. Еретина

Томский государственный педагогический университет

*В любом учении научного ровно столько,
сколько в нем математического.*

Философы

Нередко под математизацией науки понимают «использование математического языка не только в физике, но и в других науках о природе» [1, с. 83], а также внедрение математических методов в области, ранее весьма далеких от их влияния экономику, медицину, педагогику, психологию, лингвистику и даже теорию искусства [2, с. 245].

В плане проблем философии науки актуальность определения границ математизации социологического знания напрямую связана с такими проблемами как:

1. Проблема специфики гуманитарного знания;
2. Проблема содержательной интерпретации математических формализмов в науке;
3. Проблема взаимодействия и взаимовлияние различных научных дисциплин и т.д.

Проблема границ математизации социологического знания является одним из вопросов, который связан с основными проблемами философии науки.

Современная социология применяет математико-статистические методы практически в каждом эмпирическом исследовании. Но, так было не всегда. Математический аппарат социолога рос «...параллельно и взаимосвязано развитию метрических дисциплин, как в естественных и инженерных, так и в гуманитарных, социальных (например, измерения в социологии) областях, что способствовало их оформлению в науке с точки зрения требований строгости, доказательности, объективности, верифицируемости и пр.» [3, с. 6].

Ф. Гальтон в конце XIX века положил начало настоящей прикладной статистики, а в конце XX получила широкое распространение современная вычислительная техника, которая используется в купе с математическими методами по сей день. Конечно, уровень использования количественных методов в современных исследованиях значительно вырос. Так, если в 1888 году Ф. Гальтон выступил с докладом на заседании Королевского общества «Корреляции и их измерение, преимущество по антропометрическим данным», где естественно, корреляция выступала как новый метод в исследованиях, то сейчас применяются далеко ушедшие в сложности и позволяющие проверять сложные и дифференцированные гипотезы, такие методы

как, дискриминатный и логлинейный анализ, а также сложные в разработке методологии, например, структурное моделирование.

Чтобы более широко охватить применение математико-статистических (количественных) методов в социологических исследованиях и определить границы математизации социологического знания предлагаю начать исследование с определения термина «знание».

«Знание – результат процесса познания действительности, получивший подтверждение в практике; адекватное отражение объективной реальности в сознании человека (представления, понятия, суждения, теории). Знание фиксируется в знаках естественных и искусственных языков... Для фиксации научного знания используется научный язык с точными понятиями, допускающий применение математического аппарата для обработки и сжатого выражения полученных данных...», с этой целью, например, в социологическом исследовании используются аппарат теории вероятностей, а также алгебры и математического анализа [4, с. 113].

Знания, используемые социологией в математической статистике, заимствованы как уже указывалось выше из аппарата алгебры, математического анализа и теории вероятностей. Данное суждение, возможно, аргументировать при помощи следующих примеров. Построение одномерных распределений количественных признаков и способы графического выражения вариационного ряда и «Огивы Гальтона», применяемые в математической статистике заимствованы из математического анализа; метод решения таблиц 2×2 (коэффициенты ассоциации и контингенции, их связь с коэффициентами для таблиц $k \times l$) заимствован из алгебры (матрицы), а законы распределения случайных величин, как впрочем и основная терминология математической статистики целиком заимствованы из теории вероятностей.

Здесь, так или иначе, нам придётся коснуться онтологических проблем границ математизации, а именно, вопросов об измерении как средстве математизации и количественном отношении (шкалировании) как мы выясним в дальнейшем – границе математизации.

«...Эмпирическое знание – результат применения эмпирических методов познания – ... **измерения**, ... Оно, как правило, констатирует качественные и количественные характеристики объектов и явлений. Устойчивая повторяемость связей между эмпирическими характеристиками выражается с помощью эмпирических законов, часто носящих вероятностный характер...» [5, с. 113].

«Измерение» в математике – это познавательный процесс, в котором определяется отношение одной измеряемой величины к другой однородной величине, принимаемой за единицу времени [5]. Данное определение характерно для измерения количественных, а не качественных признаков. Причина – отсутствие общих эталонов и единиц измерения.

Результатом интеграции количественных методов измерения в качественные, явилось возникновение числовой модели объекта [6]. Таким образом, установилось соответствие между набором свойств объекта и сопос-

тавленных им чисел – шкала. Характерной особенностью шкал является наличие или отсутствие единиц измерения, а также допустимость арифметических операций. Указанные характеристики говорят о сложности или уровне шкалы [7, с. 9].

«Чем выше уровень шкалы, тем уже круг допустимых преобразований чисел, тем больше арифметических свойств реализуется и, тем самым, шире применяемый статистический аппарат» [7, с. 9]. Отсюда мы можем выдвинуть тезис, согласно которому, шкалирование рассматривается как необходимое условие математизации социологического знания, соответственно, следует – границы шкалирования и есть границы математизации.

Распространённое в практике социологического исследования использование математических символов и терминологии математики, является наглядным примером использования социологией математических знаний и математического языка.

Здесь актуально перейти к проблеме взаимодействия знаний различных дисциплин.

Говоря о математическом языке нельзя не сказать и о языке социологии. Общие требования, предъявляемые к научному языку, объединяют язык социологии и язык математики. Язык науки – это система понятий, знаков, символов создаваемых и используемых для получения, обработки, хранения и применения знаний. Язык каждой науки отличается точностью и однозначностью своих понятий. Но, что для нас важнее всего, так это то, что «язык науки возникает и формируется как орудие познания определённой области явлений, и его специфика определяется как особенностями изучаемой области, так и методами её познания» [4, с. 382].

В количественных методах социологических исследований используется язык математической статистики, это определения, специальные символы, формулы, теоремы с их доказательствами, леммы, а «...место обычного в процессе рассуждения оперирования идеальными смыслами занимает манипулирование материальными вещами – цепочками знаков. Выведение одних идей из других превращается в «вычисление» по простым правилам» [4, с. 383]. В свою очередь, математическая статистика (как прикладная наука теории вероятностей), заимствует основную часть языка у аппарата теории вероятностей, а та из аппарата математического анализа и алгебры.

Полученный/конечный язык, как правило, в большинстве своём являет язык из заимствованного аппарата, но уже со своими специфичными дополнениями. Так, приведём в пример определение математической статистики: «случайная выборка объёма n (или просто *выборка*) – это случайный вектор (x_1, x_2, \dots, x_n) , где $x_k, k = 1, \dots, n$, независимы и одинаково распределены с $P(x_k < x) = F_\xi(x)$. Случайная выборка является математической моделью независимых измерений, проводимых в одинаковых условиях» [8, с. 187]. В данном примере все символы и принцип вычислений заимствованы из аппарата теории вероятностей, но вышеуказанный термин «выборка» в теории вероятностей отсутствует. Конечно, по мере развития и усложне-

ния аппарата, вводятся не только новые термины, но также, новые символы, теории и т.д. Если выражаться языком математики, то можно сказать, что язык математической статистики является подмножеством множества языка теории вероятностей.

Зададимся вопросом «какое математическое знание можно использовать в социологии, а в частности количественных методах социологических исследований?». На примере мы показали, что возможно использование всего аппарата теории вероятностей или если смотреть уже, то всего аппарата математической статистики, но с одним *но*, всякая интеграция заимствованного знания должна вестись с учётом специфики того знания, в которое оно интегрируется, в нашем случае в знание социологии. Данная специфика является ограничением полного использования математического аппарата у заимствованного знания.

Но, исходя из этого, можно сказать, что «математизация всегда была и продолжает оставаться средством теоретизации научного знания, развитие которого оказывает мощное воздействие на саму математику» [9].

Это ограничение ведёт к появлению новой терминологии и символов, формул, теорем и лемм и т.д., а соответственно и к определению границ математизации социологического знания.

Литература

1. Акчурин И.А. Математизация как принцип единства физических теорий // Методологические принципы физики / Отв. ред. Н.Ф.Овчинников и Б.М.Кедров. М. : Наука. 1975. – С. 204–224.
2. Арнольд В.И. Математика и физика: родитель и дитя или сестра // Успехи физических наук. – 1999. – № 12. – С. 1311–1323.
3. Дункан Крамер. Математическая обработка данных в социальных науках. Современные методы. – М.: Академия, 2007. – 288 с.
4. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. – М. : Владос, 1997. – 384 с.
5. Философская энциклопедия. Т. 2. – М. 1967. – 244 с.
6. Пфанцгль И. Теория измерения. – М., 1976. – 23 с.
7. Паниотто В.И., Максименко В.С. Количественные методы в социологических исследованиях.
8. Чистяков В.П. Курс теории вероятностей. – СПб. : Лань, 2003. – 272 с.
9. Визгин Вл.П. Математизация физики. Кафедра философии. Физтех-портал. МФТИ. Физтех-центр.

РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

А. В. Жидков

Томский государственный университет систем управления и электроники

Мы живём в 21 веке. Он настолько стремителен, что человеку некогда задумываться о сущности бытия, своём предназначении. Вы согласны с данной парадигмой? А откуда вы черпаете убеждённость: вы эмпирическим путём пришли к подобным умозаключениям или приняли, как должное высказывание других людей? В зависимости от того, как вы ответите на последний вопрос, можно сказать, насколько сформировано ваше мировоззрение. Наше адекватное мировоззрение – это единственное оружие, которое имеется в нашем распоряжении в борьбе с окружающим миром. Предвижу многочисленные возражения со стороны оппонентов: «Зачем воевать с миром, когда к нему можно приспособиться». Отвечу вопросом на вопрос: «А если окружающий мир приспособить под себя?» Согласен, звучит несколько в духе Гебеля, но если внимательно присмотреться к сегодняшней действительности России, то становится понятно, что большинством граждан отвергается коммунистическая система ценностей, а ничего нового государство россиянам предложить не может. Уже не первый год ведутся поиски «национальной идеи». А как вам такой взгляд на проблему: «Национальной идеей» любой нации является жизнь и благо ее страны и каждого отдельно взятого нормального ее гражданина, а не политиков, которые призывают народ искать «нацидею», дабы отвлечь его внимание от проблем и противоречий происходящего. Пока народ ищет «нацидею», его отдельные представители разговаривают то, что ему принадлежит» [1]. Это высказывание выдающегося исследователя молодёжной политики – Игоря Михайловича Ильинского. Стоит задуматься, носителем какого мировоззрения является каждый из нас? Ведь главной особенностью мировоззрения является то, что оно всегда чье-то – индивида, социальной группы, эпохи, представленной конкретными лицами. Нет безличного, анонимного мировоззрения, в центре всякого мировоззрения стоит определенный субъект. А, следовательно, каждый самостоятельно формирует своё мировоззрение. Изначально, под воздействием близкого окружения, затем вступает в процесс социум. «Социальной основой и целью прогрессивного демократического развития общества выступает свободный самодетельный человек, самостоятельно формирующий свой внутренний, субъективный мир и принципы жизнедеятельности, сознательно выбирающий условия своего социального существования. Система мировоззрения как социальное «ядро» личности обуславливает ее целостность, ответственность, рациональную и адекватную ориентацию в обществе» [2, с. 215].

Молодёжь, вечно бунтующая и протестующая против догматов общества, требующая свободы выбора, получает возможность самостоятельно формировать своё мировоззрение. Однако, как говорил известный математик, физик и философ Анри Пуанкаре: «есть две одинаково удобные позиции: либо верить во всё, либо во всем сомневаться; то и другое избавляет от необходимости думать». Как видно из высказывания, есть еще и третий подход: прежде чем поверить в информацию или отвергнуть ее, предварительно можно подумать – оценить критически. Но процесс осмысления и размышления слишком сложен для большинства представителей современной российской молодёжи. Как следствие, негативизм в отношении сложной, на первый взгляд науки – философии. «Философия является обязательной, но не специальной дисциплиной, не имеющей (в сознании студентов) ясного отношения к основной цели их обучения получению конкретной специальности. Вытекающее отсюда априорно негативное отношение, связанное с необходимостью посещать занятия и сдавать экзамены по предмету, который осознается как «лишний», «ненужный». Так обозначает проблему в своей «Методике преподавания философии» А.Н. Книгин [3] Так ли уж необходимо изучение философии студентам технических вузов?

Чтобы разобраться в ситуации, вновь обратимся к опыту маститых учёных. «Мы вступили в новый этап мировой войны – войны информационно-психологической. Она отодвигает вооруженные формы ее ведения на крайний, последний случай. Зачем бомбить заводы и фабрики, – вопрошает он, – стирая их с лица земли, чтобы потом восстанавливать, если есть разного рода «идеальные» (от слова «идея»), «социальные», «информационные» и «психологические» бомбы, которые в совокупности не менее эффективны, чем ядерное оружие?» [4, с. 304]. Как защитить себя от психологической атаки? Как не стать игрушкой в руках умелых манипуляторов? Ответ прост – вооружиться. Самим овладеть технологиями и нанести упреждающий удар. Каждый человек может и должен выработать собственную систему ценностей, при этом не забывая о том, что живёт он всё – таки в социуме и его мировосприятие не должно идти в разрез с общепринятыми нравственными нормами. Общество формирует молодёжи социальный заказ – каким хотят видеть мир сегодняшние взрослые через 15 – 20 лет, но при этом забывают об эволюции. Сегодняшняя молодёжь на практике видит несостоятельность тех идеалов, в которые верили их родители. Семья уже перестаёт быть адептом мировоззрения. Учитесь мыслить и рассуждать самостоятельно. Только аргументировано, можно убедить оппонента в правоте своей идеи.

А когда её носителем станет большинство, то уже никто не вспомнит, кому она принадлежала изначально. Хотите быть свободными и жить в свободном мире, изучайте философию, овладевайте технологией дебатов, учитесь отстаивать свои идеи, ищите пути их продвижения в жизнь.

Литература

1. Ильинский И.М. Мера свободы определяется уровнем ума и воли человека» [Электронный ресурс] Режим доступа // <http://www.ilinskiy.ru/>

2. Грицанов А.А. Новейший философский словарь, М., Изд-во «Моя планета», 2008. – 420 с.
3. Книгин А.Н. Программа лекционного курса и курса практических занятий «Методика преподавания философии». <http://www.humanities.edu.ru>
4. Ильинский И. М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. – М., 2006. – 654 с.

ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ В ФИЛОСОФИИ

Н. Н. Коненко

Томский государственный педагогический университет

С давних времен человека стала волновать тема смерти и жизни. Многие ученые, философы, основоположники религий, деятели искусства и литературы, педагоги и медики размышляли над жизнью и смертью. Обыгрывали эту тему в своих произведениях, таким образом, передавая людям свое понимание и решение данной проблемы. И сейчас вряд ли можно найти человека, который не задумывался бы о смысле своего существования, предстоящей смерти и достижении бессмертия.

Однажды я задалась вопросом: А зачем человек живет, творит, ставит перед собой цели и стремиться их достичь, если все заканчивается смертью? Человек умирает, просто перестает существовать, а пройдет время и о нем уже никто не вспомнит, перестанут говорить о его делах, все станет неважным и ненужным. А может все наоборот, а может человек может найти свое бессмертие?

Проблема бессмертия в философии тесно связана с проблемой смысла жизни. Осознание того, что человек живет лишь один раз и смерть неизбежна, со всей остротой выдвигает перед ним вопрос о смысле жизни. Человеку необходимо найти смысл в своей жизни для того, чтобы был смысл и в его бессмертии.

В самой философии существуют различные взгляды на проблему смерти и бессмертия. Но для начала мы должны познакомиться с определениями смерти и бессмертия, которые дает философия.

Смерть – в науке – естественное и необратимое прекращение жизнедеятельности биологической системы. В философии смертность человека рассматривается не столько как природный, сколько как социальный феномен, требующий рационального восприятия и осмысления. Уже реконструкция захоронений неандертальцев свидетельствует о наличии у них представлений о неоконченности человеческого существования со смертью. Это представление древних позднее привело к понятию бессмертия и бессмертной бестелесной души [1, с. 625].

Бессмертие – понятие, обозначающее преодоление смертности и забвения человека и человеческого рода. Можно выделить следующие наиболее часто употребляемые смыслы и соответствующие им виды бессмертия:

действительное душевно-телесное продолжение жизни индивида после смерти (личное Б.); существование после смерти некой безличной психической сущности, которая поглощается абсолютной духовной субстанцией, Богом (метафизическое Б.); достижение на земле или в человеческом разуме некоторого вечного, непреходящего качества жизни (идеальное Б.); перевоплощение живущих на этой земле индивидов в будущие человеческие или другие живые формы (Б. как реинкарнация или переселение душ); осуществление природно-биологической бесконечности человека, продолжение человеческой жизни через потомство (биогенетическое Б.); включение в вечный кругооборот природы субстрата человеческой телесности (материальное, физико-химическое Б.); бесконечное воздействие, влияние жизни и творчества когда-то жившего человека на умы, поступки и деятельность последующих поколений (социокультурное Б.); проявление значимости последствий прошлых событий человеческой истории в настоящем и сколь угодно далеком будущем (историческое Б.) [1, с. 75].

Для того чтобы определить философскую трактовку бессмертия, необходимо различить философскую, религиозную, научную и обыденные трактовки бессмертия.

Все *религии* признают, что в человеке есть нечто, продолжающее жить и после того, как заканчивается его телесное бытие. Бессмертию духа, или души, или психофизической сущности уделено немало места в священных писаниях. После смерти тела душе предстоит перейти в иное бытие, – будь то в раю, или в аду, или на земле, но в виде иного существа, или в воскрешенном теле, или в слиянии с бесконечным Абсолютом [2].

С *научной точки зрения*, бессмертие – идея о возможности бесконечно долгого существования биологического организма [3]. И для осуществления этой идеи, наука уже долгое время изобретает различные способы prolongации человеческой жизни и достижения бессмертия. Уже сейчас есть несколько способов достижения бессмертия:

1. Загрузка (Mind uploading), когда человеческое сознание считывается из мозга и записывается в компьютер, где оно может существовать сколь угодно долго.
2. Хирургическая пересадка новых органов или пересадка мозга в новое тело. Метод простой, но требует решения проблем несовместимости.
3. Киборгизация – замена недолговечных органов на механические и кибернетические. Проблема в том, что таким образом невозможно заменить мозг.
4. Наномедицина – наполнение человеческого организма нанороботами, которые будут поддерживать тело человека в здоровом состоянии.
5. Модификация генетического кода с помощью вирусов, удаляющая все программы старения, такие как сокращение теломер и т.д. [3].

В обыденной жизни человеку более привычна религиозная трактовка бессмертия. Многие люди допускают наличие у человека бессмертной души, которая будет жить после смерти человека где-то в другом мире. Некоторые же наоборот опровергают наличие бессмертной души, а бессмертие видят в предметах деятельности того или иного человека (картины, научные труды, произведения и т.п.) А благодаря современным научным открытиям появляется все больше людей, которые разделяют научную точку зрения и уверены в том, что человек сможет обрести телесное бессмертие и жить вечно.

Вследствие этого мы можем сказать, что каждый из видов бессмертия психологически связан с преодолением смертности либо через продолжение жизни в потомстве, либо в результате своей деятельности.

Проблема жизни и бессмертия в различные времена рассматривалась не одинаково. Так древние египтяне считали земное существование подготовкой к загробной жизни. Древние японцы считали, что человек после смерти продолжает жить в своих потомках. Отрицание бессмертия характерно для таких религий как буддизм, зороастризм (Иран), иудаизм, доасизм (Китай). В классический период древнегреческой философии были приняты попытки преодоления страха смерти.

Платон, основоположник *идеализма*, создал учение о человеке, состоящем из двух частей, – бессмертной души и смертного тела. Смерть, согласно этому учению, есть процесс отделения души от тела, ее освобождение из «темницы», где она пребывает в земной жизни. Тело, по мнению Платона, в результате смерти превращается в прах и тлен.

Иное понимание смерти характерно для *материалистического направления*. Учение атомистов – стоиков страх перед смертью снимает через признание ее естественным и закономерным фактом жизни, которого не следует страшиться в силу невозможности его прочувствовать: согласно Эпикуру, душа со смертью человека распадается на атомы и, следовательно, человеку уже все безразлично, он ничего не чувствует [1, с. 625] Таким образом, Эпикур считал, что смерти не надо бояться, ибо пока мы живы, ее еще нет, а когда она приходит – нас уже нет.

Так же особо следует отметить роль *философов-экзистенциалистов XX века*: французов Сартра, Камю; немцев – Хайдеггера, Ясперса и др. Они рассматривают «жизнь как бытие к смерти». Они считают, что проблема смерти становится для людей актуальной в критических ситуациях, «пограничных» между жизнью и смертью. В таких ситуациях человек встает перед выбором смерти и жизни. Он может отдаться движению смерти (самоубийство), либо проявить волю к жизни.

В результате, по мнению философов-экзистенциалистов, угроза смерти заставляет людей задуматься о смысле и содержании прожитой жизни. Перед лицом смерти человек способен обрести понимание смысла жизни, освободившись от ложных целей и ненужных мелочей. Он начинает иначе смотреть на себя и окружающий мир. В этот момент, по их мнению, он спо-

собен обрести себя, свою сущность и свободу. Ценности, которыми он прежде руководствовался, теряют для него значение. Свобода, которую он обрел, позволяет ему определить свое будущее и наметить программу новой жизни. В результате возникают условия и возможности, чтобы человек из индивида, которым он был до возникновения «пограничной ситуации», стал подлинной личностью [4].

Как видно религиозные и идеалистические учения сравнительно легко справляются с проблемой бессмертия человека. Но в отличие от них философы-материалисты утверждают, что душа человека смертна и умирает вместе с телом. Вследствие этого они сталкиваются со значительными трудностями при решении проблемы смысла жизни.

Французский философ М.Монтень отмечал, что «бессмертие обещают нам только Бог и религия; ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом».

Выдающийся английский ученый и философ Б. Рассел писал: «Бог и бессмертие – эти центральные догмы христианской религии не находят поддержки в науке. Люди будут и впредь верить в бессмертие, потому, что это приятно».[3] Эту же точку зрения разделяют философы-материалисты XX века и многие ученые, придерживающиеся атеистического мировоззрения.

Но и в *материалистической философии* проблема бессмертия имеет свое собственное решение. В результате того, что процесс развития человечества органически связан с формированием мира культуры, складывающегося из материальных и духовных ценностей, системы их производства, сохранения и распределения. А сам человек рассматривается как ее творец, то бессмертие каждого может быть обеспечено на основе вклада в развитие культуры.

В результате мы можем сделать вывод, что проблема бессмертия, так или иначе, находит свое решение в различных направлениях философии. В *идеалистическом* направлении считается, что существует бестелесная бессмертная душа. В *материалистическом* направлении бессмертие находит свое отражение в осмыслении своей жизни, продолжение своего рода, либо в продуктах своей деятельности. В *экзистенциальной* философии анализ проблемы смерти и бессмертия приобретает важное значение для постижения тайн жизни человека, определения ее смысла, обретения внутренней свободы и ответственности за свои действия [4].

Следовательно, существуют различные виды бессмертия, а если есть бессмертие, то должны быть и пути его приобретения.

Первый вид бессмертия заключается в генах потомства. Именно этот вид близок большинству людей и многие стремятся увековечить себя этим способом. Одним из самых сильных желаний человека является стремление увидеть свои черты в детях, внуках и правнуках.

Второй вид бессмертия мумификация тела с расчетом на вечное его сохранение. Достижения современной техники сделали возможной криогенезацию (глубокое замораживание) тел умерших с надеждой на то, что медики будущего их оживят и вылечат ныне неизлечимые болезни.

Третий вид бессмертия – упование на «растворение» тела и духа умершего во Вселенной, вхождение их в космическое «тело», в вечный круговорот материи. В этом случае речь идет о сохранении частиц бывшего тела, могущих войти в состав других организмов. Эти идеи наиболее развиты в восточных Цивилизациях, особенно японской. Но данный вид бессмертия слишком абстрактен и поэтому отвергается большинством людей.

Четвертый вид бессмертия связан с результатами жизненного творчества человека. Любой продукт творческой деятельности человека, героический поступок оставляют имя человека в памяти его потомков. Но проблема заключается и в том, что в памяти человека сохраняются и имена жесточайших тиранов и величайших преступников.

Пятый вид бессмертия связан с достижением различных состояний, которые наука называет «измененные состояния сознания». Такие состояния являются продуктом системы психотренинга и медитации, принятой в восточных религиях и цивилизациях [6].

Так же необходимо рассмотреть и пути обретения бессмертия.

Первый путь – это принять мысль, которая подтверждается наукой и просто здравым рассудком, что в мире не возможно полное уничтожение даже элементарной частицы, а действуют законы сохранения. Мы можем надеяться, что частицы нашего «Я» после нашей смерти войдут в вечный круговорот бытия и таким образом обретут бессмертие.

Второй путь – обретение бессмертия в делах человеческих в плодах материального и духовного производства, которые входят в копилку человечества. Но при этом необходимо быть уверенным в том, что человечество бессмертно и не произойдет никакого самоуничтожения в термоядерной экологической катастрофе.

Третий путь подходит для людей масштаб деятельности, которых не выходит за рамки их дома и ближайшего окружения. Многие люди живут, не вдаваясь в хитрости разума о вечной жизни или вечных муках, не думают о соединении микрокосмоса (человека) с макрокосмосом, они просто плывут по течению жизни, ощущая себя его частицей. Бессмертие для них заключается в повседневных делах и заботах [6].

В заключении можно сказать, что проблема бессмертия затрагивала умы человека с древних времен. В философии существует три основных точки зрения на решение данной проблемы: философы-идеалисты создали учение о бессмертной душе, философы-материалисты определяют бессмертие через включение в вечный кругооборот природы субстрата человеческой телесности, а философы-экзистенциалисты видят бессмертие человека в его личной свободе, обретение которой возможно лишь благодаря осознанию своей смертности. В результате дальнейшего развития философии и других наук, усложнении взглядов, возникли различные виды бессмертия и различные пути его обретения. Современному человеку остается только поразмышлять и выбрать наиболее подходящий для него, а может и несколько сразу. Можно, например, обрести свое бессмертие и в продуктах

деятельности и в продолжение рода, и считать, что частицы собственного «Я» навсегда войдут в кругооборот бытия.

Литература

1. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – М. : Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
2. <http://www.kontrolnaja.ru/dir/filosofiya/33843>
3. <http://ru.science.wikia.com>
4. <http://www.tanatos.ru/?nav=content&id=301>
5. <http://www.ref.by/refs/90/37421/1.html>
6. http://revolution.allbest.ru/philosophy/00007216_0.html

ПОНЯТИЕ АБСУРДА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

М. В. Копылова

Томский государственный педагогический университет

Человек осужден быть свободным.

Ж. П. Сартр

Одной из отличительных черт философии постмодернизма является критика «фундаментальных» проектов гуманизма. Один из основных проектов (метанарративов) XX века экзистенциализм, так же как и марксизм, и христианство объявляются неудавшимися, а на место традиционных категорий названных проектов свободы, ответственности, выбора и т.д. заступают категории анонимности, случайности, иррациональности и т.д.

Однако философский проект экзистенциализма содержит внутренний иммунитет к критике постмодерна. На наш взгляд, понятие «абсурд», разработанное философией экзистенциализма, является вариантом ответа на образ хаотической реальности постмодернизма. Понятие «абсурд» позволяет рассмотреть алгоритмы существования человека в ситуации ускользания смысла и давления социо-культурных и жизненных (анонимных) практик. Таким образом, основная проблема работы заключается в определении понятия «абсурд» в контексте постмодернистской критики фундаментальных проектов гуманизма.

«Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого.... В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, учение о действии» – пишет Жан Поль Сартр в статье «Экзистенциализм – это гуманизм» [5]. Таким образом, наряду с такой центральной характеристикой уникального бытия человека, как свобода возникает и такое понятие как абсурд.

Понятия «человек» и «свобода» тесно связаны, даже взаимозависимы, в экзистенциальной философии. «Если Бога нет – то все дозволено» – писал Достоевский. Эта фраза является, по сути, исходным пунктом экзистенциализма. Таким образом, существование предшествует сущности, т.е. природу человека нельзя объяснить. Человек сам по себе является воплощением

свободы. Сартр понимает свободу не как свободу духа, ведущую к бездействию, а как свободу выбора, которую никто не может отнять у человека: узник свободен принять решение – смириться или бороться за свое освобождение, а что будет дальше – зависит от обстоятельств, находящихся вне компетенции философа.

Человек сам волен создавать свою жизнь, строить свою судьбу. Таким образом, в экзистенциальной философии его можно сравнить с мифологическим персонажем Сизифом из одноименной работе Альбера Камю.

Сизиф – абсурдный герой. Его презрение к богам и смерти, его неудержимое желание жить повлекли за собой несказанные мучения – он вынужден был поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба непременно скатывалась вниз. Нет ничего трагичней, чем бесцельный и бесполезный труд. Момент спуска Сизифа к подножию горы возвращает герою сознание и в этом заключается трагичность мифа. Образ этого персонажа перекликается с образом современного рабочего, трагичная судьба которого подобна Сизифу, в те моменты, когда к нему возвращается сознание. «Трагедия начинается вместе с познанием» – пишет Камю [1].

Тем не менее, Камю приводит слова героя одного из произведений Софокла – Эдипа: «Несмотря на невзгоды, преклонный возраст и величие души, я могу сказать, что у меня все хорошо» [1]. Эти слова могут являться своеобразной формулой абсурдной победы.

«Перед тем, кто открыл абсурд, всегда возникает искушение написать нечто вроде учебника счастья. Но мир всего лишь один, счастье и абсурд являются порождениями одной и той же земли. Они неразделимы. Было бы ошибкой утверждать, что счастье рождается непременно из открытия абсурда. Может случиться, что чувство абсурда рождается из счастья». Отсюда следует, что абсурдное счастье так же является неотъемлемым спутником жизни человека. «Я думаю, что все хорошо», – говорит Эдип, и эти слова священны. Они учат, что это еще не все, что еще не все исчерпано. Они изгоняют из этого мира бога, вступившего в него вместе с неудовлетворенностью и тягой к бесцельным страданиям. Они превращают судьбу в дело рук человека, дело, которое должно решаться среди людей» – пишет Камю [1].

Но наряду с понятием счастья, появляется и его неизменный спутник – страх. В труде «Страх и трепет» признанный отец экзистенциализма Серен Кьеркегор выдвигает понятие «ужас», который отличен от физического страха. Ужас не имеет специфического объекта и отражает, в сущности, пустоту «я». «Я» не рождается; оно создается, учреждается множеством предстоящих решений.

Главное различие идей Кьеркегора от его последователей (А. Камю, Ж. П. Сартр и др.) заключается в том, что в отличие от последних он не отрицал существование Бога. Тем не менее, он находился в конфликте с церковью, так как читал, что она сделала веру и религиозную жизнь «слишком доступной и слишком респектабельной». Он чувствовал, что, в конечном счете, каждая личность предоставлена самой себе.

«Всякое человеческое существование по сути своей парадоксально», – пишет он [3]. Таким образом, Бог в глазах Кьеркегора – это всегда парадокс, всегда вызов, всегда то, что смущает человека более всего. Иметь дело с Богом трудно, но необходимо, так что Кьеркегор не мыслит себе ситуации, в которой религия оказалась бы неважна. Он считает само собой разумеющимся то, что она занимает центральное место в жизни. Кьеркегор жил в религиозную эпоху, но она, по его мнению, была лишена внутренней убежденности.

«Человеческая жизнь пронизана неопределенностью, преодолеваемой только человеческой решительностью» – одна из главных идей Кьеркегора, которая нашла отклик у экзистенциалистов XX века.

Экзистенциалисты XX века (в особенности, Жан Поль Сартр) полагали, что «никакая всеобщая мораль вам не укажет, что нужно делать; в мире нет знамений. Экзистенциалисты, напротив, обеспокоены отсутствием бога, так как вместе с богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире. Не может быть больше блага *a priori*, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил. И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать; и это именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут одни только люди», – пишет Сартр в своей статье «Экзистенциализм – это гуманизм».

Исходя из этого, Сартр приходит к выводу, что «человек – будущее человека. Но совершенно неправильно понимать это таким образом, что будущее предначертано свыше и известно Богу, так как в подобном случае это уже не будущее. Понимать это выражение следует в том смысле, что, каким бы ни был человек, впереди его всегда ожидает неизведанное будущее» [5].

Отсюда появляется еще несколько терминов, раскрывающих абсурдность человеческого бытия – заброшенность и субъективизм.

Понятие субъективизма берет начало в труде Кьеркегора «Заключительный ненаучный постскрипtum», где философ подчеркивает необходимость объективной точки зрения, своеобразного «ученого, исторического» подхода, который пытается установить факты и вынести основанные на них суждения. Но большее значение, по его мнению, имеет отношение личности к каким либо факторам.

«Объективные проблемы существуют, однако личность не может ответить на них объективно, ибо ей приходится принимать решение о своем субъективном к ним отношении», – пишет он [3].

Таким образом, каждый человек должен решить, как он относится к этим фактам и что значит разрешить эти вопросы. Существуют объективные вопросы, но индивидуум имеет также субъективные заботы. Эти два подхода несовместимы, и мы все должны научиться жить в этом напряжении. Человек может допустить, чтобы решения принимались за него, но это означает утрату индивидуальности.

«Каждый отдельный человек – лишь частный случай общего понятия «человек»... Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны – что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей», – продолжает идею Ж. П. Сартр [5].

Таким образом, с точки зрения экзистенциальной философии, «человек становится человеком впоследствии, причем человеком таким, каким делает себя сам... Первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [5].

Следовательно, философский проект экзистенциализма, несомненно, наследует пафос модернистской философии, ориентируясь на представление о человеке, как о самосознающей свободе, способной автономно полагать границы и смысл своего существования. Однако в отличие от большинства философских проектов модерна в экзистенциализме человек это не монада, не познающий субъекта, а всегда только проект, которому еще только предстоит осуществиться. Проект собственной сущности; борьба за свободное определение своего «Я» перед лицом абсурдной реальности. Экзистенциализм предугадывает многие идеи постмодерна, такие как утверждение радикального субъективизма, отрицание общезначимой системы социальных норм и практик, отрицание абсолютной истины. В рамках философских проектов экзистенциализма основной формой отношения к миру так же выступает иррациональный модус (С. Кьеркегор – ужас, А. Камю – творческий бунт). Сходны с мыслительной логикой постмодернизма и типы формулировки самих экзистенциальных проектов – ирония у С. Кьеркегора, нео-мифология А. Камю, литературная проза Ж.-П. Сартра.

Однако в отличие от постмодернизма философия экзистенциализма позволяет сохранить гуманистический пафос «классической философии»: утверждая абсурдность мира, экзистенциализм отрицает абсурдность человеческого бытия.

Литература

1. Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.koob.ru, свободный
2. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.psylib.ru, свободный.
3. Кьеркегор, С. Афоризмы эстетика / С. Кьеркегор – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.psylib.ru, свободный.
4. Кьеркегор, С. Заключительный ненаучный постскрипtum / С. Кьеркегор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.psylib.ru, свободный.
5. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Ж. П. Сартр. – М. : Политиздат, 1989. – С. 319–344.

ПРОБЛЕМА ВЕРЫ И ДОВЕРИЯ

Ю. С. Корелова

Томский государственный педагогический университет

На фоне общемировых глобализационных тенденций весьма актуальной становится проблема взаимодействия между представителями самых разнообразных культурных, религиозных, политических, сообществ, оперирующих различными представлениями. Одной из основ коммуникации и достижения продуктивной договоренности является доверие между вступающими в контакт сторонами. В случае отсутствия веры декларациям собеседника, достижение взаимовыгодного сотрудничества невозможно. В рамках данной проблемы, таким образом, представляется актуальным наиболее полное раскрытие смыслового содержания понятий веры и доверия.

Несмотря на наличие социального заказа на изучение проблемы веры и доверия, до последнего времени ей было отведено второстепенное место и ее психологический смысл был упрощен. В различных направлениях психологии речь шла о трех самостоятельных областях, где доверие чаще всего называлось в качестве условия существования какого-либо другого явления: это доверие к миру (Т. Говир; Э. Эриксон и др.), доверие к себе (Ф. Перлз; К. Роджерс; Э. Шостроми др.) и доверие к другому (К.А. Абульханова-Славская; И.С. Кон; К. Роджерс; и др.).

В области философской антропологии выявляются работы по философской этике, где доверие стало самостоятельным предметом исследования на общетеоретическом уровне (В. Вичев; Б.А. Рутковский; и др.); философские исследования, ориентированные на изучение родовой по отношению к доверию категории – веры (В.Г. Галушко; В.И. Губенко; А.К. Козырева; Г.А. Мишкинис и др.); философско-психологические исследования (работы представителей мировой классической философии: И. Кант; И.Г. Фихте; Г. Гегель; А. Шопенгауэр; Ф. Ницше и др.), а также философские исследования современных авторов (П.С. Гуревич, А.И. Новиков; М. Мамардашвили; Б. Рассел и др.). Анализ этой литературы привел к выводу о том, что доверие является самостоятельной относительно независимой формой веры, в основе которой лежит акт отношения [1].

Вера и доверие представляют собой два важнейших социально-психологических феномена личности, которые выполняют разные функции в жизни человека. Онтология индивида, личности, общества, креативная и качественная онтология, даже онтология духа пронизаны проблемой доверия, постановка и решение которой в каждом конкретном случае осуществляются по-разному. Но для общего решения проблемы морфологии веры и доверия изначально необходимо провести четкое различие веры и доверия, даже не смотря на то, что между ними много общего [2].

Рассмотрим каждый из этих феноменов в отдельности.

Вера – принятие чего-либо за истину, не нуждающееся в подтверждении и доказательстве со стороны чувств и разума, и потому имеющее субъективную значимость.

Вера определяет сознание человека. Термин вера многозначен и может трактоваться в 2-х ракурсах:

- 1) Истинная вера (религиозная) означает достоверность особого порядка, недоказуемую привычным рациональным путем(англ. faith). Библия определяет истинную веру как способ постижения бытия (Бога) через духовное (мысленное) слияние с ним (Иоанн Дамаскин, Дионисий Ареопагит).
- 2) Косвенная вера (научная, теоретическая) проявляется как рефлексия по поводу какой-либо деятельности. Имеет вероятностный характер (англ. belief);

Истинная вера (религиозная) вера связана с актом принятия какого – либо содержания за истину без достаточных на то оснований. В результате содержание веры становится содержанием сознания человека.

Косвенная вера (научная, теоретическая) имеет в основе акт ценностного отношения субъекта к объекту веры. И представляет собой «проникновение» человека в мир вещей. В косвенной вере всегда присутствует неустранимость дистанции между человеком и объектом веры. Хотя и религиозная вера и научная вера (предположение, гипотеза) опираются на факты, но последняя со своими предпосылками, связывающими идеи и выводы, остается в пределах познаваемого (естественного) и законосообразного, в то время как религиозная вера переходит в область непознаваемого (сверхъестественного, метафизического) и распространяет свободу, которую она принимает для мира сверхъестественного, также и на природу [3, с. 134].

Существует еще одна трактовка веры. Так как вера представляет собой незыблемую убежденность, уверенность человека в чем-либо, то что существует такое понятие как сакральная вера – есть убежденность в Боге и секулярную веру – убежденность в собственной правоте, в своих способностях, в самом себе. Секулярный характер веры есть ее обращенность на самое себя. И в этом нет, и не может быть ничего плохого, опрометчивого, предосудительного, если человек осознает себя творением Божиим, осмысливает собственную тварную природу и стремится дорасти, возвыситься в ее развитии до абсолютного, божественного совершенства.

Но иное дело, когда такая уверенность, обращена на других людей. Здесь возникает проблема адекватности подобных убеждений объекту коммуникативирования. Именно из этой проблемы и вырастает феномен доверия [4, с. 118].

Доверие – это установка или система установок по отношению к социальному миру и к самому себе. Морфология доверия до сих пор остается слабо разработанной областью философского знания. При доверии часто понимаются самые различные социокультурные и психологические феномены: убежденность, расчет, предположение, предрасположенность, влюб-

чивость, достоверность, даже наитие в предчувствие [5, с. 443–444]. Доверие может быть и доказательным, и бездоказательным, и оправданным и неоправданным, и высоким и низким, и осмысленным и бессмысленным, и полным и частичным, и постоянным и временным. Диалектика форм доверия детерминирована множественностью форм социальности, тогда как религия строго догматична и не допускает креативности или рассудочности. Та религиозная вера, которая нуждается во внешних подкреплениях рассудка, разума, сознания – с точки зрения самой религии есть грех неверия, сомнения, ереси. Но доверие как социальный феномен всегда ищет внешнего подкрепления. Не потому, что оно несамодостаточно, а потому, что в таком подтверждении оно обретает стимулы для собственного расширенного воспроизводства, для развития и возвышения. Следует различать не только слепую и осознанную веру, но и слепое и осознанное доверие. Слепое доверие есть доверие вопреки объективным обстоятельствам, вопреки обратной связи, вопреки тому, к чему оно призвано вести. Провоцируя слепым доверием казнокрадство или стяжательство, предательство или измену, человек, однако, не является виновником всех этих результатов. Доверие столь же бессмысленно обвинять в этом, как и апостолов в том, что кто-то не слышит их наставлений.

Вера без дел мертва. Делом веры является доверие. По отношению к делу сама вера есть предметность деятельности, а доверие – конкретная форма такой предметности. Секуляризированное общество воспринимает веру не как реальность, а как миф. Доверие же наоборот им воспринимается не как форма, а как сущность. Но если познавательное значение веры не велико, очень велико ее жизненное значение. И наоборот, если жизненное значение доверия невелико и человек, казалось бы, мог бы обойтись без него, то крайне велико его, доверия, познавательное значение. А человек, как познающее существо, не может познать ни самого себя, ни окружающий его мир без доверия. Он точно так же обречен на доверие, на постоянные ошибки и разочарования, удивление и радость посредством доверия, как птица обречена летать, даже если она летать не хочет. Без доверия невозможен сам процесс жизни. Но и без веры этот процесс невозможен. Мы должны не просто верить в то, что через какое-то мгновение наша жизнь не оборвется, но и доверять тому, с кем идем по жизни [4, с. 120].

Вера как религиозная убежденность и вера как светская уверенность есть лишь две разные ипостаси веры. Но доверие есть уже действие, есть актуализация человека в его поступках. Нельзя рассуждать всерьез о доверии, ничего и никому не доверяя. Религиозная вера проистекает из способности души возвыситься до ощущения и восприятия духовного. Светская вера основывается на способности нашего разума воспринимать объективную необходимость доверять другим людям. Вне такого доверия социальная природа человека деформируется и угасает. Вера, как особая способность души, имеет самостоятельное значение. Она не требует признания и понимания, одобрения и сопереживания. Светская вера, наоборот, вне и без

доверия угасает. Ей, подобно ростку молодого растения, требуется тщательный уход и забота. В качестве такового выступает доверие, проявляемое в его обратной связи. Если вера не находится в прямой зависимости от разума или воли человека, то доверие требует значительных усилий, а светская вера – разума. Нельзя принудить себя поверить в Абсолют, но поверить другому человеку заставлять должно. Как бы не хотелось разочарованному сердцу или опаленной душе раз и навсегда отказаться от этого, верить людям должно именно потому, что ты сам есть человек. Волевое усилие хотя и не формирует веры, но способствует доверию. Первый шаг в ссоре, протянутая первой рука в непонимании – все это следствие волевого усилия, которого не требует религия. И здесь мы не можем согласиться с суждениями, согласно которым «нельзя поверить во что-либо, полагаясь на доводы разума» [6, с. 31]. Ведь мы верим преподавателю не потому, что он или она просто нам симпатичны. Мы верим им потому, что они апеллируют к нашему разуму. И поняв, приняв, восприняв то, что они нам говорят, мы верим им в той мере, в какой мы их понимаем и разумеем [4, с. 120].

Соотношение понятий веры и доверия обнаруживает не только локальный, чисто социальный уровень последнего, но и концентрированное наполнение последнего совершенно определенными смыслами. Тогда как религиозная вера обращает человеческий взор за пределы его собственного бытия, доверие наоборот ориентирует человека на само бытие, т.е. онтологизирует саму человеческую мысль. Следовательно, доверие выступает первичным, наиболее важным предикатом в социальной онтологии и по существу охватывает все сферы и уровни человеческого бытия.

Выделим основные отличия веры и доверия:

1. традиционно вера принадлежит к числу важнейших философских категорий, доверие считается этической категорией морали;
2. вера абсолютна, доверие – относительно;
3. в отношении доверие влияет на взаимодействие людей, регулирует отношения между людьми (вера не влияет) [2].

Вера и доверие есть синтез духовной и социальной обращенности человека в будущее, которое определяет его настоящее. Вера и доверие дополняют друг друга подобно тому, как огромный корпус корабля дополняется штурвалом, без которого сам огромный корпус вовсе и не есть корабль, а лишь груда холодного металла. Доверие придает вере актуальность, а вера – подлинность доверию. Доверие является основой межличностного взаимодействия и наиболее важным социальным феноменом, основой всего человеческого общения. Мы верим окружающим нас людям и доверяем им наши pomysлы, имущество или надежды. Признание достоверности, вера не могут быть осуществлены вне доверия точно так же, как классификация живых видов не может быть определена без наличия самих этих живых видов. Доверие есть наличие веры у социального существа, вера есть наличие духовности у социального существа. Духовность – вера – доверие выступают триадой, в ко-

торой духовность присутствует в вере и доверии точно так же, как воздух присутствует в самом человеке и вне его (цит. по: [4, с. 118]).

Литература

1. Доверие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://planetadisser.com/see/dis_41720.html, свободный.
2. Вера и доверие как проблема человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=1893>, свободный.
3. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е. Ф. Губского, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 1998. – 576с.
4. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2009. – 864 с.
5. Франк, С. Л. С нами Бог / С. Л. Франк. – М. : АСТ, 2003. – 752 с.
6. Шаповалов, В. Ф. Основы философии: От классики к современности / В. Ф. Шаповалов. – М. : Аир-Пресс, 2001. – 576 с.

ДОФИЛОСОФСКИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ

М. Б. Креймер, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

На этнографическом материале мышление, или менталитет ранних обществ, прослеживают многие культурантропологи, среди которых Л. Леви-Брюлю принадлежит ментальная методология в понимании особенностей мышления первобытного человека как проявлений первоначальных форм осмысления мира и себя в нем. В своей книге «*La mentalité primitive*» (Paris, 1922) он практически первый перенес проблему формирования мышления в антропологический план менталитета и показал, почему нам трудно понять человека этнографического общества, если даже мы научимся говорить на его языке. Все представления этого человека вырастают на основе принципа тотемической партиципации (сопричастности коллективу) и являются коллективно-мистическими. Леви-Брюль разъясняет, что «представления, называемые коллективными, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным членам, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т.д. в отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности... Для того чтобы понять механизм социальных институтов, особенно в низших обществах, следует предварительно отделаться от предрассудка, заключающегося в вере, будто коллективные представления вообще и представления в низших обществах, в частности, повинуются законам психологии, базирующейся на анализе индивидуального субъекта. Коллективные представления имеют свои собственные законы, которые не могут быть обнаружены, особенно если речь идет о первобытных людях, изучением белого взрослого и цивилизованного индивида» [1, с. 9].

Менталитет первобытного человека произрастал из собственных корней тотемической сопричастности, и в нем не надо искать причинно-следственных связей, которых еще не знал этот человек, точно так же и какого-то подобия научной картины мира. «Тотемическое общество не интересуется другие причинно-следственные связи, кроме коллективных представлений, которые приводят к мистико-анимистическому пониманию мира [2, с. 336] . Первобытное мышление имеет другие классификации, поэтому в качестве «культурных героев» выступают и солнце, и луна, и звезды, и море, и ветры, и т.д. Никакое предпринимаемое действие не может иметь успеха, если человек не сумеет заручиться содействием невидимых тотемических сил. Первобытный человек не пойдет на охоту или рыбную ловлю, не возьмется за обработку поля или постройку жилища, если, по его представлениям, животные не дали своего согласия, если охотничьи или рыболовные снасти не освящены, если в каждом деле не будет благоприятного предзнаменования. Если уловить принцип этого мышления, оно не покажется уже нелепым и будет выглядеть вполне последовательным.

Сверхъестественными причинами, имеющими вследствие этого мистический характер, объясняются болезни, смерть, преступление, вина. Человек умер не потому, что его убило дерево или загрыз тигр, или укусила змея, а потому, что этот человек не умиловил духов, нарушил какое-либо табу, обидел какого-то родственника, и колдун наслал на него смерть, а дерево, тигр или змея явились только орудиями неведомых сил, перед которыми провинился сородич. Коллективные представления о собственности, семье, браке тоже являлись мистико-табуально-магическими, что не мешало тотемическому человеку создать институт экзогамного брака, исключив возможность полового общения между членами одного тотема, так называемый инцест [3, с. 201]. Вместе с тем, причины зачатия он все равно видит в мире мистических сил, и роды без соития вполне возможны в этом мире. В образе мира коллективно-мистических представлений видимый и невидимый мир едины, но события видимого мира в каждый момент зависят от сил невидимого. Из этого проистекает то значение, которое занимают в жизни человека коллективно-мистического сознания сны, предзнаменования, гадания в самых разнообразных формах, заклинания, жертвоприношения, ритуальные церемонии, магия. Дикарь, по мысли К. Г Юнга, несклонен к объективному объяснению самых очевидных вещей. «Познание природы сводится для него , по существу, к языку и внешним проявлениям бессознательных душевных процессов» [4, с. 100].

Вследствие этих свойств первобытного мышления его можно назвать мистико-тотемическим: оно не принадлежит собственной рефлексии человека (ее еще нет), не следует причинно-следственным связям, потому что их еще не знает; оно далеко от действительности, а потому мистично; оно имеет корни в тотемической организации племени (тотем – предок рода из животного или растительного мира), а потому по принципу партиципации

(сопричастности) принадлежит каждому члену племенного сообщества, т. е. является коллективным мистико-тотемическим бессознательным.

Мир родоплеменного человека очень сложен и запутан. Пространственно он конечен и замкнут, и небосвод как колокол нависает над поверхностью плоской земли или океана. Временные отношения еще более смутны: прошлое, будущее, настоящее слабо дифференцированы, реальные и потусторонние силы слиты между собой. В мире первобытного мышления действуют тайные силы, мистические действия и непосредственные participations с растительным и животным миром, его тайными духами. Вследствие этого мистический человек не потерпит на своей территории чужую группу так же, как и не останется на завоеванной земле в мире враждебных ему духов. Все предметы конкретного человека – орудия, скот, утварь, украшения – неотъемлемая часть именно этого человека и должны сопровождать его после смерти в новой жизни. Весь образ жизни пронизан коллективно-мистическим менталитетом, который Леви-Брюль назвал дологическим или пралогическим мышлением.

Однако этот менталитет изначально отличается дихотомичность мистико-магического и практико-эмпирического менталитетов при главенстве первого. Все этнографы отмечают необычайную сметливость, памятьливость, ловкость, проворность, наблюдательность и адаптивность этого человека, что объясняется развитостью у него эмпирического мышления и особого рода интуиции. Люди этнографических сообществ находчивы, красноречивы, они физиогномичны, моралистичны, психологичны, хотя их мир погружен в мистико-тотемическую participations пралогического мышления в целом.

Этнографические культуры непосредственной participations с коллективно-мистическим менталитетом очень устойчивы и длительны в своем существовании, поскольку не допускают в традицию никаких индивидуальных подвижек и ритуально охраняют сложившуюся традицию. Ментальности изменяются очень медленно, особенно в традиционных обществах, поэтому речь идет об обществах с культурой большой длительности (*la longue durée*, по выражению Ф. Броделя). Вследствие этого можно говорить не столько о динамике данного общества, сколько о его статике.

Общества первобытного мистического мышления, где осуществляется полное слияние объекта и субъекта, тотемической группы и ее тотема, состояние симбиоза, сопричастности отличается эмоциональной интенсивностью, что выражается в плясках, масках, жестах, украшениях и костюмах, хотя мифология не разветвлена, нет еще ни культа предков, ни олицетворения сил природы (что не тождественно анимизму – одухотворению природы по аналогии со своими душевными переживаниями). Мистический категорический опыт этого мышления допускает пребывание в нескольких мирах одновременно, существование вездесущих духов, тождественность нескольких существ, оно непроницаемо для опыта, который сосуществовал как эмпирическое мышление рядом с пралогическим. Таков в целом куль-

турный синкретизм общества первобытного менталитета, дорефлексивного мистико-тотемического мышления.

Эмпирическое мышление, сосуществующее рядом с мистико-тотемическими коллективными представлениями, явилось причиной расшатывания непосредственной сопричастности и постепенных подвижек в менталитете, т. е. мышлении первобытного человека. Ослабление принципа партиципации в связи с разрастанием человеческого сообщества, рода занятий привело к тому, что закон партиципации с верховным божеством стала свято поддерживать возникшая организация жрецов, весьма расширившая пантеон богов и создавшая мифологический менталитет человека древних цивилизаций на основе этого пантеона. Он как бы прорастал из древней праистории, содержащей архетипы коллективного бессознательного, окрашенного специфическим образом жизни в региональных этнографических условиях.

Мифологический менталитет, или дофилософское мифологическое мышление, объединяющее сообщества людей древних цивилизаций, являлось очень стойким образованием, поскольку человек весьма долго вращался в кругу предзаданной мифологической истории. Время текло медленно, события характеризовались однозначной предопределенностью человеческой судьбы, которой сам человек не распоряжался, а эмпирический опыт, деятельность, торговля еще слабо влияли на расшатывание сложившегося менталитета и культурного круга событий и действий человека древних мифологических циклов (святынь). Эту форму мышления человека древних цивилизаций называют мифологической, потому что оно полностью или почти полностью погружено в предзаданную священную историю мифа, и по-другому человек этого периода истории (50-8 вв. до н. э.) мыслить еще не мог. Во всяком случае, господствующей общественной формой мышления была мифологическая.

В более высоком обществе древних цивилизаций появляется культ предков, героев, богов, священных животных. Сопричастность стала осуществляться при помощи культа и религиозного верования, при помощи разветвленной системы мифов, мифологическая фауна и флора становятся все более богатыми. Мифологический человек древних цивилизаций эмоционально переживал миф, воспринимая положительное содержание мифа через его мистические элементы, что всецело захватывало и поглощало внимание этого человека, но совершенно отсутствует при восприятии того же мифа современным человеком. Для человека мифологического общества переживание мифа являлось выражением солидарности с социальной группой и способом идентификации самого себя, миф был для него единственной естественной историей, потому что другой истории просто не было. Вопрос о смысле жизни не ставится со всей отчетливостью, возникает представление, что ответ на него уже есть до вопроса, он содержится в мифе. Такой социокультурный способ бытия складывается в нескольких областях земного шара. Это шумеро-ассиро-вавилонская культура (4000 лет до н.э.); египетская культура; эгейский мир Средиземноморья; доарийская

культура долины Инда (3000–2500 лет до н.э.); архаический мир Китая (2000 лет до н.э.); несколько позже – культура майя, инков и ацтеков со своей специфической мифологической формой мышления.

Поскольку партиципация теперь опосредована священнослужителями, кудесниками, заклинателями дождей, лекарями, колдунами, писцами, то возникает различие между священным и мирским бытием. Одни предметы попадают в разряд мистических, другие же рассматриваются более объективно, поэтому эмпирическая сторона менталитета начинает перевешивать мистическую, и мышление человека постепенно развивается в сторону понятия. В этих культурах развиваются города, например Ур, Урук, Вавилон, Мохенджо-Даро, Фивы, Мемфис, Теночтитлан и др. Появляются ирригация, торговля, существуют древние формы письменности, и, наконец, возникает финикийский алфавит, родоначальник греческого, римского, русского. Жизнь рационализировалась на основе строительства городов, сооружений пирамид, судоходства, ирригации, бальзамирования, художественного творчества высокого класса; появляются воспоминания, прошлое, возникает история.

Однако подлинного исторического развития в великих культурах древности, как отмечает К.Ясперс, не наблюдается, его не было. Тысячелетия после грандиозных изначальных творений были в духовном отношении стабильным, не знающим движения временем. Оно было непрерывным временем переселения народов, завоеваний, взаимного уничтожения и смешения. Это было время постоянного воссоздания культуры, вращающейся в одном и том же мифологическом круге. Оно прерывалось лишь катастрофами, событий много, а исторических решений человека нет [4, с. 62–75]. Вместе с тем миф не посягает на научное, причинно-следственное объяснение мира. Он произрастает из других корней, нежели познание. Подлинное логическое причинно-следственное мышление человека начинается позже вместе с расширением опыта и ослаблением мифологической партиципации, еще долго поддерживаемой мифологической историей и мифологическими празднествами.

Литература

1. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.
2. Сысоева, Л. С. Культурантропологические и психоаналитические основания перехода от мистико-тотемической и мифологической культуры к рефлексивной / Л. С. Сысоева // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. В 2 ч. Ч. II. Томск : Изд-во ТГПУ, 2000. – 275 с.
3. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд // «Я» и «ОНО». Труды разных лет : В 2 кн. Книга 1. – Тбилиси : Мерани, 1991. – 400 с.
4. Юнг, К.Г. Понятие коллективного бессознательного / К. Г. Юнг // Аналитическая психология. – М. : Мартис, 1995. – 320 с.
5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Прогресс, 1991. – 527 с.

ФОРМЫ АДДИКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. В. Куренкова

Томский государственный педагогический университет

В современном обществе актуальна проблема форм зависимости – аддикции. Попробуем разобраться, что же это такое и как решить эту проблему.

Общая характеристика феномена аддикций. В медицинской и психологической литературе термин «аддикция» используется для обозначения психической зависимости от психоактивного вещества или от какого-либо рода особой деятельности. Автор считает: «При этом у человека может развиваться поисковая активность, направленная на удовлетворение гедонистических потребностей, уход от реальности посредством искусственного изменения своего психического состояния для получения субъективно приятных эмоциональных состояний» [1, с. 17].

Объектом аддикции являются психоактивные вещества, которые изменяют психическое состояние. Они вызывают привязанность, формируют навязчивое стремление к изменению психического состояния, в результате желание чего – либо которое начинает управлять жизнью человека, делает его беспомощным, лишает воли к противодействию аддикции.

В отношении к объекту аддикции и мотивах аддиктивного поведения происходят изменения. Аддиктивные объекты, вместо выгодного использования в качестве средств достижения целей, например, употребление алкоголя с растормаживающей и коммуникативной целью, приобретают самоценность и возвышенный характер. Наркотик становится живым олицетворенным агентом, признаки наркотизации, выпивки эмоционально окрашиваются, входят в жизнь человека благодаря особому сленгу [2, с. 198].

Ненаркоманические аддикции

1. Пищевое аддиктивное поведение. Пищевое аддиктивное поведение является наиболее социально приемлемой формой аддикции в виде «бегства в тело». Признаками зависимого пищевого поведения обладают нервная анорексия (резкое ограничение приема пищи вплоть до отказа), булимия (быстрое и обильное поглощение высококалорийной пищи) и гипералиментация (хроническое переедание).

Лечение: представители разных школ сообщают об эффективности практически любого метода лечения избыточной массы тела. Употребление огромного количества дорогих лекарственных препаратов не решает проблемы, а становится еще одной формой зависимости человека, желающего нормализовать свой вес [3, с. 304].

2. Сексуальные аддикции. Многие люди испытывают голод по «человеческому контакту», такие как – потребность слышать человеческий голос, видеть другого человека, чувствовать его запах, прикасаться. Среди всех форм ощущений большинство людей предпочитают контакт с человеческой кожей. Это дает не только осязание, но и особого рода тепло.

Сексуальные аддикции характеризуется тем, что лица, к которым возникают сексуальные чувства, воспринимаются как сексуальные объекты, а не как люди с человеческими качествами.

Ф.Ритман [4, с. 336] пишет об основных формах страха в жизни человека, в которых опредмечивается тревога и которые могут оказывать деструктивное влияние, как на развитие сексуальности, так и на становление личности в целом. Всего выделяю четыре основные формы страха:

1. Страх самоотвержения, самоотдачи, страх утраты своего Я и страх зависимости.
2. Страх перед индивидуацией и самостановлением. Такой страх переживается как боязнь одиночества, изоляции, непонимания другими и отвергнутости.
3. Страх, что создаваемая и планируемая жизнь может измениться, и человек может испытать страх перед риском всего нового, неопределенностью будущего и изменчивостью жизни.
4. Страх, что существующий порядок, инертность привычек и заведенного уклада жизни ограничит нашу свободу. Говоря кратко, этот страх перед окончательностью и несвободой.

3. Госпитализм как аддикция. Больной отличается от здорового человека тем, что у него кроме изменений функций внутренних органов и самочувствия также меняется психологическое состояние. Болезнь меняет восприятие и отношение к окружающим событиям, к самому себе. Нередко болезнь как экстремальная ситуация, провоцирующая тревогу, побуждает личность к значительному развитию.

Для госпитализма характерно стремление больного уклониться от вступления в ролевые функции здорового человека из-за неприятия трудных для него условий жизни и межличностных отношений за пределами лечебного учреждения.

По мнению С.А. Рожкова, нужно поставить вопрос о правильном поведении. В части случаев стремление к повторным госпитализациям рассматривается как проявление психической зависимости, формы ненаркоманического аддиктивного поведения.

Профилактика госпитализма: задачей врачей и медицинского психолога является выработка стиля лечения, который должен быть направлен на коррекцию измененных болезнью чувств собственной значимости, самооценки. Профилактика госпитализма должна сочетать существенные изменения в подходах к оказанию помощи пациентам в условиях стационара, но и во внебольничных условиях, учет и психотерапевтические коррекции мотивов поступления в стационар и личностного смысла для пациента в структуре общих психотерапевтических мероприятий.

4. Игры как аддикция. Азартные игры (гэмблинг) также относятся к аддикциям, которые не связаны с приемом психоактивных веществ. Участие в азартных играх, стремление к ним усиливаются в периоды стресса.

Можно выделить ряд признаков, которые характерны для азартных игр. К ним относятся следующие:

1. Постоянная вовлеченность, увеличение времени, проводимого в ситуации игры.
2. Изменение круга интересов, постоянные мысли об игре.
3. «Потеря контроля», выражающаяся в неспособности прекратить игру.
4. Состояние психологического дискомфорта, раздражения, беспокойства, развивающиеся в период между играми. Нарастающее снижение способности сопротивляться соблазну.

Интернет-аддикты также соответствуют всем критериям зависимости.

5. Работоголизм. Работа, является тем, что находится выше собственных эгоистических устремлений. Если работа монотонна и однообразна, если смысл этой работы лишь в обеспечении себя средствами к существованию, то появляется вероятность развития зависимости от этой работы.

Работоголиками называют людей, не видящих вокруг себя ничего, кроме работы, забывающих об интересах семьи, детей, не интересующихся вопросами культуры, социальными, экономическими, психологическими проблемами общества. Эти люди находят в работе единственный источник удовлетворения, с ней у них связаны интенсивные эмоциональные переживания. Работоголик всегда перерабатывает, всегда стремится к совершенству, что связано с чувством тревоги, комплексом неполноценности, неуверенностью в своих способностях. Работоголики привязаны к работе и потому, что у них затруднены межличностные отношения. Они боятся контактов с людьми. Объективно работоголики приносят пользу предприятию, на котором работают, они устраивают администрацию. Они хорошо справляются с так называемыми авралами, кризисными ситуациями на производстве. Вместе с тем следует иметь в виду, что работоголики всегда страдают как личности, они становятся внутренне опустошенными, эмоционально скудными.

Фармакологические аддикции. Особенность фармакологических аддикций заключается в том, что аддиктивным становится прием психоактивных веществ, которые вызывают желаемые эмоции.

Химические вещества способны вызывать более глубокие изменения сознания, чем какая либо аддиктивная деятельность.

Алкогольное аддиктивное поведение. Психологическое значение алкоголя: алкогольная зависимость начинается с самой потребности в алкоголе. Алкоголь, как и другой сильный наркотик, способствует изменению состояний сознания.

Алкоголь может рассматриваться как способ удовлетворения потребности человека к изменениям сознания (физическая активность, творчество, искусство, любовь, секс и пр.) В некоторых ситуациях алкоголь может употребляться как вспомогательное средство для осуществления коммуникативных функций, может применяться как средство для релаксации, обез-

боливания, как высокоэнергетический питательный продукт и пр. Во всех этих случаях алкоголь является лишь средством достижения целей.

Психология алкогольной зависимости: польский психиатр А. Кемпинский выделяет несколько распространенных стилей и мотивов выпивки: неврастенический, контактивный, дионисийский, героический и самоубийственный [5, с. 320].

Неврастенический стиль состоит в том, что пьют небольшими дозами, но часто, в состоянии утомления и раздражения. Достаточно одной – двух рюмок, чтобы поправить самочувствие и уже в лучшем настроении продолжать повседневную жизнь.

Контактивный стиль наблюдается у тех, для кого важнее всего достижение лучшего контакта с другими людьми. Уже после небольшой дозы алкоголя несмелый человек становится более уверенным в себе, становится легче общение, молчаливая компания оживляется.

Дионистийскому стилю характерна большая выпивка, которая ведет к помрачению состояния, в которой можно оторваться от повседневной жизни.

«Героический» тип выпивок требует больших количеств алкоголя. Лишь тогда достигается чувство своей силы и готовности к великим делам, которые в наших условиях заканчиваются драками. Героический тип выпивок переплетается с самоубийственным, выражающим самодеструктивные стремления.

Автор по этому поводу пишет: «Алкоголик, бывший раньше приличным человеком, остается приятным, любезным собеседником и за стаканчиком; он может проливать горячие слезы по поводу несчастий своего собеседника, тонко выражать и даже чувствовать добро или зло...» [6, с. 544.]

Личность сохранена, человек – хозяин положения во взаимодействии с объектом, сохранены все виды контроля. Но уже наличествуют все факторы, необходимые для перехода аддикции в болезненную зависимость и её формирование.

Таким образом, мы приходим к выводу, что аддикция – это, безусловно, проблема нашего времени. Технический прогресс движется все быстрее, предлагая нам все большее разнообразие всевозможных «штучек». Часть из них действительно полезна, но большая часть является не более чем красивыми безделушками. Множество людей считают аддикцию вредной и пагубной манией, кто-то полагает, что ее нет совсем. Мы убеждены, что такая проблема есть, и она имеет решение.

Литература

1. Короленко, Ц.П., Донских, Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире / Ц. П. Короленко, Т. А. Донских. – Новосибирск : Наука. Сиб. Отд-ние, 1990.
2. Завьялов, В.Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости / В. Ю. Завьялов. – Новосибирск : Наука. Сиб. Отд-ние, 1988.
3. Корешкин, И.А. Все способы похудения / И. А. Корешкин. – СПб. : ВHV – Санкт-Петербург, 1998.

4. Ритман, Ф. Основные формы страха / Ф. Ритман. – М. : Алетея, 1998.
5. Компинский, А. Экзистенциальная психиатрия / А. Компинский. – М., 1998.
6. Блейлер, Э. Руководство по психиатрии / Э. Блейлер. – М. : Изд-во Независимой психиатрической ассоциации, 1993.
7. Большаков, В.Ю. Психотренинг. Социодинамика, упражнения, игры / В. Ю. Большаков. – СПб. : Социально – психологический центр, 1996.
8. Гиляровский, В. А. Психиатрия / В. А. Гиляровский. – М., 1935.

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРИТАЦИИ ВОЙНЫ В ГРУЗИИ И ИРАКЕ

В. П. Любчак, Н. А. Лурья.

Томский государственный педагогический университет

Конец прошлого века и начало нынешнего характеризуется многосторонней трансформацией мировой системы. Эта трансформация затронула все традиционные сферы. На рубеже веков мы стали свидетелями уникальных феноменов: произошла реструктуризация мира. Пришло ощущение общности проблем, ощущение взаимозависимости и взаимосвязанности народов, стран, структур, институтов, каждого человека. Мир стал восприниматься как единый. Глобальность нашла отражение во всех сферах общественной жизни: политической, социальной, военно-политической, морально-этической.

Однако, глобализация, смешивающая и унифицирующая сегодня быт и мышление всех народов, ведет не к нивелировке культуры, как это ожидалось, а, наоборот, к взрыву этнических чувств, ставит национальный вопрос еще острее, чем прежде. Существуют различные политические и общественные организации и отдельные деятели, которые пытаются сделать все возможное, чтобы свести к минимуму или даже искоренить данную проблему. Однако, проходят десятки лет, а принимаемые меры конфликты между странами и народами не искореняют, они то угасают, то вспыхивают вновь. Применяемые разные средства и методы направленные на обеспечение окончательного согласия между конфликтующими сторонами, к этому не приводят, так как не учитываются некоторые важнейшие факторы. Не имеет особого смысла бороться с последствиями проблемы, не зная ее причины. Однако рассмотрение причины далеко не всегда помогает правильно понять ситуацию. Зная причины необходимо выявить глубинные основания проблемы, разногласия, невозможности придти к соглашению. Понимание глубинных оснований проблемы даст возможность более глубоко вникнуть в ситуацию и выработать эффективные методы достижения соглашения.

Поэтому, очень важно понимать культурную традицию сущности и истоков отношения к различным военным конфликтам.

Действительно, в своем ядре каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, эт-

нический тип, язык – ибо они постоянно подкармливают и воспроизводят национальную субстанцию, особый склад жизни и мысли. Это значит – проблема налаживания и укрепления межнациональных отношений будет существовать еще очень долго. Ее решить невозможно без взаимопонимания между народами, которое, в свою очередь, недостижимо без изучения национальной специфики. Чтобы глубоко понять феномен национальных интересов, необходимо обратиться к далекому прошлому, к истокам формирования тех или иных представлений о реальности той или иной нации. Таким образом, мы определяем категорию менталитет являющегося важнейшим фундаментальным фактором понимания в восприятии того или иного конфликта. Под менталитетом мы понимаем особый способ конструирования (структурирования) реальности. Исследование структуры менталитета (См. ОБ этом 1) дает основание утверждать, что фундаментальным основанием структуры менталитета являются категории пространства и времени, отношение к которым определяет специфику менталитета.

Особенности восприятия пространства и времени в России способствовали формированию такой фундаментальной специфической идеи как «Москва – третий Рим», которая имеет непосредственное проявление в таких специфических чертах российского менталитета как: историческая экспансия, пространственная экспансия, мессианская идея, идея избранности. Эти ментальные особенности имеют тесное переплетение с российским культом справедливости, сформированным в архаическую эпоху, и не теряющем своего значения на протяжении всей истории. Такой комплекс фундаментальных идей отражается и на интерпретации, отношении к различным военным конфликтам.

В качестве достаточно наглядной иллюстрации подобного влияния данных фундаментальных идей на интерпретацию военных конфликтов мы взяли отношение российских граждан к недавним военным конфликтам в Грузии и Ираке.

Результаты опросов общественного мнения, проведенных в различное время по отношению к данным военным операциям [2, 3, 4] демонстрируют уже обозначенные выше особенности восприятия войны и мира. В интерпретации войны в Грузии многие вернулись к представлению о том, что Россия в кольце врагов, на нее покушаются, она защищается, неважно, маленькая Грузия либо Эстония, либо Украина, Польша. Кольцо этих врагов, только увеличивается. И соответственно, России надо защищаться. Вот эта упреждающая защита, она чрезвычайно важна для понимания структуры национального сознания. И идет напоминание, и это звучало и в официальных выступлениях, о победе в Великой Отечественной войне, что наш воин-миротворец – это практически воин-освободитель, который спас братский осетинский народ. Российские граждане чувствовали себя победителями, может быть, в последний раз, когда выиграли эту Вторую мировую войну. И соответственно, военные успехи должны были еще раз подтвердить, что у нас особая миссия, что мы – народ-победитель. Все вместе это

создало образ очень успешного, волевого, решительного руководства, утверждающего авторитет России, защищающего Россию, очень эффективно. И таким образом, и создается поддержка всех его действий.

Вообще говоря, есть несколько планов понимания массового сознания. Ближайший – это, действительно, интерпретация, что Россия вмешалась в этнический конфликт для того, чтобы защитить осетинское население. Но это как бы ближний план. Более отдаленный, более общий план – это конфронтация России с Соединенными Штатами и реанимация всех советских комплексов, представлений о том, что Россия вновь вступила в геополитическое противостояние с Америкой, Америка препятствует усилению России, Америка пытается распространить свое влияние на Кавказ и вытеснить оттуда Россию. Этот геополитический сюжет очень важен для понимания того, что происходило. В нем воспроизведены несколько стереотипов, очень важных для человека, который живет на постсоветском пространстве, – миф о нападении, о том, что дали отпор агрессору, о том, что это произошло коварным образом. При этом подчеркивалась консолидация народа, то, что мы дружим в мире и живем в мире уже очень давно, миф о России, как большом покровителе всех республик. Также здесь достаточно явно прослеживается русский культ справедливости. Справедливость – один из ключевых факторов в понимании отношения к тому или иному вопросу для российского менталитета. И если военную акцию руководители государства смогут на рациональном и главным образом, нерациональном уровне вписать в рамки культа справедливости в привычные мифы и стереотипы, то военная кампания будет пользоваться поддержкой большинства россиян, как мы видим в ситуации Великой Отечественной войны и войны в Грузии. Справедливая война – и есть необходимая для российского менталитета. Напомним еще раз, что по мнению россиян входит в данном случае в культ справедливости. Во-первых, это защита своей территории, во-вторых, это борьба за «своих» против «чужих», на которых сознание по архаической привычке делит весь мир. Причем это деление рационально очень слабо обосновано. Обоснование идет на подсознательном уровне. В самом широком измерении, наиболее часто в последнее время под чужими понимаются США и все, кто имеет к ним какое-то отношение. В-третьих, это миф о мессианском призвании российского народа. В-четвертых, это оправдание действий харизматического лидера. Если глава государства является кумиром для большинства населения, то практически любые его действия, в том числе относительно военных действий будут считаться необходимыми. При этом русского человека мало интересует конкретные цифры относительно количества используемой военной техники, оружия, солдат, расходов финансовых и человеческих ресурсов. Победа в российском понимании зависит главным образом не только от этого, а от того, как это уготовано судьбой, как повезет. И, конечно, много зависит от руководства. Но вера в себя, в высокое мессианское призвание народа должно поддерживаться в любом случае. В противном случае россиянину трудно согласиться с происходя-

щим, возможно не очень удачным ведением военной кампании. Хотя, несомненно, считается очень важным, чтобы была победа, неважно какой ценой. И здесь в расчет уже не будут брать затраты материальных и человеческих ресурсов. Все эти стереотипы работали всегда при интерпретации, и они использовались в той пропаганде, которая сопровождала в информационном сопровождении события, которые происходили в Грузии.

Относительно военной операции в Ираке мы наблюдаем примерно такие же общероссийские ментальные установки. Так как операция осуществляется не Россией и не для России и вообще мало касается России, то согласных с ней очень немного. Тем более что начало данной операции положили американцы, имеющих для россиян устойчивый образ агрессора и «чужого» для России. Война в Ираке не вписывается в российские мифы и стереотипы, в культ справедливости – соответственно и реакция россиян. Если бы данная военная кампания была организована какой-либо другой страной, а если бы еще этой страной оказалась сама Россия, то отношение могло существенным образом измениться.

Таким образом, русский человек имеет сложное отношение к войне и миру. Если эта война обоснована справедливостью, мессианской ролью страны, или в далеком будущем принесет всей стране или даже всему миру установление желанного порядка – то такая война вполне приемлема и даже необходима. Учитывая то, что российское сознание отличается соборностью, то и готовы бороться за всеобщее благо и для этого любые жертвы обоснованны. При этом благо может предполагаться в самом отдаленном будущем. А если операция осуществляется не Россией и не для России и вообще мало касается России, то согласных с ней очень немного, как мы наблюдаем в случае войны в Ираке. Тем более что начало данной операции положили американцы, имеющих для россиян устойчивый образ агрессора и «чужого» для России. Война в Ираке не вписывается в российские мифы и стереотипы, в культ справедливости – соответственно и реакция россиян. Если бы данная военная кампания была организована какой-либо другой страной, а если бы еще этой страной оказалась сама Россия, то отношение могло существенным образом измениться.

Из приведенных примеров мы видим, что при исследовании менталитета, как феномена, помогающего понять истоки миротворческой проблематики, необходимо, прежде всего, обратить внимание на фундаментальные основания менталитета. Анализ феномена менталитета в рамках онтологической парадигмы позволил выделить в качестве его фундаментального основания категории «пространство» и «время». Восприятие пространства и времени в российском менталитете оказывает определяющее воздействие на отношение россиян к войне и миру.

Литература

1. Любчак В.П. К вопросу о структуре менталитета, значимой для понимания отношения к вопросам войны и мира. // Материалы международной конферен-

ции «Исследование мира и миротворческий дискурс в системе образования». 23–25 сентября 2008 г. Томск. 2008. 129–133.

2. [http:// www.fom.ru/](http://www.fom.ru/)
3. [http:// www. s-pravdoy. rulo-spravedl/ 347-konflikt.htm](http://www.s-pravdoy.rulo-spravedl/347-konflikt.htm).
4. [http:// www. svoboda newsru content/ Transcript/ 461694. htm](http://www.svoboda.newsru.content/Transcript/461694.htm)

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ И ЕГО СТАДИИ

Н. Н. Масленникова, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

В 80-х г. XX в. ученые установили [1], что первый архантроп – *Homo habilis* – человек умелый произошел от австралопитеков. Это самый первый вид *Homo*. Останки его и его орудий найдены в Олдувайском ущелье в Танзании. Жил он 2 – 1,5 млн. лет назад. Имел рост 1,5 м, вес 50 кг. Объем мозга больше, чем у австралопитеков. В черепе обнаружены выпуклости центра речи Брокка, но гортань к речи не подготовлена. Некоторые ученые считают, что это еще австралопитек. Его орудиями были осколки камней, поэтому его культура (искусственно созданные средства орудийной деятельности) называется осколочной или галечной. По месту обитания – Олдувайской.

1,6 млн. лет назад от *Homo habilis*, а произошел *Homo erectus* (человек прямоходящий). Орудия его культуры – тоже каменные. Это были грубые рубила, которые называются в музеях чопперами, скребла, резцы, каменные шары, связанные ремнями и привязанные к палкам.

«Эректусы» просуществовали долго – до 200 тыс. лет до н.э. Место их нахождения – Африка – Танзания, затем они колонизовали Европу и Южную Азию. Обнаружены останки в ущельях, стоянках; *Homo erectus*’ы разделяли дичь, умели сооружать укрытия типа шалашей.

Разновидности архантропов – «эректусов»:

1. Синантроп (*Sinanthropus*) – пекинский человек (его останки нашел в Китае французский палеоантрополог и философ Тейяр де Шарден).
2. Питекантроп (*Pithecantropus*) – Яванский человек (Юго-Восточная Азия).

У этих архантропов выражен в строении мозга не только центр Брокка – речи, но и Верникé – понимания речи. *Homo habilis* и *Homo erectus* жили в плейстоцене – периоде наибольшего оледенения в Северо-западной Евразии и Северной Америке. Время это – 2 млн. лет назад – 10 тыс. лет назад – не только наибольшего похолодания, но и распространения крупных зверей, млекопитающих. В условиях такого климата вода уходила в ледники, возникали перешейки, и обезьянолюди распространялись не только в Африке, но и в Европе, Азии, Китае. Каменная культура *Homo erectus*’а называется Ашельской по находкам в Сент-Ашеле (Франция). Это чопперы –

рубила, скребки, ножи. Их название – ашельские рубила. Подобные находки, найденные в Дордони (Франция), называются Тайякской культурой благодаря находкам в Тайякке (департамент Дордонь). Человек-erectus поедал кабанов, бизонов, оленей, газелей, лошадей, носорогов, а также сосуществующих с ним австралопитеков, менее умных, т. е. erectus'ы были каннибалами, любили костный и головной мозг.

Erectus'ы владели деревянными копьями с каменными наконечниками. Homo erectus первый начал систематически использовать огонь для обогрева и приготовления пищи. Пища с высоким содержанием протеина (белка) давала энергию и позволяла осваивать северные районы.

300 тыс. лет назад появился неандертальский человек (Homo sapiens neanderthalensis). Наибольшее количество останков неандертальца приходится на время 70 – 40 тыс. лет до н.э. Время жизни неандертальца приходится на среднюю часть палеолита (древнекаменного века) в плейстоцене (наибольшего оледенения). Вымер неандерталец 30 тыс. лет назад. Объем мозга составлял 1100 – 1500 куб. см. в зависимости от места пребывания, от пользования орудиями разной степени сложности. Места распространения – Германия (долина Неандерталь), Замбия, Южная Африка, о. Ява, Китай. Возраст находок колеблется от 250 до 30 тыс. лет до н.э. Большинство из них относится к последней (вюрмской) фазе оледенения (которую датируют 70-30 тыс. лет назад). Неандертальцы обитали и в Юго-Западной Азии, и в Африке. Они сосуществовали до времени 40-30 тыс. лет до н.э. с современным человеком. Предметом охоты были приспособленные к холоду животные: покрытый шерстью мамонт, шерстистый носорог, мускусный бык (овцебык), бизоны.

Орудия неандертальца относятся к так называемой Мустьерской культуре по названию пещеры Ле-Мустье во Франции: они более совершенны по сравнению с предметами Ашельской культуры: это остроконечники, скребла, ножи, зазубренная пила для обработки дерева, камень со специальной выемкой для шлифовки палок-копий. Неандертальцы ловили рыбу, птиц, уже шили одежду костяными иглами из шкур, сшивая их сухожилиями, а также строили жилища шалашно– юрточного типа. Огонь добывали высеканием искр из колчедана. В качестве трута использовали сухие грибы – трутовики.

Неандертальцы были первыми людьми, которые хоронили своих мертвых. Погребение было обрядом: мертвеца укладывали в позу спящего человека и обкладывали всем необходимым: орудиями, кусками жареного мяса, бросали цветы (о чем судят по найденной пыльце). Неандертальцы задумывались о жизни и смерти, а также о загробном существовании. Но все же они были каннибалами, ели мозг убитых людей, раскалывая черепа и конечности, возможно, желая завладеть силой поедаемого [см.: 2, с. 155].

Существовали, вероятно, ритуалы умилоствления духов животных, на которых неандертальцы охотились. Неандертальцы носили костяные и га-

лечные амулеты, пользовались красной краской окиси марганца для раскрашивания тела.

Современный человек – кроманьонец, *Homo sapiens sapientium* (разумный из разумных). Название получил от грота Кро-Маньон на Юго-западе Франции. Его существование датируется временем 40 тыс.- 10 тыс. лет до н.э. Это время верхнего, т.е. позднего палеолита (древнекаменного века). Кроманьонца считают родоначальником европеоидной или кавказской расы.

Ледниковый период продолжался, требовались более современные орудия для охоты. Мозг этого человека развился до 1400 куб. см.

Развитие кроманьонца происходило во времена последнего плейстоценового похолодания от Верхнего палеолита до Мезолита (до 10 – 5 тыс. лет до н.э.). Этот человек создал высокую палеолитическую культуру. Она называется Верхнепалеолитической.

Она, в свою очередь, делится на пять культур в зависимости от новинок в орудиях труда:

1. Перигорская (во Франции возник резец).
2. Граветтийская (от слова «остроконечник», распространена во Франции и на территории России).
3. Ориньякская (35 – 29 тыс. лет назад ознаменована изготовлением острых копий).
4. Солютре (22 – 18,5 тыс. лет назад появились тонкие листовидные наконечники).
5. Мадлен (18,5 – 11 тыс. лет назад изобретен крюк для метания копий, зубчатые крючки, гарпуны). Гарпунами ловили лосося, в наконечниках копий делали желобки для стока крови, что ускорило смерть животного; делали ловушки для птиц, волков, лис, крупных животных. Раненый бизон изображен в пещере Нио (Франция). Бизон поражен стрелами с наконечниками.

Искусство Верхнего палеолита прославилось своими наскальными рисунками, или фресками. Так, в пещере Альтамира (Испания) выгравирована самка бизона, бизоны изображены в пещере Фон де Гом, в пещере Ляско (Франция). Верхнепалеолитический человек изображал часто отпечатки или силуэты рук, обведенные краской, что имело, видимо, магический смысл (пещера Пеш-Мерль во Франции и другие пещеры Франции и Испании). Найдено изображение мамонта в Каповой пещере (Башкирия), раненого медведя в пещере «Трех братьев» (Франция), найдено много изображений оленя. Культура Верхнего палеолита прославилась своими «Венерами» – Виллендорфской (Австрия), Костенковской (Беларусь). Это каменные статуэтки женщин периода матриархата, в которых подчеркивались очень важные ценности для человека этого периода – детородные качества женщин. Судя по каменным статуэткам, в качестве одежды известен комбинезон с капюшоном. Со времени 35 тыс. до 10 тыс. лет до н.э. длился период знаменитого верхнепалеолитического искусства. Каменные Венеры, изделия из кости, в том числе слоновой, оленьих рогов характерны для ис-

кусства этого периода. Есть изображения полулюдей-полуживотных. Скорее всего, это шаманы, колдуны. Многие изображения имели значение охотничьей магии и сексуального символизма (пещера Пеш-Мерль (Франция) и мн. другие).

При захоронении кроманьонцы посыпали тела красной охрой, что, видимо, символизировало жизнь. Некоторые захоронения найдены с богатыми украшениями, т.е. стали появляться богатые и уважаемые среди охотников. Найдены: скелет с короной из оленьих зубов, головной убор из раковин моллюсков; найдены захоронения с украшениями меховой одежды бусами, браслеты из слоновой кости, копья с наконечниками из бивней мамонта, скипетры из кости.

10–5 тыс. лет до н.э. начинается среднекаменный век. Для него характерно изобретение новых орудий труда и охоты – это различные луки, тесло, сверло, наконечники-микролиты (т. е. небольшие, каменные, правильной геометрической формы), челноки долбленые, весла, лыжи, сани.

В Австралию современный человек перешел в период от 55 до 45 тыс. лет до н.э. Более всего найдено останков современного человека (доисторического, конечно) 30-тысячелетней давности. Это были люди современного типа, вооруженные копьями и бумерангами.

Мифы и ритуалы играли большую роль в их жизни. Сохранились австралийские аборигены, образ жизни которых позволяет понять доисторического человека.

10 тыс. лет назад, еще в Мезолите (среднекаменный век) возникло земледелие и соответственно земледельческие орудия. Земледельческие орудия сначала были каменные или костяные – мотыга, топор, изобретен гончарный круг. От собирательства человек перешел к земледелию, от охоты через одомашнивание к скотоводству.

7–5 тыс. лет назад в неолите (новокаменный век) происходит неолитическая революция, ознаменованная деревянной мотыгой, пока еще каменным серпом, глиняным горшком с узором в виде плетеной корзинки, изобретен жернов, ткацкий и прядильный станки.

Возникает неолитическая культура. Начинается строительство городов: из деревни человек переходит в город, от варварства к цивилизации. Цивилизация означает городской (*civilis* – городской, гражданский). Первые города – Иерихон в Палестине, Чатал-Хююк в Турции, Мохенжо Даро в Индии.

Возникают культовые сооружения: мегалиты (культовые камни, монументы), долмены (гробницы с крытыми галереями), возникают зиккураты – священные ступени, алтари для жертвоприношений, строится известный Стоунхендж – каменная обсерватория-календарь.

Около 9 – 6 тыс. лет назад возникает энеолит – медный, точнее медно-каменный период, означающий переход от неолита к бронзовому веку. Бронзовый век упрочил медные орудия смесью с оловом, свинцом, мышьяком. Затем 6600 лет назад в Юго-западной Европе хетты стали производить железо. В Китае металлургия возникает еще раньше.

Вместе с появлением письменности 5000–2200 лет назад возникают первые письменные памятники. Человек из доистории переходит к истории.

Время длительной изоляции, как в плейстоцене, наиболее продолжительного периода антропогенеза, необходимого для эволюции человека, закончилось. Это были условия для естественного отбора.

Итак, обретения, которые появились у человека в человеческой доистории [3, с. 34–35] заключаются в следующем:

1. Новые биологические свойства: прямохождение, бóльший вес мозга, иная форма черепа, высокий лоб, развитая рука, гладкая кожа, способность смеяться и плакать.
2. У человека не возникает отдельной специализации органов. Благодаря своей неспециализированности человек потенциально превосходит животное. Он строит свое бытие принципиально иным образом, при помощи сознания, а не принуждающего инстинкта, специализации.
3. Для него оказалась открытой возможность преобразования среды посредством замены развитых специализированных органов орудиями труда.
4. Животное рождается со сложившейся формой существования, человек приобретает ее в свободной открытой форме (как животное он даже не сформирован к рождению).
5. Вместо того чтобы, подобно животному, повторять один и тот же круговорот естественного процесса жизни, человек оказался способным создать культурную историю: посредством свободных актов и творений духа в процессе культурогенеза.
6. У животных образуются временные стада, но только человек, не отказываясь от потребности пола, мог создать общественную организацию.
7. У человека развились искусственные способы формировать себя. Природа человека – это его искусственность. Эта его искусственность есть культура.

Литература

1. Чефраз, Дж, Гриббин, Дж. Новое в происхождении человека / Дж. Чефраз, Дж. Гриббин // Америка. – 1984. – № 332. – С. 38–42.
2. Ламберт, Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель / Д. Ламберт. – Л. : Недра, 1991. – 256 с.
3. Сысоева, Л. С. Социокультурная антропология / Л. С. Сысоева. – Томск : Изд-во ТПУ, 2007. – 215 с.

О СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е. Ф. Михайлова, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

Современная физическая теория, дающая новую объяснительную картину мира, – это теория неравновесных систем, получившая название синергетики (термин «синергетика» ввел Герман Хакен). И.Р. Пригожин (бельгийский физик и философ русского происхождения) за дальнейшую разработку теории неравновесных диссипативных систем получил Нобелевскую премию в 1977 г.

Преамбула Пригожина к раскрытию новой картины мира в книге «Порядок из хаоса» такова.

Кто не замечал, например, что большинство раковин закручено в одну сторону, т.е. симметрия (равновесность) нарушена. Л. Пастер пошел дальше и усмотрел в диссиметрии, т. е. в нарушении равновесия характерную особенность жизни. Как теперь известно, молекула самой важной нуклеиновой кислоты – ДНК имеет форму винтовой линии, закрученной влево.

Диссиметрия обусловлена единичным событием, случайным образом отдавшим предпочтение одному из двух возможных исходов. После того, как выбор произведен, в дело вступает автокаталитический процесс и левосторонняя структура порождает левосторонние структуры.

В более общем плане это означает, что в сильно неравновесной химии возможна «адаптация» химических процессов к внешним условиям. Этим сильно неравновесная область отличается от равновесности, где для перехода от одной структуры к другой требуются сильные возмущения или изменения граничных условий [1, с. 222].

Переход к вероятностному состоянию сопровождается введением новых сущностей. По-иному раскрывается второе начало термодинамики. Раньше оно толковалось однозначно как переход, эволюция от порядка к хаосу, энтропии – к состоянию более вероятному, хаосу, дезорганизации как наиболее свойственным системам Вселенной (отсюда возникла и теория тепловой смерти Вселенной).

Теперь эволюция к хаосу может быть понята иначе: сильно неравновесные (неупорядоченные) системы могут породить порядок из хаоса. Источником этого порядка является именно неравновесность, она есть тот механизм, который создает порядок из хаоса.

Г. Хакен, И. Р. Пригожин дали и экспериментально подтвердили иные выводы из второго начала термодинамики, нежели Р. Клаузиус и Л. Больцман. Из их интерпретации тепловых процессов следовало, что возрастание энтропии (хаоса) соответствует возрастанию беспорядка во всей Вселенной, что и является причиной ее тепловой смерти.

В противоположность этому И. Р. Пригожин пишет, что его интерпретация второго начала термодинамики другая. Второе начало рассматривается как принцип отбора, приводящий к нарушению симметрии, он следует вероятностной интерпретации, которая связана с необратимостью как усилением беспорядка.

Эволюционная парадигма может быть разной. Она охватывает изолированные системы, где происходит эволюционирование к хаосу, и открытые системы, эволюционирующие к более высоким формам сложности. От внутренней необратимости и энтропии происходит процесс перехода изучения к диссипативным (рассеянным) структурам в сильно неравновесных системах [там же, с. 372]. Хаос позволяет по-иному сформулировать то, что нам предстоит познать [см. : 2, с. 217].

Синергетика исследует класс систем, находящихся за пределами границ термодинамического равновесия (т.е. сильно неравновесных).

Синергетика пришла к открытию новых фундаментальных свойств вещества в условиях сильного отклонения от равновесия; в ней исследуются явления в точке неустойчивости и определяется та новая структура, которая возникает за порогом неустойчивости.

Вопреки принципу хаоса Л. Больцмана (энтропии) в диссипативных системах спонтанно устанавливается новый молекулярный порядок. Например, если ресурс трофики (питания) в системе одноклеточных организмов истощается, то они кооперируются в стадии агрегации (так происходит, например, с амебами).

Необходимым условием реализации самоорганизационных процессов упорядочения неравновесной системы является ее незамкнутость по отношению к внешней среде. Явления самоорганизации в данном случае связаны с падением энтропии, возникают когерентные (согласованные) отношения. Вдали от равновесия каждая часть системы видит всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия «прозревает».

Представленное Г. Хакеном [3, с. 672–674] название новой науки «синергетика» обусловлено тем обстоятельством, что здесь в основе самоорганизации лежит «совместное действие многих подсистем, в результате чего на макроскопическом уровне возникает новая структура и соответствующее ей функционирование». Переработка энергии на микроскопическом уровне приводит, в конце концов, к упорядоченности на макроуровне, т.е. возникает порядок из хаоса.

Синергетика вводит в число новых фундаментальных категорий понятия хаос, хаосмос, хаотическая динамика. Хаос или энтропия при определенных условиях становятся прародителями порядка. Хаос выступает в качестве физического обеспечения неравновесности, т.е. как фактор самоорганизации. Хаос на микроуровне – это не фактор разрушения, а сила, выводящая на тенденцию самоструктурирования нелинейной среды (Е. Н. Кня-

зева, С. П. Курдюмов). Хаотические частицы чувствуют время, распознают информацию, различают прошлое и будущее, правую и левую стороны.

И.Р. Пригожин делает важные выводы для понимания новой научно-философской картины мира: космология рассматривает теперь все мироздание как беспорядочную среду, в которой выкристаллизовывается порядок. Ее основное свойство – нелинейность, а нелинейность... имеет более чем один тип решения. *Эта теория делает фундаментальным статус случайности.*

Если в рамках линейной парадигмы случайностью можно было пренебречь, то в рамках анализа нелинейных систем именно случайные флуктуации (отклонения) оказываются одним из решающих факторов эволюции.

Отсюда идея многовариативности путей эволюции, идея выбора, идея необратимости эволюции.

Синергетика рассматривает самоорганизующуюся систему как специфический вероятностный по своей природе объект.

Фундаментальным механизмом, обеспечивающим реализацию нелинейного развития выступает в синергетике бифуркация. Критическое состояние выбора называется точкой бифуркации. Она имеет форму вилки. Бифуркация – это выбор системой решения, иногда выстраивающийся в целый веер бифуркационных точек («сад расходящихся тропок», по метафорическому выражению Х. Борхеса).

Согласно Н.Н. Моисееву, стохастичность (вероятность) мира вкупе с существованием бифуркационных механизмов определяет непредсказуемость эволюции и ее необратимость, а, следовательно, необратимость времени. *Слабые флуктуации здесь могут приводить к сильным отклонениям.* Как, например, в фильме Дэвида Кроненберга «Муха» в опыте гипотетической телепортации муха внесла грандиозные изменения в тело, а затем и в судьбу человека. Порядок через флуктуации открывает перед нами неустойчивый мир, в котором малые причины порождают большие следствия. Это прекрасно в художественной форме описано Р. Бредбери в рассказе «И грянет гром» и получило название «эффекта бабочки». Случайно уничтоженная бабочка привела к большим изменениям в мире: элиминация бабочки в эволюционном процессе привела к тому, что мир потерял свои краски. Именно наличие в мире бабочки с ее необычайно яркой расцветкой придавало ему красочность.

«Философия нестабильности имеет дело с анализом самоорганизующихся систем открытого типа с нелинейными обратными связями. Такие системы ведут себя совсем не так, как того требует классический принцип лапласовского детерминизма, согласно которому поведение системы целиком и полностью определяется ее предшествующей историей. Для систем с нелинейными обратными связями не менее значительное воздействие на их поведение может оказывать также и виртуальное будущее» [4, с. 22].

Эволюция в этом контексте интерпретируется как процесс последовательных бифуркационных переходов, в рамках которых, по выражению А. Тоффлера, «случайность возникает вновь и вновь как феникс из пепла»

[5]. Это отличает нелинейные системы от классической схемы, согласно которой второстепенные факторы не могут оказывать решающего воздействия на динамику системы. Для общественных систем принципиальное значение имеет кардинальное изменение принципа свободы. *Если в классическом детерминизме свобода есть осознанная необходимость, то применительно к нестабильным неравновесным социальным системам она формулируется по-другому: свобода есть возможность выбора и осознание ответственности за этот выбор* [см. : 4, с. 23].

Мир порядка из хаоса, из флуктуаций не подчиняется законам линейной причинности, но этот мир не произволен и его нельзя толковать как мир, в котором «Бог играет в кости».

Диссипация (рассеяние, хаос), диссипативные процессы, сыгравшие свою роль на начальных стадиях космогенеза, проявляются и в пространственных характеристиках живых организмов (например, в выборе рисунка окраса); в неживой природе – в дрейфе материков, циркуляции атмосферы, формировании облаков. Это все синергетические процессы. Кроме того, формирование термитников, колоний муравьев происходит в рамках этой парадигмы. Биосфера в целом и различные ее компоненты существуют в сильно неравновесных условиях.

Синергетическая парадигма применяется и к социальным процессам. Так, А. Тоффлер рассматривает кризис индустриального общества как точку бифуркации – переход к информационному обществу. Философия нестабильности выступает и теоретической основой социальных прогнозов XXI в. «Главный отличительный признак современного состояния той самоорганизующейся системы, которой является мировая цивилизация, – высокая степень катастрофичности, неустойчивость, мегабифуркация» [4, с. 22].

Философия нестабильности и футуросинергетика применительно к XXI в. позволяют взвесить альтернативные сценарии социальной эволюции с тем, чтобы сделать правильный выбор и суметь выработать оптимальную стратегию выживания. И тогда ответить на вопрос, волновавший еще К. Ясперса: сможет ли «фаустовский процесс», начатый во времена научно-технической революции, привести нас «к новому еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека?» [6, с. 53]. К настоящему времени все возможные классические теории прогресса минимизировались, альтернативные теории типа концепций открытого общества, социальной мобилизации, постиндустриальной трансформации, экономической глобализации ставятся под сомнение в их возможностях отразить особенности социальной реальности в новом тысячелетии с ее глобализацией, информатизацией, виртуальностью, нелинейностью, стохастичностью, катастрофичностью.

Становление синергетической парадигмы в современном естествознании по всем критериям может быть оценено как *становление новой картины мира*.

Подведем итоги словами из книги И.Р. Пригожина, И. Стенгерс «Время, хаос, квант» [7, с. 223]. «Мы должны отыскивать узкую тропинку, зате-

равшуюся между двумя концепциями, каждая из которых приводит к отчуждению: концепцией мира, управляемого законами, не оставляющим места для новаций и созидания, и концепцией, символизируемой Богом, играющим в кости, концепцией абсурдного, акаузального мира, в котором ничего нельзя понять.

Реальный мир управляется не детерминистическими законами и не абсолютной случайностью. В промежуточном описании физические законы приводят к новой форме познаваемости, выражаемой вероятностными представлениями [там же, с. 224]. Таким образом, новая эволюционная картина мира – синергетическая, но она включает в себя предыдущие (механистическую и квантово-механическую) как её более частные проявления. Если механистическая картина мира, основывающаяся на законах И. Ньютона, называется классической, квантово-механическая – неклассической, то современная эволюционно-синергетическая – постнеклассической.

Литература

1. Пригожин, И.Р., Стенгерс, И. Порядок из хаоса / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. 432 с.
2. Хакен, Г., Хакен-Крелль. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу / Г. Хакен, Хакен-Крелль. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 272 с.
3. Можейко, М.А. Нелинейных динамик теория / М. А. Можейко // Новейший словарь по философии. – Минск : Интерсервис. Книжный дом, 2001. – С. 672–674.
4. Лесков, Л. В. Наступит ли новое осевое время? / Л. В. Лесков // Сознание и физическая реальность. – Т. 7. – №4. – С. 19–24.
5. Тоффлер, Э. Предисловие к книге Пригожина И., Стенгерс «Порядок из хаоса» / Э. Тоффлер. – М. : Прогресс, 1986.
6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.
7. Пригожин, И., Стенгерс, И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Эдиториал, 2001. – 240 с.

ФЕНОМЕН ПОСТМОДЕРНИЗМА

Е. А. Пожарская

Томский государственный педагогический университет

Один из теоретиков постмодернизма, У. Эко, отмечает, что сам термин многое объясняет в природе этого феномена. По его мнению, наступает предел, когда авангарду (модернизму) дальше идти некуда, поскольку им выработан метаязык, описывающий его собственные тексты. Постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, но иронично, без наивности. [5, с. 461] Постмодернисты переосмысливали не только модернизм, но и всю предшествующую культуру, и это в большей мере относится к литературным и теоретическим трудам самого У. Эко, обращенным к интерпретации средневековой культуры.

Проблема постмодернизма ставит перед исследователем целый ряд вопросов, и самый главный из них – а существует ли сам феномен постмодернизма? Не очередная ли это фикция, результат искусственного теоретического построения, бытующего скорее в воображении некоторых западных теоретиков искусства, нежели в реальности современного художественного процесса? Тесно связан с ним и другой вопрос, возникающий тут же, как только на первый дается положительный ответ: а чем, собственно, постмодернизм отличается от модернизма, которому он обязан помимо всего и своим названием? В каком смысле он действительно «пост» – в чисто временном или еще и в качественном отношении?

Все эти вопросы и составляют суть тех дискуссий, которые весьма активно ведутся в настоящее время как сторонниками, так и противниками постмодернизма, и ответы на которые свидетельствуют о том, что в какой-то мере проблема постмодернизма оказалась в начале 80-х гг. неожиданной для западного теоретического сознания.

Современное культурное сознание характеризуется противостоянием двух теорий современной эпохи. Согласно одной из них мы живем еще в эпоху модерна, проект которой, несколько рассеянный, диффузный, еще должен быть завершен. Другая теория рассматривает настоящее как эпоху постмодерна, которая должна сохранить определенные импульсы предыдущей эпохи (правовое государство, права человека) и одновременно развить их дальше в новый синтез субстанциальности и модернизации. Однако прежде необходимо задаться вопросом, какие признаки свидетельствуют в пользу того, что мы живем в момент всемирно-исторической смены эпох – модерна постмодерном, на границе Нового и пост-Нового времени.

Границу можно различить, когда она уже пройдена. Границу, разделяющую эпохи, особым образом обозначает момент трансцендентного. Облик эпохи становится познаваемым, только если ее акме, стадия ее наиболее полного и окончательного формирования уже пройдены. Эпоха модерна, или Новое время, – это эпоха, которая уже оставила позади пик своего развития. Спор вокруг модерна и постмодерна идет не столько о констатации факта, сколько о решении вопроса, обрел ли проект модерна свое завершение или, ввиду более важных перспектив, от его полного осуществления можно отказаться [3, с. 21].

По-видимому, существует множественность истоков постмодернизма. Так, первичные импульсы этого направления следует искать в романтизме. Действительно, присущий романтизму вкус к маргинальности, периферии психологического и социального, алогизму, бессознательному является сильным импульсом, принятым постмодернизмом. Для романтизма, как и для постмодернизма, также характерно острое противостояние овеянной гением личности и бездарной толпы, «сплоченной посредственности». Романтизм возникает как активное и осмысленное противостояние экстремального существования творческой личности и безликой и пресной повседневности. Подобно романтизму, постмодернизму свойственны оппозици-

онность, критический настрой к традиционному, «классическому» взгляду на вещи и явления. Представляется, что романтизм и постмодернизм – следствия похожих социальных и ментальных процессов, культурные складки которых пересекаются и переплетаются. Истоки отечественного постмодернизма можно обнаружить в интеллектуальной атмосфере русского Серебряного века, создавшего устойчивый интерес в философской и художественной мысли к «угаснувшим культурам» прошлого. В этом смысле свойственное постмодернизму «перелистывание» культурного наследия, составление межкультурной мозаики, а также мифологизм русского символизма, характерный для творчества, например, А. Белого и В. Иванова, могут рассматриваться как прямые предшественники постмодернизма. Активный интерес к мифологическому обнаруживает ориентацию данного феномена на архаические формы мышления и творчества. Философии и искусству постмодернизма свойственно обращение к архаике, мифу, т. е. к тексту в его первоначальном значении, но также и к постижению эпистемологических феноменов и различных типов ментальности. В то же время, как постулирует один из теоретиков этого направления М. Фуко, в культуре постмодернизма осуществляется господство над сознанием отдельного индивида «культурного бессознательного». Это особенно обнаруживается в творчестве многих современных художников, выполняющих задачу деконструкции эпистемологической картины мира и сведению ее к мозаичному переплетению различных смыслов и ценностей. С помощью мифа постмодернистские творения осуществляют, по словам Р. Барта, «возможность транс-исторического бытия». Приобщенность к мифу создает условия вхождения в сферы культурных архетипов и исторических нарративов, что, с одной стороны, противоречит теоретическим установкам постмодернизма, но с другой – отвечает общим процессам движения современной культуры. Постмодернизм и разрушает метанарративы, и создает новые, используя культурные мифологемы [4, с. 500].

Дата возникновения постмодернизма является еще одним спорным вопросом. Для Хассана он начинается с «Поминок по Финнегану» (1939) Джойса. Фактически той же периодизации придерживается и К. Батлер. Другие исследователи относят время его появления примерно к середине 50-х годов, а к середине 60-х – его превращение в «господствующую» тенденцию в искусстве. Однако большинство западных ученых, как литературных критиков, так и искусствоведов, считают, что переход от модернизма к постмодернизму пришелся именно на середину 50-х гг.

Большинство исследователей этого феномена склоняются к тому, что постмодернизм возникает сначала в русле художественной культуры (литературы, архитектуры), однако очень скоро они начинают видеть его проявления и в других сферах: философии, политике, религии, науке – тем самым он становится определяющим для целого этапа в развитии культуры. Именно такое расширительное толкование постмодернизма вызвало возражения у ряда теоретиков, склонных применять его только к сфере художе-

ственной культуры. К ним можно отнести британского социолога Энтони Гидденса, по мнению которого термин «постмодернизм» «относится, главным образом, к стилям или направлениям в литературе, живописи, скульптуре и архитектуре» [1, с. 109]. Отрицая правомерность распространения постмодернистской доктрины на сферу экономики, политики и социальных отношений, Гидденс, как, впрочем, и некоторые другие западные теоретики [1, с. 109], прибегают для ее обозначения к близким по звучанию, но несколько иным по содержанию понятиям «модерните» и, соответственно, «постмодерните». «Постмодерните» означает множество признаков современной эпохи, среди которых и те, «что ничего нельзя знать наверняка, поскольку стала очевидной ненадежность всех прежних «оснований» эпистемологии; что история лишилась телеологии, и, следовательно, никакую версию «прогресса» нельзя убедительно защищать...» [1, с. 109]. Эти признаки, разделяют и представители постмодернистской теории. Пожалуй, главное, что отличает теоретиков обозначенной концепции постмодерните – это убеждение в мировом лидерстве западной модели развития, в формировании однополярного мира, который, по их мнению, ознаменует первую половину следующего столетия. Понятно, что ни о каком плюрализме мнений, позиций (что характеризует постмодернизм) здесь речи не идет. Следствием этих разногласий явилось то, что в 1990-х годах постмодернистская теория стала объектом весьма резкой критики со стороны приверженцев постмодерните, что вынудило ее сторонников занять оборонительные позиции.

Не вызывает сомнения близость постмодернизма к «философии жизни» (Ницше, Бергсон, Ортега-и-Гассет). Так, Ж.-Ж. Делез анализировал философию Ф. Ницше с точки зрения постмодернистских принципов и отмечал близость ницшеанского «вселенского» плюрализма философским идеям конца XX в. Ницше искренне желал «придать безответственности ее позитивный смысл». По словам Делеза, «безответственность – благороднейшая и прекраснейшая тайна Ницше». Безответственность и аморализм, даже некоторый интеллектуальный цинизм, становятся основой переоценки традиционных ценностей и выработки нового взгляда на реальность – «подтягивание к реальности» [2, с. 71].

Одна из главных задач теоретиков постмодернизма – преодоление традиционного европоцентризма, ставшего аксиомой традиционной европейской науки. Таким образом, в постмодернизме осуществляется поиск иных культурных традиций, исходящих из принципа дополнительности культур, развивающихся по собственным региональным линиям. Особенно это касается влияния на европейскую культуру XX в. классических традиций Востока, обогащения и изменения традиционной европоцентристской ментальности. В культурном интересовании происходит расширение «видения и кругозора» благодаря включению иных точек зрения.

Литература

1. Гидденс, Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. – Academia, 1999. – С. 109.

2. Делез, Ж. Ницше и философия / Ж. Делез. – М., 2003. – С. 71.
3. Козловски, П. Культура постмодерна / П. Козловски. – М. : Изд – во «Республика», 1997. – С. 21.
4. Теория культуры / С. Н. Иконникова [и др.]. – СПб. : Питер, 2008. – С. 500.
5. Эко, У. Заметки на полях «Имя розы» / У. Эко. – М., 1989. – С. 461.

ВЛИЯНИЕ ПОНИМАНИЯ ФИГУРЫ АВТОРА НА ВОСПРИЯТИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА

М. А. Резник

Томский государственный педагогический университет

Статья посвящена анализу присутствия автора в тексте и влиянию биографии автора на ее понимание. Объектом исследования является музыкальное творчество Курта Кобейна и его биография. Предметом исследования выступают стихи, музыка и дневники этого музыканта.

На основе теории интерпретации литературных текстов возникло понятие герменевтики, которое рассматривало преимущественно библейские тексты. Однако герменевтическую проблему заключают в себе не только классические литературные и священные тексты, но и вообще все тексты, написанные на родном или чужих языках, а главное речь, разговор и беседа [6]. Основные понятия герменевтики – это предструктура понимания и герменевтический круг [5]. По мнению Фридриха Шлейермахера, немецкого философа и теолога, «герменевтический круг» связан с проблемой целого и части. Для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей необходимо иметь представление о смысле целого [7]. Шлейермахер выделил психологическую сторону «герменевтического круга»: текст – есть фрагмент целостной душевной жизни личности его автора. Он утверждал, что цель работы толкователя – это вживание в его внутренний мир. «Необходимо создать условия для эмпатии, «вчувствования» в субъективность автора и его творческую мысль» – говорил он.

Согласно французскому философу–постструктуралисту Ролану Барту, «текст означает ткань; однако если до сих пор эту ткань неизменно считали некоей завесой, за которой с большим или меньшим успехом скрывается истина, мы, говоря ныне об этой ткани, подчеркиваем идею порождения, согласно которой текст создается, вырабатывается путем нескончаемого плетения множества нитей; заблудившись в этой ткани (в этой текстуре), субъект исчезает подобно пауку, растворенному в продуктах своей собственной секреции, из которых он плетет паутину»[2, с. 515]. Таким образом, Барт дает понять, что текст независим от автора; автор создает произведение и исчезает из него, не оставляя следов. Это утверждение в корне противоречит утверждению Шлейермахера о том, что автор в тексте присутствует и, мало того, очень важен. На мой взгляд, для того чтобы определить фигу-

ру автора или уничтожить ее в тексте, необходимо рассматривать произведение в купе с жизненными событиями автора реального.

Следует отметить, что за последние десятилетия в музыковедении понимание текста обрело свою нишу, которая включает в себя некоторые важные реалии самой музыки, а именно ее структуру и смысл. Известно, что чтение любого текста никогда не останавливается на уровне дешифровки графем, а превращается в акт восприятия того сообщения, которое передается с их помощью, акт, глубина которого целиком определяется нашими возможностями дешифровки [1]. Музыкальное духовное пространство представляет собой особую область в интеллектуальной жизни человечества, сложившуюся в связи с деятельностью и ее онтологическими свойствами. Музыка передает чувства, эмоции, которые, однако, у каждого человека свои собственные. Поэтому можно говорить о предметно-понятийной «немоте», которая ей присуща. Страх, одиночество, счастье, любовь, все эти эмоции и чувства способна дать музыка.

Одним из ярких представителей эмоционально-чувственной передачи можно считать Курта Кобейна. Его музыка и тексты несут в себе куда больше, чем просто информацию. Жизнь этого музыканта и его смерть окутаны множеством тайн, но его творчество и по сей день находит отклики в сердцах людей. Кобейн явился одним из основоположников традиций нового направления в музыке – grunge («гранж») (с амер. нечто отвратительное, неприятное, отталкивающее; это направление зародилось в хард-роке 90-х и включало элементы металлического рока (heavy metal) и эстетику панка (punk)) [3, с. 4]. «Nirvana» – группа, лидером которой был Кобейн, несмотря на свое явно медитативное название, заслужила право стать рупором целого поколения. «Есть, по крайней мере, одна форма социального сдвига, которую принесли ранние 90-е. Достижение, заключающееся в окончательном принятии различных стилей музыки среди молодежи. Это первое поколение, которое принесло музыкальное единство между ними и их родителями. Единодушие. В настоящее время нет никакого конфликта поколений», – писал в своих дневниках сам музыкант [4, с. 72]. Его судьба не была легкой, сложное душевно-эмоциональное состояние, проблемы со сверстниками в пору его юности, сложные отношения с противоположным полом, а также с родителями, все это отразилось в его творчестве.

Одним из ключевых событий жизни Кобейна стал развод родителей. Он прожил год с матерью, а затем два года с отцом. Семья жила в автоприцепе. После развода Кобейн еще больше стал страдать мезантропией. Это событие нашло свое отражение в таких его песнях как:

1. «Sliver»: «...I woke up in my mother's arms, Grandma takes me home, I want to be alone...» («...Я проснулся на руках своей матери, бабушка отвела меня домой, я хочу быть один» [8].
2. «Dive»: «...Everyone is hollow...» («...Все люди – всего лишь оболочки, внутри – пустота...») [8].

В своих дневниках Кобейн писал: «Тексты моих песен – это множество противоречий. Часть из них – мои очень искренние мысли и чувства, а другая часть – саркастические и, надеюсь, забавные развенчания шаблонно-богемных идеалов, которые с годами поблекли» [3, с. 67].

В 1984 году после скандала с матерью Кобейн не хотел продолжать образование: после окончания средней школы он ушел из дома. В его жизни настал тяжелый период, ему негде было ночевать. Периодически он жил у друзей, но большую часть времени он проводил под мостом через реку Уишка. Позже это отразится в песне «Something in the way» [4, с. 29]: «Underneath the bridge, the tarp has sprung a leak. And the animals I've trapped. Have all become my pets» («Под мостом брезент дал течь, а животные, которых я отловил, все как один стали ручными и ласковыми»). В своих дневниках Кобейн писал: «Я бы хотел, чтобы был кто-то, у кого бы я мог попросить совета, кто-то, кто бы ни заставлял меня чувствовать себя как поддон для того, чтобы проговориться и попытаться объяснить всю опасность положения, которое мучило меня. Я бы хотел, чтобы кто-то смог мне объяснить, почему у меня больше нет никакого желания учиться. Почему раньше у меня было столько энергии и потребность тратить мили и недели в поисках чего-то нового и необыкновенного» [3, с. 85].

В июне 1991 года журналистка из «Мелоди Мэйкер» Эверетт Тру (Everet True) познакомила Кобейна с его будущей женой Кортни Лав. Эта роковая встреча произошла в Лос-Анджелесе и нашла отражение в песне «Heart-shaped box» [4, с. 34]: «I've been burred in your heart shaped box for weeks. I've been drawn into your magnet tar pit trap» («Я был заперт несколько недель в твоей шкатулке в форме сердца. Меня засосала твоя магнетическая порочная яма»).

Группа, образованная Кобейном, добилась ошеломляющей популярности. Их песни звучали по радио и присутствовали во всех хит-парадах США и Европы. Изучая их творческую деятельность, стоит остановиться на двух альбомах. В частности, «Nevermind» отличался композиционной выверенностью; бойкие ритмы одной композиции сменялись размеренностью следующей, причем энергетический баланс при этом не нарушался. В альбом вошли по крайней мере 3 супер-сингла: «Smells Like Teen Spirit», «Come As You Are», «Lithium» – все они уже стали классикой. Не меньший интерес вызвали тексты, характеризующие в первую очередь откровенность выражения чувств автора, вплоть до его сексуальной озабоченности. Особенно запоминаются в этом плане «Polly»: «Let me take a ride, don't hurt yourself. I want some help please myself» («Позволь мне проехаться верхом, не поранься, мне всего лишь нужно немного помочь, чтобы я получил удовольствие») и «Something In The Way» [4, с. 78].

Прежде чем анализировать следующий альбом, следует упомянуть, что в детстве психиатры поставили Кобейну диагноз «Гиперактивность». Он оказался среди детей, которых в 60-х и 70-х годах под видом оказания «помощи в учёбе» кормили психотропными препаратами, формирующими наркотиче-

скую зависимость [3, с. 13]. У Кобейна эти препараты вызывали бессонницу. Соответственно, чтобы нейтрализовать это воздействие, ему назначили успокоительные. Несмотря на заявления психиатров о том, что стимуляторы помогают детям учиться, в школе Кобейн учился плохо [3, с. 14].

Годами, принимая назначенные ему препараты, вызывающие привыкание, Кобейн легко перешёл на уличные наркотики. Положение осложняли запущенные хронические заболевания, которые преследовали его всю жизнь: вес электрогитары, висящей на шее, усиливал искривление позвоночника, а «жжение в желудке и тошнота» часто доводили его до помыслов о совершении самоубийства. Желудочные боли – побочное действие амфетамина, который врачи прописали еще в детстве. Кобейн употреблял героин, чтобы, как он сам говорил, «погасить огонь в животе» [4, с. 34]. После того как Кобейн попал в больницу, где ему поставили диагноз «нарколепсия», в его доме прорвало систему водоснабжения и было уничтожено 80 % всех текстов будущего альбома. Выписавшись, Кобейн запирается в студии и по памяти за двое суток восстанавливает большую часть текстов, а также пишет практически все вокальные партии для нового альбома. Напряженная работа привела к нервному срыву, музыкант впал в невменяемое состояние и начал угрожать, что покончит жизнь самоубийством [3, с. 59]. Альбом, приведший к таким последствиям, имел рабочее название «I hate Myself And I Want To Die» (Я ненавижу себя и хочу умереть), название весьма точно отражало психологическое состояние Кобейна. Название впоследствии поменяли сначала на «Verse Chorus Verse» («Стих Множество звуков Стих»), а затем на «In Utero», что переводится как «в материнской утробе». Отрицательные эмоции в «In Utero» превалировали над положительными – слишком много в музыке было пессимизма и мрака [3, с. 62]. Единственное, что изменилось, так это тексты песен, утратившие характер личных переживаний в пользу фантазмагорийных зарисовок или конкретных историй. Например, текст «Scentless Apprentice». был написан под впечатлением от романа «Парфюмер» Патрика Зюскинда (Patrick Suskind) («Like most babies smell like butter, his smell smelled like no other, he was born scentless and senseless, he was born a scentless apprentice». – «Многие младенцы пахнут сливочным маслом, его же запах был не сравним ни с чем, он появился на свет без запаха и чувств, он был рожден учеником без запаха»), а «Franses Farmer Will Have Revenge On Seattle» (Фрэнсис Фармер отомстит за себя Сиэтлу) воскрешала в памяти трагедию звезды киноэкрана 30-х годов Френсис Фармер, которую довели до того, что она закончила свои дни в психиатрической лечебнице (свою дочь Кобейн назвал в честь нее) [3, с. 64].

Тяжелое психическое состояние, депрессия, усугубленная наркотиками, также конфликты с женой и внутри группы отразились на последующей жизни Курта, он неоднократно пытался покончить жизнь самоубийством. Незадолго до своей кончины Кобейн говорил: «Моя страсть остыла. Химия растворила в себе артиста, музыка оборвалась, и Курт Кобейн утратил

смысл жизни» [4, с. 104]. 5 апреля 1994 года лидера группы Нирвана не стало, он покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в голову из ружья [3, с. 78].

При сопоставлении биографии конкретного автора и его творческой деятельности, можно сделать следующие выводы: автор в тексте присутствует и для того чтобы глубже понять его творчество, необходимо знать события, которые привели к написанию того или иного текста. Только при изучении биографии становится ясно, что автор сам решает, оставаться ему в тексте или нет. Однако человеку свойственно переживать чувства на том уровне абстракции, где стирается граница между музыкой и другими проявлениями заложенного в человеческой психике творческого потенциала, поэтому, степень неопределенности в написании музыкального текста выше, чем в любом из искусств, а потому выше и мера вариативности их восприятия. «Текст бесконечно открыт в бесконечность», – писал Р. Барт [2, с. 425.]. Аналогично этому, если нижняя граница процесса познания музыкального текста определена лежащим перед нами материалом, то верхняя вообще проблематична, ибо теряется в бесконечности.

Литература

1. Арановский, М. Музыкальный текст: структура и свойства / М. Арановский. – М.: Композитор, 1998.
2. Барт, Р. Избранные работы / Р. Барт. – М., 1989.
3. Гордон, Д. Жизнь и Смерть Курта Кобейна / Д. Гордон. – Riverhead Books, 2003.
4. Дневники Курта Кобейна. – Riverhead Books, 1998.
5. Ранчин, А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности / А. М. Ранчина. – Древняя Русь. – 2001. – № 4.
6. Герменевтика [Электронный ресурс]. – Режим доступа. : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Герменевтика>, свободный.
7. Герменевтика, 1974 (Шлейермахер Ф.) / А. Злыгостев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000840/index.shtml>, свободный.
8. Тексты песен Nirvana с переводом / nirvana.km.ru: [Электронный ресурс]. Режим доступа. : <http://www.nirvana.km.ru/texts.html>, свободный.

СМЫСЛ ПОИСКОВ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Д. С. Рогалева

Томский государственный педагогический университет

Актуальность исследования символической природы поисков Философского камня заключается в том, что вслед за древними авторами современные исследователи полагают, что он есть символ единения с Истиной и Богом [1–3]. Философский камень – великая тайна Вселенной. С историче-

ской точки зрения Философский камень называют «великий эликсир», «красная тинктура», «красный лев». Большинство алхимиков полагали, что Философский камень – это красноватый порошок. В теории, процесс превращения происходил следующим образом: расплавлялся металл, в него бросали нужное количество Философского камня, превращение происходило постепенно или мгновенно. Этот камень мог приносить обладателю огромные богатства. Также этот камень мог излечить болезни, вернуть молодость, но не бессмертие. Он, конечно, мог дать долговечность, продлить срок человеческой жизни, но для этого его надо было определенным способом растворить и получить так называемый «золотой напиток». Любые сведения о Философском камне находятся в тайне.

Алхимия (от позднелат. *alchimia*, *alchemia*, *alchymia*) – наука о превращении одного вещества в другое, в основном неблагородных металлов в благородные золото и серебро. Алхимия делилась на три части, как выявлял Парацельс: «Высший аспект алхимии есть трансформация пороков в добродетели огнем любви к добру, очищение души страданием, возвышение Божественного начала в человеке над животными элементами его души. Второй аспект алхимии – учение о природе невидимых элементов, составляющих астральные тела вещей. Низший аспект алхимии – это приготовление, очищение и соединение физических веществ» [1].

В процессе становления алхимии можно выделить 4 этапа: 1) древний (до II в. н.э.), эта наука скорее зародилась в Египте, но есть так же предположения, что в Индии и на Тибете); 2) александрийский или греко-египетский (II-VI вв.); 3) арабский (VI-XII вв.); 4) европейский или христианский (XII-XVII вв.). От первого этапа сохранились лишь отрывки, упоминания, предания; можно встретить упоминания у Плиния Старшего (I в.) и у Иоанна Антиохийского (VII в.). На втором этапе алхимики говорили о возможности получить серебро и золото из других металлов. На третьем этапе создавалась теория о возможности превращения металлов с помощью Философского камня. Именно на этом этапе алхимики начали поиск данного камня. На четвертом этапе эта задача считалась решенной. Алхимия тесно переплеталась с медициной.

Во все времена алхимия не приветствовалась. Алхимики держали свои секреты в тайне, что способствовало распространению различных слухов и суждений. Они подвергались преследованиям властей. Алхимиков так же называли дьяволами. Но лишь при дворе императора Священной Римской империи Рудольфа II (1576–1612) алхимики и маги пользовались авторитетом. До сих пор в Пражском Граде есть улица, названная Золотой, потому что здесь жили алхимики и спокойно занимались своими опытами. Но были так же и исключения; хранить секреты было опасно: алхимики часто подвергались пыткам.

Согласно древним летописям, добыча Философского камня шла путем сложнейшей обработки раствора золота, который насчитывал 12 этапов. На первом этапе алхимик должен получить твердые камешки, далее они долж-

ны были приобрести красный цвет, а сам Философский камень должен быть кроваво-красным или с коричневым оттенком. Но летописи алхимии, открывающий секрет изготовления Философского камня заканчивались тем, что его уничтожали создатели или же, создание его прерывалось. Знамениты поэт-философ и художник Уильям Блейк (1757–1827) говорил о камне, как о «камне Ночи» и о его десяти запретах связанных с его поиском. Другие же считают, что открытие камня, есть «величайшее зло», т.к. мир может погрузиться в хаос и разрушить мировой порядок. Человечество не готово воспринять великую тайну Философского камня. К великой тайне этого камня, как предполагают многие алхимики, могут подойти лишь очищенные душой от греха люди, поэтому в первую очередь, алхимики которые приписывали себе открытие Философского камня, не думали о богатстве, тратили огромные деньги на благотворительность.

Самый главный вопрос, который интересует нас, удалось ли на самом деле найти кому-либо или получить Философский камень? По логике можно предположить, что ответ будет отрицательным, но есть исторические сведения, которые заверяют об обратном. Знаменитый философ-материалист Клод Адриан Гельвеций (1715–1771) якобы получил от какого-то алхимика крупинку Философского камня и превратил с помощью его часть свинца в золото, которое позже ювелиры признали подлинным.

Философский камень ищут по настоящий момент, но раскроется ли загадка этого великого камня когда-нибудь, сказать сложно. Что это на самом деле «великий эликсир» хранит в себе? Главное, что уже 12 столетий алхимики пытаются воплотить Божественный символ, и каждый алхимик мечтает сорвать завесу с тайны. Быть бессмертным или получить безграничное богатство – вот что предлагает этот камень.

Литература

1. Гартман, Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения / Ф. Гартман. – М., 2001.
2. Рохмистрова, В. Г. Свинцовые врата алхимии / В. Г. Рохмистрова. – СПб. : Амфора, 2002
3. Фламель, Н. Алхимия / Н. Фламель. – СПб., 2001.

ЗНАЧЕНИЕ ИСЛАМА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

А. А. Самидинова

Томский государственный педагогический университет

Невероятный ритм жизни, необъятные количества информации начиная с прогноз погоды, заканчивая новостями с Антарктиды. Человек мало задумывается над жизнью в погоне за деньгами и прочими удобствами жизни. Но время от времени человек чувствует неприятные ощущения в жизни связанные с противоречиями, которые возникают в душе человека. Непра-

вильное понимание своих внутренних убеждений и переживаний, не способность адаптировать эти убеждения к условиям жизни. Приводит к разрушению надежд, разрушению счастья. Неудовлетворенная духовная потребность их гнетет, им не хватает, ощущение некоего душевного вакуума.

Религиозный менталитет охватывает все феномены внешней и внутренней жизни социума или отдельного человека, связанные прямо или косвенно с религией [1].

В настоящей работе будет рассмотрена проблема оценки и значения ислама в жизнь современного человека. Как известно поведение и образ жизни человека зависит от его образа мышления и мировоззрения. Исходя из этого, при изучении вопроса обеспечения психического здоровья человека, психологи уделяют внимание глубокому влиянию убеждений и образа мышления людей.

В исламских учениях вера в Единого Аллаха считается главным фактором влияния на убеждения, а в итоге и на психическое здоровье человека. В Коране Всевышний Аллах указывает на весьма многозначительный факт в жизни человека. В этом аяте мы читаем: «А тому, кто не будет помнить обо Мне, воистину, предстоит жизнь в тяготах...».

Этот аят подтверждает тот факт, что человек по своей природе обладает набожным духом и испытывает притяжение к Богу. А если человек будет действовать вопреки своей внутренней склонности и забудет Бога, то это противоречие между внутренним и внешним миром вызовет своего рода гнетущее недовольство жизнью. Такой человек не может ощущать внутреннего спокойствия и довольства, даже если будет пользоваться материальным благополучием на самом высоком уровне. Исламский мыслитель мученик Мотahari говорит по этому поводу: «Некоторые люди ощущают внутреннее беспокойство, они ничем не довольны, лишены спокойствия и склонны к депрессии, но сами не знают, с чем связано это состояние. Они видят, что у них есть все, чего можно пожелать в жизни, но тем не менее не чувствуют удовлетворенности».

Психологи склонны считать, что верующие люди менее других подвержены душевным расстройствам и заболеваниям. В книге Дэйла Карнеги «Оставьте тревогу и начинайте жить» автор говорит о том, что верующий человек не поддается тревоге, сохраняя свой характер. Он все время готов противостоять неприятностям.

Психологические исследования показывают, что вера в Единого Творца Вселенной облегчают невзгоды и страдания верующего. Вера в Единого Бога и Его познание как Первоисточника сотворения, спокойствия и милости является краеугольным камнем психического здоровья и безопасности. Если человек не верит в этот факт, он не сможет найти никакой надежной прочной опоры в жизни [2].

Каждый день каждый человек находится перед выбором. Человек невольно задумывается, а что есть хорошо, а что плохо, т.е. что такое добро и зло. Вопрос о соотношении добра и зла, лежащего в основе принципа, из

которого исходят религиозная доктрина и система веры. Религия играет ведущую роль в освещении данных абстрактных концепций, и ислам здесь не является исключением. На самом деле, ислам представляет полную картину объяснения добра и зла. Однако для того чтобы понять учение ислама относительно добра и зла, нужно сначала уяснить себе, что ислам рассматривает жизнь как попытку выбора между добром и злом [3].

Будучи людьми, мы основываем свое понимание добра и зла на том, как мы себе это представляем, или об этом думаем. Человеческий опыт, однако, во многом ограничен. Многие вещи и события, которые поначалу кажутся хорошими, могут оказаться в конечном итоге злом, и наоборот. Истинное знание есть то знание, которое не поддается ограничениям, и оно есть только у Бога. Коран четко указывает на то, что Бог является единственным, кому дано определить добро и зло [4].

Господь творит как добро, так и зло, основываясь на нашем выборе. Как только мы сделали выбор, Господь независимо от нас сотворяет деяние. К примеру, когда человек решает поднять левую руку, Господь создает у него в мышцах все необходимые действия, чтобы это произошло. Желание поднять руку может возникнуть у человека для того, чтобы помочь кому-то или, наоборот, обидеть. Такое решение он принимает сам, в то время как Господь просто претворяет это решение в действие. Мы знаем – или обязаны знать – о последствиях наших действий. Человеку известно, что если он совершит кражу и будет пойман, то попадет в тюрьму. Мы не можем упрекнуть власть, что они заставляют такого человека страдать, поскольку это были его действия, что привели его в тюрьму. Власти просто претворяют в действие закон, который гласит: за совершение кражи полагается тюремное наказание. Соответственно, закон Господа заключается в том, что если человек выбирает зло, то его он и получает взамен, и если он выбирает добро, то добро он себе и получит.

Стремление к добру и неприятие зла свойственно каждому человеку. Пророк Мухаммад учил, что добро есть красота личности и красота добродетелей личности, в то время как зло есть то, что заставляет страдать сердце человека, делает его несчастным, и является той стороной человека, о которой он не хочет, чтобы знали другие и добрые дела в этом мире подобны семенам, которые принесут урожай в мире потустороннем [5]. Когда человек совершает выбор, то на него оказывают влияние различные силы. От природы люди имеют склонность совершать хорошие поступки. Размышления о прекрасных качествах Господа, таких как сострадание и любовь, направляют человека на сотворение доброго дела. Однако человека всегда сопровождают два врага, которые толкают его ко злу. Ими являются сатана и человеческое эго, или его внутренняя суть. Желание совершать добро исходит от наших намерений и мотиваций, вызывающих действие, и в этом заключается их ценность. Человек во многом не имеет свободы выбора. Мы не можем путем выбора решить жить без еды или воды, или без сна. Однако мы абсолютно свободны в одном: мы можем выбирать между добром и

злом. Жизнь состоит из возможностей, решений, и ситуаций, из которых надо выбирать, и добро и зло предстают перед нами в качестве этих возможностей. Мы делаем наш выбор, и Бог творит добро и зло, исходя из нашего решения [4].

Решение самому определять свое собственное поведение несет человеку не только освобождение, но и немало страданий, поскольку именно это решение возлагает на наши плечи груз невероятной ответственности [6].

Что есть грех? По мусульманскому учению грех есть неведение божественного закона. Ислам – религия максимально рационализированная. Знанию (положительному, религиозному) придается подчас едва ли не решающее значение: «ученый мог бы и не совершать благих деяний – он был бы оправдан своими знаниями. А если бы ты, простолюдин, посмотрев на него, пренебрег благими деяниями, то дурные деяния твои, поскольку ты лишен его знаний, погубили бы тебя, ибо заступничества тебе искать было бы не в чем» [7].

Теологи перечисляли следующие большие грехи: куфр (неверие), убийство человека; прелюбодеяние и лиуат (мужеложество); употребление спиртного, наркотиков; занятие магией; обвинение невиновного мусульманина в прелюбодеянии или лиуат; пропуск поста в Рамадан без причины; грабеж; лжесвидетельство; взятка; организация совершения греха, например, организация публичных домов и т. п.; отказ от выплаты закята; сутенерство; дезертирство с фронта, когда идет война в защиту Ислама; обман в операциях купли-продажи; клевета и злословие, дача ложной клятвы; лживое заверение, что так сказано в Коране, или это – слова Пророка; причинение страданий родителям и родственникам; пропуск намаза без уважительной причины; употребление в пищу свинины и мяса, запрещенного шариа-том; воровство [8].

Как и многие другие мировые религии, Ислам проповедует веру в загробную жизнь (ахирет). В религии пророка Мухаммеда это понятие считается настолько важным, что посланцы Аллаха (Расулы) во все времена считали даже малейшее отступление от веры в жизнь за гробом отступничеством от Аллаха.

Истинный мусульманин должен всегда помнить о ахирете, что делает его жизнь и его поступки осмысленными. Что есть жизнь человека? Жизнь человека – всего лишь краткий миг во время которого люди не могут сполна получить справедливую награду или возмездие за свои поступки, совершенные в течение всей жизни. Коран особо отмечает необходимость справедливого воздаяния каждому из живущих, как за плохие, так и за хорошие дела в земной жизни, поскольку земная жизнь – лишь подготовка к ахирету.

В час, который определен Аллахом, человек умирает. Хотя смерть приходит по воле Аллаха, обязанность забирать человеческие души возложена на Ангела Смерти – Азраила, являющего собой символическую завесу между человеком, смертью и тем, кто ее посылает. Человек умирает так, как он живет. Тот, кто вел праведную жизнь, умирает легко и спокойно, тогда

как грешники покидают этот мир в муках. Пророк Мухаммед говорил, что души праведных забираются так же мягко и плавно, как вытекает вода из кувшина. Более того, шахиды (мученики, погибшие на пути Господа) не чувствуют агонии смерти и не знают того, что они умерли. Вместо этого они чувствуют, что переместились в лучший мир, и наслаждаются вечным счастьем.

Ислам учит, что человек не должен бояться смерти. Для тех, кто верит и совершает праведные поступки, смерть не должна быть страшна. Согласно предопределению Аллаха, мир постоянно обновляется, на смену бренной жизни приходит вечная жизнь. Когда фруктовая косточка попадает в почву, то кажется, что она гибнет. Но на самом деле она проходя через определенные стадии развития, в конце концов, превращается в дерево. И «смерть» косточки является началом жизни нового дерева, новой, более совершенной ступени развития. И если смерть растений, представляющих собой простейший уровень жизни, прекрасна и имеет большое значение, то смерть человека, представляющего собой более высокую ступень жизни, должна быть еще более прекрасна, и иметь еще более серьезное значение: человек, уходя в землю, непременно обретет Вечную жизнь. После смерти душа попадает в место ожидания «барзах» (преграда), где и пребывает до Судного дня, причем души мусульман попадают на небеса, а души неверных в колодезь Барзахут в Хадрамауте. В этом состоянии тела умерших все еще обладают способностью чувствовать, хотя и находятся в могилах. И наконец в день, когда вся Вселенная разрушится (киямет) все умершие предстанут перед Аллахом для суда. Суд Аллаха – высший и справедливый, во время которого он накажет грешников и даст вечное блаженство праведникам [9].

Свобода данное человеку в выборе религии и радикальные социальные преобразования, происходящее в нашем мире, порождает социальную нестабильность, сопровождаемую резким разрушением устоявшихся норм и стереотипов, острым кризисом системы ценностей, обусловленным противоречивостью перехода от социоцентрической системы ценностей к персонцентрической, увеличением числа «степеней свободы» для выбора себя и своей жизни каждым конкретным индивидом. Многие не в состоянии справиться с таким выбором и потому добровольно отказываются от полученной долгожданной свободы, стремясь обратно «в несвободу» (Э. Фромм). В результате для множества людей это оборачивается утратой чувства личностной целостности, идентичности, утратой ощущения себя субъектом своих действий и поступков (Г.М. Андреева), что порождает кризис доверия, обнаруживаемый на всех уровнях социально-психологических отношений. В таких условиях особенно важным оказывается поиск способов и средств, которые могли бы оказаться полезными не только в деле адаптации к новым условиям жизни, но и в деле сохранения личностной целостности индивида [10]. И в этом ислам выступает один из самых распространенных религии в мире. Ислам дает человеку прочную опору в виде веры в Аллаха.

В обыденности люди часто ищут чудо и чудом мусульман является Коран, который расписывает жизнь верующего и рисует четкую картину потустороннего мира. Конечно, вера в жизнь после смерти является одной из самых сильных мотиваций жизни. Что позволяет мусульманину жить в гармонии с природой.

Литература

1. О роли исламского фактора в современном мире. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prom1.livejournal.com>
2. Ислам – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tebyan.net/islam/islamicbeliefs/otherarticles/2008/11/16/78838.html>
3. Добро и зло в исламе – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.noviyeqrani.com/>
4. Добро и зло в исламе – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kurman.ru/islam/>
5. Ислам – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://supercook.ru/moslem/moslem00-01.html>
6. Ислам – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://revolution.allbest.ru/religion/00004929_0.html
7. Добро и зло – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/put/apologetika/ogrehe.html>
8. Ислам – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/>
9. Смерть – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lossofsoul.com>
10. Смерть – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://planetadisser.com/>

МЕСТО ЭЛЕКТРОННОЙ МУЗЫКИ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

А. С. Сафонов

Томский государственный педагогический университет

Ухо, предназначено не для того, чтобы
слышать, ухо предназначено для того,
чтобы питать энергией разум и тело

А. Томатис

Что такое музыка? Музыка – это не только разновидность искусства, воплощающее идейно-эмоциональное содержание в звуковых художественных образах, но и сложное физико-математическое явление, способное воздействовать на сознание и подсознание человека [1]. В связи со вторым фактом в настоящее время в науке актуально изучение влияния звука на человека. Этим явлением очень заинтересованы психологи, медики, а также философы. Существует понятие «музыкотерапия», распространенное в современной медицине – это лечение пациента путем воздействия на него специально подобранной музыкой. В философии данное направление может быть подвергнуто фундаментальному анализу.

Учитывая, что вкусы и предпочтения людей различаются, следует говорить о том, что и восприятие разных явлений у всех разное. Так, например, люди, предпочитающие музыку, в которой преобладают элементы вокала и живых инструментов, будут иначе воспринимать электронную музыку. Конечно, это относится не ко всем, так как по своей природе человек очень противоречив и разносторонен. Одни могут воспринимать живую музыку, получая от нее безграничное удовольствие, точно так же, как другие, слушая синтетические звуки.

Ограничиваясь только электронной музыкой, стоит отметить ее своеобразие и огромный резонанс стилей. В настоящее время синтез звуков с помощью электронных приборов получил довольно большую популярность и широкое распространение среди огромного количества жителей нашей планеты. Электронная музыка объединяет в себе экспериментальное сочетание большого количества искусственных звуков. Этим она и отличается от традиционной. Она не ограничивается заикливанием только на электронной основе и очень часто содержит эксперименты синтеза электронных и живых инструментов, которые были невозможны ранее.

Если затронуть музыку в философском аспекте, то можно сказать, что музыка, а точнее звук, окружает человека повсюду, где бы он не находился, и создает едва ли не целый мир. Например, шум города – это своеобразный нойз. В электронной музыке существует стиль Noise (от англ. «шум»), основой которого является шум. В свою очередь шум может раздражать человека или наоборот привлекать. Имея в виду этот факт, стоит еще раз отметить, что электронная музыка, так же как и шум, может восприниматься по-разному, и в данном случае ее влияние напрямую зависит от слушателя.

Основой музыки является темп. В теории музыки темп – это скорость исполнения музыкального произведения [1]. Темп как не что иное влияет на восприятие музыкальных композиций. В настоящее время в электронной музыке можно встретить темп 50–60 ударов в минуту, в таком стиле как Ambient (от англ. «окружающий») – это музыкальный жанр, включающий в себя элементы целого ряда различных стилей, по своей природе этот стиль очень спокойный и расслабляющий, вводящий человека в состояние умиротворения. Максимальный темп в современной музыке представлен стилем Speedcore, в котором сочетаются вариации электронного хардкора (Hardcore), отличающиеся высокой скоростью и агрессивностью музыкальных тем. Тем в композициях этого жанра достигает 1000 ударов в минуту и более. Из-за своеобразности звучания и тяжелой для восприятия скорости, этот стиль имеет относительно небольшую аудиторию.

Раскроем специфику некоторых музыкальных жанров, не являющихся коммерческими и малоизвестных современной аудитории. В частности, в электронной музыке существует очень обширный жанр IDM (Intelligent Dance Music) – это условное обозначение для набора стилей, которые не вписываются в традиционные рамки принятых обозначений. В композициях данного направления обязательно присутствуют красивые электронные

мелодии, зачастую очень простые. Мелодий может быть очень много, они сменяют друг друга, сливаясь самым неожиданным образом, возникая и замолкая. Характерной особенностью этого стиля является ритм, обычно построенный на сбивках и брейках. Ярким представителем и одним из основоположников жанра является Арех Twin. Музыкальные произведения здесь наполнены различными эмоциональными окрасками, но чаще всего это спокойная, иногда тревожная музыка, своеобразно действующая на слушателя. При прослушивании некоторые люди испытывают расслабление, но могут переживать тревогу и беспокойство.

Dubstep – это достаточно молодой жанр электронной музыки, который возник в начале 2000х годов в южном Лондоне [1]. Темп этой музыки находится в пределах 140 ударов в минуту, особенность данного жанра – мощная басовая линия, сочетающаяся с ломаным ритмом. Чаще всего присутствует мрачное звучание, но, как и во многих стилях, наблюдаются эксперименты и варьирование звучания. Из представителей данного жанра следует отметить продюсера под псевдонимом Burial, альбомы которого поразили людей во всем мире и не оставили равнодушными ни одного человека. В своих произведениях Burial использует, казалось бы, парадоксальные звуки, например звуки из компьютерных игр, сочетая их с легкими ударными и вокалом, что придает композициям особо гармоничное звучание. Эта музыка вызывает различные чувства, чаще всего умиротворение и покой, а порой и депрессию.

Breakcore – это экспериментальный жанр, появившийся в 1993 году. Главным отличием жанра является большое количество сбивок и разнообразие перкуссии, сочетающееся в себе множество жанров: IDM, 8-bit, Hardcore и других [1]. Данное музыкальное направление отделено от остальных направлений современной электронной музыки в силу своей относительной доступности для восприятия. Ярким представителем является Venetian Snares.

Таким образом, экспериментальная тенденция в современной музыке является основной в ее развитии, порождая многообразие направлений, которые не могут быть описаны в отдельно взятой статье. Следует, однако, отметить, что в настоящее время электронная музыка – это неотъемлемая часть человеческого общества, которая играет не меньшую, а возможно и большую роль в современной культуре, нежели в предыдущие эпохи. Например, как замечает А.Ф. Лосев в отношении античных представлений, «музыка действительно играла большую роль в античном мировоззрении. У пифагорейцев она подчиняла себе даже грамматику» [2, с. 69]. В современном мире данная ситуация во многом воспроизводится, ибо благодаря новинкам техники, человек может слушать музыку 24 часа в сутки, где бы он ни находился, а это важный показатель того, что музыка занимает одно из важных мест в жизни каждого современного человека.

Литература

1. <http://wikipedia.org/>

2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2х кн. Кн. 2 / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М. : АСТ, 2000. – 688 с.

АТРИБУТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Ю. К. Севастьянова, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

Пространство – это форма координации сосуществующих объектов. Это протяженность, сосуществование, отделенность предметов друг от друга, порядок расположения относительно друг друга материальных объектов. Метрика пространства – это конкретные параметры описания пространственных форм, например, для макромира – это геометрия Евклида.

Время – форма координации последовательно существующих и сменяющих друг друга объектов. Время не просто длительность, оно тоже имеет свои измерения: емкость, полноту, плотность мгновений, нагруженность моментов.

Концепция абсолютного времени понимала его как чистую длительность. Оно представало как мировые часы, на фоне хода которых происходят все события. Однако это не так. Также и пространство – это не просто вместительность всех вещей, а свойство, связанное со спецификой материального объекта.

Вследствие этого в зависимости от уровня организации движения материи, ей свойственны свои пространственно-временные характеристики. Абсолютные пространство и время И. Ньютона были заменены на атрибутивные в соответствии с открытиями А. Эйнштейна. Поэтому пространство-время для различных уровней организации материи свои – в субатомном мире, макромире, планетарно-геологическом, биологическом, социальном мирах. Вследствие атрибутивности пространство и время и всеобщи, и дискретны.

В субатомном уровне характеристики сосуществования и последовательности, как и формы движения не похожи на пространство и время в макромире. Так, тут существуют величины 10^{-17} степени лет (электрон), 10^{-22} степени лет (протон).

В микромире действует принцип дополнительности, когда одновременно невозможно определить координату (пространственная характеристика) и импульс-скорость (временную). Тут существует свой пространственно-временной континуум, т. е. взаимосвязь пространства и времени. Существует особая характеристика как спин вращательного движения, понятие многомерного пространства и времени, даже нулевого пространства и времени (виртуальные частицы, частицы-резонансы) и мн. др. (в квантово-волновой картине мира).

Суператомный уровень: в нем организация вещества характеризуется евклидовым пространством (3-х мерным) и одномерным временем, теку-

щим от прошлого через настоящее к будущему. Оно и выступает как абсолютное время, изучаемое в законах классической механики.

Планетарно-геологический уровень: в нем время и пространство определяются астрофизическими процессами: становления планет, Солнца, звезд, межгалактическими, галактическими взаимодействиями. Время существования здесь также определяется процессами внутренней деятельности объектов. Есть гипотеза, согласно которой, если солнечная энергия иссякнет, то изменятся все другие пространственно-временные характеристики в космическом мире.

Земля, по своим пространственно-временным характеристикам зависит от Солнца и других планет, а также от внутренних процессов, происходящих внутри ядра Земли. Земля имеет свои геологические характеристики пространства и времени, также имеют их и другие планеты.

Например, все слышали о такой пространственно-временной характеристике как разбегающиеся галактики, где скорость разбегания увеличивается по мере увеличения расстояния разбегания.

Биологический уровень. Пространственно-временные характеристики зависят от обменных процессов, от пищеварения, удвоения веса от момента рождения, т. е. от специфики движения. Бабочка-однодневка успевает за один день совершить весь жизненный цикл от рождения до создания потомства и смерти.

Время, по И.И. Мечникову, как длительность существования живых организмов, тоже определено внутренними природными процессами.

Продолжительность жизни связывают: со временем роста; со временем удвоения веса после рождения; с особенностями процессов питания и обменными процессами [1, с. 20-89].

По Мечникову, коловратки живут 50-60 час.; матки пчел – 2-3 г.; муравьи – 12 лет; собака – до 16-18 лет; овца – до 12-14 лет; корова – до 16-18 лет; лошадь – от 15 до 30 лет; верблюд – до 40 лет; рыбы – до 60 лет; лосось – до 100 лет; щука – до 267 лет; черепаха – до 100 и более лет; попугаи – до 50-60 лет и более [там же].

Биологическое человеческое время существования равняется 4 млрд. сердцебиений, т. е. 115 годам; 68-72 года – средняя продолжительность жизни человека – это уже сокращенное социальными трудностями время.

Социальное пространство обладает сложной структурой. Это :

1. Пространство непосредственного обитания (жилище, поселение).
2. Зоны хозяйственных циклов.
3. В земледельческих обществах – зоны плодородных земель.
4. В целом, социальное пространство – это пространство человеческой деятельности.
5. Социальное пространство специфически преломляется в историческом мировоззрении, менталитете.

Так, в зависимости от менталитета различаются: освоенное и чужое пространство (первобытное общество). С одной стороны – это упорядочен-

ное Солнцем пространство обитаемой Земли, с другой стороны – темный хаос (Античность).

В Древнеегипетской цивилизации освоенное пространство по берегам Нила воспринималось как центр мироздания. А течение Нила с севера на юг задавало главное направление в пространстве.

Пространство Средневековья: огромный покров лесов и небольшие возделанные прогалины. Пространство лесов имело свой и хозяйственный, и мировоззренческий смысл. Для большинства мир ограничивался горизонтом ближайшего леса. Но средневековый мир знал и более широкие пространства деятельности: святые места, крестовые походы.

Странники, странствующие рыцари, калики перехожие – паломники, бродяги раздвигали границы средневекового пространства. Человек – вечный странник на Земле. Как учил Христос: оставьте все и следуйте за мной. Средневековые путешествия отразились в иконографии. Для средневекового пространства свойственна еще такая характеристика. Оно напоминало броуновское движение молекул, т. е. было очень хаотичным. Паломники избегали рыцарских замков, поскольку тут происходили грабежи, шли извилистыми тропинками, между ярмарочными местами, по перевалам, бродами, так как на мостах тоже грабили.

Реально рисовался небесный мир – рай. Основанием для такого понимания средневекового пространства служили реальные формы деятельности: с одной стороны – натуральное хозяйство: с другой – религия, крестовые походы и паломничество. Возникающие ментальные представления формировали, в свою очередь, образ жизни[2, с. 124–183].

В Новое время пространства начинают сокращаться, в известной мере начинают унифицироваться, так как происходят общие явления в труде, в политике, во взаимодействии города и деревни.

Социальное пространство организуется как системная целостность социального бытия человека: деятельности, общественных отношений, духовной жизни, второй природы. Составляющие системного целого меняются, создавая историческое социальное пространство. *Параметры технических устройств, искусственных садов, водоемов, архитектуры городов – все это социально-пространственные структуры. Они историчны.* Города античной эпохи непохожи ни на города Средневековья, ни на современные. Л. Мамфорд говорил, что в античном стиле можно строить бани, вокзалы и цирки [3, с. 95], поскольку он отвечал тому образу жизни.

Одна и та же эпоха в зависимости от традиций, национальной деятельности, этнических особенностей также создает своеобразие социального пространства. Например, традиционный японский дом: в нем социальное пространство дома организуется в соответствии с количеством *татами* – напольных циновок [4, с. 87–102].

Американский небоскреб связан и обусловлен не только техникой, но и деятельностью больших масс людей в одном месте, высокой стоимостью земельных участков.

Историчность социального пространства обуславливается характером труда и его производительностью. Малая доля искусственной среды и земледельческий характер труда создает деревню.

Возрастание промышленного труда, техники, искусственной среды (второй природы) ведет к урбанизации пространства.

Новое соотношение города и деревни в современном мире означает создание мегаполисов, что меняет характер социального пространства людей.

Социальное время тоже обладает сложной структурой. Выделяются:

1. Время земное, астрономическое. То, с чем мы имеем дело в астрономическом времени, – это инструментальное время (в античной мифологии – это Кронос (Хронос), пожирающий своих детей). Это время оказывается отвлеченной величиной в историческом бытии людей. Если бы в социальном бытии действовало только время астрономическое, то единственным временем было бы время движения от колыбели к могиле. Тогда все процессы, мешающие этому продвижению, можно было бы считать помехами в человеческой жизни.

Материя человеческой жизни и ее движение не исчерпываются только физиологическими процессами, поэтому астрономическое время – это лишь одно измерение.

2. Длительность времени, его равномерность везде есть нечто существенным образом отличное от действительной, неравномерной, но равномерной и разномерной реальности временного существования человека. Социальное время, определяемое социальной деятельностью как материальным, так и духовным движением, ставится в зависимость от способов и форм человеческой деятельности. Время человеческого бытия – это не время существования, а *время осуществления*.

3. Выделяется *историческое, общественное и личностное время*.

Социальное время (общественное, историческое) – это внутреннее время социальных процессов, которое вписано в астрономическое время. Социальное время как историческое определяется *мерой изменчивости* социальных отношений.

На ранних стадиях человеческой жизни, в родоплеменном, а потом в традиционном обществах, воспроизводивших общественные отношения того же уровня (земледельческие цивилизации) время носило как бы циклический характер. Повторение, воспроизведение – характерные особенности традиционного времени. Устремлен человек был не в будущее, а в прошлое, в воспроизведение традиций, в золотой век.

События на небе были временем человеческих дел. Время человеческих дел – это солнечный и лунный календарь. Астрология – это первоначальная астрогеономия – связь земных событий с тем, что делается на небе. Однако связь событий на небе определяется и тем, что делается на Земле, зависит от земных событий. Так, переход от пастушества к земледелию начал новый календарь, т. е. новые единицы счета своего хозяйствования. Это был переход от лунного календаря к солнечному.

В Средневековье социальное время – это и Церковное время: время Рая, грехопадения, искупления грехов, вечной жизни. Ежегодный календарь – это религиозные события и праздники, которые с ними связаны [2, с. 124–183].

Наши предки, а многие и сейчас так выражают свое временное бытие: дело было в Рождество или на Пасху, в Ильин День, Петров день и т.д.

Ориентация на будущее возникла значительно позже.

Машинное производство привело к изменению социальных отношений, ускорению всех процессов социальной жизни. Это нашло отражение в пословице «Время – деньги». Изменилось отношение к внешнему времени. Астрономический земледельческий цикл, который являлся измерением времени, заменился тиканьем часов, отбивающих не только час, но и указывающих на минуты. Создавалось из-за часовой меры измерения представление о равномерности времени.

На самом деле, как видим, историческое социальное время течет неравномерно. Оно как бы уплотняется и ускоряется вместе с повышением производительности труда и прогресса техники. Время как бы спрессовывается, будучи насыщено событиями.

4. Социальное время состоит из множества индивидуальных личностных времен. Но это не тождественно индивидуальному органическому времени.

События в органической человеческой жизни являются основанием для деления на временные отрезки самой человеческой жизни: рождение, грудное вскармливание, участие в детских играх (игра в куклы, например, говорит о возрасте: она еще в куклы играла), половая зрелость, вступление в брак, рождение детей, появление внуков. Эти события вносят изменения в образ жизни, являются основанием периодизации индивидуальной человеческой жизни, но этой периодизацией не исчерпывается индивидуальное личностное время. Оно определено событиями человеческих свершений.

Биологическое время человека может быть незначительным, а социально значимых событий столько, что хватит на несколько биологических жизней. Часто человек становится вследствие этого бессмертным, вечным.

5. *Психологическое время как личностное.* Один и тот же астрономический промежуток времени психологически может быть и коротким и длинным. «Я знаю: время растяжимо,/ Оно зависит от того,/ Какого рода содержанием/ Вы наполняете его», как говорил С. Я. Маршак.

Время и пространство и здесь, в социальном и социально-личностном времени, составляют пространственно-временной континуум. Пространственные характеристики часто заменяют временные. Он живет в 5 мин. от работы; его дом находится на расстоянии 2-х часов на электричке от Москвы, и т.д. Временем измеряем пространство, а пространство временем.

За тридевять земель – пространственная характеристика, но и временная одновременно.

Литература

1. Мечников, И.И. Этюды оптимизма / И. И. Мечников. – М. : Наука, 1987. – 328 с.

2. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
3. Мамфорд, Л. От бревенчатого дома до небоскреба / Л. Мамфорд. – М.: Изд-во всесоюз. акад. арх., 1936. – 170с.
4. Сысоева, Л.С., Махлина, С.Т. Материально-художественная деятельность и эстетическое воспитание / Л. С. Сысоева, С. Т. Махлина. – Томск : Изд-во ТГУ, 1993. – 184 с.

ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО МЕСТО В МИРЕ

Т. В. Суслова

Томский государственный педагогический университет

Познание человека напрямую связано с познанием себя через природу. Это является основным критерием в познании мира, так как Человек представляет собою лишь единицу в целой системе мира, вселенной. И мы лишь крупинки в огромном пространстве.

Так как же мы понимаем мир, и как нам найти свое место в столь обширном пространстве? Свое место, которое устраивало каждого и являлось бы смыслом деятельности, жизни. Ведь каждый человек представляет собою индивида, и только преодолевая препятствия на жизненном пути становится личностью. Но не многим это удается.

Не каждый сможет стать личностью, преодолев себя в полной мере, во всем смысле своего существования. Ведь некоторые, не достигнув своей намеченной цели «опускают руки», при этом не борются, не идут вперед, с «поднятой головой», а опускают ее все ниже, так и не воплотив идеи. Но стоит только дать веру человеку в его же силы, подтолкнуть его, направить на правильную дорогу. И он поверит в себя. Человек, имеющий веру, гораздо сильнее. И даже не имеет значение, во что он верит. С какой стороны подходит к делу: с материальной или с духовной. Но в идеале, пройдя материальную сторону жизни, прийти к познанию духовному аспекту мировоззрения. Мировоззрение существует по типу системы ценностных ориентаций, идеалов, верований и убеждений. Но при этом найти истинную позицию в жизни. Каждый определяет ее самостоятельно. Но при непрерывном контакте с окружающим миром.

Человек общается, развивается, самореализуется лишь благодаря окружающему его обществу, и накопленному опыту поколений. При этой прямой зависимости, отбирается только самые важные принципы познания. Но самопознание зависит от самого человека. Мы сами выбираем себе путь, свою дорогу. У каждого из нас есть своя точка зрения, свой взгляд на мир. Мы являемся уникальными созданиями, не похожие друг на друга, но объединены воедино. Понимание мира по-разному находит свое отражение. Можно взять совершенно две противоположные точки зрения. Позиции военного и гражданского. Для военного важно защищать свою страну, Роди-

ну, но в зависимости, что он понимает под словом Родина. В чем смысл? В большинстве считают – дом, семья. Ведь дом – это всегда, то место, где ждут и любят.

С позиции гражданского человека, который работает во благо себя, семьи, своих идей. Но в конечном итоге, создает основу пирамиды государства. Отсюда, если в мирное время мы не придаем значению таким обычным вещам, как светлое небо, яркое солнце, Все, что нас окружает, считаем естественным. В военное время ставятся иные приоритеты. Выжить и Победить.

Итак, занимаясь предметом познания мира, мы часто забываем для чего же на самом деле живем. Главное, чтобы не было войны! Поступая по своим моральным соображениям, следует помнить слова И. Канта: «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, – звездное небо над мною и моральный закон во мне» [1, с. 435].

Литература

1. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – М. : Мысль, 1999. – 1472 с.

ПРОБЛЕМА ПРЕДСКАЗАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ БУДУЩЕГО

И. А. Царегородцев

Томский государственный педагогический университет

В современном мире в связи с развитием науки и техники возникает вопрос о возможности путешествия во времени, актуализирующий проблему предсказания и изменения будущего. Причем перемещение во времени само по себе содержит множество нюансов, которые необходимо рассматривать в теории. На современном этапе наука не дошла до этого, но прогресс, как известно, не стоит на месте, и горизонты возможного здесь открыты.

Предположим, что уже изобретена «машина времени». Возникает вопрос о месте, в которое попадет человек, переместившись во времени. В рамках пространственных координат вселенной человек исчез в одном месте и появился в прошлом или будущем, но в том же месте. Однако во вселенной нет абсолютно неподвижных объектов: Земля вращается вокруг своей оси и вокруг солнца; солнечная система движется с огромной скоростью вместе с вмещающей ее галактикой. Поэтому даже перемещение с временным сдвигом в один час может оказаться опасным. В момент появления «машины времени» в прошлом или будущем Земля будет уже на удалении от места ее появления, вполне возможно, что «машина времени» окажется в открытом космосе.

В то же время вся наша жизнь – это путешествие во времени, неконтролируемое движение в будущее. В связи с этим можно провести мысленный эксперимент. Допустим, что создадут «вечную ракету», ракету с веч-

ным двигателем, с вечным запасом пищи для вечного экипажа. Такая ракета будет свободна от власти времени и сможет лететь вечно. Вселенная, как известно, имеет центр, но не обладает концом, будучи бесконечной [1]. Поскольку вселенная бесконечна, то любая скорость (даже скорость света) будет ничтожно мала для того чтобы достичь края вселенной. Вектор движения этой ракеты должен будет совпадать с точным удалением от центра вселенной. С точки зрения теории «большого взрыва», «ранняя Вселенная представляла собой однородную и изотропную среду с необычайно высокой плотностью энергии, температурой и давлением» [2]. Внешняя в отношении такой вселенной среда, в рамках которой может расширяться бесконечная вселенная, – это другой вопрос. Важно, однако, что до «большого взрыва» у вселенной имелись «края» (границы). Через несколько миллиардов лет вселенная прекратит расширяться и станет опять сжиматься. В этом случае у вселенной обнаружится «край», к которому ракета и будет стремиться. Но космический корабль не сможет приблизиться к краю вселенной, так как вместе с остальной материей начнет двигаться к центру вселенной. Это будет происходить до полного сворачивания вселенной, что приведет ракету к исчезновению.

Возможна еще одна гипотеза, которая была инспирирована хорошо известным анекдотом о том, что цыганка нагадала человеку долгую жизнь, а тот, чтобы ее обмануть, застрелился. В этом анекдоте, согласно присказке «сказка ложь, да в ней намек», присутствует достаточно любопытная мысль: зная будущее, можно его изменить. Разберем два случая.

Первый случай. Предположим, что вне зависимости от конкретного источника получения у нас есть способ узнать будущее. Причем этот источник знания о будущем не может сказать неправду. Можно задать вопрос: «С какой руки я сниму перчатку первой». Допустим, что мы получили ответ, согласно которому первая перчатка будет с правой руки, но, зная это, можно первой снять перчатку с левой руки. Естественно, в масштабе вселенной это ничего не изменит и кажется, что не оправданы затраты на реализацию возможности узнать будущее в отношении порядка снятия перчаток. Однако уже это приводит к парадоксу.

Второй случай. Пытаемся узнать судьбу некоторого карандаша на ближайшие пять минут. Вполне возможно, что полученный ответ будет касаться предстоящей целостности карандаша. В свою очередь мы ломаем этот карандаш, будущее изменяется, но вместе с этим, меняется и будущее всего написанного этим карандашом, а это могут быть стихи, картина или какое-нибудь важное донесение, повлиявшее на ход войны, которая еще не началась. Мы считаем, что эта гипотеза не верна, поскольку, даже если у поэта украсть карандаш, которым он собирался в будущем написать гениальные стихи, то стихи в будущем не исчезнут, ничто не помешает взять другой карандаш и написать им те же стихи. Другое дело, если заранее убрать вообще все пишущие предметы в радиусе нескольких километров. Это уже

может повлиять на будущее, ибо, возможно, у поэта или писателя иссякнет вдохновение (либо же некоторое донесение напишут слишком поздно).

Таким образом, моделирование вариантов путешествия во времени, а также версий предсказания и изменения будущего раскрывает перспективные направления исследования, которые позволяют выявить возможные варианты решения данной проблемы.

Литература

1. Петров, В. Парадоксы Вселенной / В. Петров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://n-t.ru/tp/mr/pv.htm>.
2. Большой взрыв [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Большой_взрыв.

ПРОБЛЕМА САМОПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. С. Чернова

Томский государственный педагогический университет

Актуальность темы обусловлена важными вопросами, возникающими в современном мире в отношении самопознания. Как часто мы смотрим на себя со стороны? На свои поступки? Не так часто. Виной всему нехватка времени, нежелание и, главное-неумение понимать и чувствовать самого себя. Человек – это очень сложная, хрупкая и, в тоже время, мощная машина, которая способна на многое. Именно это многое нужно в себе находить.

В основе нашего исследования философия Сократа [1, с. 324, 357]. Именно этот мыслитель заложил фундамент классической модели самосознания в европейской культуре. Заслугой Сократа является разработка диалектического метода познания мира через самопознание человека. На фронтоне Дельфийского храма Аполлона было начертано: «Познай, что ты только человек». Это скорее унижение человека, чем призыв к познанию. Сократ же вложил в него иное содержание. На наш взгляд, Сократ более последователен и нужно начинать исследовать бытие с себя. Действительно, нет смысла размышлять о пространстве, атомах и движении звезд, если твоя собственная жизнь для тебя загадка. Искать разрешение этой загадки следует не в космосе, а в недрах человеческой души. Именно душа способна чувствовать, думать, желать. Она является в человеке животворным началом.

Каждый когда-нибудь задумывался о том, что происходит внутри него. Так человек открывает свою душу самому себе. Что есть человек в этом случае на первый взгляд? Тело. Инструмент, который находится в руках души. Именно она делает человека человеком. Человек-тело является лишь исполнителем тех или иных действий, возможностей, потребностей своей души.

Но для начала стоит разобраться, насколько это возможно, в наличии души. Что это? Как это можно описать? Некоторые исследователи полагают, что душа – разум, а разум – это высшая мера всего. Он способен застав-

лять думать и мыслить человека. Разум часто отождествляют с мозгом, и душа лишается своего самостоятельного значения. С нашей точки зрения, такое значение у души есть. И если мы научимся чувствовать себя, то мы сможем ощутить своё внутреннее состояние – душу.

С этой позиции душа – это основа человеческой мысли. Через себя мы пропускаем ежедневные стрессы, переживания, большое количество информации, какие-то случайные события, которые некоторым образом затрагивают нас. Всё это процеживает душа. Она исполняет роль «сито», которое большим, важным событиям не даёт пройти мимо, и каждое, казалось бы, незначительное проходит через неё. Мы чувствуем душой, а понимаем разумом, потому что он позволяет последовательно размышлять. Например, моей душе свойственен лиризм, сентиментализм, уход куда-то далеко. Именно разум способен вернуть нас в реальный, действующий мир. Ведь душа легка, нежна и восприимчива. Чтобы хоть как-то понять человека не обязательно лезть в космос (да и зачем) достаточно говорить с ним, но главное слушать его. Космос далеко, а душа рядом, в ней ответы, в ней истина человеческого существования.

Познавая, или точнее будет выразиться, знакомясь с душой собеседника, открываешь новые, ещё неизвестные себе стороны своего «Я». Это происходит через разговор, через взаимодействие людей друг с другом. Знакомясь с внутренним миром человека, знакомишься и со своей душой. Все чувства, всё сострадание, которые человек выражает, идут из души.

Люди нередко сталкиваются с болью, речь идёт не о физических, а о моральных страданиях. Чем, как ни душой, мы это воспринимаем? Или даже принимаем. Именно душа первая берёт удар на себя. Перерабатывая боль, горечь она наталкивает человека на мысль разобраться в себе. Подумать о душевном покое, может даже покаянии. Покаяние – это не примирение с чем-либо, это перемена мыслей, их переустройство, переосмысление жизни.

Душа – тончайшая материя, которая окутывает человека снаружи и изнутри. Именно поэтому, общаясь с человеком нужно быть крайне осторожным, внимательным, потому что эту материю легко ранить.

Глаза – зеркало души? Этим самым зеркалом является всё, чем владеет человек: тело, мысли, чувства... То, как мы себя ведём, то, что мы делаем, даже то, что мы думаем – это и есть наша душа. Она присутствует в наших жестах, в наших мыслях, в наших речах. Всё, что имеет, и всё, чем может гордиться человек – это своей душой. И не нужно понимать это в узком смысле. Все совершенно не так. Недаром говорят: всё, что делаешь, делай с душой. Именно такими поступками можно гордиться.

Что есть человек без души? Ничто. Отречься от души – потерять всё. А верить в её существование или нет – это дело каждого, кто хоть раз задумывался о своей душе.

Жизнь без души не имеет продолжения. Если души нет, значит, и нет места, в которое человек уходит после завершения жизнедеятельности тела. И тот, кто не верит в существование души, он очень по сути своей смелый

человек. Он согласен с мыслью, что жизнь завершается навсегда. Продолжения для него быть не может. Мы – это те, кто верит – успокаиваем себя. Надеемся на что-то лучшее, на то, что наша душа бессмертна. Хорошо это или плохо? Каждый выбирает сам для себя.

Но как бы мы не старались изучить, понять человека, нам никогда не поддается эта глубина. Мы полностью не сможем ни понимать, ни принять внутренний мир. Не только «чужая душа потёмки», но и своя – бездонная пропасть.

Познание души позволяет находить общий язык – ведь как-то надо взаимодействовать с другими людьми. Мы кипим в одной суете, а не понимая друг друга нам будет нелегко найти золотую середину, договориться о чём-либо. В душе спрятана истина, её трудно раскрыть, обнаружить. С душой надо работать, чтобы она включалась и «рождала» человека. Вершиной диалектического метода Сократа является майевтика, то есть повивальное искусство родовспоможения при рождении истины. По Сократу, душа не может постичь истину, если только она «не беременна» ей. Свою задачу Сократ видел в том, чтобы помочь собеседнику, душа которого «беременна» истиной, появиться ей на свет. Сократ утверждал, что его повивальное искусство во всём похоже на акушерское, отличается от него лишь тем, что принимают роды души.

В этом отношении важно заключить, что нужно стремиться к тому, чтобы и душа, и истина были выношены и «рождены» каждым человеком самостоятельно. Поскольку в этом он нуждается, хотя может этого не осознавать. Для начала надо научиться слушать себя, ведь, как считал Эпикур [2], истинное удовольствие – это отсутствие телесного страдания и невозмутимость души.

Литература

1. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Платон. – М. : Мысль, 1999. – 528 с.
2. Письма и фрагменты Эпикура / Пер. с древнегреч. С.И. Соболевского // Материалисты древней Греции / Сб. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 179–236.

СПОНТАННОСТЬ СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКОВ ЕГО НОВЫХ СМЫСЛОВ

А. Ю. Шелехина, Л. С. Сысоева

Томский государственный педагогический университет

Философскую концепцию *спонтанности* (внутренней присущности) сознания миру предложил В. В. Налимов, отечественный ученый – физик, математик, философ, которую он развивал в своих многочисленных публикациях и за рубежом, и в России [1; 2; 3]. Его теория включает в сознание психический опыт предков, постинкарнационный опыт, идентификацию с

животным и растительным сознанием, сознанием неорганической материи, внетелесное сознание, интуитивное понимание символов, активизацию чакр, Ум Универсума, Метакосмическое сознание. Он считает, что вся материя содержит в себе разнообразные смыслы и представляет собой *текст*, который постепенно раскрывается и подлежит дальнейшему раскрытию, поэтому его теория называется еще и герменевтической, поскольку сознание предстает как расшифровка текстов Вселенной. Сам он определил ее как *вероятностно ориентированную философскую герменевтику*, продолжающую западную платоновскую традицию и восточную – даосскую [5, с. 300]. «Но главным своим достижением он считал разработку *вероятностно ориентированной теории сознания*» [там же, с. 301].

Карта сознания В. В. Налимова представляет собой многоуровневую систему. Её первый высший уровень – это тот слой нашего сознания, где смыслы подвергаются раскрытию через обычную Аристотелеву логику (суждений и умозаключений индуктивного и дедуктивного типа). Второй за ним уровень – это слой предмышления, на котором вырабатываются те исходные положения, на базе которых строится собственно логическое мышление, являющее собой только небольшую надводную часть вселенских смыслов. Третий уровень – это подвалы сознания, где происходит чувственное созерцание объектов. Здесь осуществляется встреча с архетипами коллективного бессознательного (образами неосознаваемых, издревле наследуемых инстинктов, открытых К. Г. Юнгом). Еще дальше и ниже находится само физическое тело, с которым связано общесоматическое ощущение человека. Эмоции, столь сильно влияющие на состояние сознания человека, возникают, по всей видимости, не в мозгу, а в теле. Тело является, таким образом, одним из уровней психики. Пятый уровень не входит в семантически телесную структуру человека. Это уровень метасознания. Он является трансличным, космическим, вселенским сознанием, взаимодействующим с земным человеческим сознанием через вероятностную логику, не похожую на Аристотелеву, где все ясно. Шестой уровень сознания – это подвалы космического сознания. На уровне космического сознания происходит спонтанное (внутреннее, произвольное) порождение импульсов, несущих творческую искру человеческому сознанию. В.В. Налимов считает, что космический уровень можно сравнить с ноосферой В. И. Вернадского. Первые три уровня называются собственно сознанием человека. Причем, второй и третий уровни отождествимы с бессознательным, как его рассматривает психоанализ (З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм и др.). Третий и шестой уровни – это коллективное бессознательное, включающее архетипы, выполняющие роль ключей для выхода в более высокие уровни сознания [1, с. 104–127].

Огромную роль в сознании человека играет второй уровень – предмышления, который в соответствии с вероятностной логикой Т. Бейеса, созданной им еще в 1763 г., формирует внутренний семантический (смысловой) облик сознания человека. Он формируется сообразно формулам Т.

Бейеса о попарно-несовместимых событиях, вероятности которых и события для которых известны как условия вероятности. Для того чтобы раскрыть процессы, происходящие на уровне предпонимания, надо разработать язык, адекватный этим процессам. Оказалось, что таким языком может стать вероятностное исчисление смыслов по формулам Т. Бейеса. Вот пример вероятностной задачи, решаемой по Бейесовой логике.

Задача. В урне 10 одинаковых по размерам и весу шаров, из которых 4 красных и 6 голубых. Из урны извлекается один шар. Какова вероятность того, что извлеченный шар окажется голубым?

Решение. Обозначим через A событие «извлеченный шар оказался голубым». В данном испытании имеется 10 равновозможных элементарных исходов, из которых событию A благоприятствуют 6 исходов.

Следовательно, P – вероятность A исчисляется по формуле: 6

$$P(A) = \frac{6}{10} = 0,6.$$

Вероятность события – это фильтры Бейесовой логики [6, с. 9].

Второй уровень – предмышления – это поле семантических значений (смыслов). Пережитое в подвалах сознания передается на уровень предмышления, где по бейесовской логике фильтруется поле смыслов. Выход на вершину мышления – аристотелевскую логику – необязательный процесс, он может остановиться на уровне спонтанно возникших представлений. Примерно по такой логике осуществляется раскрытие смыслов через коаны (своеобразные задачи) в дзен-буддийской практике мышления. Состояние глубокой медитации происходит также на уровне фильтров вероятностной логики. Понимание – это главная задача сознания, но реализуется оно в различных культурах по-разному. В культурах Востока понимание осуществляется скорее на третьем и четвертом уровнях в широко применяемой практике медитации. Здесь существует критическое отношение к дискретно-логическому дихотомическому («черно-белому») мышлению.

В западной культуре господствует логицизм, поддержанный в свое время христианской мыслью. Он оттеснил на задний план медитационную практику, сохраняемую в монастырях. В связи с интересом к восточной культуре на Западе, особенно в США, возрождается практика медитации. Она схожа с вероятностной логикой, в которой происходит мультикативное смешивание предначертанного (судьбоносного) начала со свободой выбора – спонтанным началом. Сознание в таком случае имеет трансцендентный (преодолевающий) характер, предполагающий выход за пределы жесткой личностной капсулизации (от слова «капсула»), по выражению В. В. Налимова. Этот процесс предстает как борьба человека за беспрестанное обновление смыслов, как открытость глубинам своего Я, космическому началу жизни, раскрепощение своего Метаэго. Метаэго включает все смыслы сознания. А потому сознание представляется, прежде всего, как процесс овладения смыслами, которыми наполнен Универсум как смысловой контекст мира. Вселенная, став мыслящей, еще не закончила свой эволюционный путь, поэтому новая смысловая парадигма, по Налимову, еще впереди. Со-

гласно его концепции, в мире заложен антропный принцип, и смысл его раскрывается через человека, поскольку мир к нему предуготовлен (подогнан). Фундаментальные константы нашей Вселенной оказались подобранными таким образом, что стало возможным существование био- и антропосферы на Земле. С этой точки зрения получается, что природа фундаментальных констант не материальная, а семантическая (смысловая). Согласно этой логике, нет грани, отделяющей ментальное от материального, сознание от материи. Материя не является косной, а предстает одухотворенной. Спонтанно происходящий отбор ее констант задает самоорганизацию мироздания [2, с. 105]. В. В. Налимов согласен с английским физиком Дэвидом Бомом и его понятием всеобъемлющего движения (holomovement), в соответствии с которым реальность едина и представляет собой неделимую целостность, лежащую в основе Вселенной и охватывающую как материю, так и сознание [4]. Оригинальная теория В. В. Налимова о неразрывной связи материи и сознания основана на вездесущности смыслов, обладающих онтологическим (бытийным) статусом.

Вселенной присущ смысловой континуум, и в теории спонтанности наблюдается сходство с точкой зрения Б. Спинозы о единой субстанции, порождающей как мир физический, так и мир духовный, в том числе сознательную деятельность человека [1, с. 228]. Вероятностная теория смысла Налимова рассматривает спонтанность как вселенское, космическое, нигде не локализованное начало, а индивидуальность, причем харизматическая, только подключается к вибрациям вселенской семантики. Человек действует спонтанно, пристально вслушиваясь в то, что созревает в планетарном сознании [3, с. 6]. В своей последней книге «Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье» он допускал, что мироздание – это тоже творящее существо, обладающее сверхсознанием, могущим воспринимать и осмысливать все происходящее, где бы и как бы оно ни совершалось – даже в пространстве иных геометрий и в неведомых временах. И тогда рукописи действительно не горят (имеется в виду выражение Воланда в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Иначе говоря, все сотворенное оставляет след. Встав на такую позицию, мы расширяем основу бытия Вселенной, признав, что она обладает скорее семантической структурой. Отсюда открывается путь к построению сверхъединой теории поля, объединяющей оба мира, т.е. физический и духовный [3, с. 27]. Сознание не капсулизовано только в мозгу, но, обладая трансцендентальной природой, является космическим, спонтанно порождая импульсы, несущие творческую силу.

Картография сознания, согласно которой ведется анализ, есть иерархия спонтанности, завершающаяся включенностью сознания в космический процесс. Концепция спонтанности созвучна даосизму, буддизму, русскому космизму и мистицизму. Недаром «апостола спонтанности» называли одним из самых выдающихся мистиков XX столетия. Его устремленность к соприкосновению с тайной роднит его философию с религией, эзотерикой, кабаллой, алхимией, масонством и трансперсональной психологией. Гер-

меневтически ориентированная на мир смыслов теория сознания – теория распаковки семантического континуума, в котором сознание играет упорядочивающую, творческую роль и интерпретируется через смысл, текст, язык. Таким образом, сознание раскрывается через триаду «смысл, текст, язык», где язык – это средство, с помощью которого создаются тексты. В свою очередь, тексты – это то, что создано из смыслов с помощью языка, а смыслы – это то, из чего создаются тексты, говорящие на языке смыслов.

Литература

1. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. – М., 1989.
2. Налимов, В. В. В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – М., 1993.
3. Налимов, В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье / В. В. Налимов. – М., 2000.
4. Бом, Д. Математика – великое зеркало ученого. Философские диалоги / Д. Бом // Наука и религия. – 1989. – № 6. – С. 23–27.
5. Казютинский, В. В., Дрогалина, Ж. А. Апостол спонтанности / В. В. Казютинский, Ж. А. Дрогалин // Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. – М., 2000. – С. 299–326.
6. Гусак, А. А., Бричикова, Е. А. Справочное пособие к решению задач: теория вероятностей / А. А. Гусак, Е. А. Бричикова. – Мн. : ТетраСистем, 1999.

К ВОПРОСУ О МЕРЕ И ГРАНИЦАХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В ИННОВАЦИОННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

М. Н. Шматков

Сибирский государственный университет путей сообщения

Современный этап развития общества характеризуется коренными изменениями в самых различных сферах социально-экономической и политической жизни. Развивающийся в мире кризис культуры, процессы глобализации, перераспределения приоритетов в международных отношениях приводят к необходимости переосмысления внешней и внутренней государственной политики, самих основ государственного управления, поиска путей инновационного развития.

Определяющей чертой нашего времени является переход общества от индустриальной к постиндустриальной фазе своего развития. При таких условиях определяющее значение в экономических, политических и международных отношениях играют уже не только и не столько материальные ресурсы, а информация, которая приобретает статус самостоятельного производственного ресурса. Путь от изобретения к практической реализации новых изобретений сегодня измеряется уже не годами, а месяцами. Если в начале XX в. удвоение научно-технической информации происходило за десятки лет, то в настоящее время этот период сократился до трех-пяти лет, а в наиболее информационно насыщенных сферах – до 18 месяцев. Повы-

шение информационной насыщенности всех сфер жизни, повсеместное внедрение компьютеров в профессиональной деятельности и повседневной жизни привело к тому, что современную стадию развития общества принято характеризовать как «постиндустриальное», «информационное общество» (Д. Белл, Г. Кан, Ж. Фурастье, А. Турен), «технотронное общество» (З. Бжезинский, Ж.-Ж. Серван-Шрайбер), «сверхиндустриальное», «компьютерное общество» (А. Тофлер), «общество знаний», «общество, основанное на знаниях» и т.д.

В связи с переходом общества в новую стадию своего развития важнейшим критерием прогресса стали считаться развитие науки и образования, внедрение новых технологий на базе компьютерной техники.

Отмеченные явления и процессы общественной жизни не обошли стороной и систему образования. В современных условиях система образования нашей страны призвана решать принципиально новые задачи, оперативно адаптируясь к происходящим в стране и в мире изменениям, учитывая проблемы глобального характера.

Одной из современных тенденций развития образования является его информатизация, под которой понимается внедрение в систему образования средств электронной вычислительной техники с целью применения их в учебном процессе в качестве средств обучения.

Необходимо отметить, что информатизация образования является закономерной реакцией системы образования на происходящие в современном обществе изменения, связанные с его информатизацией. Образование, будучи важнейшим социальным институтом в любом обществе, имеет своими задачами не только обучение определенной сумме знаний, передачу профессиональных умений и навыков в той или иной сфере практической деятельности. Главная задача образования реализуется через его воспитательную функцию, в результате чего образование как «генетическая матрица культуры» осуществляет передачу культурного богатства в обществе от предыдущих поколений к последующим, адаптацию новых поколений к изменяющимся условиям жизни.

В этом смысле информатизация образования, рассматриваемая как реакция системы образования на происходящие в обществе изменения, выполняет не только техническую функцию по передаче учебной информации при помощи еще одного типа средств обучения. Информатизация образования призвана решать важную социальную задачу – социализацию обучающихся в динамичных условиях информационного общества.

Видится, что данная задача является ключевой при определении всей методологии, дидактики и методики применения средств информационных технологий в учебном процессе.

В самом деле, в условиях современного учебного процесса информатизация образования открывает возможности оптимизации процесса обучения как минимум в трех аспектах.

Во-первых, это деятельность обучающего. За счет применения средств информационных технологий и электронных обучающих систем в современной педагогической практике удастся снизить нагрузку на обучающего, перераспределить с преподавателя на компьютер многие рутинные операции по предъявлению содержания образования, осуществлению текущего, промежуточного и итогового контроля, проверке контрольных работ обучаемых, составлению отчетной учебной документации и др. Существенного эффекта удастся достичь в системах дистанционного обучения, где личный контакт обучаемого с обучающим невозможен. Предполагается, что высвободившееся время преподаватель тратит на творческие виды работ, а также на организацию самостоятельной работы студентов, повышение уровня индивидуальной работы с обучающимися.

Во-вторых, в деятельности обучаемого также происходят изменения. Специалисты обычно отмечают такие преимущества со стороны обучаемого при применении электронных обучающих систем, как повышение мотивации к учению, повышение качества отработки учебного материала за счет реализации новых психолого-педагогических свойств электронных обучающих систем, повышение уровня индивидуализации и дифференциации обучения, более гибкое использование учебного времени, возможность выбора и реализации индивидуальных образовательных траекторий и т.д.

В-третьих, положительного эффекта удастся достичь в управлении учебной деятельностью. К числу достоинств применения средств информационных технологий в данном аспекте можно указать на резкое сокращение рутинной учетно-отчетной работы, автоматизацию составления различного рода документации (расписание, списки учебных групп, зачетно-экзаменационные ведомости и пр.), быстрый доступ к необходимой информации, постоянный мониторинг показателей учебного процесса с возможностью детализации до конкретной учебной группы, студента, дисциплины, преподавателя и пр., автоматическое создание различных аналитических отчетов и выборок, что в целом существенно повышает эффективность работы субъектов управления учебной деятельностью.

В то же время, анализ практики применения информационных технологий в образовании показывает, что на деле не все так «гладко», как «на бумаге». Следует констатировать, что в современной образовательной практике процесс информатизации образования в подавляющем случае протекает неупорядоченно, спонтанно. Не учитываются психолого-педагогические, дидактические, методические особенности электронных обучающих систем, применяемые электронные средства обучения в большинстве случаев характеризуются низким качеством, информатизация по отдельным учебным дисциплинам проводится в отрыве от других дисциплин без учета междисциплинарных связей, не учитывается проблема различного входного уровня компьютерной грамотности обучаемых, не учитываются принципиально новые требования к планированию учебного времени и построению сетки различных видов учебных занятий в условиях применения элек-

тронных обучающих систем. В результате усилия по информатизация образования в лучшем случае вырождаются в «показывание веселых картинок» притом, что сам учебный процесс осуществляется «по-старинке»; в худшем случае вместо теоретического повышения эффективности обучения и качества отработки учебного материала на практике наблюдается их снижение за счет неправильного массового применения электронных средств обучения в учебном процессе.

Сложившаяся ситуация приводит к осознанию необходимости разработки вопросов информатизации образования на самом высоком уровне общности. В настоящее время вопросы информатизации образования активно разрабатываются в направлениях психолого-педагогическом, дидактическом, методическом, управленческом, технологическом и других. Однако, разработки эти по большей части осуществляются разрозненно, в результате чего мы и получаем наблюдаемый в настоящее время хаос в педагогической практике.

Современные реалии в сфере образования, которая сама подвержена действию большого числа противоречивых тенденций, требуют разработки вопросов информатизации образования на философском уровне, который единственный позволяет обеспечить междисциплинарный характер исследования и осуществить интеграцию современных достижений в исследовании различных конкретно-научных аспектов информатизации образования.

Немаловажным направлением является методология применения информационно-коммуникационных технологий в образовании. Однако, как представляется, исходным пунктом исследования является круг вопросов о том, что именно подлежит информатизации в сфере образования, до какой степени эту информатизацию необходимо осуществлять и возможно осуществить в принципе, какими критериями следует руководствоваться при оценке усилий по информатизации образования и определении степени достижения поставленных целей.

Переходя на язык философских категорий, можно сказать, что отмеченная проблема заключается в исследовании и выявлении меры и границ информатизации образования. В самом деле, мера как философская категория выражает органическое единство качественной и количественной определенности такого явления, как информатизация образования. Каждому качественно определенному состоянию процесса информатизации соответствуют определенные количественные характеристики. Характеристики эти изменчивы и подвижны, что обусловлено изменениями как в самой системе образования, так и в обществе. В то же время, сама изменчивость характеристик процесса информатизации необходимо ограничена некоторыми пределами, за границами которых количественные изменения процесса информатизации образования приводят к изменениям качественным. Совокупность этих границ и определяют меру информатизации. Следует отметить, что изменение качественного состояния процесса информатизации ведет к соответствующему изменению его количественных характеристик и

меры. Поэтому, в русле данной проблемы можно говорить об исследовании узловой линии мер, которая представляет собой систему узловых точек изменения меры, в которых происходит переход от одной качественно отличной ступени процесса информатизации образования к другой.

Необходимо подчеркнуть, что всесторонний анализ процесса информатизации образования показывает, что это сложное многогранное неоднородное явление. Поэтому, исследование меры и границ информатизации образования методологически правильно будет осуществлять в определенных разрезах данного явления, выявляя отдельные его аспекты.

Так, онтологическая граница позволяет четко определить, с какими сущностными проблемами на пути решения задач системы образования, включая обучение и воспитание, с применением средств информационных технологий приходится сталкиваться сейчас и, возможно, придется столкнуться в будущем специалистам в области информатизации образования. Гносеологическая граница информатизации образования указывает тот объем знаний, которые могут быть переданы посредством средств информационных технологий, что обусловлено существованием нерелексивных форм познания, а также проблемой эффективных моделей представлений знаний. Необходимость рассмотрения социальной границы информатизации образования определяется социальной составляющей природы человека как главного участника, одновременно субъекта и объекта, образовательного процесса, что влечет необходимость применения социальных форм решения задач в ходе реализации образования. Выявление аксиологической границы информатизации образования обусловлено особенностями влияния техногенной цивилизации, включая средства информационных технологий, на формирование и модификацию его ценностей и моделей коммуникации в обществе, на духовно-нравственное становление личности в условиях массового применения средств информатизации в современном учебном процессе. Актуальность рассмотрения аксиологической границы связана с появлением в современных психологических и социологических исследованиях термина «экранная цивилизация», основанного на достаточно общем понятии «экрана» как средства трансляции и информационной коммуникации. Праксиологическая граница отделяется содержанием повседневной практики и практики образовательного процесса, требующим поддержки средствами информационных технологий. Психологическая граница обусловлена необходимостью контроля того мощного влияния, которое, согласно научным достижениям отечественных и зарубежных исследователей, оказывает компьютерная техника на психику человека. В самом «запущенном» случае такое воздействие приводит к развитию у человека принципиально нового вида зависимости – киберзависимости, которая по отдельным признакам схожа с алкогольной и наркотической зависимостью, но заметно отличается от них по характеру своего протекания. Если для «традиционных» видов зависимости психологической и медицинской практикой выработаны методы преодоления, то в случае киберзависимости пока

отсутствуют даже единые подходы к пониманию механизмов ее генезиса и протекания. Актуальной представляется также обращение к вопросу границы в аспекте физического здоровья пользователей, направленной на установление наиболее оптимального режима применения средств информатизации в учебном процессе.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК РЕФЛЕКСИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ОСЕВОЕ ВРЕМЯ

Л. С. Сысоева, Т. А. Яровая

Томский государственный педагогический университет

Ментальный перелом в способе осмысления мира и самого человека произошел приблизительно около 800-200 годов до н.э. одновременно в различных этнических регионах мира – на Западе, на Востоке Запада, Индии, и Китае. Это время К. Ясперс назвал осевым, вычислив его чисто эмпирически на основе появившихся новых явлений мышления и явления нового человека, названного им рефлексивным в отличие от человека мистико-тотемического и мифологического мышления. Этот человек опирался в создании картины мира на самого себя, характеризовался появившейся личностной духовностью и собственной ответственностью за судьбы мира и самого себя. Опираясь на опыт исследователей этого периода культуры осевого времени, можно сказать, что подвижки менталитета произошли в этот период за счет перевеса накопленного эмпирического знания над мифологическим, что привело к сдвигу менталитета от мифа к логосу [см. : 1]. Это был период создания античной, ирано-персидской, иудейской, индийской, китайской культур со всеми их региональными архетипическими особенностями.

Суммируя основные антропологические характеристики культур осевого времени, данные К. Ясперсом, необходимо отметить следующие изменения в мышлении:

- человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы.;
- разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день;
- заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей; во всех направлениях совершается переход к универсальности;

Все это происходит посредством рефлексии, для которой характерно беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом. Перед человеком открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения: «Он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и лабиринтах трансцендентного мира» [2, с. 33].

Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью приходит конец. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа. Миф же становится материалом для языка, который теперь выражает не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. Древний мифологический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания.

Эти изменения К. Ясперс называет *одухотворением*, человек уже не замкнут в себе. Он не уверен, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей, духовное напряжение с этой поры не переставало оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение.

Человек в качестве индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Ментальный перелом характеризуется самостоятельными поисками смысла жизни, выбора пути развития осознавшего свою самостоятельность человека. Этот процесс начали отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля. Возникает *подлинный* человек с его культурными доминантами вознесения к идее, несокрушимого спокойствия души, медитации, нирваны, идентификации с атманом, единства с дао, покорности воле Божьей. Происходит открытие того, что позже стало называться разумом и личностью.

Не являясь массовым явлением, личность косвенным образом влияет на всех людей. Человечество в целом совершает скачок. Происходит постоянное общение путем странствий китайских философов, бесед на рынках и площадях древнегреческих софистов, Сократа и других мыслителей Эллады, поисков освобождения от страданий Буддой и буддистами, что способствовало интенсивному духовному движению.

Человеческое существование осознается как история с прошлым, настоящим и будущим. Характерно появление реформаторских идей, стремление овладеть ходом событий, которые рассматриваются в контексте образа мира. Изменения характеризуются не просто как поступательное развитие, а синтез уничтожения и созидания одновременно. В политическом ракурсе развитие характеризуется тенденцией завоеваний и создания больших могущественных империй (Цинь Ши-Хуанди в Китае, династии Маурья в Индии, эллинистического мира и *imperium Romanum* на Западе [см. : 2, с. 32-37]. Человечество, начиная с Осевого времени, приобретает тенденцию к единству развития, к созданию мировой истории, что подтвердилось дальнейшим движением последующих веков.

Возникновение рефлексивного мышления (от греч. *reflexio* – отражаю, осмысливаю свои собственные действия и мысли, деятельность самосознания) означало появление философии как исторически первой теоретической формы мышления. Вследствие этого философия и может быть названа тео-

ретической формой размышления о человеке и мире, в котором он живет, и о тех проблемах, которые у человека возникают в связи с этим.

С этих пор размышление человека, проблематизирующее свое бытие, называется философией (от греч. *phileo* – люблю и *sofia* – мудрость). Как рефлексивная деятельность человека своего времени, своей эпохи, своего общества, своего народа философия не может быть единой и одной единственной. Уже во времена своего возникновения в философии возникли многообразные учения. Это учения Лао-цзы и Конфуция, которые положили начало всем философским китайским учениям, как даосизма, (Чжуан-цзы, Ле-цзы и др.), так и конфуцианства. В Осевое время возникают древнекитайские трактаты «Дао де Цзин» и «Чжуан-цзы», не потерявшие актуальности и в настоящее время. Ясперс характеризует античных философов различных школ – ионийцев: Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита Эфесского, Диогена Аполонийского; элеатов – Парменида, Зенона, Мелисса Самосского; пифагорейцев, говоривших и писавших на дорическом диалекте – Пифагора, Архита, Фантона. Платона Афинского он ставит в один ряд с философами, создавшими системы, оказавшими влияние на все человечество, – Аристотелем, Св. Фомой Аквинским, Гегелем, – и которые продолжают своими учениями оказывать влияние на мировоззрение людей и по-прежнему являются величинами первого порядка.

Наряду с названными Ясперс обращает внимание на духовную деятельность иудейских пророков, которые стали провозвестниками появления Иисуса Христа, – Илии, Исаяи, Иеремии, Второисаии, авторов библейских книг или их фрагментов. К. Ясперс обращается и к индийским учениям, начиная с Упанишад, оперируя их специфическими категориями, – такими, как нирвана, атман, медитация и др.

У человека вследствие духовного напряжения создается впечатление, что он живет на поздней стадии развития, более того, в период упадка, поэтому ощущают необходимость *помочь пониманием*, воспитанием, введением реформ, чтобы избежать *катастрофы*. «...Возникшее в осевое время духовное напряжение с той поры не переставало оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение» [2, с. 37]. Древние культуры продолжают существовать при этом лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое время, восприняты новым началом. Но, главное, что отмечает К. Ясперс, «тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет *вплоть до сего дня*» [2, с.38]. Вывод напрашивается сам собой, и его можно представить следующим образом: осевое время, принятое за отправную точку, определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему развитию» [2, с. 38–39].

Осевое время 800-200 лет до н. э. со всеми его последствиями К. Ясперс называет первым дыханием совместной человеческой истории. Второе, по его мысли, начинается с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества, и может быть приведет к новому, еще дале-

кому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека, и оно охватит не только островки цивилизации первого дыхания, но все человечество в целом [см. : 2, с. 53]. И теперь вопрос состоит в том, сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно созданием настоящего человека? И в этом вопросе, анализируя происходящее, человечество выстраивает различные, порою прямо противоположные перспективы.

Литература

1. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии) / Ф. Х. Кессиди. – М. : Мысль, 1972. – 312 с.
2. Ясперс, К. Истоки истории и её цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М. : Прогресс, 1990. – С. 28–98.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

ЭПОХА «ГЛОБАЛЬНОЙ БАНАЛИЗАЦИИ» ИЛИ КРИЗИС МИРА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

А. В. Кривошеев

Сибирский государственный медицинский университет

Сегодняшнюю эпоху называют эпохой глобализации, которая лишила Землю просторов и недоступных мест. Раньше люди считали, что им ни на что не хватает времени¹ и, в сущности, были правы. Однако сегодня мы чувствуем не только всё ускоряющийся бег времени, но и утрату пространством своей протяжённости. Мир на наших глазах превращается в пункты назначения, без соединяющих их линий-путешествий. Что важнее – цель путешествия или само путешествие? Или важность имеет просто факт того, чтобы поскорее куда-нибудь добраться? Сегодня можно попасть практически в любое место, но нужно ли нам это? «Ибо места назначения сами по себе слишком абстрактны, чтобы им можно было радоваться, и от них, как и от всего прочего, остается оскомина, как от банана, от которого тебе досталась одна кожура» [5, с. 286]. Транснациональный (глобальный) капитал присутствует практически во всех страна. Макдональдс и Кока-колу можно

¹ В середине XX века венгерский социолог Александр Шалаа, проанализировав бюджет времени в 20 европейских странах, установил, что домохозяйка из ФРГ, имеющая самые современные кухонные комбайны и прочую автоматику, тратит на ведение домашних дел примерно столько же времени, сколько женщина из югославской деревни, вынужденная носить воду из колодца. Понятно, что в Германии иные стандарты потребления. Порядок в югославском доме вряд ли покажется идеальным примерной немке. Но так ли важно, сколько комнат у тебя в жилище, если простора хватает и на окрестных лугах? Так ли мешает жить любая пылинка, если на свежем воздухе аллергия не развивается? И кому, кроме барышень из рекламы, жизненно необходимо иметь «идеально чистые поверхности» и менять постельное белье каждый день?

встретить в любой точке мира. По сути, сегодня есть лишь один мир – мир-попури известных лейблов вне времени и пространства.

Сегодняшний человек существует (не *живёт*!) локально-точечным способом: супермаркет, рабочее место («офис»), комната, в которую он приходит поспать. И так в большинстве стран мира. Глобализация есть продукт информационной революции – это, если по-простому, когда каждый может узнать всё что угодно через Интернет. Глобализация обусловлена каким-то ирреальным развитием туризма как основного критерия богатства и достатка человека. Подобного рода туризм суть деградация, из духовной неподвижности он человека не выводит. «Путешественники» видят мир через камеры, а форма общения с ним – exchange (естественно, of currency). Относительно всего увиденного для современного туриста существует только одна незыблемая (неподвижная!) единица измерения – его «я». Складывается парадоксальное ощущение, будто за нами несут какую-то ширму, уже мелькавшую ранее множество раз², которую и расставляют тут же, где бы ты ни вышел – в Риме, Гонконге, на ближайшей автобусной остановке.

В эпоху глобализации царствуют одни лишь *структуры*, требующие твоих мыслей, внимания, энергии. Структуры! *Не* люди! Как сегодня жить подлинно и свободно? Как жить настоящей, экзистенциально яркой жизнью? Каждая структура однозначно и жёстко-жестoko фиксирует место человека в социуме, отчуждая его от истины собственного бытия-в-мире. Как отмечал Ж. Бодрийяр, мир под завязку забит симулякрами, критическая масса которых достигнута уже давно: *слишком много всего* (информации, подделок, гаджетов, идеологии, лжи и т.п.). Всё подчинено транснациональным финансовым интересам – и политика, и культура, но мир почему-то продолжает делать вид, будто всё это существует *на самом деле*.

Мир неинтересен, пошл и завершён. Символом всего этого является супермаркет – храм потребления, блеском своих витрин, зазывающий в inferнальное пространство симулякров. Вещи уже давно никто не покупают, сегодня в цене разрекламированные и привлекательно упакованные *значения*, суть свои же подсознательные желания. Супермаркет выкладывает на стол только законченные объекты – бренды, марки. Вообще огромные современные магазины, как сказал бы Р. Генон, «инфернальны», паразитируют на подсознательных («инфрачеловеческих», как сказал бы все тот же Генон) желаниях. Гладкая идеальность супермаркетов бросает в дрожь, от нее веет *адам*.

Мир становится банальным. И в этом банальном мире³ появляется человек потребляющий, *всё*-потребляющий, наверное, потому, что у него ни-

² Ги Дебор: «Субпродукт кругооборота товаров, человеческое круговращение, рассматриваемое как потребление, туризм, - сводится в своей основе к единственному развлечению: поехать и посмотреть то, что уже стало банальным» [4, с. 93].

³ Ги Дебор: «Движение *банализации*, усреднения, которое господствует в современном обществе по всему миру, также доминирует и в каждой позиции, где развитое потребление товаров внешне приумножило выбор ролей и объектов» [4, с. 41].

чего нет: ни субъекта, ни субстанции, ни воли, ни установки. Место подлинной реальности для такого человека занимает плотный наркотический фон потребления (иллюзии, симулякры), призванный успокаивать и убажывать, поощрять человеческий эгоизм. Уровень навязчивой лести всепроникающей рекламы не снился и халифу багдадскому: они думают о вас (и за вас), они заботятся о вас, они всё сделают для вас – «прекраснейшего из смертных». Но реклама – это не только лесть, это ещё и скрытое *принуждение*. Как отмечал один из самых известных французских писателей, выдвинувшихся за последние десятилетия, М. Уэльбек: «Реклама вырабатывает некое устрашающее и жесткое Сверх-Я, которое беспощаднее любого когда-либо существовавшего императива, которое прилипает к человеку и непрестанно твердит ему: «Ты должен желать. Ты должен быть желанным. Ты должен участвовать в общей гонке, в борьбе за успех, в кипучей жизни окружающего мира. Если ты остановишься, – ты перестанешь существовать. Если отстанешь, – ты погиб». Начисто отрицая понятие вечности, определяя самое себя как процесс непрестанного обновления, она стремится к подавлению субъекта, к превращению его в послушную всегда довольную марионетку будущего. И это формальное, поверхностное участие в жизни окружающего мира призвано заменить в человеке жажду бытия. Она продолжает совершенствовать средства передвижения для существ, которым некуда ехать, потому что они нигде не чувствуют себя дома; создавать новые средства связи для существ, которым уже нечего сказать друг другу; облегчать контакты между существами, которым уже не хочется общаться с кем бы то ни было» [6, с. 79–80]. Или вот Ги Дебор, опять же по поводу рекламы: «Реклама страхования жизни внушает только то, что человек виновен в том, что умер, не обеспечив регулирование системы после экономической утраты, а реклама *american way of death* настаивает на способности поддерживать в этих обстоятельствах львиную долю *мнимостей* жизни. На всем остальном фронте рекламных бомбардировок категорически запрещено стареть. Как если бы дело заключалось в том, чтобы обеспечить каждому некий «капитал-юность», который, будучи лишь посредственно используемым, не мог бы, однако, претендовать на достижение долговременной и накапливающейся действительности финансового капитала. Это социальное отсутствие смерти тождественно социальному отсутствию жизни» [4, с. 91]. Но самое ужасное, на мой взгляд, заключается в том, что никто не придает серьезного значения абсолютной лживости рекламы, которая сама же в этой лживости каждую минуту признается, ведь каждая *новая ложь* рекламы – это также *признание ее предыдущей лжи*.

Век эгоизма, аутоэротизма, нарциссизма изгнал из жизни Иное⁴. На его месте – дыра, которая отбрасывает человека к собственному одиночеству. Где же человек?! Где люди?! Рене Генон пишет: «Достаточно бросить во-

⁴ Т. Адорно: «Естественноисторическая норма приспособления, с которой с мудростью завсегдатая пивной согласен и Гегель, гласит: нужно обломать себе рога; вот схема мирового духа проклятия общим» [1, с. 311].

круг себя взгляд чтобы убедиться, что повсюду стремятся все свести все больше и больше к единообразию, идет ли речь о самих людях или же о вещах, среди которых они живут; очевидно, что такой результат может быть достигнут лишь при уничтожении, насколько это возможно, всякого качественного различия. Но еще более достойно внимания то, что по странной иллюзии некоторые охотно принимают это «единообразие» за «объединение», в то время как оно представляет собою как раз обратное» [2, с. 50]. Продолжая эту мысль, Генон отмечает: «Люди сведены к простым нумерическим «единицам», их помещают жить даже не в «дома», потому что это слово не подходит, а в «ульи», в которых жилища сделаны по одному и тому же образцу и меблированы вещами, «серийно» сфабрикованными таким образом, что из среды, в которой мы живем, заставляют исчезнуть всякое качественное различие» [2, с. 64]. И, наконец, всё тот же Рене Генон: «Чтобы привести людей к единообразию полностью «публичной» жизни, не ограничиваются тем, что собирают их в «массы» по любому случаю и под любым предлогом; их помещают жить не просто в «ульи», но в «стеклянные ульи», к тому же расположенные таким образом, чтобы можно было в них питаться только сообща; люди способные подчиниться такому существованию, поистине пали на «инфрачеловеческий» уровень, уровень, если угодно, насекомых, таких как пчелы и трутни; и в результате всеми средствами их стараются «выдрессировать» отличаться друг от друга не больше, чем представители этих видов животных или даже еще меньше» [2, с. 91].

Современный мир – мир без различий⁵. В нём все – носители функций, менеджеры, агенты, клиенты, *тела*⁶. Мишель Уэльбек пишет: «Что производят служащие и специалисты, сидящие в небоскребах Дефанс? Конкретно говоря – ничего. Сам процесс производства материальных ценностей для них – тайна за семью печатями. Обо всех предметах и событиях в мире они узнают через цифры. Эти цифры становятся сырьем для статистики и расчетов, на их основе вырабатываются модели, намечаются проекты, наконец, принимаются те или иные решения, и в информационное поле общества вбрасываются новые данные. Современные служащие, с их готовностью меняться, приспособливаться, отзываться на все новое, подвергаются процессу обезличивания. Новейшие и очень модные курсы по переквалификации ставят себе целью создание бесконечно изменчивых личностей, лишенных какой-либо интеллектуальной или эмоциональной стабильности» [6, с. 64–65]. Современные люди видят только себя. Они не наталкиваются на реальность, ибо сегодня реальность заменена гиперреальностью. Клерки, спекулянты, менеджеры, проценты, биржи, боссы, макдональдсы, транссексуалы (имя им легион) имеют одно общее свойство – все они *нереальны*.

⁵ Т. Адорно: «...тотализация, которая готовится всюду, где люди стали одинаковыми; на человека наводят лоск, его шлифуют (так это называется у военных) до тех пор, пока он - некое отклонение от понятия собственного абсолютного ничтожества, буквально не переплавляется. Освенцим утвердил философу чистой тождественности, которая есть смерть» [1, с. 323].

⁶ Ги Дебор: «Конкретная жизнь каждого вырождается в *умозрительный* космос» [4, с. 26].

Они лишены не только органического существования, но и всякой возможности умереть⁷.

Дьявол сегодня как никогда бестелесен. Прошли времена, когда болезни и неврозы возникали от переизбытка витальных сил. Нынче проблема в другом: энергия (в том числе и телесная) истощена, люди вырождаются от аутизма, то есть от неспособности реагировать на Иное даже на самом первичном, физическом уровне. «Все чаще на свет Божий рождаются дети, не откликающиеся на ласки и прикосновения матери. Все бледнее лица молодых людей, которые и в юности уже стары. Вместо сцены – экран телевизора. Здесь нет пассивных и активных. Телевизор можно выключить, можно отвлечься от него. Сами его размеры говорят о том, что он – объект, вполне «подчиненный» зрителю. Но в действительности мы подчинены ему. Экран подменил подмости. Исчезла дистанция» [3, с. 180–181]. Социологи с печалью констатируют, что дети все больше похожи на взрослых. Все меньше становится детских игр, исчезла «детская одежда», исчезают детская психология, детский язык. Объясняют это засильем телевидения и отступлением на задний план книги. Книга создавала границу между грамотным и безграмотным, понимающим и непонимающим. Телевидение размывает все эти границы. Его смотрят и дети, и взрослые⁸. И те, и другие – потребители пассивные, не рефлексирющие⁹. Но, даже не касаясь вопросов массмедиа, можно заметить, что подрыхлевший, опустевший мир, где правят банки, функционеры и компьютеры, больше не нуждается в образовании, в развитии личности, а значит и в воспитании. Человеческое исключается, а потому бессмыслен вопрос о духовных возрастах – детстве, юности, возмужании: «вместо детства – старческая инфантильность голливудского «ТИ ВИ», вместо старости – вечное детство неумирающих, занимающихся всевозможными терапевтическими теннисами-массажами восьмидесятилетних калифорнийцев» [3, с. 278–279].

Литература

1. Адорно, Т. В. Негативная диалектика [Текст] / Т. В. Адорно. – М. : Научный мир, 2003. – 374 с.
2. Генон, Р. Царство количества и знамения времени [Текст] / Р. Генон. – М. : Беловодье, 1994. – 304 с.
3. Горичева, Т. Христианство и современный мир [Текст] / Т. Горичева. – СПб. : Алетейя, 1996. – 299 с.
4. Дебор, Ги. Общество спектакля. Комментарий к *Обществу спектакля* [Текст] / Ги Дебор. – М. : Логос, 2000. – 183 с.

⁷ Т. Горичева: «Как пробить эфемерное? Как выйти из мира чисел и призраков? Другой поглощен рекламой (на нее невозможно ответить, она всеильна, нагла, переворачивает все ценности), порнографией (все стало прозрачным), телевизионной ложью. Возможна ли любовь, дружба, встреча с другим?» [3, с. 73]

⁸ Ги Дебор: «Просмотр телевизора для населения Соединенных Штатов занимает в среднем от трех до шести часов в день» [4, с. 89].

⁹ Кроме того, тот, кто всю жизнь всего лишь *смотрит* («хакает»), чтобы узнать последствия, никогда не будет действовать...

5. Уоттс, А. Путь Дзэн [Текст] / А. Уоттс. – К. : София, 1993. – 320 с
6. Уэльбек, М. Мир как супермаркет [Текст] / М. Уэльбек. – М. : Ad Marginem, 2003. – 157 с.

ОБЩЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ Э.ДЮРКГЕЙМА

О. В. Герасимова

Томский государственный педагогический университет

Вопрос о целях образования является наиболее актуальным в периоды трансформации общества, поскольку именно цели позволяют избежать образовательного хаоса. От образовательных целей зависит содержательное наполнение. Происходит актуализация вопроса «чему учить», в противовес традиционному вопросу «как». Однако кто в таком случае должен выбирать приоритетность и порядок получаемых знаний – государство, общество, личность, специалисты в различных областях науки? Государство всегда имеет свои интересы на поле образования, будь то политические, экономические, социальные, идеологические и т.п. У индивида они могут быть совсем другими, например, получение образования не ради профессии, а как способ роста личности. В соответствии со своими целями государство централизует содержание образования путем введения обязательных стандартов. Таким образом, может возникнуть несоответствие между интересами индивидуальными, социальными и государственными.

Одним из первых социологов, обративших внимание на описываемую проблему стал Э. Дюркгейм. Будучи наиболее влиятельным представителем функционалистского подхода в социологии, Э. Дюркгейм рассматривает образование как социальный феномен. Часто он использует термин «воспитание», однако понятие воспитания Дюркгейм трактует очень широко. По сути, в его трактовке оно может стать синонимом и образования, и обучения, и социализации: «Воспитание – это воздействие, оказываемое старшими поколениями на младшие поколения, которые еще не созрели для общественной жизни. Цель воспитания состоит в создании у ребенка определенного набора физических, интеллектуальных и нравственных качеств, требуемых от него и политической организацией общества в целом, и специфической средой, в которой ему, в частности, предстоит жить» [1, с. 17].

Каким должно быть образование, его форма, цели, содержание? Кто их задает – государство, церковь, индивид? Для Дюркгейма ответ однозначен: их задает общество. Дюркгейм обосновывает это тем, что различные типы образования соответствуют различным типам общества. В античной Греции образование распределяется между семьей и государством. В Греции нет касты священников, отсюда вытекает, что, как только появляется образова-

ние, оно тоже носит здесь светский и частный характер. В средние века образование, напротив, было, прежде всего, христианским. Возрождение представляет образование свободное, XVII век – гуманитарное, а XIX – научное. «Воспитательные системы ... настолько явно связаны с определенными социальными системами, что неотделимы от них» [1, с. 52].

Общество может жить, только если между его членами существует достаточная гомогенность. Воспитание увековечивает и укрепляет это единство, изначально фиксируя в душе ребенка основные общие качества, необходимые для коллективной жизни. Дюркгейм убежден, что в каждом из нас присутствуют два существа. «Одно существо состоит из всех умственных состояний, относящихся только к нам и к событиям нашей личной жизни. Это то, что можно было бы назвать индивидуальным Я. Другое представляет собой систему взглядов, чувств, привычек, которые выражают в нас не нашу личность, но группу, или различные группы, частью которых мы являемся; таковы религиозные верования, нравственные верования и практики, национальные и профессиональные традиции, всевозможные коллективные воззрения. Их совокупность составляет социальное Я» [1, с. 56]. Сформировать в каждом из нас это существо – такова цель воспитания. Конкретно же сформулировать, в чем заключается эта цель в определенный момент времени и на определенном историческом этапе, может только социология, именно в силу социальной природы образования. Лишь изучая общество, становится возможно открыть цель образования, которую нужно достичь и те методы, которые будут адекватны для достижения этой цели.

Содержание любого образования, вне зависимости от времени, места и типа общества, по Дюркгейму, имеет два уровня. Первый – общий для всех: «Не существует народа, у которого не было бы некоего набора идей, чувств и навыков, которые воспитание должно привить всем детям без исключения, к какой бы социальной категории они не принадлежали» [1, с. 16]. Даже там, где общество разделено на изолированные друг от друга касты, всегда существует религия, общая для всех, некие фундаментальные принципы религиозной культуры, одинаковые для всего населения. А так как религиозные верования воплощают, персонифицируют некоторые чувства, некоторый способ восприятия мира и жизни, то невозможно быть приобщенным к их культу, не усваивая заодно всевозможные умственные навыки, которые выходят за пределы сферы чисто религиозной жизни. Для современного мира общей является система взглядов на человеческую природу, на право и долг, на общество и индивида, на прогресс и науку и т.д. Следовательно, каждое общество создает для себя некий идеал человека или нормативный идеал, включающий как интеллектуальные, так и нравственные и физические качества. Этот идеал одинаков для всех граждан, но с определенного момента он начинает меняться в соответствии со специфическими условиями, которые каждое общество несет в себе. Второй уровень – различие в моделях образования и воспитания в зависимости от социального происхождения, профессиональной принадлежности и т.п. По

мнению Дюркгейма, воспитание детей не должно было бы зависеть от места рождения и социального положения родителей. Но воспитание с некоторого возраста не может оставаться одинаковым для всех субъектов – разнообразие профессий порождает разнообразие практик и методов.

Дюркгейм отводит ключевую роль обществу и государству в участии в образовательном процессе и ответ на вопрос «чему учить?» всегда остается за государством. «Если цель воспитания – приспособить ребенка к социальной среде, то невозможно, чтобы общество не было заинтересовано в участии в воспитании. Стало быть, именно обществу нужно внушать учителю, какие взгляды и чувства надо внушать ребенку, чтобы он был в согласии со средой, в которой он должен жить» [1, с. 23]. Говоря о том, что государство не должно монополизировать образование, Дюркгейм, все же убежден, что принципиально возможность вмешательства государства в дела образования оспаривать тоже нельзя.

Таким образом, по Дюркгейму, образование, являясь социальным институтом, обеспечивающим воспроизведение условий существования общества и его целостность, неизбежно должно контролироваться общественной организацией, влияющей на формы, цели образования, а также на его содержательное наполнение.

Литература

1. Дюркгейм, Э. Социология образования / Э. Дюркгейм – М., 1996. – 80 с.

МИРОВЫЕ БРЕНДЫ КАК ОСНОВА ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Е. К. Глухова

Томский государственный педагогический университет

*«Человек перестал быть рабом человека
и стал рабом вещи».*

Ф. Энгельс

Рубеж XX–XXI веков может быть озаглавлен как эпоха потребления, что связано с преобладающей ролью потребления во всех сферах общественной жизни. Культура потребления стала решающим фактором хозяйства, как в сфере потребления маркетинга и рекламы, так и при производстве и оформлении продукта.

«Общество потребления – это не просто общество изобилия, где довольствуйся всякими вещами. Это общество, в котором потребление сделалось главным содержанием общественной жизни, оттеснив на второй план производство и накопление» [1, с. 3]. На первый план выходит не потребление товара или услуги, а потребление знаков и символов, выражающих в себе иной смысл, привлекающий внимание потребителя. Приобретая вещь, люди создают новую идею отношений, своего образа и идентичности. Таким

образом, происходит потребление не просто материальных объектов, а ощущение удовлетворения высших потребностей человека за счет товаров – символов. Причем желание, предвкушение зачастую приносит больше удовольствия, чем сам процесс покупки. Акт потребления на определенный момент ослабляет желание, однако затем оно нарастает вновь, стимулированное маркетинговыми коммуникациями и самой идеей потребления, поскольку товар является всего лишь символическим заместителем ожидаемого. Это означает, что «у потребления нет пределов. Наивно было бы предполагать, что оно может быть насыщено и удовлетворено. Навязчивое стремление потреблять не есть следствие некоторых психологических причин или чего-то еще подобного и не вызвано силой подражания. Если потребление представляется чем – то неукротимым, то потому, что это полностью идеальная практика, которая не имеет ничего общего (после определенного момента) ни с удовлетворением потребностей, ни с принципом реальности» [1, с. 218] Потребление содержит желание того, что отсутствует. А желаний у человека XXI века всегда больше, чем достаточно. Таким образом, идеал культуры потребления – бездумный потребитель, манипулируемый посредством рекламы.

Олицетворением эпохи потребления стали бренды. Они заключают в себе дихотомию – материальная составляющая (сам продукт и видимые компоненты бренда) и нематериальная (узнаваемое качество, характеристики, доверие, ассоциации, сложившееся предпочтение). По существу современный потребительский рынок – постоянная борьба брендов за их место в сознании потребителей.

Проблемой выступает тот факт, что в брендах заключены ориентиры на универсальные модели поведения, а именно – модели потребления (ты то, что ты потребляешь). Они становятся символом успешной социализации в обществе, пропагандирующей престижный, пресыщенный образ жизни как самоцель. В настоящей работе будет определен механизм взаимосвязи глобальной культуры потребления и брендов.

Мировые бренды выступают не столько маркером материального продукта, сколько объектом символического потребления. «Сегодня бренды строятся вокруг отношений, а не вокруг вещей... Из сферы физической бренды перешли в сферу психологическую. Бренды задевают умы и сердца, чувства и эмоции... Они ассоциируются с ценностями, с которыми мы себя идентифицируем» [3, с. 6]. Приобретая брендированный товар, в первую очередь покупают не столько технические характеристики или отменное качество (которого может и не быть), сколько возможность приобщения к мечте, ожидаемому образу жизни, идеалу. Бренды становятся важными знаками идентификации окружающих и самого себя в обществе. Поскольку бренд использует эмоциональные, психологические, социальные потребности людей, то обладание продуктом-символом выступает как неотъемлемая часть удовлетворения не физического, а психологического и социального комфорта. Чем большую эмоциональную выгоду человек получает при по-

купке брендованного товара, тем больше он готов за него платить. Так как для потребителя крайне важны те чувства и ассоциации, которые укрепляют его отношения с брендом, то он предпочитает свой бренд любому малоизвестному названию. Таким образом, он платит на порядок больше именно за эмоциональную составляющую, а не за ту функцию, которая заложена в товаре. «Выбрав тот или иной бренд с его многоуровневыми преимуществами по "решению всех проблем" и проявляя в дальнейшем лояльность к нему, потребитель избавляется, во-первых, от известного риска при покупке неизвестной марки (что может привести к непредвиденным результатам), а во-вторых, оберегает себя и устранивается от большого потока информации для принятия решения о покупке и в целом о смысле жизни» [2, с. 4].

Потребитель оценивает бренд, исходя из собственных ценностей, и если ценность, заложенная в бренд, соответствует его собственной, то она становится его личностной ценностью. Культура потребления, используя данный факт, всегда ставит человека перед выбором, ограничивая тем самым его свободу, ведь выбор всегда предопределен брендом. Кроме того, потребление, ограничивая жизнь человека рынком предложенных товаров-символов, скрывает от него иные возможности духовного и социального бытия. Реклама, как двигатель торговли, подсаживает человека на иглу потребления, совершенствуя постоянное искусство обольщения потребителя. В рекламе «решающее воздействие на покупателя оказывает не риторический дискурс и даже не информационный дискурс о достоинствах товара. Зато индивид чувствителен к скрытым мотивам защищенности и дара, к той заботе, с которой «другие» его убеждают и уговаривают» [1, с. 180]. Человеку преподносят образ, новую идентичность, исходя из которых он формирует свои собственные желания и потребности.

Кроме того, любой бренд базируется на мифологической истории. Миф – это не обязательно выдуманная легенда или сказка. В современном мире мифы преподносят как серьезные научные теории, основываясь на которых потребитель делает свой выбор в пользу здоровья, красоты, богатства... Именно реклама посредством непрерываемой трансляции рекламных сюжетов и образов способствует закреплению мифа в массовом сознании.

Таким образом, потребление выступает как сфера социализации, формирования норм и ценностей, в которой проявляются отношения между людьми. Современный человек не просто безвольно потребляет бренды, он оперирует ими, совершая таким образом акт коммуникации. Бренды стали частью образа жизни, мышления, действительности.

Потребление проявляется как активный процесс постоянного выбора и обновления брендов, поскольку рынок товаров и услуг регулярно пополняется новыми предложениями, предоставляя не просто товары и услуги, а стандартные образы жизни. В построении бренда задействованы универсальные потребности человека, не зависящие от его национальности, социальной принадлежности, культуры, уровня дохода (например: стремление к

безопасности, ощущению собственной значимости, отличию либо принадлежности к определенной социальной группе...).

Приобретая бренд, человек делает ставку на тот образ жизни, о котором мечтает. Бренд выступает как средство самоидентификации и самовыражения в глазах окружающих. Через приобщение к товару- символу в обмен на деньги человек стремится к реализации своих моральных, эстетических, эмоциональных потребностей.

Можно сказать, что бренд, как проводник культуры потребления, стал крайне важным жизненным ориентиром в обществе. Восприятие человека и отнесение его к категории "свой – чужой" происходит посредством его внешней оболочки. Главным критерием оценки становится потребление брендов, которые выступают эквивалентом успеха, спроса, престижа, удовлетворения потребностей. «То есть вместо службы продукта человеку бренд встает на место человека, требуя от него «службы» себе, внимания и времени, давая за это ему чувство покоя от иллюзии достижения цели, которую человек из «добрендового» мира с помощью маркетинга перевел теперь на бренд. Но за это человек платит помимо денег своей независимостью и снова гоним тем же или новым брендом дальше» [2, с. 5].

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рузомиро, 2001. – 214 с.
2. Крылов, А. Бренд и общество – разделение ценностей // Рекламные технологии. – 2003. – №3. – С. 2-5.
3. Гэд, Т. 4D Брэнддинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики / Т. Гэд. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 230 с.

СУЕВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

О. В. Герасимова, Ю. Ю. Гурьянова

Томский государственный педагогический университет

Современное общество, динамично развиваясь, двигаясь по пути прогресса, открытости, глобализации, развития науки и информационных технологий, тем не менее, сохраняет довольно высокую степень веры в иррациональное и таинственное, наделяя волшебной силой предметы, явления и процессы окружающего мира. Развитие общественного сознания не является показателем снижения уровня суеверности в обществе, напротив, часто можно услышать о повышении уровня «веры в суе». Священники объясняют этот процесс утратой истинной религиозной веры, как следствие – возрастание пустой, ложной веры, идущей от массового невежества в области веры истинной. Исследователи же пытаются найти источник суеверия в человеческой природе. Ученые Гарварда, проведя исследование, выяснили, что суеверия – это часть адаптационного поведения всех людей, которые стремятся придать смысл окружающему миру. По мнению одного из веду-

щих британских экспериментальных психологов, профессора Бристольского университета Брюса Худа, вера в иррациональные и магические явления обусловлена генетически: «В докладе, который профессор Худ прочитал на очередном ежегодном съезде Британской ассоциации науки, утверждается, что никакие рациональные разъяснения и доводы не могут заставить суеверных людей отказаться от своих представлений, так как они сами не способны их контролировать. Любым попыткам убедить их в бессмысленности веры в приметы и предзнаменования противостоит мощная психическая сила на генетическом уровне. Суеверия и религиозное чувство, убежден британский психолог, присущи людям от рождения и являются неотъемлемой частью человеческой ментальности»[1]. Другие исследователи убеждены, что суеверия наследуются человеком не генетически, через биологическую преемственность, а бессознательно, через культуру и язык, в которые погружен субъект и которые несут в себе всю гамму суеверий от глубокой древности до наших дней. Причина же суеверий во многом связана со скрытым страхом смерти.

Суеверие – это ложная вера; неполноценная, превратная убежденность. Следует отличать теоретическое суеверие, проникающее в мирозерцание человека, от практического, т.е. веры в оккультизм, в магические действия. К числу теоретических суеверий К. Поппер отнес некоторые социальные теории. Так, он писал: «В своих современных формах заговорщицкая теория общества, которая, подобно современному историцизму и современным попыткам установить «естественные социальные законы», является типичным результатом секуляризации религиозных предрассудков. Вера в Гомеровских богов, заговорами которых объясняли историю Троянской войны, прошла. Боги изгнаны. Однако их место заняли могущественные индивидуумы или группы – злонамеренные группы, порочные замыслы которых ответственны за все зло, от которого мы страдаем»... [2].

Суеверие имеет глубокие исторические корни, оно возникло на почве первобытных пережиточных представлений о силах природы и было присуще людям ещё тысячи лет тому назад. В то время люди многого не могли объяснить, не знали свойства многих предметов, и поэтому наделяли их сверхъестественными способностями. Люди всегда стремились убедиться в том, что защищают себя и поэтому верили в воздействие на них сверхъестественных сил. Реагируя на потенциальную угрозу, они, тем самым, готовили себя к тому, чтобы встретиться с реальной опасностью.

Но, как и всё, суеверность подвержена эволюции: культура и новые знания влияют не только на нас, но и отражаются на суеверности. Суеверия рождаются из мифологических представлений, спустившихся в сферу обыденного сознания: остатки тотемизма прослеживаются в суевериях, связанных с животными: черная кошка как предвестник несчастья, залетевшая в жилье человека птица, указывающая на близкую смерть, гадание по крикам кукушки и т.п. Бросание монет в воду заменил собой обряд жертвоприношения тотему. Отголоски фетишистских верований выражаются в плеваньи через плечо,

стук по дереву, сюда же относятся такие действия как фи́га в кармане от сглаза, рассыпавшаяся соль как предзнаменование ссоры и т.п. Персонифицированный анимизм сегодня находит выражение через веру в домовых, духов. В наши дни в суеверии сохранились пережитки старых народных верований: первичные интенции – желание заглянуть в будущее, избежать неблагоприятных ситуаций, и прочие – сохранились в психике и могут способствовать распространению суеверий, особенно в экстремальных обстоятельствах.

Суеверие, как правило, в настоящее время проявляет себя на поведенческом уровне в редуцированных обрядовых формах: ношении талисманов, татуировке, магических жестах, следовании приметам. Особое место занимают приметы, когда определенным событиям приписывается прогностическое значение. Исследования, проводимые в Лондонском университете, доказали, что благодаря приметам, люди ведут себя более осторожно, тщательно обдумывают свои действия и спокойнее относятся к вероятности возможной неудачи. Кроме того, таким образом человек защищает себя от стресса и от чувства вины за неудовлетворительный результат. Однако очень важно оценивать, насколько люди способны адекватно, трезво воспринимать действительность под влиянием примет и суеверий.

Люди продолжают верить в иррациональное так же, как они остаются привязанными к таким неодушевлённым предметам, как обручальное кольцо, счастливый билетик или плюшевый мишка. Это подобно тому, как многие люди верят в альтернативную медицину, которая не нашла доказательства своей эффективности у ученых. Даже если лекарство не нашло признания у медиков, оно может помочь некоторым больным, которые верят в его пользу.

В рамках описанной темы было проведено социологическое исследование, в котором автор прослеживал, насколько суеверны люди в наше время, насколько сохранились в сознании людей пережитки древних народных верований, остались ли ещё те люди, которые безоговорочно следовали бы народным приметам.

Исходя из этого, была выдвинута следующая гипотеза: в современном обществе люди по-прежнему остаются суеверными, так как они знают огромное количество примет и почти все гадают, но в большей степени это люди преклонного возраста, большинство из которых женщины.

В ходе социологического исследования, методом группового и индивидуального анкетирования было опрошено 30 жителей города Томска: 15 мужчин и 15 женщин.

Анализируя полученные данные, выяснилось, что чуть больше половины опрошиваемых не совсем склонны к суеверию, но предложив респондентам всем известную примету: «Если Вам дорогу перебежала чёрная кошка, Ваши дальнейшие действия...» оказалось, что ровно половина опрошиваемых взялись бы за пуговицу или обошли бы другим путём во избежание опасности. С помощью той же приметы также выяснилось, что женщины в большей степени склонны к суеверию, чем мужчины.

Интересным представляется тот факт, что 80 % людей хоть раз в жизни имели дело с гаданиями, причём не только женщины, но и мужчины. Достаточно показателен тот факт, что больше половины людей не накладывают на суеверие никаких моральных запретов, т.е. не считают суеверие грешным делом. Интересно выяснить, что люди сами оценивают степень своей суеверности, достаточно высоко – почти 77 % в некоторой степени считают себя суеверными.

Подводя итоги, можно сказать, что цель исследования была достигнута, автору удалось выявить, что суеверие остаётся актуальным и в современном обществе, это проявляется в том, что люди знают достаточно много примет, продолжают верить в них, следовать им, гадать и т.д., при этом не видя в этом ничего морально запретного.

Литература

1. Тараненко, Е.В. Откуда произошли современные суеверия [Электронный ресурс] / Е.В. Тараненко. – Режим доступа: <http://sueverie.net/yazyicheskie-sueveriya/otkuda-proizoshli-sovremennyye-sueveriya.html>, свободный.
2. Сергеев В. Суеверия в свете православной веры [Электронный ресурс] / В. Сергеев. – Режим доступа: <http://orthodox.etel.ru/2003/37syever.shtml>, свободный.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ЭЛЕКТРОННЫМ КНИГАМ

Т. В. Деринг

Томский государственный педагогический университет

Информационные технологии являются неотъемлемым элементом, определяющим культуру современного человека, т.к. без них невозможна ориентация человека в современном социокультурном пространстве. Поток различной информации очень велик, и в тоже время недостаточно времени и средств на потребление этой информации, соответственно люди сталкиваются с проблемой поиска оптимальных вариантов работы с информационными каналами. Особенно это актуально для студентов, т.к. в условиях учебного процесса перед ними стоит задача за короткие сроки отыскать и проанализировать большое количество информации при подготовке материала (для домашних заданий, при подготовке к сдаче экзаменов и зачетов, для саморазвития). В этой связи с научной точки зрения представляется интересным определить основные факторы, побуждающие студентов обращаться к Интернет-ресурсам для поиска электронных книг и выяснить мнение студентов относительно существования таких книг, т.к. до сих пор достаточных исследований в этой области проведено не было. С этой целью в рамках курса «Социология культуры» на базе кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета было проведено пилотажное социологическое исследование на тему «Отношение студентов к электронным книгам». Генеральную совокупность ан-

кетного опроса составили студенты Института профессиональной подготовки специальности «Культурология» Томского государственного педагогического университета (59 человек – с 1 по 5 курсы), использовалась репрезентативная, целенаправленная выборка и метод основного массива. Был проведен анкетный опрос, в котором участвовало 44 студента, т.е. 74,5 % от генеральной совокупности. Для достижения цели исследования (выявить отношение студентов к электронным книгам, выложенным на Интернет-ресурсах) были заявлены следующие задачи:

- выяснить причины обращения студентов к электронным книгам на Интернет-ресурсах;
- выяснить, существует ли негативное отношение к электронным книгам у студентов?
- выяснить гендерный аспект (соотношение количества девушек и парней, обращающихся к электронным книгам; отношение к электронным книгам);
- выяснить, как часто студенты обращаются к Интернет-ресурсам в поисках электронных книг (на примере сравнения с обычной библиотекой)?
- выяснить, какие социальные факторы влияют на обращение студентов к электронным книгам?
- выяснить, удовлетворяет ли информационное обеспечение университета запросы студентов в использовании Интернет-ресурсов для доступа к электронным книгам?
- выяснить, влияет ли обращение студентов к Интернет-ресурсам в поисках необходимой информации на их культуру обучения?

На основе задач исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

- Существует две основные причины, по которым студенты обращаются к электронным книгам, выложенным на Интернет-ресурсах – это доступность любой книги и экономия времени на поиск книг;
- Основная причина, по которой некоторые студенты негативно относятся к электронным книгам – это вредное воздействия на зрение;
- Юноши относятся к электронным книгам позитивнее, чем девушки, поскольку считается, что мужчины лучше разбираются в технике, в том числе, в компьютерах и интернете;
- Студенты регулярно обращаются к электронным книгам;
- Основным социальным фактором, влияющим на обращение студентов к электронным книгам – это наличие свободного доступа в интернет в домашних условиях;
- Информационное обеспечение университета не достаточно удовлетворяет запросы студентов по использованию Интернет-ресурсов для доступа к электронным книгам;

- Обращение к электронным книгам в Интернет-ресурсах влияет на культуру обучения студентов.

Первая гипотеза в ходе проведения исследования подтвердилась. Так было установлено, что две основные причины, по которым студенты обращаются к электронным книгам – это экономия времени на поиск книг и доступность любой книги. На это в равном соотношении указали 38,6 % опрошенных. Кроме того, можно выделить второстепенные причины, влияющие на обращение студентов к электронным книгам. Во-первых, здесь можно назвать экономию материальных средств на покупку книг, на что указали 31,8 % опрошенных, а во-вторых, широкий выбор книг, 25 % соответственно.

Вторая гипотеза подтвердилась только частично. Было установлено, что 13,5 % опрошенных действительно негативно относятся к электронным книгам, однако основная причина негативного отношения, которую указали 11,4 % опрошенных – это привычка читать обычные книги. В то время как причина, предложенная в гипотезе как основная, т.е. «негативное воздействие на зрение», занимает только второе место, наряду с неудобством чтения электронных книг с экрана компьютера, т.к. ее отметили 6,8 %. Кроме этого 2 % студентов, принявших участие в исследовании, помимо названных выше причин отметили отсутствие необходимых навыков для поиска электронных книг в Интернете и отсутствие для этого постоянного доступа к нему.

Третья гипотеза, касающаяся того, что юноши относятся к электронным книгам позитивнее, чем девушки, также подтвердилась. Об этом свидетельствует количество позитивных отзывов юношей и девушек – 86 % и 77 % соответственно. Кроме этого удалось установить, что 16 % девушек вообще не пользуются электронными книгами, в то время как среди юношей этот показатель почти в 2 раза ниже, только 7 %.

Что касается четвертой гипотезы, то студенты действительно регулярно обращаются к Интернет-ресурсам для поиска электронных книг. Так, 38,6 % опрошенных студентов обращаются к Интернет-ресурсам для поиска электронных книг 1 раз в неделю, 15,9 % – несколько раз в неделю и 36,4 % 1 раз в месяц. В тоже время 15,9 % опрошенных посещают традиционные библиотеки 1 раз в неделю, 9 % – несколько раз в неделю и 75 % – 1 раз в месяц. Как следствие приведенных выше данных можно говорить о том, что для поиска необходимых книг студенты обращаются к Интернет-ресурсам почти в 2 раза чаще, чем к традиционным библиотекам.

Пятая гипотеза также была подтверждена. Были установлены социальные факторы, влияющие на обращение студентов к электронным книгам. Как и предполагалось, основной социальный фактор – это наличие свободного доступа в интернет в домашних условиях. Также к социальным факторам можно отнести проживание опрошенных студентов с родителями дома и недостаток материальных средств для покупки всех необходимых книг.

В ходе исследования было установлено, что информационное обеспечение университета (ТГПУ) не достаточно удовлетворяет запросы студен-

тов по использованию Интернет-ресурсов для доступа к электронным книгам – это предположение (6 гипотеза) также оказалось верным. На это указывают высказывания 70,5 % опрошенных студентов о неудобном программном обеспечении университета, в частности Linux, 50 % опрошенных о недостаточном количестве компьютеров для свободного доступа к интернету и, как следствие, затруднение поиска электронных книг, 47,7 % – о наличии устаревших компьютеров в университете. Им смогли возразить только 8 %, которые придерживаются мнения, что ТГПУ имеет достаточное количество компьютеров для свободного доступа в интернет.

Последняя выдвинутая гипотеза также соответствует полученным данным, т.е. электронные книги влияют на культуру обучения студентов. Они облегчают процесс обучения, т.к. затраты времени на поиск книг снижаются и существует возможность найти практически все необходимые книги. Как следствие, у студентов непосредственно остается больше времени на подготовку домашних заданий и их уровень и качество улучшаются. Из этого можно сделать вывод, что электронные книги также способствуют саморазвитию и самоконтролю; 93,2 % опрошенных указали, что используют электронные книги в учебных целях. Также необходимо отметить, что поиск электронных книг способствует формированию навыков самостоятельной работы, т.к. студенты учатся находить нужную информацию и отсеивать ненужную. Кроме того, можно выделить некую зависимость между успеваемостью студентов и обращением к электронным книгам. Так, 90 % студентов, пользующихся электронными книгами, имеют отличную и хорошую успеваемость, в то время как 50 % студентов, не использующих электронные книги, имеют удовлетворительную успеваемость.

Из всего выше сказанного можно заключить, что большинство студентов Института профессиональной подготовки специальности «Культурология» относится к электронным книгам положительно и использует их в процессе обучения. В то же время интерес к традиционным библиотекам понижается, так если к электронным книгам половина студентов обращается хотя бы один раз в неделю, а традиционные библиотеки посещает только раз в месяц. Студенты указывают на облегчение процесса обучения, формирование навыков самостоятельной работы, успехи в саморазвитии и самоконтроле, повышение качества самостоятельно подготовленных заданий и увеличение времени на отдых и досуг – все это следствия работы с электронными книгами. В дальнейшем представляется, что число людей (не только студентов), использующих электронные книги в своей деятельности в различных сферах, будет непрерывно увеличиваться.

ФЕНОМЕН УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т. В. Деринг

Томский государственный педагогический университет

Культура – важнейший фактор организации жизни и неотъемлемая часть благосостояния людей. Она является социальной основой достижения целей общества и в этом смысле выступает средством его развития. В последние годы повышается уровень понимания ключевой роли культуры в общественном развитии. Наверное, поэтому, сегодня так актуально звучат слова Н.А. Бердяева: «Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества» [1].

Подавляющая часть многообразных культурных процессов протекает в обществе стихийно, подчиняясь лишь глубинным законам социальной самоорганизации людей в их коллективной жизнедеятельности. Вместе с тем, отдельные составляющие этого комплексного процесса поддаются разумному и целенаправленному регулированию, стимулированию одних тенденций и свертыванию других и т. п., осуществляемых с позиций видения и понимания стратегических путей, по которым движется данная цивилизация. Комплекс этих мер по искусственному регулированию тенденций развития духовно-ценностных аспектов общественного бытия может быть назван «культурной политикой».

В Федеральном законе «Основы законодательства РФ о культуре» от 9 октября 1992 года уточняется, что государственная культурная политика – это совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры [2].

Правом законодательного регулирования культурной жизни общества обладает государство – важнейший социально-политический институт, который берет на себя функции управления в регулировании жизнедеятельности общества, защите и поддержании порядка. Однако без определенной организации – общественного института управления – невозможно представить развитие всех сфер жизнедеятельности человека, в том числе и сферы культуры. Важным моментом развития духовной сферы является участие управления в формировании культурной политики государства и становление процесса управленческой культуры.

Высшим должностным лицом РФ является Президент. Вопросы государственного управления сферой культуры затрагиваются в Указах Президента, его законодательных инициативах. Функции законодательной власти в сфере культуры исполняют Совет по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации и Комитет государственной думы по культуре Федерального Собрания Российской Федерации. Вопросы исполнительной власти занимается Министерство культуры РФ, в со-

став которого входят такие подразделения как – департамент современного искусства и международных культурных связей, департамент кинематографии, департамент культурного наследия, департамент науки и образования, нормативно-правовой департамент, департамент экономики и финансов, департамент Генерального секретариата, отдел государственной службы, кадров и наград. При Министерстве культуры также действует Координационный совет по культуре, который имеет своей целью обеспечение согласованных действий Министерства культуры РФ и органов исполнительной власти субъектов РФ при проведении государственной политики в сфере культуры, искусства, историко-культурного наследия и кинематографии.

Правовые рамки поддержки и развития сферы культуры определяются действующим законодательством. Это, прежде всего, Конституция РФ, Гражданский и Налоговый кодексы, а также «Основы законодательства о культуре», принятые в 1992 г. Целый ряд статей этого закона ликвидирует монополию государства на управление культурной жизнью [5, с. 71]. Каждый год принимаются новые законы, способствующие развитию культурной жизни общества.

В настоящее время основными направлениями государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации являются:

- 1) сохранение и развитие единого культурного и информационного пространства России;
- 2) сохранение и развитие многонационального культурного наследия народов России;
- 3) совершенствование отечественной системы художественного образования и науки;
- 4) дальнейшая интеграция России в мировой культурный процесс и укрепление ее позитивного образа за рубежом. [4]

Цель государственной политики в сфере культуры – развитие и реализация культурного и духовного потенциала каждой личности и общества в целом, и в условиях перехода экономики России на инновационный путь развития достижение этой цели становится особенно важным.

В числе основных задач, решение которых диктуется сформулированными целями, можно выделить:

- выравнивание условий доступа к профессиональному искусству и народному творчеству для всех слоев населения, вне зависимости от социального положения и географической удаленности (проведение фестивалей, смотров и творческих конкурсов во всех регионах страны, поддержка гастрольных программ);

- последовательное реформирование системы государственного управления сферой культуры (в том числе, через систему государственных заданий);

- дальнейшее совершенствование организационных и экономических механизмов развития сферы культуры с целью повышения результативно-

сти деятельности (в том числе, через укрепление кадрового потенциала и внедрение передовых административных методик в реализации культурных проектов);

- сохранение и повышение доступности объектов культурного наследия. Создание единой информационной системы общероссийского мониторинга состояния и использования объектов культурного наследия, памятников истории и культуры;

- составление и публикация свода объектов историко-культурного наследия;

- проведение реставрационных работ, улучшение технического состояния объектов культурного наследия, позволяющих вернуть их в хозяйственный и культурный оборот;

- обеспечение эффективного использования имущественных прав собственников на объекты культурного наследия;

- развитие библиотечного дела. Перевод в электронный вид архивных, библиотечных, музейных, кино-, фото-, видео- и аудиофондов, создание инфраструктуры доступа населения к ним с использованием сети Интернет;

- разработка систем охранной и учетной маркировки музейных предметов;

- повышение внимания к сохранению нематериального культурного наследия народов Российской Федерации (в частности, разработка Каталога объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, перевод в электронную форму образцов традиционной культуры, представляющих собой празднества, обряды, обычаи, исполнительские искусства, устное творчество, традиционные ремесла);

- дальнейшая интеграция российской культуры в мировой культурный процесс. Укрепление позитивного имиджа России в мире как современного динамичного государства (проведение международных фестивалей на территории России, в том числе в регионах, участие в зарубежных культурных акциях, обменные культурные мероприятия);

- проведение знаковых культурных акций, в том числе, приуроченных к юбилеям памятных исторических дат. [3]

К сожалению, между намерениями и реальными шагами может существовать значительное расхождение. Иногда лишь 40-50 % из задуманного воплощается в жизнь.

Необходимо отметить, что важной вехой в развитии сферы культуры должно быть партнерское взаимодействие государства, общества и бизнеса. Социально-культурная сфера не должна, да и уже не может существовать и развиваться как сфера исключительно государственных интересов. Привлечение внебюджетных источников финансирования, все более активное сотрудничество социально-культурной сферы с финансовым, промышленным и торговым капиталом, общественными движениями и организациями – одно из необходимых условий сохранения культурно-исторического наследия, воспроизводства творческого потенциала, развития культурной жизни. Но, и бизнес заинтересован в сотрудничестве с социально-культурной сфе-

рой отнюдь не меньше, чем она в нем. Формирование и продвижение имиджа и репутации фирмы, спонсорство, патронаж и благотворительность, работа с персоналом, расширение сотрудничества, даже рекламные кампании и акции по стимулированию продаж – все это просто неосуществимо без проведения праздников, конкурсов, выставок, культурных программ, т. е. без обращения к социально-культурным технологиям, а то и прямого сотрудничества с соответствующими организациями и учреждениями социально-культурной сферы [5, с. 8–9].

Однако до сих пор в России многие представляют культуру как «просительницу с протянутой рукой», в то время как многочисленные исследования доказывают ее значение в развитии современного общества, и это не только социальное влияние, но и прямой вклад в экономику. Можно отметить несколько особенностей взаимоотношений организаций культуры и бизнеса в России. Во-первых, у нас очень велика (и, судя по всему, возрастает) роль государства как посредника в этих взаимоотношениях. Во-вторых, поддержку культуре оказывает сегодня в основном крупный бизнес и, соответственно, адресатом поддержки являются крупные национальные проекты или организации культуры. Средний и малый бизнес, который является потенциальным партнером средних и малых организаций культуры в регионах, к этому сотрудничеству не готов, как, впрочем, и сами организации культуры. В-третьих, хотя в российском законодательстве и определены основы спонсорства и благотворительности, закон предусматривает минимальные льготы для бизнеса, поддерживающего культуру и, фактически, не создает для этого экономической мотивации.

Т. М. Гудима в своей статье «Нерешенные проблемы культурной политики современной России» показывает, что преобразования в экономической и социально-политической системе, происшедшие в 90е годы прошлого века, привели к поражению гуманитарного сектора социальной сферы: науки, образования, культуры. Культуру определяли через количественный показатель. В настоящее же время осуществляется большое число культурных программ, например, «Культура России», проводятся конференции по развитию сферы культуры. Теперь на передний план выходят качественные показатели, и культура понимается как уровень развития человека и общества, а культурный процесс – как процесс интеллектуального и эмоционального обогащения человеком общества и самого себя.

Особого внимания заслуживает проблема региональной культурной политики. В каждом конкретном регионе государственная культурная политика трансформируется в региональную, так как внутри единой национальной культуры могут существовать субкультуры. Русская культура, которая развивается на территории огромной страны, просто обречена на многовариантность. Различия природно-климатических, хозяйственных условий, специфики исторических и этнокультурных ситуаций создают множество оттенков одной культуры. Следовательно, рассмотрение государственного влияния не может быть успешным без учета специфики отдельного

региона. Знание и понимание региональных особенностей развития культуры является первоосновой для создания перспективной региональной культурной политики, которая учитывала бы культурные интересы различных субъектов этой политики как основы для взаимопонимания. При этом необходимо, чтобы государство и регионы выступали не как оппоненты, а как партнеры, имеющие общую цель – создание условий для положительной направленности культурных процессов, направленности на развитие творческой жизнедеятельности человека.

Завершая рассмотрение, необходимо сказать, что сфера культуры все еще находится в стадии перехода к рыночным отношениям, и как следствие управление в этой области сталкивается со многими проблемами (финансирование, направления развития, законодательство, структура управления и др.). Однако представляется, что реализация основных направлений государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в России на основе стратегического партнерства государства, общества и бизнеса позволит создать условия для эффективной интеграции отрасли в процесс повышения уровня благосостояния граждан, сохранения социальной стабильности, развития институтов гражданского общества и обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны.

Литература

1. Бердяев, Н. Философия неравенства. Письмо тринадцатое. О культуре. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/>
2. Закон Российской Федерации «О культуре» 1992 г. (в ред. Федерального закона от 23.06.99 N 115-ФЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.roskultura.ru/law/zakrf/09/10/1992/1/text/380.html>
3. Об итогах работы Министерства культуры Российской Федерации в 2008 году и задачах на 2009 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkrf.ru/activity/reports/detail.php?ID=68212>
4. Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации [22.09.2008]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkrf.ru/documentations/581/detail.php?ID=61208>
5. Тульчинский, Г.Л., Шекова Е.Л. Менеджмент в сфере культуры / Г.Л. Тульчинский, Е.Л. Шекова. – СПб., 2003. – 528 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Н. Дудина

Томский государственный педагогический университет

Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что близкие отношения (сексуальные, любовные, брачные, дружеские и даже родственные) претерпели некие изменения, превратившись из социального института в инстру-

мент эмоциональной самореализации индивида. Сейчас все направлено на себя. Близкие отношения все более освобождаются от навязанных им извне, общих для всех правил, норм и ролевых предписаний и все чаще регулируются исключительно соображениями личностного удовольствия, удовлетворения и самораскрытия.

Попытаемся выделить социокультурные причины трансформации семьи в современном обществе. Прежде всего, это сексуальная революция 1970-х годов. Это экономические изменения, связанные с общим ростом благосостояния и обретения женщинами экономической самостоятельности. Это влияние и западной культуры, которая в свою очередь нацелена на индивидуализм. И в целом это ситуация постмодерна (общество потребления, вернее перепотребления; человек массы).

Начиная с последней трети XX века процессы тотальной, всеобъемлющей индивидуализации (характерное влияние Запада, так называемая вестернизация) и детрадиционализации в корне меняют самые интимные стороны жизни людей, превращая любые отношения в постоянный поиск и непрестанную самореализацию.

В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что интимная сторона взаимоотношений и сексуальная удовлетворенность играют немаловажную роль в жизни современного человека. Более того, сексуальность становится сознательно культивируемой чертой личности.

По мнению американского социолога Энтони Гидденса, главный итог сексуальной революции 1970-х годов состоял именно в том, что возник феномен «пластической сексуальности» – сексуальности, освобожденной от давления культурных норм. «Пластическая сексуальность» – это личностная характеристика, то, чем обладает каждый из нас, что сознательно культивирует, и «вращивает», и, безусловно, рассматривает в качестве одного из компонентов собственного жизненного стиля [3, с. 43]. Сегодня мужчины и женщины в плане сексуальности ждут и требуют от брака гораздо большего, и удовлетворенность именно сексуальной стороной супружеских отношений становится ключевым аспектом удовлетворенности браком в целом.

Межличностные отношения кардинально меняются под влиянием «пластической сексуальности»: они начинают строиться преимущественно на принципах удовольствия и удовлетворения, эмоциональной и сексуальной свободы, равенства и самореализации.

«Новый» брак – это сложная система взаимодействий, которую необходимо постоянно отлаживать и отрабатывать. Это брак «с открытым концом», серия постоянных проб и экспериментов, это вероятностный проект [3, с. 36–37].

Близкие и продолжительные эмоциональные связи устанавливаются ради *самих* этих отношений и их *особого качества*, ради *удовлетворения*, получаемого от таких отношений. Понятно, что подобная связь продолжается лишь до тех пор, пока каждая из сторон сохраняет ощущение удовле-

творенности существующими отношениями и лишена сомнений относительно совместного будущего [3, с.80].

Самым важным становится *качество* близких отношений, а вот *значимость выбора партнера* отходит на второй план [3, с. 83]. В свою очередь, это становится естественной причиной генезиса «общества разводов»: устраивая отношения, люди заранее настроены на смену партнеров, как только существующие в настоящий момент отношения по какой-либо причине перестанут их устраивать.

Именно об этом нам свидетельствуют многочисленные разводы. Встретить человека и прожить с ним всю свою жизнь в наши дни – это редкость. За последние десятилетия, начиная с 1970-х годов, количество разводов значительно увеличилось, однако одновременно уменьшается и осуждение разводов. Почему же развод становится все более распространенным? Можно привести несколько факторов. За исключением очень малой доли крайне богатых людей, брак сегодня перестал быть связью, имеющей целью передать собственность и свой статус другому поколению. По мере обретения женщинами экономической самостоятельности брак – все реже следствие необходимости экономического партнерства, как это было когда-то. Общий рост благосостояния приводит к тому, что в случае неудовлетворенности браком устроить свою собственную жизнь теперь значительно легче. Кроме того, разводы теперь уже не несут на себе позорного клейма, и в какой-то степени это их стимулирует. Еще один важный фактор – растущая тенденция оценивать брак в терминах уровня личностного удовлетворения, приносимого им. По всей вероятности, рост числа разводов связан не с глубоким разочарованием в браке как таковом, а с усиливающимся стремлением превратить его в полнокровный союз, приносящий удовлетворение [2, с. 374–375].

Традиционная форма семьи у нас все еще в почете. Она основана на законном браке со штампом в паспорте. Но тенденция такова, что все больше молодых людей (и не очень молодых) не оформляют брачные отношения. Вместе с тем традиционный институт семьи сохраняет в нашем обществе свою прочность, хотя ситуация остается сложной. Практически каждый четвертый младенец в России сегодня – дитя незарегистрированного брака. Ведь в настоящее время очень популярно и широко распространено сожителство – проживание вместе людей, имеющих сексуальные отношения, но не состоящих в браке. Сожителство является по большей части экспериментальной стадией перед вступлением в брак [2, с. 387].

Очень толерантно наше общество относится и к добрачным половым связям. Сохранение невинности и «девичьей чистоты» уже не актуально. У нас сейчас «модно» иметь определенный сексуальный опыт еще до вступления в брак, именно поэтому многочисленные сексуальные связи и частая смена партнеров воспринимаются как норма. Однако благодаря столь популярной «моде» растет и количество брошенных матерей-одиночек.

Необходимо отметить и тот факт, что сейчас молодые люди не торопятся скреплять свои отношения узами брака. Во многом это происходит благодаря влиянию Запада и Европы. Именно поэтому уже и для России стали характерны поздние браки (для сравнения стоит вспомнить возраст наших родителей, когда они вступили в брак) и, как правило, один ребенок в семье. Люди строят карьеру, добиваясь материального достатка. Ведь на данный момент деньги и материальные ценности играют немаловажную роль, а человек нашего времени находится во власти денег.

Народная мудрость, выраженная в таких изречениях, как «с милым и рай в шалаше», «любовь за деньги не купишь», «не имей сто рублей, а имей сто друзей», в наши дни потеряла свою популярность. Ведь сейчас актуальна другая народная мудрость – «купить можно все», где самое главное быть материально обеспеченным и ни от кого независимым, чтобы позволить себе купить все, что не пожелается. У нас теперь новые «ценности» – успех, карьера, деньги. Наше общество – это общество «бизнесменов».

Более того, современное общество – это общество потребителей. И как бы это жестоко и дерзко не звучало, зачастую даже в любви мы выступаем потребителями, выбирая себе возлюбленных в большинстве своем как наиболее подходящий товар, который при «устаревании» и «изнашивании» можно «выбросить», а взамен «купить» себе новый [3, с. 243].

У нас теперь все напоказ. Заплати деньги, и все увидят, как ты любишь или как тебя любят за твои же деньги. А что еще хуже в последнее время любовь – это шоу! Яркий пример тому, ежедневное шоу «Дом-2» (Построй свою любовь!), которое весьма успешно транслируется на канале ТНТ! Жаль, что святое сокровенное интимное чувство оказалось опошлено, а «культ тела» и «сексуальная революция» затмили экраны наших телевизоров.

«Герой нашего времени» занимается культивированием собственного тела, созданием своего имиджа и стиля. Для нас очень важна внешняя оболочка. И от того, как ты выглядишь, как ты одет и во что ты одет, зависит очень многое. Но все легко объясняется – духовный мир сложно демонстрировать, значительно легче демонстрировать материальное богатство.

Однако стоит помнить о том, что система ценностей формируется прежде всего семьей, родителями, близким окружением. А сила семьи не в банковских счетах и шикарных лимузинах, не в материальном достатке, а в сохраняющейся в большинстве семей духовной прочности, приверженности нравственным принципам и традициям.

Чтобы подтвердить все вышесказанное, мы провели социологическое исследование среди студентов, в ходе которого было опрошено 100 человек. Проведенное социологическое исследование позволяет сделать ряд заключений и выводов. А именно:

- Наиболее подходящим возрастом для вступления в брак считается возраст в промежутке между 20-25 годами (59 %) и 25–30 годами (38 %). Ранние браки в возрасте 18–20 лет поддержало всего 3 % нами опро-

шенных. Это в свою очередь подтверждает тот факт, что молодые пары не торопятся скреплять свои отношения узами брака;

- Основная часть браков, по мнению опрошенных, заключается исключительно по любви (43 %), что просто не может не радовать, однако все зависит от того, какой они вкладывают смысл в эти слова, ведь для многих эти слова произносятся бессмысленно и с легкой руки; 21 % в свою очередь считают, что значительная часть браков заключается по причине не запланированной беременности; 14 % считают, что браки заключаются из-за страха одиночества либо по расчету (14 %); 8 % опрошенных нами предложили свой вариант ответа (по глупости; по причине создать семью, как у других; чтобы «откосить» от армии; чтобы продолжить род и создать потомство);
- Для 57 % штамп в паспорте не имеет никакого значения (однако, как было верно подмечено – не имеет значения, если супруг не богат), а для остальных 43 % штамп в паспорте очень важен. Это подтверждает «моду» на сожительство без официальной регистрации брака. Трудно не согласиться с тем, что сожительство – хорошая практика и опыт совместного проживания до вступления в брак, так как основной причиной разводов называют именно бытовые разногласия – 38 %;
- 30 % опрошенных допускают возможность развода в своей собственной семье, 32 % не допускают такой возможности, а 38 % затрудняются ответить на данный вопрос. Соответственно это подтверждает то, что развод становится все более распространенным явлением, одновременно уменьшается и осуждение разводов;
- По мнению наших респондентов, основной причиной разводов в настоящее время являются бытовые проблемы и ссоры (38 %) и «перегорание» чувств (27 %); 17 % считают, что главной причиной разводов является измена супруга; 14 % видят основную причину в финансовых трудностях; а для 4 % таковой причиной является сексуальная неудовлетворенность;
- При оценке ценностных ориентиров, порадовало то, что для 57 % опрошенных семья и семейное благополучие являются наиважнейшей ценностью; для 35 % наиболее важной является личностная самореализация; 8 % смело признаются в том, что карьера и материальное благополучие играют для них огромную роль.
- При сопоставлении этих данных необходимо отметить следующие полученные нами результаты, которые весьма неоднозначны и противоречивы. Несмотря на то, что для 57 % опрошенных семья и семейное благополучие являются наиважнейшей ценностью, лишь 43 % считают, что браки заключаются исключительно по любви. Чем же руководствуются остальные 14 %, которые заявляют, что семья важнее для них всего на свете?! И другой немаловажный факт – 68 % допускают возможность развода в своей собственной семье, это больше чем половина. Так почему же мы не дорожим этой наиважнейшей ценностью, но при этом утверждаем, что таковой для нас является именно семья?!

В заключение хочется отметить, что семья отнюдь не находится на грани падения или краха. Однако сегодня в браке и семье происходят существенные изменения, они отражают более широкие социальные перемены (усиление открытости сексуальной сферы и повышение толерантности к добрачным половым связям; поздние браки и, как правило, один ребенок в семье, что в свою очередь связано с отделением сексуальности от функции воспроизводства; многочисленные разводы; появляются альтернативные формы брака, к примеру, сожительство) и одновременно способствуют им. [2, с. 389].

Но однозначно то, что семья, как и прежде, – главный бастион защиты нравственных принципов, в том числе патриотизма, любви к Родине, уважения к ее истории, к старшему поколению. Великий русский писатель Николай Карамзин писал: «Давно называют жизнь бурным океаном, но счастлив тот, кто плывет с компасом». Таким компасом для каждого из нас и должна стать обеспеченная, здоровая и счастливая семья.

Литература

1. Гидденс, Э. Социология: учебник. Пер. с англ. / Науч. ред. В. А. Ядов; Общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
2. Гидденс, Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. / Пер. с англ. В. Анурина. – СПб.: «Питер», 2004. – 208 с.
3. Фромм, Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 448 с.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

И. А. Дьяченко

Томский государственный педагогический университет

Мировой кризис нашел свое отображение и на рынке труда. Всплеск безработицы произошел в большинстве стран планеты. Миллионы людей остались без работы, находятся в активных поисках нового места, ожидая наступления лучших времен. Но вопрос вот в чем: скоро ли удастся выйти из кризиса? Ответ следующий: каждой стране по-разному, всё зависит от политики правительства и направления денежных средств в нужное русло. Но, к сожалению, прогнозы на год грядущий неутешительные. Рассмотрим ситуацию на рынке труда некоторых стран мира.

Так, в ноябре 2008 г. официальный уровень безработицы на Украине составил 2,3 %, количество зарегистрированных в службе занятости безработных по состоянию на 1 декабря 2008 г. достигло почти 640 тыс. чел. При этом действительный уровень безработицы в стране (с учётом незарегистрированных), намного выше. В 2009 году уровень безработицы может значительно увеличиться до 8 %. В России по состоянию на 1 декабря 2008 г. число безработных в стране составило 5 млн. чел., уровень безработицы зафиксировано на отметке 6,6 %. Согласно прогнозам экспертов, уровень безработицы в России 2009 году может достичь 7,6 %, что составит 5,4 млн.

чел. В Латвии уровень безработицы составляет 6,1 %, с учетом незарегистрированных в Госагентстве занятости – около 10 %. В 2009 г. прогнозируется рост данного показателя до 15–20 %. В Чехии по состоянию на 1 декабря 2008 г. уровень безработицы в стране составлял 5,3 %, около 300 тыс. чел. По прогнозам специалистов, уровень безработицы в 2009г. в Чехии может достичь 6 %. Прогнозы для рынка труда Германии также неутешительные: в 2009 г. количество безработных возрастет на 0,5 млн. чел., а в 2010 г может достичь 4–6 млн. чел. Безработица в Великобритании также бьет рекорды. По состоянию на 1 декабря 2008 г. число безработных составляло почти 2 млн. чел. Уровень безработицы зафиксирован на отметке 6 % – это самый высокий показатель за последние 10 лет. В Испании по состоянию на 1 декабря 2008 г. зафиксировано рекордный уровень количества безработных за последние 10 лет – около 3 млн. чел. Страна в конце октября 2008 г. имела самый высокий уровень безработицы среди всех стран Евросоюза – 12,8 %, за ней следовала Словакия – 10 %. Самые низкие значения показателя наблюдались в Нидерландах (2,5 %), Австрии (3 %) и Дании (3,2 %). В США по состоянию на 1 декабря 2008 г. наблюдается рекордный уровень безработицы за последние 15 лет – 6,7 %, что составило 10,3 млн. чел., которые зарегистрировались на бирже труда. По прогнозным оценкам, в 2009 году данный показатель может вырасти до 7,6 %. По прогнозам правительства Японии, уровень безработицы в 2008 году достиг 4,2 %, а в 2009 году – 4,7 %, что станет самым высоким показателем за последние 8 лет [4]. Как видим, нестабильная ситуация на рынке труда существует во всем мире. Тот факт, что безработица сильно выросла уже на начальном этапе кризиса, внушает серьезные опасения насчет дальнейшего «оздоровления» рынка труда, особенно в краткосрочной перспективе.

Рассмотрим подробно ситуацию, сложившуюся на российском рынке труда в динамике экономически-активного населения. На 2000 год численность экономически занятых составляло 65 % от общей численности населения страны, в 2006 году это число составило 68 %. Уровень занятости населения страны на 2000 год составил 58 %, а в 2006 году уже составил 62 %. Что же касается 2009 года, то здесь совсем другая ситуация. Численность экономически активного населения к концу февраля 2009г. составила, по оценке, 75,6 млн. человек, или более 53 % от общей численности населения страны. Преобладающая часть занятого населения сосредоточена в организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. В январе 2009г. в них работало 36,3 млн. человек, или 52,2 % общей численности занятых. Кроме того, в организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, привлекалось на условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера 1,7 млн. человек (в эквиваленте полной занятости). Общее число замещенных рабочих мест для полной занятости работников в этих организациях, определенное как суммарное количество работников списочного состава, совместителей и работников, выполнявших работы по договорам гражданско-правового характе-

ра, в январе 2009г. составило 38 млн. и было меньше, чем в январе 2008г. на 0,7 млн. человек, или на 1,9 %. В конце февраля 2009г. 6,4 млн. человек, или 8,5 % экономически активного населения, классифицировались как безработные (в соответствии с методологией Международной Организации Труда). В государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных было зарегистрировано 2 млн. человек, в том числе 1,7 млн. человек получали пособие по безработице [6].

Теперь рассмотрим ситуацию в динамике роста численности безработных. Общая численность безработных в России, рассчитываемая по методологии Международной организации труда, в ноябре 2008 года увеличилась на 8,1 % по сравнению с предыдущим месяцем – до 5 млн. человек, что составляло 6,6 % всего экономически активного населения страны. Число официально зарегистрированных безработных в ноябре возросло на 4,8 % по сравнению с предыдущим месяцем и составляло 1,304 млн. человек. По сравнению с концом ноября 2007 года, общая численность безработных в России увеличилась на 17,8 %, а официально зарегистрированных – сократилась на 12,9 %. Численность экономически активного населения в России по состоянию на конец ноября 2008 года оценивалась в 76 млн. человек – более 53 % от общей численности населения страны, 52,2 % всех занятых в октябре 2008 года работали в организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. Добавлю, что еще в октябре 2008 г. численность безработных в России составила 4,6 млн. человек, или 6,1 % экономически активного населения. По сравнению с аналогичным периодом 2007 года общая численность безработных увеличилась на 372 тысячи человек [6].

Безработица растет потому, что предприятия не нуждаются в работниках в период кризиса, и не подают заявления в службы занятости. Так в декабре 2008 года потребность предприятий в работниках, заявленная в службы занятости России составила 894.696 человек, а уже в январе 2009 года это число сократилось на 58.612 человек и составило 836.084 человек [3].

В Томской области эта же ситуация выглядит так: в декабре 2008 года потребность предприятий в работниках, заявленная в службы занятости составила 6.634 человек. В январе 2009 года эта потребность сократилась на 2190 человек и составила 4444 человек.

Если рассматривать ситуацию на рынке труда Томской области, то в целом она не является критичной. По данным департамента труда и занятости населения Томской области, в 2008 году в государственную службу занятости населения Томской области обратились за содействием в поиске подходящей работы 45,8 тыс. человек. При содействии органов службы занятости населения нашли работу 29,4 тыс. человек. Уровень регистрируемой безработицы снизился с 2,75 % от экономически активного населения до 2,17 %. В областном банке вакансий в течение года было 79 тыс. свободных рабочих мест, что почти на 3 тыс. больше, чем за предыдущий год. На конец года вакансий было 6,6 тыс. (на конец 2007 года – 9 тыс.). За период 1 октября – 31 декабря 2008 года численность безработных граждан, заре-

гистрированных в органах службы занятости, возросла на 25,8 % (на 2469 человек) и на конец 2008 года составила 12041 человек. Численность заявленных к сокращению работников составила 2008 человек. За период 1 января – 20 января 2009 года численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, уменьшилась на 2,8 %, или на 340 человек, и по состоянию на 20 января составила 11 701 человек. Так прошедший год можно охарактеризовать как год неоднозначных тенденций. Конец года прошел под влиянием финансового кризиса, однако в целом ситуация на рынке труда Томской области не является критичной по сравнению с регионами, где в структуре экономики присутствуют крупные предприятия металлургического комплекса, автомобильной промышленности и др. Тревожные тенденции по сокращению сотрудников в отдельных отраслях и на предприятиях в большей степени касаются городов Томской области – областного центра, Северска, Колпашева, Асина, Стрежевого. Поэтому большое внимание, сегодня уделяется определению мер, технологий и услуг, предоставляемых центрами занятости Томичам, находящимся под риском увольнения. В частности, департаментом разработана программа дополнительных мер, направленных на снижение напряженности на рынке труда области. Основными мероприятиями этой программы являются опережающее обучение, организация временных общественных работ и содействие самозанятости. На реализацию программы будут запрошены деньги из федерального бюджета (около 75 млн. рублей). Специалисты департамента рассчитывают на эффективное использование этих средств при активном участии бизнеса и органов местного самоуправления [5].

Кризис сформировал список самых непопулярных на рынке труда профессий. В него попали те, что еще год назад были на пике популярности. А сложнее всего лавировать в новых условиях молодым специалистам. Изучение резюме, поданных за последнее время в кадровые агентства, показало, что среди молодежи до 30 лет сейчас наиболее популярными являются профессии менеджера по туризму, специалиста по рекламе и связям с общественностью, инженеров-экологов и event-менеджеров (специалистов по организации корпоративных праздников и мероприятий). Кроме того, юноши и девушки активно ищут работу в области маркетинговых и финансовых исследований, брендинга и управления персоналом, андеррайтинга (оценка финансовых рисков страховых компаний). В этих специальностях россияне до 30 лет представлены в количестве более 70 процентов. Такой же процент молодежи среди резюме системных администраторов, программистов, веб-дизайнеров, инженеров технической поддержки и менеджеров интернет-проектов. Сегодня среди экономистов и корпоративных юристов доля специалистов моложе 30 лет составляет 76 процентов, в то время как рабочие специальности представлены в основном 40-50-летними работниками. Исключение составляет лишь сфера обслуживания и ремонта автомобилей. Достаточно высокие зарплаты делают ее привлекательной для молодежи – 63 процента соискателей на позицию автослесаря моложе 30 лет.

А вот об инженерных специальностях такого не скажешь. На позицию инженера-электронщика претендуют в основном люди старше 40 лет, таковых 40 процентов. Кроме того, среди людей среднего возраста активно ищут работу инженеры-строители и специалисты по техническому надзору [4].

Впрочем, нельзя сказать, что молодежь совсем игнорирует строительство. На сегодняшний день среди архитекторов и инженеров-проектировщиков преобладает именно молодежь – 67 и 78 процентов соответственно. В целом статистика показывает, что резюме от молодежи в кадровые агентства поступает гораздо больше, чем от людей среднего и старшего возраста. В среднем на возраст до 30 лет приходится 63 процента резюме, на 30-40-летних – 24 процента, а на тех, кому за 40 лет, – 13 процентов. Видимо, в первую очередь компании во время кризиса избавляются от менее опытных сотрудников.

Вот десять рабочих профессий, востребованных на рынке в период кризиса: водитель автомобиля, подсобный рабочий, уборщик производственных помещений, повар, грузчик, продавец непродовольственных товаров, маляр, электрогазосварщик, дворник, плотник.

Десять должностей служащих и ИТР, востребованных на рынке труда в период кризиса: охранник, медсестра, менеджер, кассир, инженер, бухгалтер, врач, консультант, воспитатель в детский сад, страховой агент [5].

Почему же возникла такая проблема, что не все профессии стали востребованы? ВУЗы и другие учебные заведения, обучая и выпуская специалистов разных сфер, не могут предвидеть, будет ли пользоваться спросом эта профессия на рынке труда.

Подготовка квалифицированных кадров и развитие человеческих ресурсов имеют ключевое значение для подъема экономики России и вхождения ее в мировое экономическое пространство. Рыночная экономика предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы, ее образовательному, профессиональному и квалификационному уровню, росту ее социальной мобильности, профессионализму. Обеспечение сбалансированности спроса и предложения рабочей силы является важнейшей задачей государственной политики занятости, и один из основных механизмов решения этой проблемы – взаимодействие системы профессионального образования с рынком труда. Рынок образовательных услуг связан с рынком труда опосредованно через образовательные потребности, выступающие одновременно важнейшим фактором потенциального спроса на рынке образования и потенциального предложения на рынке труда. Решить проблему взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг невозможно без учета интересов непосредственного потребителя образовательных услуг, который имеет свои цели, задачи, мотивацию в выборе профессии и сферы трудовой деятельности. Учебные заведения, оказывая образовательные услуги, должны учитывать также требования работодателей, положения в сфере занятости и на региональных рынках труда. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что совершенствование механизма взаи-

модействия профессионального образования и рынка труда является весьма актуальной проблемой. Актуальность создания комплексного механизма, который будет согласовывать потребности экономики в кадрах с масштабами и направлениями профессиональной подготовки становится все более очевидной, поскольку система образования должна адекватно реагировать на запросы рынка труда. От этого зависит занятость выпускаемых молодых специалистов в стране [1, 2].

Современная российская экономика встала на путь реформ, перехода к рыночным отношениям. На этом пути, безусловно, имеются издержки, но общая направленность реформ в сторону развития, которому следуют цивилизованные страны мира, является прогрессивной. Проблемы рынка труда и занятости населения в России сложны и противоречивы. Здесь проявляются как общие закономерности, имеющие место в разных странах мира, так и специфические для нашего государства процессы и явления. Можно надеяться, что к концу кризиса те профессии, которые были не востребованы, станут нужны предприятиям, а профессии, которые были востребованы в период кризиса, не утратят своей нужности.

Литература:

1. Бондаренко, Н. В. Спрос на рабочую силу – мнение работодателей. Мониторинг экономики образования, информационный бюллетень / Н.В. Бондаренко, М. Д. Красильникова, К. А. Харламов. – М. : ГУ – ВШЭ, 2006. – 64 с.
2. Илесов, Е. Трудоустройство и занятость выпускников вузов: система содействия // Высшее образование в России. – 2005. – № 7. – С. 3–13.
3. Кузьмина, Т. В. О взаимодействии рынка труда и рынка образовательных услуг // Уровень жизни населения регионов России. – 2006 (август). – № 8. – С. 31–37.
4. Мониторинг регистрируемого рынка труда Томской области. – Томск : Департамент государственной службы занятости населения Томской области, 2008. – 15 с.
5. Рынок труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://durakov.net/2008/1221/situacia-na-runke-truda-v-mire>, свободный.
6. Ситуация на рынке труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.westsib.ru/text/read/3987>, свободный.
7. Труд и занятость населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kgs.ru/wps/portal/!ut!P/cmatics/.cl>, свободный.

ОБЩЕСТВО И МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И. А. Дьяченко, М. В. Плотникова, Ю. С. Лапина
Томский государственный педагогический университет

Изучение молодежных субкультур составляет важное направление социологии молодежи. С шестидесятых годов XX века к этой проблематике обратились ведущие социологи разных стран мира; в отечественной же со-

циологии анализ молодежных субкультурных феноменов до конца восьмидесятых годов велся в весьма узких рамках.

Долгое время в нашей стране единственной молодежной организацией был комсомол, официально разрешенный и поддерживаемый. Однако уже в семидесятые годы стали складываться неформальные молодежные группы, продуцируемые в ряде случаев свою контркультуру, в силу общей социально-политической ситуации в стране, находившейся в «андеграунде». С началом процессов гласности и перестройки эти группы, легализовав свою деятельность, довольно громко заявили о себе, значительно увеличив тем самым свою численность. Определенное место среди них занимали группы, формировавшиеся вокруг различных музыкальных вкусов и стилей (металлисты, роллинги, брейкеры, битломаны и т.п.). Возникали также неформальные молодежные организации, ценностные ориентации которых имели некоторые политический и идеологический оттенок (ностальгисты, пацифисты, зеленые). Выделялись группы аполитичного характера (хиппи, панки). Формировались группировки, исповедовавшие «культ мускулов» и физической силы (качки), а также криминогенные группы, объединявшиеся на базе агрессивности, жесткой организованности и противоправной деятельности (гопники, люберы и т.п.). Некоторые из них воодушевлялись лозунгами восстановления социалистической справедливости и борьбы со «скверной» в лице хиппи, панков и подобных им движений.

Формирование молодежной субкультуры в самостоятельную молодежную практику и способ самореализации закончились к 1992–1994 годам, когда различные объединения образовали некоторую систему, состоящую из специализирующихся на определенном виде досуга, творческого самовыражения и социальной манифестации молодежных субкультур, между которыми обозначились четко налаженные каналы коммуникации и «распределения обязанностей». Хотя, конечно, в этой системе и сегодня идут скрытые и явные процессы изменения: часть формирований отмирает, их место занимают новые объединения; одни группировки меняют идеологию или способ действий, другие сливаются в более крупное объединение либо, напротив, распадаются на мелкие и независимые сообщества.

Но главная проблема состоит в отношении общества к молодежным субкультурам. Бытует мнение, что современное общество стирает индивидуальность, а современные субкультуры не воспринимаются обществом положительно.

Заинтересовавшись этой проблемой, мы решили углубиться в нее и изучить литературу и исследования других авторов в этой области. Проанализировав различные источники, мы получили полные и развернутые сведения о истории субкультур, их характеристиках и т.п. Однако оставалось неясным отношение общества к подобным группам. Поэтому мы решили провести социологическое исследование на тему: «Общество и молодежные субкультуры: проблема взаимодействия».

Цель проведенного исследования состояла в выявлении отношения людей разных возрастов города Томска и Томской области к молодежным субкультурным группам.

Основной гипотезой являлось наше мнение, что большинство людей относятся к молодежным субкультурным группам негативно.

Поскольку мы хотели узнать отношение общественности к молодежным субкультурам как в городе Томске, так и в Томской области, и дать сравнительный анализ полученных результатов. Дополнительной гипотезой стало предположение, что в Томской области негатив общественности к субкультурам выше, чем в Томске. Второй дополнительной гипотезой стало предположение, что сами представители неформальной молодежи считают, что к ним относятся негативно.

При проведении исследования были опрошены представители субкультур города Томска, для которых была составлена анкета из открытых и закрытых вопросов. Методом опроса граждан города Томска и Томской области, не относящихся к субкультурам, было интервьюирование.

По результатам исследования мы выяснили, что 73 % опрошенных могут по внешнему виду отделить неформалов от простых граждан, но не различают, к какой именно субкультуре они относятся. Почти все респонденты, как в городе, так и в области не хотели бы вступать в какую-либо субкультурную группу. Половина отвечающих в Томской области редко встречают представителей субкультур, и противозаконного поведения тоже практически не замечают, лишь 8 % указали на случаи девиантного поведения. В городе этот показатель чуть больше. Считают допустимым существование таких субкультур 54 % городских граждан. К вступлению своего ребенка в какую-либо молодежную субкультурную группу большинство отнеслись бы скорее негативно, чем позитивно. У большинства опрошенных нет знакомых среди представителей субкультур, а те, которые имеют таких знакомых, относятся либо позитивно, либо безразлично. Таким образом, наша гипотеза утверждающая, что большинство людей относятся к субкультурам негативно, опровергается. В целом отношение к ним нейтральное как в городе, так и в области. Но есть небольшие различия: в области граждан, считающих допустимым существование субкультур меньше на 4 %, и на 3 % больше респондентов отнеслись бы к вступлению своего ребенка в субкультурную крайне негативно. Эти результаты подтверждают дополнительную гипотезу, что в области негатив граждан по отношению неформальной молодежи выше.

По второй анкете, предназначенной для субкультурных групп, итоги таковы: половина опрошенных знают историю происхождения своей субкультуры, остальная половина знает это только в общих чертах. В основном представители субкультур отличаются от других людей мировоззрением, мышлением, взглядами на жизнь. Отношение родителей к представителям неформальной молодежи зависит от вида субкультуры: родители готовятся отрицательно к их выбору, критикуя их внешний вид; родители метал-

листов наоборот относятся положительно, одобряя увлечение музыкой. 40 % опрошенных неформалов считают, что к ним относятся негативно, 20 % – безразлично. Это подтверждает нашу вторую дополнительную гипотезу.

Проводя социологическое исследование, мы столкнулись с такой особенностью. Очень часто общественность относит человека к какой-либо субкультуре только на основании внешнего вида. Сам же человек, не имея каких-то особых увлечений и взглядов на жизнь, не считает себя представителем субкультур.

Все поставленные задачи были решены. Опрос показал, что современное общество не стирает индивидуальность, а, напротив, дает простор для самовыражения.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ СВОБОДЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: КОНФЛИКТ ИЛИ РЕЛЕВАНТНОСТЬ

Е. В. Ершова

Томский государственный педагогический университет

Свобода является одной из основных демократических ценностей, однако, идеал свободы занял своё приоритетное место в системе политических ценностей лишь в эпоху Ренессанса. В античной философии Платоновская система добродетелей венчалась справедливостью. Категория «справедливость», являясь социальной по своему содержанию, выступала критерием оценки поступков людей сквозь призму интересов общества, полезности или вредности таких поступков для общества или, более точно, его доминирующих социальных групп или слоев. Платон считал справедливым подавление частных интересов граждан, всегда остающихся несовершенными, во имя сохранения единства государства. Аристотель так же полагал справедливостью деятельность, направленную на общее благо, так как индивидуальных целей, на его взгляд, легче достичь сообща, в коллективе. В политико-философской теории античности противопоставление государства огромной массе индивидов всегда проводилось в пользу государства.

Видимо поэтому, К. Поппер считал, что Платон – враг демократического общества и предтеча тоталитаризма [3], не принимая во внимание, что идеал свободы был чужд Платону. Он руководствовался стремлением к справедливости, которой, по его твердому убеждению, нельзя достичь частным гражданам в отдельности. Государство есть осуществление высшего блага для человека. Цель этого государства – живая и совершенная добродетель всех граждан, достижение ими высшей моральной ценности – эвдемонии – как наивысшего состояния ума и полного уподобления божественному состоянию.

Перелом, произошедший в философской теории в эпоху Возрождения, затронул как её политическое, так и этическое содержание. Гимн человеческой индивидуальности актуализировал значение плюрализма ценностей, в связи с чем возросла ценность идеала свободы. произошедшие перемены подчеркнули существование конфликта государственных, социальных, индивидуальных ценностей. Концепции философов, социологов и политологов последующих веков являются либо попытками восстановить характерное для трудов классиков (античных и средневековых) единство целей общества, государства и индивида (гражданина), либо же урегулировать возникшее рассогласование путем создания некоей ценностной градации. В осмыслении проблемы взаимоотношений государства и общества это послужило толчком к поиску новых авторитетных оснований государственной власти и способствовало созданию абсолютистских, республиканских, коммунистических и демократических теорий.

Несмотря на приверженность социализма и либерализма общему демократическому идеалу – свободе, а так же их тенденцию к ограничению влияния политической сферы, создание социалистической и либеральной партий в большинстве европейских политических традиций способствовало, тем самым, оформлению оппозиционных демократических политических систем. В социализме и либерализме существует четкое различие взглядов на роль личности в обществе, а, соответственно, в представлениях о том, как следует понимать свободу.

Свобода рассматривается в либерализме как отсутствие принуждения, в частности, как освобождение от ответственности и заботы о коллективном благе. Признание ценности индивида, его прав и свобод ведёт к тому, что основной политической проблемой для либерализма становится необходимость урегулирования сосуществование граждан через законы и право, отвергая при этом любое вмешательство государства в дела экономические и социальные.

Социализм, критикуя радикальный индивидуализм, придает свободе иной смысл. Свобода означает свободу действий, а именно – отсутствие государственных ограничений в действиях, направленных на благо общества. И в этом свобода в социалистическом понимании сближается с греческим идеалом справедливости. Но для социалистической доктрины является непреодолимой сложностью проблема согласования индивидуальных и общественных ценностей. Решение этой проблемы является таким же сложным, как и ответ на вопрос, кто должен решать, что же является бесспорным благом для общества (проблема социалистического дискурса), и как совместить развитие свободного рынка с обеспечением социальной безопасности граждан (проблема либерализма). Несмотря на различия в подходах к пониманию содержания и сущности свободы, она остается главной демократической ценностью, как для либерализма, так и для социалистического дискурса.

Идеал свободы сочетается в обеих традициях с идеалом равенства. Социализм во всех его формах всегда делал акцент на социальном равенстве и

равенстве возможностей. Такое равенство достигается за счет подчинения индивидуального интереса общественному и посредством ограничения его личной свободы. Классический либерализм выводил равенство всех индивидов из факта их равной принадлежности к разуму: все равны, поскольку все равным образом относятся к универсальному разуму, и, по этой причине, свободны в выборе путей достижения собственного индивидуального блага. Но в этом случае формальное равенство гарантирует только формальную свободу, свободу, доступную лишь немногим в силу их материального или физического превосходства.

«Нелепо утверждать, что понятие свободы имеет одинаковый смысл для всех классов общества» [6;82], – считает С.Росселли. Формальная свобода, которой пользуются наиболее обделенные люди, должна абсолютно защищаться, но ее недостаточно, чтобы дать им наиболее полное чувство свободы, поскольку последнее предполагает реальную способность к действию и к проявлению инициативы в социальном мире. Именно поэтому, добавлял он, основная цель либерального социализма заключается в том, чтобы «свобода пришла в жизнь самых бедных» [6;86]. Цитируемый автор одновременно затрагивает еще одну важную проблему либерализма – отсутствие в нём моральной идеи. Г.Рормозер, отмечая этот недостаток, полагает, что либерализм нужно укрепить духовно и политически. Политическое сознание, на его взгляд, переживает кризис, обусловленный отсутствием моральной идеи, которая бы легитимировала его. Г.Рормозер называет первым великим критиком либерализма Гегеля, ссылаясь, в частности, на его учение о нравственном государстве. Абсолютизация общества, противопоставляющего себя истории, государству и религии, ведет к упадку нравственности, «нравственное же государство имеет источник своей духовной силы в христианской общине и в сознании верующих» [4]. К сходным выводам приходит в одной из своих работ П.Козловски.

С конца XIX века с социализмом постепенно сближается одно из либеральных течений – новый либерализм. Это движение идентифицируется с именами Хобхауса в Великобритании, Ренувье во Франции, де Руджеро в Италии, Ланге и Коэна в Германии, Дьюи в Соединенных Штатах. «Когда индивидуализм сталкивается с фактами, он вынужден сближаться с социализмом» [5;54], писал Хобхаус, подразумевая наличие в социализме нравственной идеи коллективного блага. Следуя логике нового либерализма, социализм и либерализм различны, но между ними нет логических противоречий, что не исключает возможности для их объединения, например, для защиты демократии. Но существует более радикальный тезис, заключающийся в утверждении, что социализм следует понимать как одну из интерпретаций либерализма [1]. Этот тезис отстаивается либеральным социализмом.

Дж.Милль может считаться одним из предтеч либерального социализма – именно он первым выразил эти настроения. В своем неоконченном эссе о социализме он предлагал некоторые меры социальной помощи, несовместимые с экономической свободой, отчасти признавал социальную и услов-

ную природу собственности. Сходные представления выразили так же английские либералы Т. Грин, один из первых вдохновителей «государства благосостояния», и Л.Хобхаус, а также либеральные республиканцы Ренувье и Фуйе.

Все эти авторы отстаивают идею свободы индивида, солидарного с тем обществом, в котором он живет, носителя признанных свобод, которому государство должно обеспечить некую возможность действия. Нельзя отрицать, что свобода – это не только предмет констатации, но и объект нужды или потребности. Она является благом, отсутствие которого ощущается перформативно, о каком бы виде её нехватки ни шла речь (свобода потребностей, свобода возможностей, свобода действий, свобода выбора, свобода-способность). При таком понимании социальные права-преимущества, предоставляемые государством определенным категориям граждан, являются не искажением принципов либерального государства и не ущемлением свободы совести или действий граждан, а результатом развития либерального государства. В либеральном социализме демократическая ценность свободы не противопоставляется справедливости – напротив, они дополняют друг друга, ограничивая крайний индивидуализм ренессансного представления о свободе и расширяя античное платоновское понимание справедливости.

Литература

1. Канто-Спербер М. Философия либерального социализма // Электронный ресурс: <http://www.nz-nline.ru/index.phtml?aid=25011222>
2. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.,1998
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. М.,1992
4. Рормозер Г. Кризис либерализма. М.,1996// Электронный ресурс: [www. i-u. ru/ biblio/archive](http://www.i-u.ru/biblio/archive)
5. Hobhouse L.T. Liberalism . Oxford: Oxford University Press, 1964. P. 54
6. Rosselli C. Liberal socialism. Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 82, 86

СВОБОДА ВЫБОРА И ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Е. В. Ершова

Томский государственный педагогический университет

Демократия, независимо от её различных типов и видов, предполагает наличие определенного набора прав и свобод. Одной из основных демократических ценностей является свобода выбора, предполагающая при её реализации ограничение свободы действия, печати, совести и т.п. Кроме случаев, предусмотренных в законодательстве и праве (когда свобода действий одного ущемляет права и свободу другого), определяемых как преступления, возникает множество спорных и неоднозначных вопросов, решение

которых пока ещё остается за рамками административно-правового рассмотрения. Очевидные две причины этого – плюрализм ценностей, и, как следствие, многообразие конфликтных ситуаций и сложности, связанные с поиском нейтральной площадки для нахождения компромиссного решения.

Оценивая все «за» и «против», античные классики Платон, Аристотель, а так же философы последующих веков (вплоть до французских просветителей), не включали демократию в число наилучших форм правления. Ш.Монтескье, один из первых либерально настроенных философов, условием существования демократии в государстве полагал воспитание в гражданах «политической добродетели». Эту добродетель он определял «как любовь к законам и к отечеству, которая требует постоянного предпочтения общественного блага личному». В связи с этим, философ отмечал важность законов воспитания – «первых законов, которые встречает человек в своей жизни» и которые «подготавливают нас к тому, чтобы стать гражданами». Заявляя, что «ни одно правление не нуждается в такой степени помощи воспитания, как республиканское правление» [3; 113], Ш.Монтескье, тем самым, делал акцент на необходимости ограничения свободы выбора граждан, на воспитании в них умения распоряжаться своей свободой во благо государства и общества. Он ограничивал свободу выбора гражданина лояльностью интересам общества и государства или гражданским долгом. Интересно, что понятие гражданского долга присутствует и в концепции Т.Гоббса, а так же в теоретических обоснованиях монархического и аристократического типов государственных устройств.

В любом случае, понятия, связанные с долгом гражданина перед обществом и государством (патриотизм, лояльность, героизм), к которым прибегают в своих речах политики, можно рассматривать как пространство, в котором моральный компонент смешивается с политическим. «Заражение политики моралью» [1;150] создает возможность для различного рода спекуляций со стороны политических лидеров, для усиления ими своих позиций и власти. Политических теоретиков и классиков социологии (Э.Дюркгейм, М.Вебер, А.Смит, К.Маркс, Т.Парсонс и др.) волновал вопрос лишь, «каким образом государственная власть станет ограничивать своих подданных? Их мало занимал вопрос, кто возложил на государство такие полномочия?» [6; 134], справедливо отмечает С. Тулмин. Но если не государственная система, то кто в силах справиться с проблемами, обусловленными демократической свободой выбора?

В последнее время эта тема затрагивается либо прямо, либо косвенно в работах многих известных социологов и политологов. Тевено осмысливание проблемы ограничения свободы выбора, осуществляет, разрабатывая центральные вопросы философии и социологии морали. В своей центральной работе «Об оправдании» он, рассматривая способы легитимации действия, связывает их не с классами (марксизм – через классовый интерес), не со статусными группами (М.Вебер), ни тем более с человечеством вообще, а с характеристикой некоторых «миров». Тевено выделяет мир вдохнове-

ния, домашний мир, гражданский мир, мир мнения, мир рынка, индустриальный мир [4; 76]. Отталкиваясь от идеи справедливости и различий ее восприятия в рамках различных миров, он полагает, что регулятором свободы выбора является соотношение справедливого и несправедливого (действия). Из логики его рассуждений, следует, что понятие гражданского долга необходимо рассматривать как воплощение идеи справедливости «политического мира», о котором Тевено не упоминает в работе. Но сквозь призму этого представления о справедливости оцениваются действия внутри всех обозначенных Тевено миров, что в свою очередь актуализирует ряд вопросов.

В концепции Тевено можно обнаружить связь с основными идеями Ю. Хабермаса (противоположность «жизненного мира» и «системы»), согласно которым система постоянно изменяет жизненный мир и воздействует на него. Ю. Хабермас, как известно, вводит понятие коммуникативного разума – пространства, в котором возможно разрешение конфликтов, возникающих в обществе, и проблемных ситуаций между обществом и государством. Концепт «коммуникативного разума» позволил Ю.Хабермасу вынести решение проблемных вопросов из сферы компетенции государства и общества. «Коммуникативный разум, порывая с нормативизмом разума практического» [5; 190], обеспечивает возможность регулировать свободу выбора в наибольшем согласии с интересами и идеалами всех заинтересованных сторон.

П. Бурдье полагает концепцию Ю.Хабермаса идеалистичной и довольно скептически оценивает способность общества, общественных организаций к разрешению конфликтных ситуаций на надгосударственном уровне. Ведь «даже попытка осмыслить, что есть государство, предполагает применение к нему мыслительных категорий, произведенных и гарантированных государством. Подчинение государству не объясняется ни сознательным решением подчиняться, ни физическим принуждением – конформизм инкорпорируется самой системой в ходе социализации» [2; 56], полагает социолог.

С. Тулмин выражает более оптимистичную точку зрения. Он полагает, что «несмотря на то, что образ нашей жизни в политическом смысле определяется государством, в области морали современные правительства открыты для внешней критики. Лилипутские организации не могут заставить аморальных правителей на коленях просить прощения, как было с Генрихом II, но они подчиняют себе правительства, которые отказываются исправлять свои ошибки, на глазах всего мира. Если политику модерна можно сравнить с Левиафаном, то мораль национальных супердержав – это Гулливер, проснувшийся и обнаруживший себя опутанным множеством крепких нитей» [6; 137].

Оптимизм С.Тулмина, возможно, оправдан на глобальном уровне мирового сообщества. В рамках же отдельно взятой страны более убедительными представляются доводы П. Бурдье. Следуя логике его рассуждений, принятие хартии журналистской этики и движение солдатских матерей в России, равно как и движения в защиту прав национальных меньшинств,

только подтверждают настоящий политический порядок, так как действуют в его рамках, хотя и противостоят ему. Такая логика не лишена оснований, ведь свобода выбора действий любого направления или отдельного индивида, оппозиционному действующему правительству, заранее определена государственной системой, допускающей одни методы оппозиции (свободу слова, собраний и т.п.), но предусматривающей наказание за другие формы выражения протеста.

Такая демократическая ценность как свобода выбора ограничивается другими политическими демократическими ценностями, и это вполне оправдано. Проблема в том, что каждый гражданин демократического общества подвергается «символическому насилию», осуществляемому его собственным государством, прежде всего, через систему образования (о чем писал еще Ш.Монтескье). Не будучи в силах зачастую преодолеть конфликт свобод на межличностном, межгрупповом или межнациональном уровне, государство, тем не менее, легко разрешает конфликт, если он возникает между частным (или общественным) и государственным интересом. Оно ограничивает свободу выбора своих граждан посредством легитимации социальных норм и ценностей, среди которых не последнее место занимают представления о гражданском долге, патриотизме.

Литература

1. Бурдые П. Политические позиции и культурный капитал // Социология политики. М., 1999.С.211
2. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999
3. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.С.311
4. Тевено Об оправдании // [www. i-u. ru/ biblio/archive](http://www.i-u.ru/biblio/archive) С. 76
5. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.С.190
6. Toulmin St. Cosmopolis. Chicago, p.134

ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН – БЛАГО ИЛИ ЗЛО?

С. А. Зубчихина, Е. Г. Ключкина

Томский государственный педагогический университет

Большинство известных нам культур патриархатны по своей структуре, дискриминация и подчиненное положение женщины заложены практически во всех политических системах и является одной из основ цивилизации. Ярким примером тому может служить предложенная Аристотелем система социального устройства Древней Греции, в которой женщина занимает совершенно бесправное положение в обществе, и такая ситуация была характерна, к сожалению, не только для античного времени.

Безусловно, история помнит имена ярких и удивительных женщин, которые оставили свой след в веках, но это, скорее всего, исключения из правил, нежели норма. И только в середине XIX в. начинается освобождение женщин от патриархального гнета, от навязанных им рамок поведения и жизни, и процесс этот называется эмансипация.

Термин «эмансипация» происходит от латинского «*emancipare*» и означает:

- ✓ освобождать ребенка от отцовской власти или, в более широком смысле, отказываться от каких-либо полномочий или прав собственности
- ✓ формально отказаться от чего-либо, отчуждать, уступать [8].

Эмансипация женщин – это процессы социальной мобильности женщин, связанные с социальной дифференциацией женщин как отдельной социальной группы (со своими интересами, отличными, от интересов семьи, рода, детей и т.д.) и выходом женщины из приватной сферы в сферу публичную.

Изначально термин «эмансипация» обозначал движение женщин за освобождение от зависимости и/или угнетения, отмену ограничений по признаку пола, стремление к правовому равенству полов. Цели такого рода движения направлены на изменение существующих социальных позиций: добиться равных прав в оплате труда, в получении образования и т.д. Эти процессы сопровождаются оформлением женского движения как движения социального [7].

В 1830 года, впервые появляется словосочетание «эмансипация женщин», хотя идея избавления женщин от угнетения была сформулирована раньше, после Великой Французской революции, когда в 1793 году Олимпия де Гуж в «Декларации прав женщин» потребовала предоставления женщинам свободы собраний, активного и пассивного избирательного права и допущения к занятию государственных должностей.

Эмансипация женщин связана с обретением женщинами опыта пребывания в публичном пространстве, презентации себя как индивидуальности и представления своих интересов в социуме. К середине XIX века женщины Западной Европы, в отличие от женщин России, уже имели указанные навыки. Возможность самостоятельного нахождения в публичном пространстве вместе с опытом общественной борьбы позволил женщинам Западной Европы начать организованную борьбу за свои права, через специально организованные женские движения, которые в XIX в. вылились в суфражизм. В России же женщины прежде не имели возможности самостоятельной презентации в публичном пространстве, поэтому им приходилось (в кратчайшие сроки) заниматься конструированием и утверждением в обществе новых форм гендерной идентичности и атрибуции [8].

Эмансипация женщин происходит на различных уровнях:

- ✓ на правовом – через обретение равных прав и возможностей с мужчинами

- ✓ на социальном – через выделение женщин как отдельной социальной группы от других социальных групп и обретение опыта отстаивания собственных прав
- ✓ на индивидуальном – через осознание ценности женской личности, рефлексии собственного социального и телесного опыта [7].

Такое явление как эмансипация не однородно по своей структуре и не может не вызывать вокруг себя многочисленные споры. Общество в своем отношении к эмансипации разделилось на два полюса – одни «воспевают» данный феномен, а другие выступают решительно против.

Как правило, к первой категории относятся не только либерально настроенные люди, а еще и те, кто считают, что «не может быть общество свободно, если в нем не свободна женщина». Данную идею высказал еще в начале XIX века французский мыслитель, социалист-утопист – Клод де Сен-Симон. Не случайно, его идеи, так же как и идеи французского философа, социалиста Фурье о том, что «Степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации» послужили источниками женского движения во Франции в 1830х гг. [6]. А, с другой стороны, активная литературная деятельность женщин и мужчин-романистов, отражающих все недостатки политического, социального устройства и угнетения женщин, выделила эту проблему и сделала ее общезначимой для всех. С этого момента начинается активная женская борьба не только за равноправие, но и за возможность получать образование наравне с мужчинами.

Первопричиной данного процесса является зарождение и становление такого понятия, как феминизм, который, как и социализм, возник как реакция на становление капиталистических отношений. Ключевую роль в происхождении феминизма сыграли две большие революции – индустриальная революция в Европе и Великая Французская революция. Индустриализация привела к отделению рабочего места от дома, впервые в массовом порядке создав для женщин дилемму между их работой для экономического выживания и домашними обязанностями. В результате женщины столкнулись уже с двойным угнетением – дома и на работе, со стороны работодателя. Конфликт между этими двумя сферами жизни вызвал сильное ролевое напряжение. Не смотря на то, что на заре капитализма женский труд плохо оплачивался, а женщины среднего класса и вовсе оказались запертыми в рамках семьи, индустриальная революция создала потенциальный базис для материальной независимости женщин – источник заработка, независимый от семьи. Это сразу изменило конфигурацию гендерных отношений. Основы власти мужчины (по крайней мере, в рабочих семьях) оказались подорваны, а женщины получили возможность объединиться в борьбе за свои права как работницы и гражданки [5].

Просвещение и Великая французская революция создали новый политический дискурс, в котором ключевую роль играли такие понятия, как прогресс, общественный договор, природа, разум, а центральная идея Просвещения была связана с освобождением индивидуума от власти старинных

традиций и суеверий. С точки зрения мыслителей Просвещения, природа и разум требовали признания неотъемлемых прав личности, включая гражданское равенство. Весьма естественно было помыслить о распространении этих прав и на «женскую половину» человечества.

Жизненные условия женщин также были подвержены влиянию прогресса рационализации. Существовало все углубляющееся противоречие между их подчинением конкретному индивидуальному мужчине в сфере домашнего патриархата, и развернувшейся в XVIII и XIX вв. мощной тенденцией универсализации гражданских прав, тесно связанной с рационализацией государства и рынков. Это противоречие нашло отражение в феминистских трудах Мэри Уолтенкаф в Англии и Сьюзан Б.Энтони в Соединенных Штатах, а наиболее точно было выражено в работах Джона Стюарта Милля. Первые суфражистские женские кампании не были уходом в сторону от «социальных вопросов». Они были реакцией на главное противоречие, возникшее на той стадии развития государства. Движение за равные права политические права женщин, прежде всего, за предоставление им права голоса, получило впоследствии название первой волны феминизма.

Очевидным является то, что у такого значительного процесса, как эмансипация, в корне изменившего не только внешний облик общества (социальные отношения), но и подтолкнувшего к изменению сознания, как мужчин, так и женщин, существуют многочисленные противники. Одними из таких противников являются апологеты патриархата.

Истоки патриархата следует искать в глубокой древности. Как правило, они связаны с неолитической революцией и переходом к производящему хозяйству, когда человек научился не только брать то, что ему дает природа, но и самостоятельно создавать и выращивать, а для этого требовалось вспахивать обширные поля, вырубать и выжигать лес для новых посевов. В новых хозяйственных условиях требовалась мужская сила и ловкость. Наступило время патриархата.

Патриархат можно определить как систему социальных отношений между мужчинами, имеющую материальную базу, причем эта система, хотя и имеет внутреннюю иерархию, создает и поддерживает взаимозависимость и солидарность между мужчинами, позволяющую им господствовать над женщинами. Хотя патриархат иерархичен, и мужчины, принадлежащие к различным классам, расам или этническим группам занимают разные позиции в этой иерархии, они все же объединены общим господством над своими женщинами, они зависят друг от друга в отношении поддержки этой системы господства [3].

В Европе не мало важную роль в формировании и укреплении патриархата сыграла христианская культура (также это характерно и для других конфессий). Например, в Православии предусматривается четкая семейная иерархия: мужчина является главой, кормильцем и защитником семьи. Он находится в послушании у Бога и обладает безусловным духовным, нравственным авторитетом. Женщина должна находиться в подчинении у мужа,

так, как сказано: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос, глава Церкви» (Еф.5,22-23). Роль женщины – быть заботливой супругой, нежной матерью, воспитывающей совместно с супругом своих детей в соответствии с заповедями Божьими.

Материальная база, на которой покоится патриархат, связана, прежде всего, с контролем мужчин над женской рабочей силой. Мужчины осуществляют этот контроль с помощью отлучения женщин от ряда важных экономических ресурсов (например, в капиталистическом обществе – от рабочих мест с более высокой зарплатой) и с помощью других ограничений женщин.

По мнению сторонников патриархата, суть женской эмансипации состоит в том, что грех как преступление заповедей Божьих возводится в ранг добродетели, и, прежде всего, это касается греха гордости. «Современные Евы» стремятся стать «как боги, знающие добро и зло» (Быт.3,5). Женщины вместо подчинения мужу и помощи ему, вместо рождения и воспитания детей, как сказано: «женщина спасается чадородием» (1 Тим. 2, 15), занимаются личностной и профессиональной самореализацией, которая чаще всего оказывается примитивным эгоистичным желанием пожить для себя. А ведь деторождение есть не только исполнение Божия Завета «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1, 28), но и вид служения Богу, неотъемлемого от брачной жизни [4].

Патриархатные нормы поведения общества в XIX – начале XX вв. подверглись резкой критике и изменениям в связи с признанием, развитием науки и последующим изменением человеческого сознания, которое стремилось к идеям равенства, независимости и демократии. Таким образом, многие Библейские истины подверглись сомнению, а женщины начали ощущать себя равными мужчинам. Это послужило одной из главных причин сексуальной революции в Европе.

Сексуальная революция (лат. *sexus* пол и фр. *re'volution* – переворот) – процесс и результат коренных изменений в сексуальной жизни общества, характеризующихся существенными преобразованиями сексуальных ценностей, ориентаций, норм, санкций и сексуальных отношений, освобождающими подавленную, репрессированную сексуальность, раскрепощающими личность и общество [1].

По мнению российского философа, социолога и психолога И.С. Кона, сексуальная революция второй половины XX века на Западе была прежде всего женской революцией. Идея равенства прав и обязанностей полов в постели – плоть от плоти общего принципа социального равенства. Общественное сознание (нормативная культура) приняло тот факт, что сексуальность не направлена на деторождение, не нуждается в легитимации и является самоценной. Эта гедонистическая установка явно противоречит принципам анти-сексуальной цивилизации, допускающей сексуальную жизнь только ради деторождения. Христианские фундаменталисты выступают против контрацепции не менее яростно, чем против абортов, потому что речь идет не только о

праве человека воспрепятствовать рождению новой жизни, но и о легитимации чувственности, которую они отрицают в принципе [2].

Как и любое социальное явление, эмансипация имеет свои плюсы и минусы. Начнем с плюсов. У женщин появилась свобода и возможность реализации себя как личности. Они получили права на труд и его оплату наравне с мужчинами, право избирать и быть избранными даже в высшие государственные инстанции. В наши дни женщины стали более разборчивыми и требовательными в выборе спутника жизни, теперь и они выбирают себе мужчин исходя из своих собственных представлений, идеалов. Богаче и разнообразнее стали сексуальные отношения, в которых женщина, зачастую, играет доминирующую роль.

Рассмотрим некоторые минусы данного процесса. До сих пор в обществе не исчезли патриархатные догмы и ценности. А это значит, что на женщин возлагается двойная ответственность: она должна быть не только успешной в профессиональной сфере (к чему сама стремится), но и обязана заниматься домом и детьми (по требованию мужа). Разборчивость женщин в выборе спутника накладывает отпечаток на сексуальные взаимоотношения, разводы, а это, в свою очередь, влияет на уровень рождаемости. Бывает, что эмансипированные женщины приобретают не характерные для их пора качества, уподобляясь мужчине (грубость, решение спорных проблем силовыми методами, жестокость).

С момента начала процесса эмансипации прошло почти два века. За этот период произошли коренные перемены не только во взаимоотношении между полами, положении женщин, но и в общественном сознании. Сейчас успешная женщина – не исключение из правил, а, скорее, подтверждение общей тенденции, в рамках которой «слабый» пол имеет возможность раскрыть себя как личность, участвовать в жизни страны, быть уважаемым в обществе.

Роль домохозяйки становится все менее и менее популярной в современном мире. Но, как правило, это не означает отказ женщин от роли матери и хранительницы очага. Как и на протяжении многих десятков веков, к этому стремятся практически все, но позже, потому что до брака женщины имеют возможность и желание пожить для себя, уделить должное внимание реализации своих способностей. Современные женщины вертуозно выполняют многие задачи: воспитание детей, поддержание тепла и уюта «домашнего очага», зарабатывание денег, а нередко и самостоятельное обеспечение семьи.

То, что для сегодняшней жизни является обыденностью, например, высшее образование, право голосования, участия в различных акциях, управление организациями женщинами, еще пару веков назад было лишь целью. Все это стало возможным благодаря эмансипации – освобождению женщин от гнета быта и власти мужа.

Если рассматривать процесс эмансипации в глобальном масштабе, можно сказать, что несмотря на достаточно быстрое развитие, он пока еще не достиг своего апогея. Это объясняется тем, что в современном обществе

остался «осадок» много векового уклада жизни, и некоторые мужчины не желают мириться с социальными возможностями супруги, воспринимая ее, прежде всего, как хозяйку и мать детей, а не индивидуальность, желающую самореализоваться.

Среди общей массы можно встретить ярких сторонниц эмансипации. Стремясь занять не просто место равное мужчине, но и опередить его, эти женщины уподобляются «сильной» половине человечества, теряя в себе все женское и женственное.

Отвечая на главный вопрос работы, что в себе несет эмансипация – добро или зло, мы считаем – добро. Именно этот процесс позволил обществу сделать большой шаг вперед, создавая новые правила взаимоотношений. Но главное благо данного процесса ощущается каждой женщиной – свобода, возможность выбирать и самостоятельно принимать решения в своей жизни, быть выслушенной и влиять на окружающий мир.

Литература

1. Википедия «Сексуальная революция», [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Кон, И.С. «Человеческие сексуальности на рубеже XXI века», [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.neuro.net.ru/sexology/publ024.html>
3. Личное как политическое, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_60/2935-lichnoe-kak-politicheskoe-vtoraja-volna.html
4. Монахиня Нина (Крыгина). «Счастливая семья: утопия или реальность?», [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://orthodox.etel.ru/2007/42/_nina.htm
5. Проблема эмансипации в русской и европейской литературе XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/tanhilevsky/vita02_13.html
6. Русский гуманитарный университет-интернет, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/anikin_unost/UN16.aspx
7. Словарь гендерных терминов, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/186.htm>
8. Танхилевский, А.Г. «Эмансипация как философская проблема», [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zachetka.ru/referat/>

КОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Т. А. Киреева

Томский филиал Московского государственного гуманитарного университета
им. М.А. Шолохова

Каждый человек в течение всей своей жизни сталкивается с конфликтами разного рода. Возникающие проблемы государственной и обществен-

ной жизни возбуждают людей, порождают противоборство политических партий, забастовки, распад семей, суицидальные действия, «разборки» преступных групп. Все это реальности нашей жизни, в которой происходит постоянно нарастающая борьба. Всякое понятие, входящее в сферу мышления и чувств человека, вызывает у него определенные ассоциации. Слово «конфликт» сопряжено, как правило, с ассоциациями негативными. Употребляя этот термин, мы представляем себе людей раздраженных, возбужденных, враждующих друг с другом. Большинство искренне и чаще всего вполне обоснованно рассматривают конфликт как нечто такое, чего нужно любыми путями избегать. Конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – столкновение разнонаправленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов субъектов взаимодействия, фиксируемых ими в жесткой форме. В основе любого конфликта лежит ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какому-либо поводу, либо противоположные цели или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несовпадение интересов, желаний, влечений оппонентов и т.п.

Сложность исследования конфликтных отношений в студенческой среде состоит в необходимости обойти все психологические препятствия. У значительной части молодых людей иерархия жизненных ценностей выражена недостаточно четко, поэтому трудно получить точные данные, характеризующие важность для них тех или иных явлений. По мнению студентов, конфликты, разворачивающиеся во время учебы, носят следующий характер. Конфликты в студенческой среде делятся на: 1) студент – преподаватель; 2) преподаватель – студент; 3) студент – студент.

Очевидно, что студентами болезненно воспринимаются традиционные межличностные конфликты, причем основная их часть связана с главной фигурой их учебной жизни – преподавателем. Рассмотрим подробнее тип конфликта «Студент – преподаватель». Взаимодействие по линии «Студент – преподаватель» является одним из основных во всем социально-педагогическом процессе. Именно здесь происходит непосредственная «передача» всего многообразия знаний, информации, установок, ценностных ориентаций т. д., аккумулированных в системе высшего образования. Участниками, более половины, зафиксированных студентами конфликтов, являются преподаватели. Только десятая часть этих конфликтов никак не описывается. Характер остальных всецело касается личности педагога – его поведения в отношении студентов. Лишь в единичных случаях «виновниками» выступают сами студенты, не выключаящие мобильные телефоны во время занятий или демонстрирующие свое материальное превосходство.

В процессе опроса студентов, было выявлено ряд причин конфликтов с преподавателями в %:

1. Несправедливость, предвзятость преподавателей на занятиях и экзаменах – 39 %
2. Высокомерие, унижительное отношение к студентам, неуравновешенность преподавателей – 29 %

3. Некомпетентность, халатное отношение к занятиям, неэффективная организация преподавания – 23 %.

Из приведенных выше данных следует, что более трети отмеченных конфликтов связаны с фактором справедливости оценивания знаний. Две другие причины идентифицируются с профессиональной некомпетентностью. Обращает на себя внимание многочисленность высказываний, относящихся к неуравновешенности педагогов. Описания конфликтов такого рода сводятся к тому, что «преподаватели кричат на студентов», «унижают, оскорбляют». Преподаватели характеризуются как высокомерные, «амбициозные», не стремящиеся понять студента и переносящие на него свое плохое настроение. Действительно, чрезвычайная ситуация в обществе и, в частности, в высших учебных заведениях приводит к ухудшению психологического самочувствия людей. Исследование образа жизни преподавателей обнаружило, что у них наблюдаются симптомы невроза. На вопрос: «Бывает ли у Вас состояние раздражительности, нетерпеливости, рассеянности, тревожности, нарушения сна и каких-либо других проявлений дискомфорта?», 12 % ответили, что это их постоянное самочувствие в последнее время. Еще 77 % назвали такое состояние, периодически, возникающим. Исследование подтвердило мысль о социальном происхождении невроза: преподаватели с более низким статусом, соответствующей зарплатой и возможностями чаще отмечают у себя тревожные симптомы. Однако в той же невротической среде живет и другой контрагент конфликтов – студенты. Преподаватели фиксируют их «хамство», стремление словчить, безответственность и нежелание соответствовать статусу студента. Возможная субъективность взаимных характеристик не снимает проблемы профессионального поведения преподавателя. Следствием подобного рода конфликтов может быть «эмоциональное отчуждение» студентов от преподавателей. Предполагается, что конфликтность такого рода в последние годы имеет тенденцию к росту. Вместе с тем не исключены и крайние формы студенческой реакции – жалобы в деканат, ректорат, учебную часть, требования убрать неугодного преподавателя и заменить его другим.

Другая особенность во взаимодействии «преподаватель – студент» (характерная, прежде всего, для российского высшего образования) заключается в том, что преподаватель, обладая высоким профессиональным статусом в вузовской среде, в повседневной жизни является «человеком низшего уровня». Нередки случаи, когда студенты из более благополучных социальных слоев смотрят на преподавателей как на неудачников. И эта особенность также стимулирует конфликтность.

Во взаимодействиях студентов и преподавателей наиболее характерными являются следующие причины конфликтов:

- различия в ценностных ориентациях;
- бестактность в общении;
- различия во взаимных ожиданиях;
- уровень профессионализма преподавателя и успеваемость студентов.

Низкую эффективность учебного процесса и конфликтность в общении преподаватели объясняют следующими причинами:

- иждивенческое отношение к учебе, лень, нежелание учиться (такого мнения придерживаются каждый третий преподаватель-респондент);
- слабая базовая подготовка по гуманитарным наукам, отсутствие у студентов самостоятельного мышления, низкий уровень общей образованности и политической культуры, непонимание ими значимости общественно-политических дисциплин (13 % опрошенных);
- отсутствие интереса к учебе и к будущей профессии (69 %);
- завышенная самооценка (30 %).

Следующий тип конфликта: «Студент–студент».

Выделяют несколько причин конфликтов в %: личностное непонимание – 28 %; интеллектуальное соперничество – 24 %; зависть – 16 %; неэффективная организация учебного процесса – 12 %; внутригрупповая вражда – 12 %; «хамство» – 8 %.

Выше приведенные данные показывают, что так же, как и в ситуации с преподавателями, главными факторами являются характерологические проявления личности конфликтующих: либо это эмоциональная и интеллектуальная глухота (28 %), либо зависть (16 %), либо агрессия (8 %). Четвертая часть всех студенческих межличностных контактов порождает конфликты из-за состязательности. Существуют следующие описания этих конфликтов:

- «открытая вражда, неприязнь одних студентов по отношению к тем, у кого лучше успеваемость, кто умнее»;
- «приходят в университет какие-то ПТУшники и начинают показывать, какими должны быть «настоящие мужчины»;
- «однокурсники «салятся на шею», считая, что им обязаны помогать в учебе»;
- «раздражает то, что студенты не умеют согласованно работать на занятиях»;
- «демонстрация своего материального положения».

В среде студентов на первых курсах идет процесс самоутверждения в группе. В это время на мотивацию их поведения большое влияние оказывают темперамент, черты характера и уровень воспитанности. Исследователи указывают, что первокурсников характеризует обостренное чувство собственного достоинства, максимализм, категоричность и однозначность нравственных критериев, оценки фактов, событий, своего поведения. Свойственные этому периоду рационализм и нежелание принимать все на веру создают недоверие к старшим, в том числе и к преподавателям вузов. К старшим курсам межличностные взаимодействия студентов приобретают более осознанный характер, происходит формирование микрогрупп по принципу межличностной совместимости, в которых межличностные конфликты становятся редким явлением. Конфликты разрешаются самими студентами, но могут заканчиваться разрывом отношений.

На сегодняшний день существует несколько способов урегулирования конфликтов?

Если описание сути конфликтов отличалось повышенной эмоциональностью и некоторой агрессивностью, то способы преодоления напряженности характеризовались взвешенностью и рациональностью. Все предложенные варианты действий были подразделены на четыре группы:

1. «Организационные», связанные с изменениями в самой системе обучения (50 %).

Совершенствования, по мнению опрошенных студентов, требуют в первую очередь проблемы выбора, оценивания и организации учебных занятий деканатом и преподавателями. Предлагается также ставить оценки методом анонимного тестирования, проводить письменные экзамены для большей адекватности оценки знаний. Следовало бы более четко организовывать учебные занятия, устанавливать жесткие временные рамки на сессии, определять допустимое количество пропусков занятий.

2. «Воспитательные», предполагающие убеждающее воздействие на участников конфликтов (30 %).

В некоторых ответах было справедливо указано: «Часто в конфликтах виноваты и преподаватели, и студенты, необходимы взаимопонимание и взаимная вежливость». Но большинство рекомендаций касалось именно педагогов:

- необходимо, чтобы преподаватели были понимающими по отношению к студентам, старались их заинтересовать;

- Преподавателям необходимо быть более культурными в общении, больше уделять студентам внимания, выяснять их индивидуальные склонности и способности;

- Справедливость преподавателя.

3. «Карательные», направленные на наказание и давление (10 %).

В этом случае предполагалось урезать права преподавателей, увольнять некомпетентных, штрафовать провинившихся, строже следить за проведением занятий. Вот характерные способы регулирования конфликтов «студент–преподаватель»:

- «необходимо создать анонимный ящик жалоб, где бы студенты выражали свой протест»;

- «следует создать комиссию, куда студенты могли бы прийти с рассказом о проблеме, чтобы в дальнейшем «наказать» «виновных» преподавателей».

4. «Пассивные», основанные на убеждении в неизбежности данных конфликтов и невозможности, нежелании или незнании путей их устранения (10 %).

Неумение или нежелание администраций вузов, преподавательского корпуса, учебно-вспомогательного персонала эффективно выполнять свои обязанности по организации и содержанию учебного процесса. Российскому обществу в целом и вузовскому сообществу в частности необходимо

культивировать конфликтологическую парадигму мировосприятия, когда естественные различия между людьми воспринимаются с необходимой долей толерантности, а конфликты выявляются на ранней стадии и разрешаются в процессе сотрудничества, выполняя общественно необходимую инновационную функцию.

Сопоставление данных приводит к мысли о том, что значительная часть конфликтов в студенческой среде проистекает не только от неумения или нежелания участников соблюдать нормы общения, но и от несовершенства или даже отсутствия самих этих норм как следствия неблагополучной ситуации в высшем учебном заведении. Анализ показывает, что абсолютное большинство названных студентами конфликтов остаются неразрешенными, больно задевая чувственно-эмоциональную сферу студентов. Следствием являются снижение мотивации к учебе и ухудшение ее качества, неэффективные временные затраты, болезни и т.д.

Литература

1. А. В. Глухова, Е. Ю. Красова. Конфликты в студенческой среде Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 1. – С. 49 – 64.
2. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В Петровского, М.Г. Ярошевского. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – С.169
3. Педагогические условия предупреждения конфликтов в студенческой среде высшего учебного заведения. Белова Л.П. – Тюмень: 2001.
4. Уткин Э.А. Конфликтология: теория и практика. – М.: Ассоциация авторов и издателей ТАНДЕМ: Издательство ЭКМОС, 2000.

САМОНАЗВАНИЕ КАК ПРИЗНАК ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ Г. ТОМСКА)

М. П. Ковалев

Томский государственный педагогический университет

Этническая самоидентификация, то есть сознательное отнесение самого себя к определенной этнической общности, проявляется в различных формах: самоназвании (этнониме), сохранении родного языка, приобщенности к этнической культуре, знании истории своего народа, принадлежности к этническим институтам и выражении в их рамках этнической активности, принадлежности к религиозной практике. Многие зарубежные (Tim Edensor, E. Erikson, J. Plinne) и отечественные (Ю.В. Бромлей, Т.В. Полозкова, Н. Федоров, В.Ю. Хотинец) исследователи считают, что наиболее явным эмпирическим проявлением этнической самоидентификации является самоназвание, или этноним.

Всякое самосознание связано с осознанием человека самого себя как представителя того или иного сообщества, той или иной социальной груп-

пы, культуры. Оно носит характер личностного отношения к неким ценностям, это выбор личности, субъективная форма проявления этничности, однако оно имеет и социальную сторону. «Социальная детерминация самосознания не сводится лишь к системе межличностных взаимосвязей, и поэтому должна включать более широкие взаимоотношения индивида с микро-, меза- и макрогруппами, при этом учитывая отношения индивида к своей жизнедеятельности, культуре и другим социальным институтам» [Дж. Г. Мид. Цитируется по В.Ю. Хотинец, 1, с. 11]. Это познание человеком самого себя в зависимости от познания им особенностей других. «Я социальное» сопряжено с окружающими человека людьми, мнение которых ему приходится учитывать.

В 2007 году нами было проведено социологическое исследование, посвященное проблемам этнической самоидентификации, в котором приняло участие 158 респондентов.

Объектом исследования являлась польская диаспора г. Томска в конце XX – начале XXI века, предметом – особенности формирования этнической идентичности в рамках диаспоры.

Цель исследования – выявление составляющих элементов этнической идентичности членов диаспоры г. Томска и иерархии этих элементов в их этническом самосознании.

В статье подробно рассматривается только один элемент этнической самоидентификации – самоназвание.

Политическая обстановка в России, особенно в послереволюционный период, привела к тому, что многие поляки, боясь преследований и репрессий, скрывали свою национальность, а при записи национальности детей, особенно в смешанных семьях, предпочитали выбирать непольскую. Встречаются даже ситуации, когда при наличии обоих родителей-поляков дети оказывались русскими. Все это предопределило место и формулировку вопросов о национальности респондентов. Несмотря на первостепенную важность проблемы этничности для исследования, мы поместили их в паспортную часть, чтобы не заострять внимание на ситуации определения национальности (для многих членов диаспоры это болезненный вопрос). Блок вопросов состоит из прямого вопроса: «Ваша национальность по документам?», дополнительного о национальности родителей, прародителей и заключительного: «Кем Вы считаете себя по национальности?»

В СССР этническая принадлежность не являлась вопросом личного самосознания, она устанавливалась по крови (на основе этнической принадлежности родителей) или принудительно изменялась государством по политическим и идеологическим мотивам и отражалась в свидетельстве о рождении и паспорте при обозначении национальности. Только в 1996 году каждому гражданину Российской Федерации было предоставлено право определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения [2. Раздел II]. В настоящее время нет документальной фиксации национальности, национальность регистрируется только при переписи

населения со слов респондентов, поэтому именно перепись населения наиболее полно дает национальную характеристику общества.

В нашем исследовании при ответе на вопрос: «В определении национальности, по Вашему мнению, главным является...» 38,3 % респондентов назвали самосознание («ощущение, что являешься поляком»; «собственное ощущение своей национальной принадлежности») и 20,0 % – происхождение («национальные корни», «память о своих предках»). Следовательно, важность этого элемента идентификации достаточно четко осознается членами польской диаспоры г. Томска. Это же подтверждают и ответы на другие вопросы анкеты. Так, посещают польские организации (вопрос: «С какой целью Вы посещаете польские организации?»), чтобы оставаться поляком, не выезжая в Польшу, – 19 %, и хотели бы ходатайствовать о репатриации в Польшу из-за того, что невозможно оставаться поляком вне Польши 23,3 % респондентов.

Однако по документам только 39,1 % членов польской диаспоры г. Томска являются поляками; 52,0 % – русскими; 8,9 % – иной национальности: белорусы, украинцы, эстонцы. В новом российском паспорте нет графы «национальность», поэтому, вероятно, респонденты учитывали сведения, имевшие место в старых паспортах и в свидетельствах о рождении (сейчас там указывается только национальность родителей).

Явно смешанный этнический состав польской диаспоры г. Томска можно объяснить ее многовековой историей (например, польский исследователь А. Кучиньский говорит о 400-летию польской диаспоры в Сибири) [3], в нее входят уже не сами выходцы из Польши (таких единицы), а их дети, внуки, правнуки и праправнуки, которые выросли в месте поселения и которых отделяет от предков не одно поколение. В российских (в том числе и сибирских) реалиях в настоящее время основу критерия польской самоидентификации составляет лишь «сфера информированности непосредственных представителей полонийной среды об этно-исторических «корнях» собственного польского происхождения» [4, с. 33].

В настоящее время считают себя поляками уже 70,2 %; русскими с польскими корнями (дед, прадед, прапрадед, бабушка, прабабушка, прапрабабушка) – 28,1 %; иной национальностью: белорусами, украинцами (с польскими корнями) – 1,7 %.

Как видим, наблюдается несовпадение национальности, указанной в ранее имеющихся документах, и называемой при ответе на вопрос: Кем Вы себя считаете по национальности? Разница между польской самоидентификацией и документально зафиксированной польской национальностью значительная: 31,1 %. Особенно она характерна для молодежи: 18 – 19 лет, 20 – 24 года. В возрастных группах 60 – 69 лет, 70 лет и более национальная самоидентификация и документально зафиксированная совпадают, за редкими исключениями.

Отмеченное несовпадение этнической самоидентификации и документально зафиксированной связано с усилившейся в последние десятилетия

этнической идентификацией, а следовательно, и самоидентификацией поляков.

Формирование групповой этнической идентичности происходит в рамках вновь оформившейся в 1990 г. польской диаспоры с системой институтов (национальная школа, костел и при нем Воскресная школа, творческие национальные коллективы, культурно-общественные организации «Дом польский», «Белый орел», национально-культурная автономия «Томская Полония»). Основная цель диаспоральных институтов – сохранение этнокультурной идентичности – достигается посредством возрождения и сохранения польской культуры, языка и традиций.

Кроме того, немаловажную роль играет актуализация польской идентичности. Повышенное внимание журналистов, ученых, общественных деятелей, политиков, в том числе и польских, к полякам за восточной границей; издание сборников документов, книг, статей на эту тему; появление польских общественных культурных организаций, целью которых является возрождение польской культуры, – все это активизирует национальное возрождение поляков в Сибири. Этому способствует также и изменение политической ситуации в России: в СССР быть поляком было опасно, особенно в 30-е – 40-е годы XX века; в постперестроечное время быть поляком не только престижно, но и полезно, так как связи с родиной предков дают определенные дополнительные возможности: посещение бесплатных курсов польского языка, стажировки и обучение за рубежом и даже участие в материально подкрепленной программе репатриации.

Поляки начинают осознанно стремиться к своим корням, находить их и признавать: «...смешанный полиэтнический контингент ... объединяет отчетливое тяготение всех его представителей к собственной полонийной самоидентификации» [4, с. 33]. Теперь уже 70,2 % членов томской диаспоры ощущают себя поляками. Это явно свидетельствует об изменении их этнической самоидентификации, о ее возрождении. Несмотря на длительное и сложное существование в другой этнической среде полного растворения народа не произошло. Поляки помнили о своем польском происхождении, особенно поляки старшего поколения: для большинства из них (62 %) Польша – это родина предков. На волне изменений в постперестроечной России началось национальное возрождение, пробудилась «спящая этничность» [термин В.М. Дятлова. 5, с. 10].

Литература

1. Хотинец, В.Ю. Этническое самосознание / В.Ю. Хотинец. – СПб.: Алетейя, 2000. – 240 с.
2. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Раздел II [15 июня 1996 г.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/27.html>
3. Kuczynski, A. *Siberia. 400 lat polskiej diaspory* / A. Kuczynski. – Wrocław, 1995. – 436 s.

4. Шостакович, Б.С. К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем / Б.С. Шостакович // Полония в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения: материалы Международного научного симпозиума. Иркутск, 8 – 12 сент. 2004 /отв. ред. Б.С. Шостакович. – Иркутск, 2006. – С. 32 – 45.
5. Дятлов, В.М. Полония и «новые диаспоры» в современной России / В.М. Дятлов // Полония в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения: материалы Международного научного симпозиума. Иркутск, 8 – 12 сент. 2004/ отв. ред. Б.С. Шостакович. – Иркутск, 2006. – С. 8 – 16.

О ДИАЛЕКТИКЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Л. В. Котликова

Томский государственный педагогический университет

Система образования и воспитания выступает в современной истории как единство двух неразрывно связанных элементов, обеспечивающих взаимоотношения между государством (как системой управления) и обществом. Необходимость признания и изучения такого рода взаимоотношений начинает осознаваться уже в античности, со времен Платона и Аристотеля, обозначивших проблему обязательности участия государства в системе воспитания и обучения своих граждан в «нужном для себя» направлении. Понимание человека не только в рамках его биологической сущности, но и как определенного «продукта воспитания», стало исходной позицией всей педагогики, начиная с Я.А. Каменского и Д. Локка и заканчивая современными педагогическими теориями, как в России, так и за рубежом.

Следует отметить, что процесс становления и развития именно государственной системы образования и воспитания (взамен существовавшей ранее патриархальной системы), приходится на период Нового времени. Он обусловлен теми изменениями в общественном производстве, которые связаны с зарождением капиталистических отношений в истории человечества. Именно эти отношения сменили гуманистические воззрения эпохи Возрождения (всестороннее развитие всего, заложенного в человеке) на иную культурную парадигму: «человек есть продукт воспитания и обучения».

Начиная с данного периода, то есть на протяжении нескольких веков, и выстраивалась вся западноевропейская система образования и воспитания. Она путем «естественного отбора» преодолевала все сложности и трудности как чисто педагогического плана (например, конфликт между традиционной и реформаторской педагогикой), так и социального плана (например, массовые выступления молодежи в 1960–х гг.).

Можно выделить ряд основных моментов, характеризующих сложившуюся систему отношений государства и общества в сфере образования и воспитания в западноевропейской (да и американской) традиции.

- ✓ Прежде всего, складывавшаяся система образования и воспитания не закреплялась под управлением только со стороны государства. Государство, в первую очередь, взяло на себя обязательства разработки системы социальной поддержки в сфере образования (достаточно объемная система социальной работы в школе). Университеты, как экономически самостоятельные организации, а также частные образовательные учреждения вполне естественно дополняют сложившуюся систему в сфере образования и воспитания.
- ✓ С самого начала, система образования выполняла заказ развивающегося производства и общества, то есть, готовила конкретные кадры по конкретным специальностям для конкретных производственных (или общественных) нужд.
- ✓ Потребность в образовании социальных «низов» долгое время дискутировалась в обществе и решалась не на уровне тех или иных государственных актов (дать всем и сразу равное образование по единым государственным стандартам), а на уровне потребностей того же производства: массам дать столько образования, сколько требуется для развития этого производства. То есть ставилась конкретная задача подготовки квалифицированных исполнителей для функционирования производства и иных сфер жизнедеятельности общества.
- ✓ Учитель, становясь проводником той политики в системе образования, которая была определена государством, становится государственным служащим с достойным материальным обеспечением и социальным положением.
- ✓ Основным «воспитательным» принципом прагматической педагогики становится утверждение о том, что учение это не усвоение и запоминание, а, прежде всего, ориентация в конкретных жизненных ситуациях. Поэтому, задача школы «культивировать успех, удачу индивида, необходимые для его самоутверждения».
- ✓ Потребность в высококласных специалистах, как правило, удовлетворяется за счет «покупки мозгов» со стороны (что значительно проще, дешевле и безопаснее для общества).
- ✓ Особо отметим, что именно в стремлении найти баланс в существующей социальной диспропорции возможностей для массового получения высшего образования, в педагогику **внедряется** мотив о разности интеллектуальных способностей, (а не социальных возможностей) людей, закрепляется система тестирования этих способностей и распределение по результатам тестирования в разные типы учебных заведений.
- ✓ Быстро меняющееся общество и стремительно расширяющееся производство в век современной НТР предъявили еще один заказ к системе образования. Обеспечивать в сжатые сроки переподготовку кадров по тем или иным, востребованным в данный момент, профессиям. И такая система переподготовки успешно была выстроена.

Особо подчеркнем, что выстраиваемые на Западе столь продолжительное время взаимоотношения общества и государства в сфере образования и воспитания приобрели определенные черты системы, понятной всем членам общества и принимаемой (в той или иной степени) всеми членами общества.

Совершенно иную картину можно увидеть в сфере образования и воспитания и во взаимоотношениях государства и общества в данной сфере в современной России. Прежде всего, мы не можем рассматривать всю историю возникновения и развертывания системы образования в России как единый неразрывный процесс, поскольку сама историческая судьба России связана с радикальными ломками общественных отношений. Но для понимания тех процессов, которые происходят сегодня в российской системе образования, и тех задач и решений, которые принимаются сегодня в плане реформирования этой системы, важно подчеркнуть одну деталь. Система образования и воспитания за 70 лет советской власти приобрела в СССР именно **системный** характер: воспитание в дошкольном, школьном и вузовском обучении, а также подготовка и распределение кадров выстраивались в единую цепочку, понятную для общества, экономики и государства в целом. Главная задача, стоявшая перед всей этой системой была достаточно ясной и внятной: **серийная подготовка качественных специалистов для плановой экономики**. Иначе говоря, система образования не рассматривалась как чисто отраслевая проблема, а решалась, развивалась, и распадалась вместе со всем обществом.

Те политические, экономические и социальные реформы, которые так сложно и неоднозначно переживала (и продолжает переживать) Россия с начала 90-х годов 20 века напрямую касались и сферы образования, хотя о ее реформировании официально начали говорить не так давно. Можно уже определить и ряд проявивших себя особенностей современной «системы» образования и воспитания:

- В современной России, система образования, несмотря на появление частных учебных заведений разного уровня, остается жестко регламентированной со стороны государства. Именно государство через всякого рода образовательные стандарты (от перечня дисциплин, отводимых часов для тех или иных предметов, учебных пособий, дипломов государственного образца и т.д.) и систему финансирования определяет сегодня политику в системе образования.
- В то же время, все те явления, которые взрастила в себе сама система образования, фактически брошенная государством в последнее десятилетие прошлого века и выживавшая самостоятельно (кто как смог) разорвали системность всех ее звеньев. Именно этот период связан с резким падением качества высшего образования, поскольку «зарабатывание» внебюджетных средств происходило через предоставление возможности за деньги учиться в вузе любому, даже не обладающему соответствующими для этого способностями.

- Более того, все предлагаемые сегодня реформы в системе образования в большей степени рассматриваются именно отраслевой, а не государственной задачей (несмотря на противоположные заявления со стороны разработчиков этих реформ и существование национального проекта «Образование»). Иначе говоря, предложенные шаги реформы, как представляется, не учитывают существующие на сегодняшний день экономические и социальные реалии: это касается финансовых и экономических возможностей; не выстроенной цепочки взаимодействия и заинтересованности «Бизнес – Вуз»; «болезненно» повышенный интерес к высшему образованию в сознании граждан и т.д.
- Взамен рухнувшей плановой экономики, (предъявлявшей свои требования к системе образования), выстраиваются новые рыночные отношения (во многом еще не понятные обществу) и пока не обеспечивающие своих внятных требований к системе образования о желаемой подготовке необходимых новой экономике квалифицированных исполнителей. Поэтому система вузов по прежнему готовит «специалистов», которые не могут трудоустроиться по полученной специальности.
- Вне конкретных заказов со стороны государства и экономики вузы начали самостоятельно решать эту проблему за счет расширения «модных» и «престижных» в сознании общества специальностей. Сегодня, в классификаторе специальностей в России около 600 наименований, в то время как в международном сообществе их около 80 [1, с. 7]. Узкая, профессиональная нацеленность получаемой студентом специализации не дает ему в будущем мобильности ни в сознании, ни в возможности перехода из одной специальности в другую.
- «Новации» со стороны государства в системе оплаты труда преподавателей школ и вузов коренным образом изменили моральный климат коллективов. Чувство неудовлетворения, зависть к более успешным (в материальном плане) коллегам, недоверие к руководителям и т.п. разъедают сознание современного педагога. Деморализованный воспитатель не способен выполнять основную свою задачу: «сеять доброе, разумное, вечное».

Продвижение заявленных государством реформ в сфере образования и воспитания в России приведет к окончательной разбалансировке этой системы. Уже сейчас можно выделить ряд очевидных моментов, которые подтверждают хаотичность решений со стороны государства в сфере образования и воспитания:

– В 90 – е годы прошлого века, когда началась перестройка общественных отношений в России, не смогла «выжить» и практически исчезла система подготовки квалифицированной рабочей силы (училища, техникумы). Сегодня отсутствие этих кадров уже начала ощущать экономика. Ставится очередная задача – сделать профессиональное обучение приоритетом новой образовательной политики.

– В эти же годы государство заявило, что всеобщее среднее образование в России становится не обязательным, достаточно будет и неполного среднего. Когда общество вплотную столкнулось с растущей неграмотностью, а в армию пошли неграмотные призывники (прежде всего из села), государство пересмотрело свое решение. Вновь принят закон об обязательном среднем образовании.

– До недавнего времени была установка на закрытие малокомплектных сельских школ, как не обеспечивающих качество образования. Сегодня «вдруг» выяснилось, что в России из 59 тысяч школ почти 40 тысяч сельских, где учится 4 миллиона человек [1, с. 7], и что «село без школы умирает». Решение пересматривается.

– Вузовское образование за последние 15 лет самостоятельно практически вдвое «расширило» себя за счет платного обучения (как правило, без расширения своей материальной учебной базы), работая по старому заказу подготовки специалистов. Но сегодня «вдруг» выяснилось, что половина выпускников вузов работает не по специальности [1, с. 12]. Да и «качество» многих специалистов оставляет желать лучшего. Более того, как отметил ректор Государственного университета – Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов, сегодня повышают квалификацию своих сотрудников все 100 % предприятий. Ставится очередная задача о сокращении численности вузов.

– После продолжительных и жарких дебатов в педагогическом сообществе (и не только) о введении ЕГЭ, это нововведение становится обязательным для системы образования в России, начиная с 2009 года. Предполагается через ЕГЭ снизить коррупцию при поступлении в вузы; дать равные возможности для поступления в элитные вузы всем талантливым детям; и выполнить правила вступления в Болонскую систему образования. Но уже сегодня, под тем или иным предлогом, ряд элитных вузов выведен за рамки «единой» системы оценки через ЕГЭ. Вероятнее всего, спустя определенное время может также «вдруг» обнаружиться, что 40 тысяч сельских школ, да и школы малых городов не смогут конкурировать в подготовке детей к ЕГЭ с областными или столичными образовательными учреждениями. А система высшего образования начнет «съезживаться» до пределов «Садового кольца». И снова потребует пересмотр решения.

– Сегодня, число занятых в науке по сравнению с 1990 г. сократилось на 60 % (до 800 т. человек). Всего 13 % в науке составляет самый плодотворный возраст исследователей 30 – 39 лет. Причем научные учреждения, становясь «хозяйствующими субъектами», увеличивают удельный вес вспомогательного персонала, сокращая численность исследователей [2, с. 14]. Расширение системы аспирантуры привело к тому, что в науку «пошел середняк», поскольку талантливые молодые люди пытаются найти признание и оценку (в том числе и материальную) своему таланту за рубежом. Как известно, без науки современное общество не может рассчитывать на ускоренные темпы своего развития.

– И, пожалуй, самое главное. Объявленное реформирование системы образования никак не связано с разработками новых технологий в системе образования, способных изменить ее содержание.

Литература

1. Российская газета. – № 42. – 2009.
2. Российская газета. – № 44. – 2009.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: ОСОБЕННОСТИ РОССИИ

Е. А. Кулеш

Томский государственный университет

Партийные системы различных государств отражают и представляют национальные интересы. Сегодня является общепризнанным тот факт, что партийная система обусловлена особенностями развития конкретного государства. Там, где кризисы государственного строительства разрешались достаточно мирно, возникали стабильные и эффективные системы [1, с. 171]. В некоторых политических системах продолжают отражаться на партийной системе те противоречия, которые не были разрешены.

Самое распространенное объяснение подобного становления партийной системы принадлежит американскому ученому Сеймуру Мартину Липсету и норвежцу Стейну Роккану. Они выделили четыре конфликта, которые оказали в свое время воздействие на становление партийной системы: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими [1, с. 171]. Процессы разрешения конфликтов породили революции: национальную революцию – вследствие конфликта между центром и периферией и государством и церковью; промышленную революцию – вследствие конфликта между городом и селом и собственниками и рабочими.

Одним из старейших политических конфликтов является противостояние между центром и периферией, которое особенно остро проявилось в ходе образования национальных государств. Данный конфликт характеризуется борьбой между коренным населением и теми, кто завоевывает их территорию, между главным городом страны и остальными населенными пунктами. Однако в тех странах, где присутствуют трения разных этнических группировок, конфликт находит отражение в структуре партийной системы. В Великобритании, Испании, Канаде большинство «третьих» партий носят региональный характер.

В России, в период становления партийной системы 1990-х годов, региональные партии были важными составляющими политического процесса. Но в процессе укрепления вертикали власти все региональные политические организации были либо включены в федеральные партии, либо их

деятельность была приостановлена. Вспомним избирательный блок «Отечество – Вся Россия», который на выборах 1999 года в Государственную думу представляли интересы региональных элит, а позже явился одним из ключевых субъектов в процессе образования партии «Единая Россия».

Конфликт государства и церкви особенно четко проявляется там, где в свое время церковь пыталась с использованием силы утвердить свои позиции. Это касается стран, в которых совместно проживают протестантская и католическая церкви, чьи взгляды на свое место в политике полностью противоположны. Несмотря на то, что население современной Европы не религиозно, в некоторых странах эти партии продолжают играть ведущие роли (например, ХДС/ХСС в ФРГ и Христианско-демократический призыв в Нидерландах) [1, с. 172].

Подобный конфликт в России мало заметен вообще, и вряд ли он мог отразиться на партийной системе страны. Так получилось по причине отсутствия масштабного противостояния протестантов и католиков, во-первых, и длительного существования коммунистического режима, отрицавшего всякую религиозность, во-вторых.

Что касается противоборства города и села, то по замечанию Липсета и Роккана, это явилось следствием промышленной революции, а потом и усилением различий. В данном случае речь идет не только о праве на собственность, но и соответственно праве одного подчинить себе другого. По причине долгого существования в России крепостничества, крестьяне не обладали способностью отстаивать свои права на собственность в том числе.

Последний, и наиболее заметный и по сей день раскол, представлен собственниками и рабочими. Это противоборство привело к возникновению социалистических партий, чью роль в истории общества нельзя не преувеличить. Характер этих партий зависел от того, насколько руководство страны отвечало на их требования. В странах, где элита разрешала политические свободы, партии социалистического толка занимали умеренные позиции. В противном случае деятельность движений рабочего класса принимала антисистемный характер.

Становится понятным, что только в комплексе возможно воздействие конфликтов на партийную и политическую систему в целом. Важно учитывать и то, как эти конфликты влияли друг на друга. Все это происходило в течение многих лет, поэтому о влиянии базовых конфликтов на партийные системы мы можем говорить только относительно развитых политических систем. Что же касается развивающихся в данный момент систем, то перечисленные конфликты либо не применимы вовсе, либо должны анализироваться в совокупности с новыми конфликтами.

Указанными выше достоинствами обладает теория «проблемных измерений» (issue dimensions). Под «проблемными измерениями» понимают «комплексы проблем, служащих источниками значимых политических разногласий в том или ином обществе» [1, с. 175]. В современной литературе выделяют семь таких измерений: культурно-этническое, религиозное, город

– село, социально-экономическое, поддержка режима, внешнеполитическое и постматериалистическое. Каждое из этих «проблемных измерений» обусловлено историческим фактором, экономическими условиями и наличием разных этнических и религиозных групп в одном государстве.

Не удивительно, что во многих партийных системах, кроме партий общенациональных интересов присутствуют еще и партии, выражающие интересы отдельных социальных, профессиональных слоев общества [3, с. 18]. Несколько лет назад и в России предпринимались попытки создать такие партии, например, Партия пенсионеров или «Аграрная партия России». Но эти партии постигла та же участь, что и многие региональные партии. Первая вошла в новую объединенную из нескольких партий «Справедливая Россия», а роль второй в политическом процессе постепенно сводится на нет.

И все же, каково должно быть число партий, чтобы система функционировала четко? На этот счет наиболее разработанным является предложение Аренда Лейпхарда по вычислению количеств «проблемных измерений». Результаты его исследования показали наличие корреляции между количеством «проблемных измерений» и «эффективным числом партий». Можно сказать, что в зависимости от количества «проблемных измерений» находится количественная характеристика партийной системы. При неполном представительстве расколов современного общества мы можем говорить об ущемлении интересов части населения, а значит и о неполноценной партийной системе.

Для нас все рассмотренные выше расколы интересны тем, что с их помощью партии формируют свои программы. Партийные системы можно представить как рынок, в котором действует не только разделение труда, но и производство партиями различного товара. Выбирая ту или иную программу, общество определяет будущий курс страны. А вот все эти программы строятся на основе различных идеологий, на которые в свою очередь влияют рассмотренные ранее расколы и «проблемные измерения». В каждом обществе на основе своих расколов формируются свои идеологии, отличающиеся по некоторым параметрам от тех же идеологий в других странах. Именно процессом создания партиями проектов общественного развития знаменуется начало истории партийных систем в целом, когда каждая партия представляет интересы отдельных граждан.

Таким образом, главной областью становления партии является ее идеология. От того, насколько удачный проект сможет предложить партия, зависит и все остальное: удастся ли реализовать претензии на роль выразителя интересов социальной группы, рекрутировать представителей населения в свои ряды или нет [2]. Иначе партия так и останется политическим маргиналом. Опять же заметим, что если в стране не существует каких-либо серьезных размежеваний по определенному параметру, то строить на его основании идеологию будет бессмысленно, так как ее никто не будет поддерживать.

Все разнообразие проектов общественного развития укладывается в поле, которое называется идейно-политическим спектром. У этого спектра имеется определенная система координат. Вообще же политический спектр – «это схематическое представление политических идей и убеждений, идеологических позиций политиков, партий и движений» [5, с. 313]. В западной науке наиболее распространенным является обозначение такой системы как «правый фланг», «левый фланг» и «центр». Отметим, что четкого значения у понятий «левый» и «правый» до сих пор нет. В общем виде идейно-политический спектр иллюстрирует различия в отношении к экономике и роли государства: левые отстаивают принципы вмешательства в экономику и идеал коллективизма, а правые отдают предпочтения ранку и индивидуализму. То есть левыми мы можем назвать коммунистические партии и движения, а правыми – прогрессистов либералов. Однако при более детальном историческом анализе мы увидим, что в действительности скрывается за понятиями «левый» и «правый».

Так, крайне «левый фланг» представляли изначально революционные романтики, чьим идеалом был проект общественного устройства, где бы царили свобода, равенство, братство. А основными своими методами они считали дарование прав, прогресс и реформы. На «правом фланге» располагались революционные романтики, отрицавшие любые нововведения. В качестве ценностей они отмечали иерархию, порядок, традиции и обязанности. То есть на «правом фланге» располагались скорее консерваторы, а позже его заняли фашисты, а вовсе не либералы как это принято считать в России. И пусть некоторые исследователи партийных идеологий применяют относительно характеристики партийной системы такую классификацию партий [4, с. 39], мы откажемся от подобного параметра классификации.

Партийные системы стран Западной Европы, где такая классификация часто применима, складывались постепенно, реагируя на изменения, как в структуре общества, так и на трансформации политических институтов. Поэтому появление в идейно-политическом спектре нового течения не вело за собой полное изменение структуры этого спектра. В современной России подобные изменения носили более глубокий характер. После более чем семидесяти лет господства на политической арене коммунисты не могли не превратиться в консерваторов и реакционеров. Либералы в свою очередь с их неприятием того режима стали революционерами-романтиками. Получается, что коммунистов в данном случае стоит квалифицировать как крайне «правые», а либералов, отстаивающих тогда необходимость коренных реформ «левыми» [2]. В ходе проведения реформ начала 1990-х годов либералы настаивали на том, что их курс единственно верный для страны, а значит именно их «дело правое». Последний лозунг ввел в неразбериху не только российское население и журналистов, но и ученых, которые с тех пор стали называть либеральные партии – «правыми». Исходя из всех выше указанных сложностей, мы, в след за Ю.Г.Коргунюком, будем употреблять

более конкретные понятия: реформисты, антиреформисты, демократы, либералы, коммунисты, державники, национал-патриоты.

Сила представительства той или иной идеологии зависит от степени развитости конкретного общества. Для стран с недостаточно зрелым гражданским обществом характерна политическая поляризация. Причем поддерживают такие полярные силы государственная власть с одной стороны, и «низшие классы» с другой. Что касается основных идеологий, представляемых партиями, то они в разных странах представлены собственным набором. И все же трех основных идеологий стараются придерживаться в своих программах большая часть партий.

Однако, все это происходит в тех партийных системах, где сформированы все основы в течение длительного времени. В России же, вследствие спешного образования партийной системы, партийные идеологии имеют некоторые специфические характеристики. Во-первых, это освоение и использование основных мировых идеологий в «чистом виде» («Яблоко», СПС). Во-вторых, это попытки коррекции «старых» идеологий в соответствии с новыми политическими реальностями (КПРФ). В-третьих, движение по пути симбиоза, способного дать благоприятный идейно-политический результат (ряд социально направленных политических организаций, например, «Справедливая Россия»). И, в-четвертых, инициативы по освоению новых для современных условий России идеологий, которые востребованы жизнью (консервативная платформа партии «Единая Россия»).

Литература

1. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. – 368с.
2. Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: ИНДЕМ, 1996. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_1.htm, свободный
3. Полунина Г.В. Многопартийность как сумма и как система партий// Власть. – 2003. – №12. – С.16–18.
4. Тимошенко В.И. Доктрины российских политических партий // Вестник МГУ. Серия 12. – 1995. – № 2 – С. 39–49.
5. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов/ Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю.Бельского. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2005. – 544с.

ПОНЯТИЕ «ЛЮБОВЬ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ – МНОГОЗНАЧНОЕ ИЛИ ОЧЕВИДНОЕ

К. С. Луканова

Томский государственный педагогический университет

Любовь – это удовлетворенный ответ на проблему человеческого существования, ибо в любви человек находит единение с окружающим его миром, единение с людьми. Любовь – тот самый ключ, освобождающий чело-

века из собственной тюрьмы одиночества, в которой он был лишен подлинной жизни и не был бы способен действовать эффективно и понимать адекватно других и самого себя. Несомненно то, что каждый человек, независимо от пола, возраста, статуса, семейного положения и других обстоятельств понимает слово «любовь» по-своему и вкладывает в него свой смысл. Но думаю, что с вышесказанным понятием согласится каждый, каждый найдет в нем что-то подходящее для него. Помимо трактовки самого понятия есть ещё много интересных и спорных вопросов, касающихся любви. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что вкладывают в понятие «любовь» представители разных поколений, чем отличаются их восприятие и отношение к любви друг от друга? А как взаимосвязаны друг с другом такие понятия, как «семья» и «любовь» и насколько важны чувства для укрепления брачных уз? И то, как современный человек относится к гражданскому браку?

Попытка ответить на эти вопросы была предпринята в ходе социологического исследования, которое получило название: «Понятие «любовь» в современном мире – многозначное или очевидное». Для начала хочу отметить, что проводимый опрос, несмотря на банальность и простоту тематики с первого взгляда (а среди рассмотренных мною исследований схожей проблемы я не нашла), вызвал интерес, причем как среди молодежи, так и среди представителей старших поколений (респонденты от 40 до 50 лет).

Объектом данного исследования были мужчины и женщины города Томска в возрасте от 20 до 50 лет. Целью исследования было рассмотрение взглядов разных поколений на жизнь, выявление их отношения к ценностям на примере любви. Для достижения поставленной цели были определены три основные задачи:

- а) проанализировать, насколько схожи/различны ценности старшего и младшего поколений через категорию любви; определить, что есть любовь для поколения современных студентов и поколения их родителей;
- б) выявить, насколько связаны друг с другом понятия «любовь» и «семья» (необходимость их совместного существования);
- в) определить, отношение представителей поколений к гражданскому браку (оценить степень важности существования чувств в нем).

Мною была выдвинута гипотеза о том, что в современном мире взгляды поколений относительно любви расходятся, т.е. старшее поколение рассматривает любовь, как более очевидное, младшее – все-таки многозначное. Так или иначе, эти вопросы волнуют современного человека, а обратное мнение – лишь результат поверхностного и непродуманного наблюдения. В результате же, выдвинутая мною гипотеза оказалась частично ложной. Согласно данным, полученным в ходе опроса, большинство респондентов (независимо от возраста) рассматривают слово «любовь» как многозначное – 66 %. В доказательство этого приведу фразу Наполеона I: «Любовь для праздного человека – занятие, для воина – развлечение, для государя – подводный камень» [1, с. 151]. 21 % опрошенных, выбирая противоположный вариант отве-

та, считают наиболее важными для себя любовь либо к детям, либо к родителям, либо к жене/мужу. И к удивлению, есть еще такая группа, которая считает, что слово «любовь» скоро потеряет всякий смысл (считают данное понятие далеким, чужим, несовременным) – 13 %.

Исходя из результатов исследования, мне удалось добиться цели, поставленной изначально, и решить ряд задач, определяемых этой целью. Как оказалось, слово «любовь» входит в ряд жизненных ценностей младшего и старшего поколения – 92 %. 8 % затруднились ответить и никто (!) не ответил, что любовь для него не является жизненной ценностью. Это говорит о том, что, несмотря на время, расстояние и другие обстоятельства любовь была, есть и будет неотъемлемой частью человеческого существования. Как сказал Э. Берн: «Любовь – наиболее полное и наиболее благородное из всех отношений и включает в себя самое лучшее из всех остальных отношений: уважение, восхищение, страстность, дружбу и интимность» [2, с. 83].

Но в то же время мною была отмечена такая тенденция, согласно которой 45 % респондентов редко говорят слово «люблю» своим родственникам, друзьям, детям. И только 24 % говорят это слово очень часто. Я пришла к выводу, что причиной данного явления служит не отсутствие этого чувства как такового, а чисто психологический фактор, то есть далеко не каждый человек сможет признаться в своих чувствах, особенно периодически напоминать об этом. Но это еще не говорит о том, что чувств таких он не испытывает.

Как бы то ни было, рассматривая детально точки зрения представителей разных категорий, легко установить то, что приоритеты расходятся. Ещё И.Гурьянов [3, с. 214] утверждал: «Любовь на всякий возраст имеет свои страдания». Итак, поколение от 20 до 30 выбирает любовь к молодому человеку/девушке, друзьям, развлечениям; поколение от 30 до 40 склонно любить мужа/жену (68 %), работу, родителей (87 %); ну а «старшие» представители превыше всего ценят детей (55 %) и различного рода хобби.

Двигаясь дальше, мною были рассмотрены в тесной связи такие понятия, как «любовь» и «семья». С уверенностью хочу сказать, что для большинства опрошенных эти понятия неразделимы. Из всей опрошенной массы можно выделить самую стабильную группу. Это – люди, которые, несмотря на малое количество времени, успевают проявить чувства по отношению к семье (45 %), и, которые ради любви не переступят через семью ни при каких обстоятельствах (50 %). Итак, если кто-то думал, что выражение «семья – ячейка общества» давно утратило свою актуальность, он ошибся. Идут годы, меняются ценности, идеалы, потребности людей, а семья остается высшим даром, которым может быть наделен человек.

Еще одну часть своего исследования я посвятила рассмотрению отношения респондентов к гражданскому браку и браку без любви. Как оказалось, 65 % участников опроса положительно относятся к гражданскому браку (преимущественно – от 20 до 40 лет) и 66 % не считают полноценным брак без любви. Вывод таков, что для большинства современных лю-

дей только сильные, проверенные, крепкие чувства могут лежать в основе брака. И для того, чтобы проверить серьезность этих чувств, заложенных в отношениях, респонденты предпочитают вступать в гражданский брак. Ведь создание семьи – серьезный ответственный шаг в жизни каждого человека. По этому поводу М.Твен говорил: «Ни один человек не способен понять, что такое настоящая любовь, пока он не проживет в браке четверть века» [4, с. 136].

Подводя итог в своей работе, я утверждаю, что тема любви никогда не переставала волновать человечество. Несмотря на то, что в каждом обществе есть представители, для которых любовь не является духовной ценностью, именно чувства движут многими поступками людей. Просто не каждый человек задумывается над причинами своего поведения в той или иной ситуации, хотя на подсознательном уровне понимает, что он руководствуется чувствами. Большую роль здесь играет и общественное мнение, сильный вес которого нельзя отрицать. Любовь для современного человека – многозначное понятие, стоящее в ряду человеческих ценностей на одном из первых мест, тесно связанное с такими, не менее важными составляющими человеческого благополучия, как семья и брак.

Литература

1. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм – М., 1990. –159 с.
2. Берн, Э. Секс в человеческой любви / Э. Берн – М., 1998. –352 с.
3. Ивин, А.А. Философия любви / А.А. Ивин – М., 1990. – 510 с.
4. Васильев, С.А. Психология любви / С.А. Васильев – М., 1992. – 336 с.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ

О. В. Малюгина

Томский государственный педагогический университет

Роль языка в конфликте, особенно если речь идет о межэтническом конфликте, очевидно велика, а порой является ведущей. Язык может служить причиной этнического конфликта. Во многих формах, в которых этот конфликт выражается, начиная с индивидуального поведения и кончая общественно-политическими выступлениями, движениями за отделение вплоть до насильственных столкновений), роль языка, особенно на межличностном уровне, огромна. И именно с помощью языка конфликт зачастую решаем. Здесь имеется ввиду и собственно ведение переговоров, и то, что любые достигнуты в их процессе результаты люди стремятся закрепить в слове при помощи договора.

Языковой фактор в определении понятия этноса и принадлежности к нему зачастую оказывается решающим. Так, например в полиэтническом или многонациональным государстве, которое признает себя таковым, эт-

нические группы могут устанавливать свою тождественность на основе языка (как в Бельгии и Швейцарии).

Таким образом, понятия межэтнического конфликта и языка оказываются чрезвычайно тесно связаны, эти связи множественны. Поэтому для дальнейшего рассуждения о них является необходимым ввести определенные основания анализа. В качестве опорных для конфликтологии понятий, среди прочих, учеными выделяются два понятия – «предмет конфликта» и «объект конфликта». «Предмет конфликта» – объективно существующая или мыслимая (воображаемая) проблема, служащая причиной раздора между сторонами. Как правило, для того, чтобы найти пути разрешения конфликта, необходимо определить его предмет, что представляется весьма сложным из-за сложности и запутанности его предыстории (как очень часто бывает с этническими конфликтами), и вследствие чего нельзя ограничиваться лишь решением текущей проблемы, нужно выстроить всю цепь событий и ситуаций, спровоцировавших конфликт. Таким образом, зачастую конфликты распадаются на множество частных предметов.

«Объект конфликта» – конкретная причина, мотивация, движущая сила конфликта. Однако конфликт может и не иметь объекта. К таким безобъектным конфликтам зачастую относятся конфликты, возникающие, что называется на пустом месте, а не вследствие конкуренции, реального противоречия в интересах сторон-участников конфликта, ни один не контролирует какую-либо ценность, но при этом возникают помехи. Чаще всего такие безобъектные конфликты возникают на межличностном уровне, между конкретными людьми, вследствие недопонимания. Формы их проявления многообразны: вспышка гнева, оскорбления, от неконтролируемых действий до депрессии. Как правило, эти последствия имеют вербальные, языковые выражения.

Определение роли языка в возникновении межэтнических конфликтов, а также попытка типологии межэтнических конфликтов на основании того, является ли язык предметом или объектом конфликта являются основой данной работы.

Существует несколько теорий, объясняющих причины этнополитических конфликтов на основе изучения опыта, накопленного в разных регионах мира. Различаясь по масштабам, социальному значению, происхождению, «возрасту», напряженности, этнополитические конфликты имеют одну «конечную природу», способствующую этнической мобилизации. Их глубинные корни – это нарушение прав той или иной нации или этнической группы, справедливости и равноправия в межнациональных отношениях. Первым в данной типологии выступает конфликт, вызванный экстралингвистическими причинами, например, длительным экономическим и политическим угнетением одного народа другим. Язык является здесь либо одним из нескольких предметов конфликта, то есть помимо желания иметь свою территорию, свободно исповедовать свою веру и т.д. естественным желанием любого народа является право пользоваться родным языком. И

отстаивая его, народ вступает в межэтнический конфликт. Все конфликты данного типа – это конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера: происходившие в прошлом войны, произвольно установленные границы между национально-территориальными образованиями, ошибки и промахи в национальной политике, дискриминации, обиды, унижения, нанесенные народам.

Такие конфликты часто основным предметом имеют территориальные споры, тесно связаны с воссоединением раздробленных в прошлом этносов. Примеры такого типа – конфликты в Нагорном Карабахе, национальное движение лезгинов в Азербайджане и др. Сюда же относятся конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов, например, движение немцев России и СНГ за восстановление государственности в Поволжье.

Язык при данном типе конфликтов может выступать одновременно и объектом конфликта. Иллюстрацией служат многочисленные конфликты, вызванные дискриминацией русскоязычного населения в странах СНГ и Балтии.

Вторым типом межэтнических конфликтов на основании предметно-объектной характеристики по отношению к языковым факторам конфликта являются конфликт, вызванный межязыковым недопониманием, то есть имеет языковую природу, а не экстралингвистическую, как предыдущий тип. По сути, язык зачастую является здесь только объектом конфликта.

Предмет при этом конфликте может отсутствовать вовсе. При устранении недопонимания конфликт исчерпывает себя, стороны не испытывают претензий. Как бы не было странно на первый взгляд, часто такие конфликты возможны и между носителями близкородственных языков, поскольку слова, имеющие схожий звукотип имеют неодинаковые, и даже противоположные значения (например, *na pewno* в польском языке означает стопроцентную уверенность в чем-либо, в украинском *напевно* – вероятность чего-либо).

Однако этот тип конфликта не так прост и связан не только с лингвистическими факторами и забавными случаями из жизни начинающих изучать иностранный язык, но и с понятием менталитета и языковой картины мира. Именно «ментальность, или менталитет определяет мировоззренческую структуру сознания, те глубинные формы мирозерцания, которые определяются категориями и формами родного языка» [2, с. 115]. В таком случае объектом конфликта остается языковой фактор (вербальная или невербальная коммуникация), а предметом становится разница в оценке происходящего сторонами и уверенность в собственной правильной позиции. Человек, в какой-то степени владеющий языком, но в недостаточной мере знакомый с историей и культурой народа, говорящего на нем, непременно сталкивается с коммуникативными проблемами, могущими повлечь за собой конфликт, необходима **аккультурация** – «усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и

ценностей другой культуры» (Верещагин, Костомаров). Этот межэтнический конфликт одновременно является коммуникативным конфликтом, «это результат особого типа общения, это особое состояние коммуникативного акта, это результат особого речевого поведения» [3].

Посмотрим для сравнения описание двух типов национального коммуникативного поведения. По утверждению Я.Лехтонена, «для финнов характерны следующие основные черты: «говорят только тогда, когда есть, что сказать; молчание является нормой в общении; пассивная стратегия при получении информации; уважение к суверенности, к мнению другого человека; длинные дискурсивные паузы; настороженное отношение к незнакомым, в том числе к иностранцам; выраженное стремление контролировать правильность речи на иностранном языке» [1, с. 47.]. «Для русского общения также характерна открытость в выражении своего несогласия, в отличие от других культур (английской, японской и др.), где всячески скрываются разногласия. Анализ русских пословиц и поговорок позволил установить, что опыт народа одинаково оценивает эффективность насилия и согласия в разрешении противоречий социального взаимодействия. В обыденном же сознании не сформировано отрицательного отношения к насильственному способу разрешения проблем. Русскому коммуникативному поведению не свойственно невмешательство, или недопустимость несанкционированного вторжения в личную жизнь собеседника; русское коммуникативное поведение характеризуется тем, что русский считает возможным вмешаться в разговор незнакомых людей, перебивать будучи сторонним наблюдателем разговаривающих людей, легко заговаривать с незнакомым человеком на улице или в магазине, предупреждать об опасностях или сообщать об опасностях. Русские в самых различных ситуациях могут стремиться регулировать поведение людей, открыто предъявлять претензии, требовать соблюдения правил, настаивать на своей правоте, делать замечания и давать указания «Уступите старушке место», «Немедленно помирись (детям)», «Девушка, какая у тебя короткая юбка», «Я же говорила» и т.п.» [1, с. 43]. Бесконфликтное общение между представителями этих двух народов, конечно же, возможно, но диалог может сложиться не так быстро, как если бы общались носители одной ментальности, а может произойти конфликт и успешная коммуникация не состоится вовсе.

Этот вид конфликта тесно связан лингвистическо-психологическим понятием коммуникативной компетентности, определяющим особенности коммуникативного поведения каждого человека. Каждый человек, живущий не в вакууме индивидуален и самоценен, но он является частью общности, социума, и поэтому его поведение, в и особенно коммуникативное и речевое, во многом определено традициями той местности, страны, где он родился, рос, воспитывался. С детских лет человек впитывает особенности национальной культуры, формируется его мировоззрение, отношение к окружающим и с окружающими. Эти отношения складываются в зависимости от того, насколько верно он усвоил нормы и правила поведения в данном

социуме, как он их применяет на практике. Вступая в коммуникативный акт личность должна обладать конкретными знаниями, навыками и умениями (т.е. иметь коммуникативный опыт, или обладать коммуникативной компетенцией), тогда будут достигнуты коммуникативные цели. «Составляющими коммуникативного опыта будем считать совокупность представлений о путях и способах, действиях и инструментах обеспечения кооперации в общении, достижения коммуникативной цели (или некой совокупности подобных целей), реализации выбранной коммуникативной роли. Эту совокупность назовем **коммуникативной компетенцией**, а наличие такого опыта у конкретной личности – **коммуникативной компетентностью**. Поэтому когда мы говорим о речевом поведении, мы никоим образом не сводим его успешность к культуре речи».

Следующий тип конфликта как бы синтезирует два предыдущих. В его основе лежит экстралингвистический фактор, а именно длительные и непростые отношения двух народов, и основным предметом является экономически невыгодная для одной из сторон ситуация. Одним из вероятных объектов может выступать языковой фактор. Но, в отличие от предыдущего типа, речь идет не о недопониманию по незнанию и недостатке компетенции, это сознательное непонимание и неприятие. Язык в данном случае маркирует «чужого», будь то язык другой национальности или твой же, но искаженный акцентом.

Так же, как глубокий экономический кризис, охвативший страны СНГ и Балтии после распада СССР, сопровождался социально-политическим кризисом и обострением межнациональных отношений, возникновением этнополитических конфликтов (виновниками), «козлами отпущения», как правило, оказываются представители не «своей» национальности, из-за которых якобы возникли все беды, и которые «мешают» титульному населению самоутвердиться, жить обеспеченно и самобытно. Так, в Грузии говорят, что во всем виноваты абхазы, осетины, русские, в Азербайджане – армяне, в Прибалтике и Молдове – русские), так же сегодняшняя непростая экономическая ситуация в мире порождает очередную волну межэтнических конфликтов, когда предметом конфликта являются материальные ценности, но объектом становятся язык. Речь идет о недовольстве большей части населения обилием гастарбайтеров, трудовых мигрантов. По официальным данным, которые не полностью соответствуют действительности, поскольку подавляющее большинство гастарбайтеров работает нелегально, на 26.06.2008 количество нелегальных мигрантов в России составляло 5 миллионов человек. И этот поток гастарбайтеров в Россию увеличивается. Правда, вместе с дефицитом трудовых ресурсов, который уже сегодня составляет сотни тысяч человек, а к 2030 году в России может составить десятки миллионов. Соответственно увеличивается количество конфликтных ситуаций с их участием, социальное недовольство, вызванное в том числе и тем, что водитель маршрутного автобуса может не говорить по-русски. Правда, пока никто не готов отказаться от них, как от дешевой рабочей силы.

Преодоление конфликтов с объектом такого типа тесным образом связано, во-первых, с политикой государства в этом направлении (обязательная легализация труда этих людей; меры, направленные на снижение их криминальной деятельности), и, во-вторых, с понятием толерантности. Очевидно, что толерантность «необходима русской национальной культуре, русской политической культуре и русскому повседневному быту в качестве важного цивилизационного понятия, позволяющего российскому сознанию интегрироваться в мировой цивилизационный процесс» [3]. Однако коммуникативные нормы и традиции русского народа, пережившего многочисленные нашествия, которые сформировали высокую степень доверия к «своим» и настороженность к «чужим»; постоянную борьбу с климатическими условиями за хлеб насущный и тяжелый труд, что обусловило соборность жизненного уклада и привело к простоте и искренности отношений со своими и настороженности с незнакомыми, стали серьезными причинами ограничения категории толерантности. «Современное российское мышление тяготеет к бескомпромиссности, непримиримости, столкновению взглядов, что ведет к конфликтам, к расколу в общественной жизни, нетерпимости к отдельным социальным группам (бездомным, богатым), к этическим конфликтам т.д.» [1, с. 43.] К сожалению, проблема становления толерантности актуальна не только для российского общества.

Каждый язык уникален, даже близкородственные языки прекрасны в своем разнообразии. Уникальность истории любого языка есть уникальность его происхождения и уникальность его развития. Каждый язык достоин уважения. Снижение национального языка влечет к снижению национальной культуры, способности нации к самовыражению. Неконфликтное речевое поведение, толерантность присущи народу, уважающему себя, свою культуру, свой язык – а это значит, уважающему другие народы, их культуру и язык. Нахождение общего языка – путь преодоления любого конфликта, межэтнического в особенности.

Литература

1. Вершинина, Т. С. Язык и конфликт / Т.С. Вершинина, – Екатеринбург, 2007. – 120 с.
2. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб., 1999. – 320 с.
3. Муравьева, Н.В. Язык конфликта. Гл. 1. Коммуникативное пространство и коммуникативные конфликты [Электронный ресурс] – Сайт Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/>
4. Стернин, И.А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании. / И.А. Стернин. – Екатеринбург, 2004. – 150 с.

КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ В ФИЛОСФСКИХ ПРОЕКТАХ ПОСТМОДЕРНА (НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕЙ М. ФУКО)

Г. И. Мартова

Томский государственный педагогический университет

Тема власти занимает значительное место в работах «новых философов», взгляды которых, в свою очередь, оказали большое влияние на постмодернистский дискурс о власти.

Философия постмодерна демонстрирует устойчивое внимание к проблеме власти, пытаясь раскрыть ее «тайну».

Постмодернистская модель власти имеет множество вариантов от М. Фуко до феминизма. Поливариантность дискурсов власти в постмодернизме предполагает решение задач системного характера. В их число входят: избирательность в выборе презентативных авторов и работ, сопоставление содержания идей власти разных авторов, их критику. На фоне многообразных и глубоких исследований по теоретической реконструкции общего постмодернистского дискурса работ, посвященных постмодернистской рецепции власти, очень мало. Как, правило, постмодернистскую идею власти либо критикуют (полагают ее политически и идеологически ангажированной), либо считают ее философской конструкцией, не имеющей отношения к реальности.

Под властью понимается прежде всего многообразие отношений силы. Отношения власти не сводятся к государству и его функционированию. Они охватывают деятельность воспитания, семейные отношения, познание человека и общества. Власть выступает как средство борьбы с неопределенностью и хаосом, она нужна обществу для того, чтобы предохранять его от стихии насилия.

В XVIII в. происходит трансформация власти. Причиной этому послужила критика власти за неэффективное выполнение своих функций. Публичность и зрелищность наказания выступала препятствующим фактором, так как толпа активно участвовала в этом действе, а иногда и освобождала осужденного. По мнению Мишеля Фуко (постструктуралиста и постмодерниста), именно соображения эффективности осуществления власти, а не гуманизм привели исчезновению «спектакля наказания». В течение менее чем века (середина 18 – первая треть 19в.) произошло «исчезновение публичных казней с применением пыток». «...За несколько десятилетий исчезло казнимое, пытаемое, расчленяемое тело, символически клеймимое в лицо или в плечо, выставляемое на публичное обозрение живым или мертвым» [1, с. 14].

На смену палачу приходит целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели.

Теперь судят юридические объекты, определенные в Кодексе, но, согласно Фуко, (да и вообще по сути) «судят также страсти, инстинкты, ано-

малии, физические недостатки, неприспособленность, последствия воздействия среды или наследственности; наказывают акты агрессии, и через них и агрессивность...убийства, но также влечения и желания» [1, с. 17]. Общество начало судить уже не преступления, а «душу» преступников. (С точки зрения Фуко, «душа в ее исторической реальности...порождается процедурами наказания, надзора и принуждения» [1, с. 18].) При этом, согласно Фуко, «человек» не был замещен «душой»: «душа есть следствие и инструмент политической анатомии. Отношение «истина-власть» остается «в центре всех карательных механизмов» [2, с. 84–85].

В начале 19 в. тюремное заключение стало основной формой наказания, различные формы тюремного заключения по сей день занимают почти все поле возможных наказаний между смертельной казнью и штрафами.

Формулами господства уже с 17–18 вв. становятся «дисциплины» – методы, делающие возможными детальнейший контроль над действиями тела.

При этом дисциплина понимается Фуко, как «...искусство ранжирования и техника организации распределений...» [3, с. 147]. Она связана с «распределением индивидов в пространстве» [1, с. 246], посредством использования следующих методов: а) «клеточное» отгораживание, («каждому индивиду отводится свое место, каждому месту – свой индивид»); б) детализация действий во времени; в) корреляция тела и жеста, – например, оптимальная поза ученика за партой; г) уяснения связи между телом и объектом действий, – например, оружейные приемы; д) исчерпывающего использования рабочего времени и т.д.

Как мы видим дисциплина контролирует не только пространственное размещение, но и время индивидов. Контроль над временем является важнейшей формой социального контроля.

В новую эпоху экономическое принуждение дополняется «дисциплинарным принуждением». Такая дисциплина требует замкнутого пространства, в котором действуют свои законы и правила: примером тому служат работные дома, казармы, мануфактуры.

Как отмечает Фуко, в современных обществах карательные системы должны быть вписаны в определенную «политическую экономию» тела. Тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила, но оно становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным.

При этом особо важно, по мысли Фуко, то, что а) власть производит знание; б) власть и знание непосредственно предполагают друг друга; в) нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти.

Фуко формулирует несколько главных правил, на которых отныне основывалась «семиотическая техника власти наказывать»[5]: 1) правило минимального количества: с идеей преступления связывалась идея скорее не-

выгоды, нежели выгоды; 2) правило достаточной идеальности: сердцевину наказания должно составлять не столько действительное ощущение боли, сколько идея боли – «боль» от идеи «боли»; 3) правило побочных эффектов: наказание должно оказывать наибольшее воздействие на тех, кто еще не совершил проступка; 4) правило абсолютной достоверности: мысль о всяком преступлении и ожидаемой от него выгоде должна быть необходимо и неразрывно связана с мыслью о наказании и его результате – законы должны быть абсолютно ясными и доступными каждому; 5) правило общей истины: верификация преступлений должна подчиняться критериям, общим для всякой истины – отсюда, в частности, идея «презумпции невиновности» – научное доказательство, свидетельства органов чувств и здравый смысл в комплексе должны формировать «глубинное убеждение» судьи; 6) правило оптимальной спецификации: необходима исчерпывающая ясная кодификация преступлений и наказаний – при конечной ее цели в виде индивидуализации.

Фуко констатирует положение, что современная власть культивирует жизнь, превращая ее в политический объект. Современное состояние власти выступает не как закономерный результат борьбы за власть, обусловленной политическими интересами, а как результат борьбы за легитимацию того или иного режима, которая неизбежна носит дискурсивный характер.

Власть является диффузной. Она «исходит отовсюду» и не может быть локализована, она осуществляет себя в бесчисленных точках, отношениях, пронизывая все остальные типы отношений.

Контроль времени индивидов становится еще более детальным, а главным средством власти – надзор. Власть начинает выступать как многосторонняя и анонимная.

В постмодернизме обосновываются принципы универсального гуманизма, направленного на все живое во Вселенной и сопряженного с критической рефлексией понятий «власть» и «свобода». Власть анализируется в постмодернизме на микроуровне, на уровне повседневности, сопрягаясь с попыткой осмысления средств и способов манипулирования человеком в контексте социальности. Ее анализ не связан с социальными институтами, государством, персонифицированным авторитетом.

Таким образом, власть периода постмодерна осуществляет совокупность определенных принципов политического существования.

а) Мобилизация культурного и познавательного потенциала предшествующих исторических периодов;

б) Актуализация архетипов;

в) Радикальный плюрализм и толерантность;

г) Стирание границ между массовой и элитарной политическим культурами через разнообразие политического языка и, как следствие, двойное кодирование политических текстов;

д) равноправие стилей мышления и познавательных парадигм, признание их самоценности;

е) Конвенциональность политического знания.

В эпоху постмодерна наибольшую поддержку избирателей получают политические лидеры, которые учитывают весь спектр интересов и настроений, применяя социотехнику политического коллажа (постмодернизм не отказывается от прошлого, а использует его различные элементы в новых комбинациях). Преимущество имеют также те политики, риторика которых интертекстуальна, язык метаморфичен и содержит элементы самоочевидности и наглядности. Политический лексикон «рисует» понятия-образы, смешивая мифы и реальность, прошлое, настоящее и будущее, адресно обращаясь к культурным архетипам того или иного этноса. Значительные различия в культуре и субкультурах между Востоком и Западом, не являются ныне преградой для ставших общими методов властвования, о чем свидетельствуют постепенный переход политики, опирающейся на мышление в рамках национальных государств, к политике, принимающей во внимание глобальный характер международных отношений.

Ведущие теоретики постмодернизма считают, что власть не локализуется только в политической сфере. С властью мы сталкиваемся везде, где существует открытая или скрытая асимметрия влияния в человеческих отношениях. Но политическая власть, должна иметь своим стержнем силу убеждения, а не силу принуждения.

Литература:

5. Фуко, М. Надзирать и наказывать / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
6. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Работы разных лет. Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
7. Сокулер, З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна / З.А. Сокулер. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 58–82.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ В РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЯХ ТУРИСТСКИХ ФИРМ

Осетрова

Томский государственный педагогический университет

Воздействие массовой информации на сознание людей нередко достигается с помощью стереотипов и имиджей. Несмотря на обилие научных работ, посвященных проблеме формирования стереотипов, она остается одной из самых малоизученных в социальных науках.

Впервые понятие «стереотип» введено в книге «Общественное мнение» американским журналистом Уолтером Липпманом в 1922 году. Липпман определяет стереотип как упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта человека. На основе опосредованного восприятия объекта возникает стереотип: «Нам говорят о мире до того, как

познаем его на опыте» [1, с. 19]. У исследователей нет однозначного взгляда на природу и сущность стереотипа, но существует несколько точек зрения:

1. Стереотип специально организован и функционирует на основе определенного социального заказа, находясь в зависимости от задач социализации; Стереотип возникает на основе чувственного опыта;
2. Стереотипное мышление образовалось стихийно, но поддерживаются сознательно, с помощью специально и исторически внедряемых в обыденное сознание априорных суждений, постепенно пронизывающих все сферы жизни [1, с. 21].

При восклицании: «О, Париж!» в нашем сознании возникает образ Эйфелевой башни и Лувра. Египет ассоциируется с великими пирамидами и Сфинксом. Для этих представлений не обязательно посещать ту или иную страну. Представления о культурном объекте складываются задолго до физического соприкосновения с ним, благодаря заранее полученным теоретическим знаниям еще в школе. Какова механика установления соответствия или рассогласования между образом восприятия и реальным объектом? Природная любознательность человека в отношении различных уголков мира и населяющих их народов образуют один из наиболее сильных побудительных туристских мотивов. Наилучший способ знакомства с другой культурой и подтверждение или опровержение сложившихся представлений об объекте культурного наследия – это туризм [2, с. 110].

Понятие «туризм» является известным каждому из нас, так как все мы совершали куда-нибудь поездки, являлись потребителями информации о туризме, подвергаясь воздействию средств массовой коммуникации, а, планируя свой отпуск, многие пользовались консультацией и услугами туристских агентств. Туризм – это временное перемещение людей с места своего постоянного проживания в другую местность в целях получения удовольствия и отдыха, познавательных, гостевых, оздоровительных или в профессионально-деловых целях, но без занятия оплачиваемой работой в посещаемом месте [2, с. 24].

Во многих языках с давних времен используется слово «туризм», которое произошло от выражения «великий тур». «Великий тур» означал первоначально ознакомительную поездку. Ее совершали в XVII–XVIII в. молодые представители дворянства, а в XIX в. такие поездки стали популярны и среди других слоев населения [4]. Туризм это одно из самых ярких явлений нашего времени, которое реально проникает во все сферы нашей жизни и изменяет окружающий мир и ландшафт, подтверждая или опровергая сложившиеся в нашем сознании стереотипы [3, с. 4–5]. Наряду с экономической природой все более отчетливо обнаруживает себя социокультурная сущность туризма: туризм осознается как одна из функциональных сфер культуры, элемент и средство культуры, фактор влияния на культуру. Туристскую деятельность можно рассматривать как культурологиче-

скую по своей сути [2]. На сегодняшний день мы воспринимаем туризм как самый массовый феномен XXI в. Туризм интерпретировался в индустрию удовольствий, которые подразумевают культурные и физиологические аспекты потребления. Если ранее туризм ассоциировался с ценностью рискованного, но культурно насыщенного путешествия, то в современных условиях он превращается в систему фокусированного получения физиологических удовольствий (так называемое, 'обслуживание', которое занимает первую позицию по значимости в туристической программе). Современный туристический бизнес состоит из двух видов турфирм: фирмы-операторы – те, кто непосредственно занимается разработкой туров, имеющие свои чартеры и забронированные места в гостиницах; и фирмы-агенты – те, кто занимается продажей туров, разработанных операторами. Успех туристического бизнеса зависит от его способности сконструировать такие впечатления, посредством отбора посещаемых объектов или их искусственным созданием [4].

Турист – имитирует путешественника, но не является им. Целью тура становятся – стремление посетить достопримечательности, выступающие символами страны или региона, в подтверждение своих стереотипов, сложившихся еще до отъезда. Происходит погоня не за знаниями, а за новыми впечатлениями. В зависимости от искомых впечатлений выбирается соответствующий тип туризма по критерию – расстоянию:

1. *Местный туризм* – в основе достопримечательности, конструируемые для местных жителей. Человек соприкасается с другой культурой, не выезжая из своего города или его пригородов.

Этнические рестораны и кафе – это искусственно сконструированные макеты уголков тех или иных стран. Происходит имитация чужих культур. Потребитель заходит в дверь и оказывается в экзотической части земного шара. Интерьер соответствует не столько реалиям культуры соответствующей страны, сколько стереотипам о ней, разделяемым местным населением. Потребитель, пойдя в китайский ресторан, хочет найти там подтверждение своих представлений о Китае. В противном случае он скажет: «Ну, какой же это китайский ресторан?». Одной из основных задач маркетинга местного туристического бизнеса является – способность уловить господствующие стереотипы и подтвердить их в своем заведении. Музеи также играют важную роль в местном туризме. Они позволяют, не выезжая из города, окунуться в символы чужой культуры и «как будто» совершить дальнейшее путешествие. Туризм организуется вокруг достопримечательности [5].

2. *Дальний туризм* – поездка в отдаленные страны, о которых уже есть какие-то представления из ранее полученного опыта, рекламы, телефильмов, журналов.

В данном случае предлагается потребление уже существующих иллюзий и стереотипов, которые, с точки зрения маркетинга, ломать опасно: потребитель съездил и не увидел известных ему символов. Кто поверит, что он там был? «Был в Италии, – скажут ему, – и не видел Колизея?» В силу

этого туризм редко привлекает путешественников, которым нужны открытия страны, а не подтверждение уже имевшихся иллюзий [5].

Туристическая достопримечательность складывается в результате совокупных действий людей, учреждений образования и культуры, фирм, рекламы и т.д. Здесь реклама привлекает внимание и создает интерес у потенциальных потребителей к туристскому продукту, который нельзя попробовать на вкус или потрогать руками.

Туристский продукт-это любая услуга, удовлетворяющая те или иные потребности туристов и подлежащая оплате с их стороны[4, с. 20]. Процесс покупки конкретного туристского продукта начинается задолго до свершения акта купли-продажи. Потребитель получает (или не получает) удовлетворенность от приобретенного продукта, степень которой измеряется соотношением между ожиданиями и конкретно воспринимаемыми свойствами турпродукта [2, с. 100]. Ожидания формируются на основе информации, получаемой потребителем, в первую очередь, из средств массовой информации и рекламы.

История рекламы тесно связана с развитием производства, обмена товарами, всего общества в целом. От её воздействия в сознании остается определенный образ, яркий и выразительный, к чему-то побуждающий. В современном мире реклама оказывает социально-культурное и психологическое воздействие на общество, давая потребителю опыт, знания, усиливает удовлетворенность от покупки. Туристская реклама несет в себе информацию, которая обычно представлена в сжатой, художественно выраженной форме. Сообщение эмоционально окрашено и доводит до сознания потенциальных потребителей наиболее важные сведения о туристских продуктах и туристском предприятии [1].

Одной из задач туристской рекламы является формирование и стимулирование спроса на туристский продукт, информирование потребителей о достоинствах продукта; Мода на туристские поездки и экскурсии постоянно меняется, так же как и на другие товары и услуги. Поэтому необходимо находить те привлекательные стороны товара, которые придали бы предложению новизну и уникальность, что привлекало бы внимание потенциальных клиентов [4].

В результате использования метода эмпирического исследования (анкетирование), можно сделать следующие выводы:

1. На вопрос указать ассоциации с культурными объектами, которые вызывают предложенные страны, выстраивался ассоциативный ряд также состоящий из:

- названий городов (Франция – Париж; Китай – Пекин; Египет – Александрия и т.д.).
- блюда этнической кухни (Италия – паста, пицца, вино; Китай – суши, чай, рис и т.д.).
- исторические события страны (Греция – олимпийские игры; Италия – гладиаторские бои).

Турция у 75 % ассоциируется со страной курортного отдыха, с наличием пляжей и моря. Также следует отметить, по мнению опрошенных, *Турция* является наиболее популярным местом посещения российских туристов.

Китай был отмечен как «Экономическое чудо» и выделен как популярное место посещения торговых центров и распродаж у 26 % опрошенных. А так же ассоциируется с предметами быта (палочки для еды, фарфор).

В целом предложенные культурные памятники были правильно соотнесены с перечисленными странами. Точно определила соответствие культурных объектов странам категория опрошенных в возрасте от 18 до 30 лет.

2. Наиболее знакомой культурой страны по итогам анкетирования отмечена культура: *Франции* 36 %; *Китай* 18 %; *Италия* 15 %

3. Желание провести свой отпуск большинство указало на страны: *Франция* 33 %, *Италия* 26 %.

4. Определяющим критерием при выборе места заграничного отдыха является следующее:

- цена туристической путевки и издержки на путешествие – 43 %
- большое количество культурных объектов и исторических памятников -27 %
- наличие курортной зоны – 18 %

4. Выбирая место для туристической поездки, опрошенные ориентируются на:

- мнение близкого окружения – 31 %
- информацию в интернете – 29 %
- Рекламу и путеводители – 20 %
- телевидение – 12 %
- каталоги, которые предложили в туристском агентстве – 8 %

Таким образом, подводя итоги изложенного, одним из важных мотивационных факторов туризма, наряду со стремлением приблизиться и постичь мир иной культуры, становится обретение соответствия той культурной реальности, которая создается телевизионной рекламой, статьями в популярных журналах и информацией о турпродукте на интернет сайтах. Критерием эффективности туристической программы становится ее соответствие рекламе. Получение мнения «бывалых» туристов (близкого окружения) так же является своего рода рекламой на широкий круг товаров, обладающих символической стоимостью и имидж туроператоров. Для туриста важно, прежде всего, подкрепление своих стереотипов, а открытие новых культурных объектов – это удел путешественника.

Литература

1. Райгородский Д.Я. Реклама: внушение и манипуляция: учебное пособие для факультетов психологии, социологии и журналистики. Самара, 2007. – 752 с.
2. Квартальнов В.А. Туризм. Учебник. М., 2004. – 320 с.

3. Соколова М.В. История туризма: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.
4. Дурович А.П. Маркетинг в туризме: учебное пособие. Мн.: Новое знание, 2005. 496 с.
5. <http://consumers.narod.ru/lections/good.html>

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИКИ СИБИРИ

М. В. Плотникова

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время проблема развития экономики в нашей стране и регионе является очень важной. Главное, что мешает выходу из кризиса – это узость рынка сбыта продукции, его медленное расширение, а также недостаточность дополнительных средств – инвестиции. Проблема привлечений инвестиций в отечественную экономику стоит весьма остро, а в экономику Сибирского федерального округа (СФО) – в особенности. По данным статистики, СФО по итогам 2006года, по-прежнему, находится на предпоследнем месте среди федеральных округов по объему инвестиций на одну тыс. чел. населения (22, 56 млн. руб.), незначительно опережая лишь Южный федеральный округ [2, с. 184]. В самое последнее время Сибирь демонстрирует несколько более высокую динамику инвестиций, чем РФ в целом, но для устранения серьезных диспропорций необходим настоящий инвестиционный прорыв.

Серьезный минус многих методик оценки инвестиционной привлекательности – их «одноразовость». Соответственно проследить динамику изменений инвестиционной привлекательности различных субъектов Федерации, а, следовательно, и оценить адекватность результатов в данном случае практически не возможно. Особое внимание заслуживает работа, посвященная изучению инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации – Методика составления комплексного рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов, разработанная агентством «Эксперт – РА» [2, с. 200].

Данный рейтинг дает возможность выделить характерные особенности изменения инвестиционного климата. Включение субъекта Федерации в ту или иную группу определяется сочетанием его двух основных характеристик: инвестиционного потенциала и инвестиционного риска. Потенциал каждого региона оценивается по следующим параметрам:

- Обеспеченность региона природными ресурсами
- Результаты хозяйственной деятельности региона
- Экономика экономико-географическое положение региона
- Показатель научно – технической деятельности региона
- Данные о налоговых и других поступлениях в бюджет

Проведя анализ, можно сделать вывод, что для середины 90-х годов характерно сравнительно большое количество регионов с высоким и средним потенциалом. Причем, Сибирь выглядела на общероссийском фоне весьма пристойно. В целом по стране тридцать регионов имели высокий потенциал и тридцать – средний. В Сибири пять регионов имели высокий потенциал и три-четыре региона – средний. В этот период Новосибирская область получила наивысший рейтинг – регион с высоким потенциалом и минимальным риском. В последующие годы подобных результатов из сибирских регионов ни один не добивался.

С конца 90-х годов количество регионов с высоким потенциалом в стране сократилось до четырех-пяти, в СФО такие регионы исчезли вообще. В этот период сибирские лидеры на общефедеральном фоне имели средние показатели инвестиционной привлекательности и умеренный уровень инвестиционного риска. К таким регионам относятся Иркутская, Кемеровская и Новосибирская области. В рейтинге 2005–2006 годов в данную группу также вошла Омская область. Особое место занимает Красноярский край. Этот регион из периодов демонстрирует лучшие показатели в СФО по инвестиционной привлекательности. В тоже время имеет высокий уровень инвестиционного риска.

Сегодня в условиях глобального финансового кризиса в мире происходит снижение инвестиционной активности, сокращается спрос на энергоносители, откладывается реализация многих инфраструктурных проектов. Но, не смотря на это, нефтегазовая отрасль остается наиболее привлекательной. В России органы государственной власти всегда содействовали реализации крупных инвестиционных проектов. Сегодня таким мегапроектом является формирование Восточно – Сибирского нефтегазового комплекса (ВСНГК) и сооружение магистрального нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО). Формирование ВСНГК на базе месторождений Сибирской платформы, расположенных на территории нескольких субъектов Федерации, предусматривает создание новых крупных центров добычи углеводородного сырья в Иркутской области, Красноярском крае и Республике Саха (Якутия) с целью обеспечения внутренних потребностей и экспортных поставок. Крайне осторожное отношение как государства, так и потенциальных недропользователей к выходу в новый, практически неосвоенный район с очень сложными природно-климатическими условиями и отсутствием инфраструктуры вызвано возможностью возникновения организационно-управленческих, в том числе ресурсных и хозяйственных рисков.

Насколько важно снизить или предотвратить этот риск, которые измеряются потерями прогнозных доходов нефтегазовых компаний, доходов инвесторов и бюджетных доходов федерального и регионального уровней проследим на следующем примере. По оценкам исследователей, возникновение данных рисков может снизить до 2026года. ожидаемый прирост валовой региональный продукт (ВРП) в Иркутской области на 134 млрд. долл., доходы местных бюджетов – на 5 млрд. долл., или на 76 %, в Красно-

ярском крае – соответственно на 94 и 2 млрд. долл., или на 79 %. В целом ожидаемый прирост ВРП в регионах формирования ВСНГК может снизиться в 3,9 раза, доходы местных бюджетов – в 3,5 раза. В совокупности это может свести крупную программу ускоренного формирования ВСНГК к развитию преимущественно сырьевых отраслей с ориентацией на экспорт нефти и газа в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в ущерб глубокой переработке углеводородов Сибири и Дальнего Востока [1, с. 168]. Необходимость привлечения крупных инвестиций дает возможность перевести реализацию нефтяных и газовых проектов ВСНГК в сферу сотрудничества на основе совместного освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Кроме нефтяной и газовой отрасли существует много других отраслей, в которые необходимо делать вложения. Например, отрасль сельского хозяйства. По последним статистическим данным объем привлечения инвестиций в агропромышленный комплекс в Томской области в первом квартале уменьшился почти в 16 раз по сравнению с прошлым годом. Объем инвестиций с начала года составил всего 29 млн. рублей, тогда как в минувшем году за этот же период было привлечено 460 млн. рублей инвестиционных средств. Областная администрация объясняет это существенным ужесточением условий выдачи кредитов и общим сокращением кредитных ресурсов.

В отличие от сельскохозяйственной отрасли, где мы видим ослабевший интерес, малое инвестирование, область образования занимает лидирующую позицию после нефтегазовой. Научно – образовательному комплексу Томской области (кадровому потенциалу) отводится значительная роль в принятии решений о размещении инвестиции. В вопросах создания комплексной системы подготовки кадров по всем уровням профобразования Томская область относится к числу лидеров среди регионов Сибирского федерального округа. Исторически область развивалась как ведущий исследовательский и образовательный центр Сибири с конца XIX века, когда были основаны первые за Уралом Университет и Технологический институт [5].

Стимулом для развития системы подготовки кадров является реализация на территории Томской области крупных инвестиционных проектов. Например, создание особой экономической зоны технико–внедренческого типа, строительство атомной электростанции, а также проекты в лесозаготовки и лесопереработки, ряд проектов развития транспортной инфраструктуры.

Подводя итог, хочется отметить, что, несмотря на особое географическое положение СФО является экономически привлекательным объектом для инвесторов. Имеющийся кадровый потенциал и возможности научно-образовательного комплекса Томской области является залогом успешной реализации инвестиционных проектов на территории региона. Действующая система образования достаточно адаптивна, чтобы обеспечить ключевые конкурентные преимущества Томской области – качественный человеческий потенциал.

Литература

1. Вижина, И. А. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в субъектах Федерации // Регион : экономика и социология – 2008. – №4. – С. 163–185.
2. Лавровский, Б. Л. Инвестиционный климат и инвестиционное поведение: Сибирский федеральный округ // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 3. – С. 194–221.
3. Мельников, Р. М. Оценка эффективности региональной инвестиционной политики методом анализа издержек и выгод // Регион: экономика и социология. – 2004. – С. 49–54.
4. Унтура, Г. А. Перспективные вложения в развитие экономики знаний: общероссийские и региональные тенденции // Регион: экономика и социология. – 2009. – №1. – С. 64–84.
5. Характеристика инвестиционной активности : Томская область [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.investintomsk.com/ru/tomsk/personnel.html, свободный.

ТУРИЗМ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. А. Пожарская

Томский государственный педагогический университет

Туризм дает возможность доступа к историческому и социокультурному наследию, возможность к использованию и приобщению к культурной жизни современного общества и сообществ. Это возможность экскурсий, посещения культурных центров и объектов – театров, библиотек, музеев. Постоянное появление новых видов туризма способствует поэтапному переходу на все новые и новые витки развития данной отрасли. В настоящее время туризм рассматривают как одну из ведущих отраслей народного хозяйства. На его долю приходится около 10 % мирового валового национального продукта, всех рабочих мест и мировых потребительских расходов. Автор же статьи ставил перед собой цель рассмотреть туризм как форму культурной коммуникации и отметить негативные и позитивные явления в культурном туризме.

Культурный туризм, в его классическом понимании, предусматривает знакомство туриста с новыми дестинациями, территориями, народами, архитектурой, бытом местного населения, религией или культурами, т. е. новой или недостаточно известной или вовсе неизвестной культурой, представленной в виде материальных памятников культурного и природного наследия, в музейных коллекциях, городах и туристских исторических центрах, а также продуктах духовного творчества. Усиление взаимосвязи культуры и туризма базируется на роли культуры в реализации потребностей, положенных в основу туризма как явления, и роли туризма в удовлетворении культурных потребностей. Базисом выступают пять мотивационных признаков: 1) познание явлений и вещей, 2) коммуникация, 3) релаксация, 4)

лечение и оздоровление, 5) социальный престиж. Культура обеспечивает туристам погружение в иное состояние общества, в котором живет народ другой страны, общества, города, региона, и на этой основе резкую смену впечатлений. Обеспечивается глубоко насыщенная интеллектуально-информационная составляющая туристской деятельности, весьма важная для современного человека, выступающего в роли туриста. Имеет место полезный эффект развлекательности и зрелищности явлений и образов, а также и последующий релаксационный эффект. [1, с. 361–362]

Культурный туризм, основанный на впечатлениях, как прямых, так и косвенных (опосредованных), в результате знакомства или изучения и познания чужой или своей собственной культуры является одним из основных и самостоятельных видов туризма, предлагает туристу истинные, подлинные, а не стандартизированные массовые впечатления. Турист знакомится с объектом, имеющим как определенные физические характеристики, так и знаковое и символическое содержание: 1) предметы, вещи, одежда, жилище, дороги и т. д.; 2) составляющие духовной жизни общества (научные теории, суеверия, произведения искусства, фольклор) [3]. В процессе знакомства происходит культурная идентификация, отождествление себя с определенной группой, этносом, нацией, расой, человечеством; восприятие традиций и ценностей чужой культуры, отношение к представителям чужой культуры и ее оценка, восприятие ценностей, традиций и обычаев этой культуры. Происходит передача идей, представлений, мнений, оценок, знаний, чувств и т. п. – от индивида к индивиду, от группы к группе. Осуществляются культурные коммуникации, включающие в себя как обмен культурными делегациями, проведение семинаров, симпозиумов, коллоквиумов, научных съездов, так и обмен культурными ценностями, коллекциями.

Наиболее привлекательными для осуществления культурных коммуникаций являются культурные центры. Это понятие фиксирует область наибольшей «густоты» культурных признаков. Обычно столица, город или крупный населенный пункт, в котором исторически сосредоточены культурные ценности и коллекции, музеи, собрания произведений искусства, библиотеки, театры, концертные залы, учебные и научные учреждения. Обычно именно такой центр и является привлекательным туристским центром культурного туризма. В культурном центре складываются деловые отношения сообществ, предполагающие в своей основе культурный обмен. Происходит соприкосновение культур в процессе диффузии. Происходит процесс коммуникации людей, являющихся носителями отличных друг от друга культурных ценностей или поведенческих норм, при которых происходит обмен информацией, спонтанное взаимодействие цивилизаций. Неприятие или непонимание (нежелание понимания) чужой культуры накладывает негативный отпечаток на межкультурные отношения и взаимодействия.

Помимо явных положительных моментов, о которых упоминалось выше, стоит отметить такое типичное негативное явление в культурном массовом туризме как навязывание стереотипа культуры, надуманного выхо-

лощенного образа явления, упрощенного воспроизведения для быстрого освоения и непритязательного развлечения. Таковым может быть стереотип образа шотландца в клетчатой юбке (килт), играющего на волынке с бутылкой вечного шотландского виски, или русского в шароварах, сапогах, папахе, с рюмкой водки и танцующим с медведем в обнимку. Нередко культивируется самообман при взаимном молчаливом согласии как производителя туристского продукта, так и потребителя. Местная туристская индустрия создает некий образ явления или совокупности материальных предметов, за счет которой она и существует, при тайном согласии туристов увидеть и «съесть» предложенную фальшивку. Формируется типовой образ деятельности туристов, ориентированный на местное производство туристского продукта – что надо посетить, что надо увидеть, что надо сфотографировать, что надо купить из сувениров. Для туристов специально генерируются обряды, которых не существует, плавающие красочные лодочные рынки на воде, которых уже давно нет и местным жителям они не нужны, и прочее на потребу массовому туристу-потребителю. Истинная культура остается невостребованной, незамеченной, непознанной, а полученные впечатления – весьма далекими от истинных. [2, с. 229–236]

В настоящее время культурный туризм составляет около 37 % международного туризма и генерирует около 35 млн. ежегодных международных туристских поездок в Европе. В РФ развитость указанного вида туризма еще не достигла значительных размеров. Необходимо отметить, что Россия, имея огромный туристский потенциал, пока занимает весьма скромное место на мировом рынке въездного туризма, на ее долю приходится лишь около 3,4 % мирового туристского потока.

Литература

1. Биржаков, М. Б. Введение в туризм / М. Б. Биржаков. – СПб. : Издательский дом Герда, 2006. – 512 с.
2. Биржаков, М. Б. Туризм за гранью морали / М. Б. Биржаков, О. А. Новиков // Туристские фирмы. – 2003. – вып. 29. – С. 229–236.
3. Культурный туризм: конвергенция культуры и туризма на пороге XXI в. / В. Андерсен, В. Гордина ; под. ред. Я. Брауна. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ. – 2001. – 212 с.

ЭКЗОТЕРИЧЕСКИЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЬИ

Д. В. Ручкина

Томский государственный педагогический университет

В современном обществе стало привычным называть ушедший XX век веком революций: социальной, научно-технической, космической. С полным правом его можно назвать и веком революции семейно-брачных отношений. С начала прошлого века начались крупные социальные изменения, затронувшие все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и

культуру. Произошла резкая переориентация российского культурного сознания на Запад, что вызвано, прежде всего, экономическими причинами.

Важной проблемой, возникающей во взаимоотношениях человека и культуры, является то, что современный человек не ощущает себя творцом культуры, не видит своей роли в процессах культуротворчества.

Каждому из нас с детства знакомо слово семья. Семья – это то, – учили нас мамы и папы, что окружает нас заботой и теплом, учит справедливости и пониманию. Именно в семье закладываются фундаментальные, морально-нравственные знания, которые формируют впоследствии многогранную, полноценно развитую личность, нового члена общества.

Роль семьи, в ее традиционном смысле в современном обществе, все чаще и чаще становится предметом исследований социологов. Исторически сложилось так, что экзотерические аспекты семьи, или ее «внешняя оболочка», определяют характер данных исследований.

Еще древнегреческие философы Аристотель и Платон говорили о необходимости наличия семьи у человека и придавали ей государственное значение. Например, в трактате «Законы» Платон написал: «Каждый брак должен быть полезен для государства» [1, с. 112]. Таким образом, философ пытался вывести семейную проблему с частного на более высокий уровень, придать значимость и важность наличия как можно большего числа подданных, связанных брачными узами.

Не меньший интерес к проблеме брака и семьи проявили и немецкие философы – Кант, Гегель, Фихте. Благодаря немецким идеалистам впервые была оправдана европейская теория общественного договора, которая допускает создание семейного союза без участия церкви. Для них брак – это нравственно-правовой институт, который не должен быть основан на любви, поскольку чувства никак не могут послужить прочным основанием для создания семьи и долгого ее существования.

Немецкий эволюционист Ф. Энгельс в своём труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» заключил, что семья – не итог индивидуальной любви, а выражение экономических условий господства мужа и что рождение детей, наследующих его богатство, – истинная цель моногамии [2].

Эзотерические или – интимные аспекты семьи, не получили столь большого внимания со стороны исследователей.

Сложная экономическая и социальная обстановка требует от современного человека серьезного напряжения, что часто вызывает стрессы и депрессии, ставшие уже неотъемлемой частью нашего бытия. Сегодня как раз то время, когда особенно остро ощущается необходимость в «тихой гавани», месте душевного комфорта. Таким местом должна быть семья – стабильность на фоне повсеместной изменчивости. Несмотря на столь явную необходимость, в настоящее время институт семьи испытывает достаточно острый кризис, ведь под угрозой само его существование, которое было неизменным на протяжении тысячелетий. Во все века, независимо от соци-

ально- экономических условий и государственных режимов именно семья являлась основой общества. Именно семья ответственна за формирование полноценной, нравственно богатой и социально активной личности, которая в свою очередь должна стать творцом культуры. Развитие семьи тесно связано с прогрессом культуры и цивилизации. Это обуславливает актуальность исследования семьи в системе человеческой культуры. Дело в том, что достижения культуры и цивилизации в первую очередь отражаются в семье. Семья же со своей стороны выступает как один из главных хранителей и трансляторов традиций, ценностей, норм, моральных и нравственных установок – всего, что мы называем культурой, в ее духовном смысле.

Любовь и семья имеют социокультурный характер, в силу этого оказывают заметное влияние на формирование духовного облика личности. Это влияние осуществляется в рамках супружеских отношений, отношений родителей к детям, и, наоборот, детей к родителям и так далее.

Семья представляет собой живой организм, микро общество, в котором соприкасаются прошлое, настоящее и будущее, в котором идет формирование цивилизационных основ человеческой реальности.

Среди современных отечественных исследователей широко распространена точка зрения, согласно которой Россия – как культура и как цивилизация – переживает острый идентификационный кризис: разрушив свою прежнюю «советскую» идентичность, она оказалась на перепутье между постиндустриальным и традиционным обществом. Такой вывод делается на основе зафиксированных исследователями фактов, связанных с семьей и браком: падение рождаемости, рост разводов, неполных семей и одиночества, высокая женская занятость. Все эти показатели отражают внешние аспекты изучения проблемы, но изначально в сознании русского человека семья воспринимается как глубокое сакральное таинство в религиозном контексте.

В христианском смысле семья- просвещение и одновременно тайна. В ней происходит преображение человека, расширение его личности. Эта полнота еще усугубляется с возникновением из двоих, слитых вместе, третьего, их ребенка. Совершенная супружеская пара породит и совершенного ребенка, она и дальше будет развиваться по законам совершенства.

В наше время, когда общественное мнение стало более либеральным, и жесткие моральные устои советского периода сменились на более демократичные, понимание семьи изменилось.

Современная семья все больше приобретает личностно-психологический характер взаимоотношений. Сексуальным отношениям придается большее значение, нежели духовным. Религиозные идеалы потеряли свое влияние. Потеряно понятие рода, как некой целостности множества поколений, духовного единства с предками. Теперь каждый сам по себе, индивидуален и одинок! И чувство потерянности, оторванности должно быть восполнено единством и сплоченностью членов семьи.

Не стоит забывать, что в семье сменяются поколения людей, в ней человек рождается, через нее продолжается род. Сущность и смысл семьи, та-

ким образом, состоит не просто в воспроизводстве населения или детопроизводстве, а в продлении рода в самом широком смысле слова. Семья выступает как связующее звено поколений рода во всех планах бытия. Через нее род развивает заложенные в его природе духовные качества. Через семью род реализует себя, свое назначение, воплощает, выражает и развивает свою физическую, психологическую, духовно – нравственную сущность, материализуется в ее действиях, образе жизни.

Семья – это сложное социокультурное явление. Специфика и уникальность ее в том и состоит, что она фокусирует в себе практически все аспекты человеческой жизнедеятельности и выходит на все уровни социальной практики: от индивидуального до общественно – исторического, от материального до духовного.

Из всего вышеизложенного стоит отметить, что семья в ее эзотерическом понимании является более приемлемой моделью для русского общества и государства, что определяется ее историческим путем развития. Современникам российской действительности следует переориентировать свои приоритеты в пользу вечных ценностей, акцентируя внимание на внутреннем развитии семьи как единого духовного организма.

Изучение проблем семьи не должно ограничиваться простым анализом и констатацией фактов. Необходима выработка рекомендаций и практических действий, направленных на сохранение института семьи, ведь возрождение национальной культуры, сохранение нации как единого целого возможно благодаря сохранению института семьи и его активного поддержания со стороны государства, религии, общества и личности.

Литература

1. Платон. Законы: в 4-х томах / Платон. – М., 1973. – Т. 3. Ч. 2. – С. 112.
2. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. / Ф. Энгельс, – М.: ЛКИ, 2007. – 248с.
3. Дружинин, В.Н, Психология семьи. / В.Н. Дружинин – М.: Изд-во КСП, 1996. – 327 с.
4. Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. / С. И. Голод. – СПб.: ТОО ТК «Перополис», 1998. – 272 с.
5. Пархоменко, И.Т., Культурология в вопросах и ответах. / И.Т. Пархоменко, А.А. Радугин. – М: Центр, 2001. – 232 с.

ЭКЗОТЕРИЧЕСКИЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЬИ

Д. В. Ручкина

Томский государственный педагогический университет

В современном обществе стало привычным называть ушедший XX век веком революций: социальной, научно-технической, космической. С полным правом его можно назвать и веком революции семейно-брачных отношений. С начала прошлого века начались крупные социальные изменения,

затронувшие все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и культуру. Произошла резкая переориентация российского культурного сознания на Запад, что вызвано, прежде всего, экономическими причинами.

Важной проблемой, возникающей во взаимоотношениях человека и культуры, является то, что современный человек не ощущает себя творцом культуры, не видит своей роли в процессах культуротворчества.

Каждому из нас с детства знакомо слово семья. Семья- это то, – учили нас мамы и папы, что окружает нас заботой и теплом, учит справедливости и пониманию. Именно в семье закладываются фундаментальные, морально-нравственные знания, которые формируют впоследствии многогранную, полноценно развитую личность, нового члена общества.

Роль семьи, в ее традиционном смысле в современном обществе, все чаще и чаще становится предметом исследований социологов. Исторически сложилось так, что экзотерические аспекты семьи, или ее «внешняя оболочка», определяют характер данных исследований.

Еще древнегреческие философы Аристотель и Платон говорили о необходимости наличия семьи у человека и придавали ей государственное значение. Например, в трактате «Законы» Платон написал: «Каждый брак должен быть полезен для государства» [1, с. 112]. Таким образом, философ пытался вывести семейную проблему с частного на более высокий уровень, придать значимость и важность наличия как можно большего числа подданных, связанных брачными узами.

Не меньший интерес к проблеме брака и семьи проявили и немецкие философы – Кант, Гегель, Фихте. Благодаря немецким идеалистам впервые была оправдана европейская теория общественного договора, которая допускает создание семейного союза без участия церкви. Для них брак – это нравственно-правовой институт, который не должен быть основан на любви, поскольку чувства никак не могут послужить прочным основанием для создания семьи и долгого ее существования.

Немецкий эволюционист Ф. Энгельс в своём труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» заключил, что семья – не итог индивидуальной любви, а выражение экономических условий господства мужа и что рождение детей, наследующих его богатство, – истинная цель моногамии [2].

Эзотерические или – интимные аспекты семьи, не получили столь большого внимания со стороны исследователей.

Сложная экономическая и социальная обстановка требует от современного человека серьезного напряжения, что часто вызывает стрессы и депрессии, ставшие уже неотъемлемой частью нашего бытия. Сегодня как раз то время, когда особенно остро ощущается необходимость в «тихой гавани», месте душевного комфорта. Таким местом должна быть семья – стабильность на фоне повсеместной изменчивости. Несмотря на столь явную необходимость, в настоящее время институт семьи испытывает достаточно острый кризис, ведь под угрозой само его существование, которое было не-

изменным на протяжении тысячелетий. Во все века, независимо от социально-экономических условий и государственных режимов именно семья являлась основой общества. Именно семья ответственна за формирование полноценной, нравственно богатой и социально активной личности, которая в свою очередь должна стать творцом культуры. Развитие семьи тесно связано с прогрессом культуры и цивилизации. Это обуславливает актуальность исследования семьи в системе человеческой культуры. Дело в том, что достижения культуры и цивилизации в первую очередь отражаются в семье. Семья же со своей стороны выступает как один из главных хранителей и трансляторов традиций, ценностей, норм, моральных и нравственных установок – всего, что мы называем культурой, в ее духовном смысле.

Любовь и семья имеют социокультурный характер, в силу этого оказывают заметное влияние на формирование духовного облика личности. Это влияние осуществляется в рамках супружеских отношений, отношений родителей к детям, и, наоборот, детей к родителям и так далее.

Семья представляет собой живой организм, микро общество, в котором соприкасаются прошлое, настоящее и будущее, в котором идет формирование цивилизационных основ человеческой реальности.

Среди современных отечественных исследователей широко распространена точка зрения, согласно которой Россия – как культура и как цивилизация – переживает острый идентификационный кризис: разрушив свою прежнюю «советскую» идентичность, она оказалась на перепутье между постиндустриальным и традиционным обществом. Такой вывод делается на основе зафиксированных исследователями фактов, связанных с семьей и браком: падение рождаемости, рост разводов, неполных семей и одиночества, высокая женская занятость. Все эти показатели отражают внешние аспекты изучения проблемы, но изначально в сознании русского человека семья воспринимается как глубокое сакральное таинство в религиозном контексте.

В христианском смысле семья – просвещение и одновременно тайна. В ней происходит преображение человека, расширение его личности. Эта полнота еще усугубляется с возникновением из двоих, слитых вместе, третьего, их ребенка. Совершенная супружеская пара породит и совершенного ребенка, она и дальше будет развиваться по законам совершенства.

В наше время, когда общественное мнение стало более либеральным, и жесткие моральные устои советского периода сменились на более демократичные, понимание семьи изменилось.

Современная семья все больше приобретает личностно-психологический характер взаимоотношений. Сексуальным отношениям придается большее значение, нежели духовным. Религиозные идеалы потеряли свое влияние. Потеряно понятие рода, как некой целостности множества поколений, духовного единства с предками. Теперь каждый сам по себе, индивидуален и одинок! И чувство потерянности, оторванности должно быть восполнено единством и сплоченностью членов семьи.

Не стоит забывать, что в семье сменяются поколения людей, в ней человек рождается, через нее продолжается род. Сущность и смысл семьи, таким образом, состоит не просто в воспроизводстве населения или детопроизводстве, а в продлении рода в самом широком смысле слова. Семья выступает как связующее звено поколений рода во всех планах бытия. Через нее род развивает заложенные в его природе духовные качества. Через семью род реализует себя, свое назначение, воплощает, выражает и развивает свою физическую, психологическую, духовно – нравственную сущность, материализуется в ее действиях, образе жизни.

Семья – это сложное социокультурное явление. Специфика и уникальность ее в том и состоит, что она фокусирует в себе практически все аспекты человеческой жизнедеятельности и выходит на все уровни социальной практики: от индивидуального до общественно – исторического, от материального до духовного.

Из всего вышеизложенного стоит отметить, что семья в ее эзотерическом понимании является более приемлемой моделью для русского общества и государства, что определяется ее историческим путем развития. Современникам российской действительности следует переориентировать свои приоритеты в пользу вечных ценностей, акцентируя внимание на внутреннем развитии семьи как единого духовного организма.

Изучение проблем семьи не должно ограничиваться простым анализом и констатацией фактов. Необходима выработка рекомендаций и практических действий, направленных на сохранение института семьи, ведь возрождение национальной культуры, сохранение нации как единого целого возможно благодаря сохранению института семьи и его активного поддержания со стороны государства, религии, общества и личности.

Литература

1. Платон. Законы: в 4-х томах / Платон. – М., 1973. – Т. 3. Ч. 2. – С. 112.
2. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. / Ф. Энгельс, – М.: ЛКИ, 2007. – 248с.
3. Дружинин, В.Н, Психология семьи. / В.Н. Дружинин – М.: Изд-во КСП, 1996. – 327 с.
4. Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. / С. И. Голод. – СПб.: ТОО ТК «Перополис», 1998. – 272 с.
5. Пархоменко, И.Т., Культурология в вопросах и ответах. / И.Т. Пархоменко, А.А. Радугин. – М: Центр, 2001. – 232 с.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗВОДОВ В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ

К. Б. Силантьева

Томский государственный педагогический университет

Все чаще и чаще семьи в России сталкиваются с «обратной стороной» брака – разводом. Десять лет назад распадался каждый третий брак. По

оценке специалистов сейчас распадается каждый второй [1]. Тридцать процентов молодоженов не довольны своим браком. А сорок – подумывают о разводе в первый год после свадьбы. Пятнадцать из них разводятся на втором [2]. По сведениям Госкомстата, в 1970 году поженились 1319 тысяч человек и развелись 397 тысяч, а в 2002-м поженились 1020 тысяч, а развелись 854 тысячи. В 2005 году эти цифры составили, соответственно, 1066 тысяч и 605 тысяч [3].

Еще в 2004–2005 годах социологи воспрянули духом и заявили: количество разводов в России ощутимо уменьшается. В Москве за это время число желающих вступить в брак ежегодно возрастало приблизительно на 1000 человек и примерно на столько же снижалось количество разводов. Однако эта воодушевляющая статистика была нарушена в 2006 году, когда эксперты зарегистрировали самый настоящий пик разводов: более 45 тыс. супружеских пар в столице официально разорвали священные узы брака. В Главном управлении московского ЗАГС сообщили, что если сравнивать эту цифру с показателями 2005 года, то рост разводов составил чуть больше 4 %, или вырос на 1647 случаев [6].

По данным Комитета по делам записи актов гражданского состояния Петербурга, в прошлом году число расторгнутых браков в Петербурге выросло на 8 % по сравнению с 2006-м (23 871 развод в 2006 году и 25 782 развода в 2007-м) [9]. И если количество браков можно назвать стабильным, то статистика разводов неуклонно растет [3]. Так, в чем же главные причины роста разводов в нашей стране?

Основные причины, по которым в России разводятся люди, – пьянство и сложный жилищный вопрос. К таким выводам пришли аналитики ВЦИОМ, опубликовавшие недавно результаты своего исследования. В ходе его было опрошено 1600 человек в 153 российских городах и поселках. В списке причин разводов лидируют алкоголизм и наркомания – 51 % респондентов не выдерживают совместной жизни с невменяемым супругом. 41 % не выносят жизни в обидной тесноте. Третья напасть, которую не выдерживает семейная лодка, – бедность. От этого распадается треть семей [3].

Если сравнивать полученные результаты с данными 1991 года, то, как и прежде на первый план сегодня у нас выступают социальные факторы. Значимость проблемы алкоголизма значительно возросла, также в качестве доминирующей причины развода стала выступать проблема отсутствие собственного жилья и невозможность прокормить семью. Восемнадцать лет назад эти факторы были актуальны лишь для незначительного числа наших сограждан [10].

Все чаще причиной разводов становится не стандартное «несходство характеров» или измена одного из супругов, а обыденная супружеская скука. Проходит время первой влюбленности, первые безмятежные годы, и муж с женой начинают жить по заведенному алгоритму. Привычные реплики, ежедневная рутина – и от былой любви не остается и следа.

После пяти-шести лет совместной жизни супруги уже не ждут сюрпризов друг от друга. Они хорошо знают достоинства и недостатки партнера, не питают напрасных надежд на то, что супруг (супруга) с годами превратится в ходячее совершенство и умеют мириться с «минусами» жены (мужа). Все привычки и пристрастия друг друга изучены до мелочей. Вечная рутина не может не отразиться пагубно на их отношениях.

Мужа не интересуют проблемы жены, ведь он, как правило, по горло занят своими собственными (на работе, к примеру). Естественно, что рано или поздно жена начинает отвечать тем же. Таким образом, возникают семейные проблемы, и трещинка в семейных отношениях постепенно разрастается до размеров пропасти. У пары появляется все больше причин для развода [2].

Остальными весомыми причинами развода россияне назвали отсутствие собственного жилья (41 %), невозможность прокормить семью из-за низких доходов (29 %), вмешательство родственников в дела семьи (18 %). Реже среди причин разводов указывают невозможность иметь детей (10 %), длительное раздельное проживание (8 %), тюремное заключение (3 %) или хроническую болезнь одного из супругов (2 %) [5].

Считается, что чаще всего люди разводятся из-за измены. Однако неверность в списке причин разводов в России не фигурирует. Это не повод для развода [3]. На самом деле, сама измена не причина, а следствие более глубоких причин. Если в супружестве все хорошо, то измена не может повернуть вспять течение этой реки. Если же присутствуют скука, давние претензии, недостаток доверия, утрата сексуального влечения, тогда, действительно, измена может стать непосредственной причиной развода.

По некоторым исследованиям, 75 % мужчин не находят в случайном партнере того, что ожидали, и начинают больше ценить свою жену. Среди неверных жен число таких, кто не испытал ничего, кроме разочарования и угрызений совести, оказалось еще больше – 90 %. Супруг осознает, что совершил страшную ошибку, что предал близкого человека и впредь будет дорожить своим очагом.

И все же в большинстве случаев измена не идет на пользу любви. Измену, наверное, простить труднее всего. И трудно, даже невозможно забыть. Даже супруги с солидным семейным стажем признаются, что воспоминание об измене одного из них сохраняет горечь на долгие годы. Измена разрушает семью, неважно кто изменил, муж или жена [7].

По мнению директора по общественным связям ВЦИОМ Игоря Эйдемана, нынешняя российская ситуация может быть охарактеризована как «превалирование социальных причин развода над личными». «Увеличение количества разводов, на которое указывает статистика, – общемировая тенденция, – говорит г-н Эйдемман. – В странах с христианской культурой уже не первое десятилетие наблюдается кризис традиционной семьи как социального института. Растет количество людей, живущих в гражданском браке. Вполне возможно, что семья как институт вскоре отомрет». По мнению

социологов, причина разводов, которую статистики определяют как социальную, кроется в глобальном кризисе института семьи [3].

Как бы ни были объективны результаты исследования ВЦИОМ, с выводами аналитиков не готовы согласиться специалисты другой исследовательской компании. По мнению ведущего консультанта, члена совета директоров компании ROMIR Monitoring Игоря Березина настоящие причины разводов в России – сексуальная несовместимость партнеров, о которой они не догадывались, отправляясь в загс, несовместимость характеров и нежелание нести бремя ответственности за семью [4].

Есть данные, говорящие о том, что чем раньше люди вступают в брак, тем выше вероятность их развода. Подростки разводятся в два раза чаще, чем люди, вступившие в брак в возрасте 20 с лишним лет. Однако некоторые социологи считают, что тенденция к возрастанию числа разводов не обусловлена неустойчивостью браков, а скорее связана с возможностью легко получить развод. Они отмечают, что число разведенных пар увеличилось больше, чем количество супругов, живущих отдельно. Таким образом, развод, по-видимому, стал распространенным способом улаживания серьезных конфликтов между супругами, которые существовали всегда. Изменение отношения к разводам и улучшение экономического положения женщины, наверное, тоже способствовали разводу некоторых супружеских пар [7].

Другой причиной разводов является психологическая и практическая неподготовленность супругов к семейной жизни (42 % разводов). Эта неподготовленность проявляется в грубости супругов, взаимных оскорблениях и унижениях, невнимательном отношении друг к другу, нежелании помогать в домашних делах и воспитании детей, неумении уступать друг другу, в отсутствии общих духовных интересов, жадности и стяжательстве одного из супругов, неподготовленности к взаимодействию, в неумении сглаживать и устранять конфликты и в стремлении конфликты усиливать, в неумении вести домашнее хозяйство.

На отсутствие помощи супруга в домашних делах как причину конфликтов и разводов в исследовании указали всего 9 % женщин [1].

В настоящее время возрастает роль Интернет в разрыве семейных отношений. За последние 2 года, по оценке специалистов, примерно 15 % браков в России расторгаются из-за активного участия граждан в социальных Интернет-сетях. Если раньше семейные проблемы провоцировали специализированные сайты знакомств, то сейчас на передний план вышли социальные сети – «ВКонтакте», «Одноклассники», другие аналогичные службы. Погрузившись в эти сайты, люди не только возобновляют прежние романы, но и заводят новые [9].

Жены до трех часов ночи могут посылать сообщения по электронной почте, игнорируя супружеское ложе, молодые мужья без усталости скачивают музыку с Интернета или проводят ночь в мире фантазий виртуальных игр среди эльфов и магов. Или в мире красных фонарей на порносайтах [8].

Как правило, «путешествия по социальным сетям» связано с неудачными или незавершенными романами в школьные годы. И эти романы могут всплыть спустя значительное количество лет. У людей сохраняются образы «девочки из школы» или «мальчика из школы», не имеющие никакого отношения к реальности. В сети начинается лирическая переписка [9].

Обычной ситуацией становится, когда молодая женщина проводит все время, путешествуя по сети, где она находит друзей и поклонников. При этом она может не встречаться ни с одним из них. И тем самым она перестает обращать внимание на собственного мужа [8]. Очевидно, что число семейных конфликтов вследствие повального увлечения социальными сетями будет расти [9].

Разведенные мужчины чаще всего жалуются на то, что не было серьезной близости (37 %), повседневной нежности (29 %), упорядоченной половой жизни (14 %), заботы о нем (9 %), чувствовали себя закабаленным (веревка на шее) – 14 % [1].

Нами был проведен опрос среди студентов ТГПУ на тему разводов, и выяснилось, что 59 % студентов считают основной причиной развода измены в браке. На втором месте стоят материальные и бытовые трудности в семье (29 %), только 4 % опрошенных считают ситуацию в обществе, определяющую развод как норму главной причиной, а 8 % придерживаются другого мнения. 48 % считают, что при разводе необходимо решения проблемы, для 38 % развод допустим только в крайнем случае, другие 10 % считают развод приемлемой ситуацией и только 2 % не приемлемой ситуацией.

Наши исследования показали, что только 10 % опрошенных не допускают ситуацию развода в своей будущей семье, когда для большинства (52 %) все зависит от ситуации в браке. 12 % допускают развод, а 16 % даже не задумывались об этом и только 2 % опрошенных говорят разводу «нет».

Согласно этим данным, можно сделать вывод, что на продолжительность брака влияют не только социальные и психологические факторы, но и материальная база семьи. Особенно стоит обратить внимание на отношения супругов друг к другу. Только теплые, терпимые и внимательные отношения, полные взаимопонимания могут продлить брак.

Литература

1. Развод. Статистика разводов [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://biglove.narod.ru/ab0612.htm>
2. Семейные проблемы – причины разводов [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.soblaznenie.ru/encw/houseproblems.php>
3. Бытовой развод [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0281/gazeta023.php>
4. Супружеские пары чаще всего распадаются из-за социальных неурядиц [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.romir.ru/news/press/302.html>
5. ВЦИОМ: Основные причины развода в России – алкоголизм или наркомания [Электронный ресурс] : Режим доступа: http://www.ruslife.ru/family/Folder_58/985.smx

6. Причина разводов [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://moydnevnik.ru/runet/530/%F0%D2%C9%DE%C9%CE%C1+%D2%C1%DA%D7%CF%C4%CF%D7.html>
7. Развод. Причины разводов [Электронный ресурс] : Режим доступа: http://www.ronl.ru/semeynaya_psihologiya/12884.htm
8. Компьютерный синдром – одна из причин разводов [Электронный ресурс] : Режим доступа: http://comp-doctor.ru/psi/psi_st4.php
9. Виноваты ли в разводах социальные сети [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://psyterra.spb.ru/about/pressa/socnet/>
10. В чем причина разводов [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.km.ru/news/>

«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС» В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

О. В. Смирнова

Томский государственный педагогический университет

Современное российское общество, пережившее значительные изменения, вступает в эпоху постиндустриального развития, что, безусловно, отражается в изменениях его социальной структуры. Идет активный процесс «размывания» традиционных групп населения, происходит становление новых классов, в первую очередь основанных на профессиональной стратификации, включающей три базовых элемента: образование, профессию, доход. Однако следует отметить, что ранжировать российское общество по данным методикам невозможно, поскольку одномерные стратификационные срезы по базовым элементам не сводимы в единую матрицу. Именно поэтому анализ социальной структуры представляется важным и актуальным.

Исследователи отмечают, что российское общество оказалось обществом смещенных вниз статусных позиций. В его структуру входят: малочисленная элита, небольшой средний класс и основная массы населения в нижнем (базовом) слое [1]. Среди других тенденций, характерных для социальной структуры современного российского общества, исследователи отмечают ограниченный характер социальной мобильности между классами, социальную поляризацию, размывание слоя интеллигенции, которое проявляется либо в массовом уходе субъектов из сферы умственного труда, либо в смене ими места жительства (так называемая «утечка мозгов»); а также процесс стирания границ между специалистами с высшим образованием и высококвалифицированными рабочими.

Социальные науки, пытаясь осмыслить эти изменения, уделяют пристальное внимание именно проблеме изменений социального слоя интеллигенции. В частности, исследователи говорят о двойственном положении квалифицированных специалистов. Отмечаются их высокая востребованность в негосударственном секторе, при нивелировании их достоинств в го-

сударственных учреждениях. При этом спрос на специалистов технических и прикладных областей гораздо выше, чем на представителей гуманитарных наук, педагогов, ученых. Существенная разница в доходах, сокращение государственной поддержки, экономические изменения ведут к тому, что некоторая часть интеллигенции теряет свои профессиональные навыки и опускается в низший социальный слой.

Существует мнение о том, что интеллигенция понятие не столько российское, сколько интернациональное, присущее социальной структуре любого общества. Этой позиции придерживаются Р.Пайпс, П.Милуков и др. [2, 3], выделяющие такие характерные черты интеллигенции, как образованность, оппозиционность и критичность, высокая квалификация.

Проблема существования и развития класса творческой интеллигенции является многоаспектной и актуальной с точки зрения социальных изменений, происходящих в обществе. В современной социальной теории изменения, происходящие на уровне социального слоя интеллигенции в постсовременных обществах, осмысливаются посредством понятия «креативный класс», введенного Р.Флоридой [4].

Значительное влияние на формирование его теории оказали разработки его предшественников, так или иначе описывающих креативный класс. В первую очередь, это были П.Друкер, Ф.Махлуп [5], которые в 1960ые годы говорили о растущей роли и власти новой группы людей, названной ими «работники интеллектуального труда». Позднее, Д.Белл [6] обратил внимание на новую, более меритократическую классовую структуру, возникшую в результате перехода к постиндустриальной экономике, в которую входили инженеры, менеджеры, администраторы. Социолог Э.О.Райт [7] несколько десятилетий писал о развитии «профессионально – административного класса». Современник Р.Рейх [8] предложил термин «символические аналитики», для описания специалистов, оперирующих идеями и символами, занятых интеллектуальным трудом. П.Фассел [9] описал некий «класс Икс», многие из характеристик которого позже попали в классификацию Флориды. Р.Патнэм [10], в противоположность концепции «креативного капитала», развивает концепцию капитала социального, опирающуюся как на работы Э.Дюркгейма, так и на труды П.Бурдьё и Д.Коулмана. С точки зрения Р.Патнэма, социальный капитал означает, по сути, взаимодействие, результатом которого является гражданское сообщество. Упадок социального капитала в обществе означает сокращение гражданственности, доверия, ослабление социальных связей и пассивность. Причинами этого Р.Патнэм считает увеличение продолжительности рабочего дня и, соответственно, нехватка личного времени, рост пригородов мегаполисов, что увеличивает расстояния, а также активное влияние СМИ на досуг, сдвиг традиционных ценностей от «гражданской сознательности» поколения Второй мировой войны к «эгоизму» последующих поколений.

Согласно теории Р.Флориды роль и отличительная черта креативного класса заключается в том, что он выполняет функцию «создания новых зна-

чимых форм», т.е. осознанной интеллектуальной деятельностью, в основе которой – новаторство и совершенствование существующих форм, или же использование возможностей собственного интеллекта и воображения в «нетворческой» работе. По мнению автора, креативный класс делится на две группы: «суперактивное ядро», представители которого занимаются производением новых форм и моделей на постоянной основе, и творчество – их основной и оплачиваемый труд. Ко второй группе условно разделенного креативного класса относятся «креативные специалисты» – они не только обладают высоким интеллектом и знанием, но и умеют мыслить самостоятельно. При постоянной творческой работе, посвященной созданию нового, креативный специалист может «перейти» в суперактивное ядро класса.

Говоря о креативном классе, Р.Флорида использует определение «класса» отличное от классического, в основе которого лежат экономические характеристики. Он считает, что для новых классов важны не только социальные и трудовые отношения, но и система ценностей. Новая экономика, по его мнению, движется креативностью, являющейся наиболее ценным товаром новой экономики – так креативная экономика соединяет сферы технической новации, бизнеса и культуры.

Р.Флорида основным условием развития креативного класса называет «качественную» городскую среду, которая является открытой площадкой для людей разных культур, местом с оригинальной и толерантной атмосферой, комфортной инфраструктурой, наполненным разнообразными событиями, где можно реализовать творческий потенциал. Наличие такой среды, безусловно, привлекательно для творческих людей. Города, которые смогли «освоить» новый тип устройства и сформировать комфортную среду для креативного класса, становятся не только центрами творческой активности, но и экономически успешными. Это связано с тем, что крупные компании и инвесторы заинтересованы в квалифицированных кадрах и, соответственно, стремятся быть там, где максимальна их концентрация.

Роль и место креативного класса в российских городах характеризуются неоднозначно. По абсолютному показателю количества представителей креативного класса Россия находится на втором месте в мировом рейтинге (около 13 млн. человек), уступая США. Однако относительные показатели соотношения всего занятого население и творческой прослойке значительно хуже, и составляют около 15 %. Тенденция снижения количества квалифицированных творчески мыслящих кадров, связана с миграцией или вынужденным прекращением профессиональной деятельности. Исследователи проявляют повышенное внимание к креативному классу и определяют его роли как локомотива в развитии общества. Одновременно с этим, креативный класс фактически не сформирован, что связано с реально существующими экономическими и бюрократическими барьерами.

Складывается ситуация, когда ожидания и распределения ролей креативного класса не коррелируют с реальной ситуацией в городах. Это ведет к тому, что вместо глобальных и последовательных изменений концепции вос-

приятия и развития города с помощью творческого класса, имеют место единичные примеры возникновения креативных площадок, а крайне популярный в последние годы брэндинг территорий не дает должного эффекта. И креативный класс, функциями которого является изменение городской среды, наполнение ее разнообразными событиями, привлечение инвестиций в города, оказывается между «молотом и наковальней» – комфортной городской среды не существует, как и не существует работающих механизмов для кардинальных изменений, поскольку диалог между бизнесменами, политиками, представителя творческих индустрий практически отсутствует.

Таким образом, можно говорить о том, что изменения современного российского класса интеллигенции привели к его расслоению на более престижные и высокооплачиваемые направления деятельности, и менее успешные. Это привело к тому, что часть интеллигенции попала в элиту, часть – стала основой зарождающегося среднего класса, другие – опустились в базовый класс. Во-вторых, творческая интеллигенция в России может стать основой для формирования креативного класса, однако недостаточные для этого экономические факторы препятствуют развитию. И в-третьих, именно интеллигенция, как наиболее образованный, творчески-активный класс является важным элементом социальной структуры современного города. Формируя городскую среду согласно своим потребностям и видению, творческая интеллигенция является и основным ее потребителем, самым критичным и требовательным. Отправляясь в города с целью получить максимально выгодные как экономические, так и средовые условия жизни, интеллигенты привлекают за собой инвестиционные потоки и стимулируют изменения в культурной жизни городов.

Современная ситуация в российских городах далека от идеальной. В условиях кризиса и перемен необходимо полное переосмысление путей дальнейшего развития и приоритетов и самой социальной структуры общества. Одним из возможных решений, уже проверенных в зарубежной практике, является формирование «сильного» креативного класса и создание среды для его развития.

Литература

1. Тихонова Н.Е. Социальная структура Российского общества. Итоги 8 лет реформ» //Общественные науки и современность. 2000, №3
2. Милуков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция. // Вехи. Интеллигенция в России. 1909 – 1910. М.,1991
3. Pipea Richard. The Russian Revolution. Alfred A. Knopf, Publisher. N.Y., 1991
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Пер. с англ. – М., 2007
5. Peter Drucker. The age of discontinuity. N.Y.: HarperCollins, 1962
6. Drucker. Post – capitalist society. N.Y.: Harper Business, 1995
7. Fritz Machlup. The production and distribution of knowledge in the United States. Princeton: Princeton University Press, 1962
8. Eric Olin Wright. Classes. London: Verso, 1990
9. Daniel Bell. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y.: Basic Books, 1973

10. Robert Reich. The work of nations. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1991
11. Paul Fussel. Class: a guide through the American status system. N.Y.: Summit, 1983
12. Robert Putnam. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon and Schuster, 2000

ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В РЕКЛАМЕ: ГЕНДЕРНЫЙ, ЭТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

С. Н. Тоноян

Томский государственный педагогический университет

В современном мире человек постоянно находится под воздействием различного рода информации, поступающей из всевозможных источников. Безусловно, одним из них является реклама. Реклама по праву считается одним из мощнейших средств воздействия на массовое сознание. Телевизионная реклама является наиболее мощным из рекламных средств вследствие огромного размера аудитории, сочетания звукового и зрительного воздействия. В условиях изменяющейся реальности реклама приобретает все большее значение, т.к. сегодня реклама стала частью нашей повседневной общедоступной культуры, информационной составляющей коммуникационных процессов и является одним из показателей развития общества.

Цель данной статьи – раскрыть гендерный, этический и правовой аспекты рекламы, использующей детские образы. Согласно заключению Института психологии РАН, образы, созданные в рекламе актерами и каскадерами, цифровыми и компьютерными технологиями, могут восприниматься значительной аудиторией детей и подростков как образы несовершеннолетних и вызвать желание воспроизвести в реальной жизни увиденное на экране. Стоит также отметить, что именно подрастающее поколение является основными потребителями рекламируемых товаров [1]. Кроме того, дети разных возрастов и сами появляются в рекламных сообщениях, представляя какой-либо товар или услугу.

Появление ребенка в рекламе способствует привлечению внимания, повышению интереса к ней, облегчает запоминание, стимулирует интерес потребителя и, в конечном счете, влияет на его выбор. Именно поэтому использование детских образов в рекламе явление довольно частое. Образы детей влияют на выбор покупателем рекламируемого товара среди ряда продуктов одной товарной категории. Детский образ включает в себе безусловный характер воздействия на общественное сознание, поэтому данный образ вызывает живой интерес, эмоционально окрашенную реакцию не только у детей-телезрителей, но и у взрослых. Детский образ занимает значительное место в работе заказчиков, исполнителей рекламы и рекламодателей. Тем не менее, образ ребенка в рекламе является не самым популярным предметом социологического исследования.

Для начала остановимся на анализе гендерного аспекта использования детского образа в рекламе. Прежде всего, хотелось бы отметить, что в любой рекламной продукции используются персонажи определенного пола в зависимости от характера рекламного продукта. Однако наблюдения за рекламными роликами, где используются образы детей до 3-х лет, (например, в рекламе памперсов, средств ухода за ребенком, детского питания и т.д.) показывают, что пол ребенка четко не определен, и внимание на его половой принадлежности часто не акцентируется. Но чем более старшего возраста появляются дети в рекламной продукции, тем больше им приписываются гендерные роли в соответствии с их полом. Поэтому в рекламе взрослеющие дети обретают феминизированные и маскулинизированные черты и демонстрируются уже не столько как дети, а как объекты с определенной гендерной принадлежностью. Прежде всего это проявляется в одежде и манере поведения. Дети подросткового возраста в рекламных роликах представляются уже в полном осмыслении своей гендерной идентичности. Так, юные девушки демонстрируются уже более как сексуальные объекты желания (даже если рекламируют средство от прыщей), а молодые парни как мужественные, бесстрашные персонажи, совершающие какой-нибудь героический поступок (Сникерс, Спрайт).

В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание и на этический аспект использования детского образа в рекламе. Как известно, нравственный компонент не всегда совпадает с правовой сферой: что является допустимым с юридической точки зрения, может осуждаться с этической. Так, в одном из рекламных роликов косметического масла «Gohnson's baby» малыш выступает в качестве «эксперта» по оценке состояния кожи тела своей мамы. В данной рекламе используется технология «мужского взгляда», т.е. когда маленький мальчик оценивающе, глазами мужчины смотрит на маму, обнажающую перед ним сексуальные части своего тела, демонстрируя качество своей кожи. С одной стороны, в данном рекламном ролике применена технология, которая часто используется в эротическом сюжете рекламы, предназначенной для взрослых, что не этично по отношению к детскому возрасту, с другой стороны, с правовой точки зрения здесь нет нарушений, т.к. компания «Gohnson's baby» специализируется на производстве косметических средств по уходу за детьми, и, таким образом, встреча с очаровательным ребенком здесь вполне уместна.

В рекламе товаров и услуг, предназначенных непосредственно для детей, появление ребенка в большинстве случаев оправдано. Однако остаются актуальными проблемы этики и правовые аспекты использования естественной детской привлекательности. Это касается тех рекламных роликов, когда рекламируются товары общего употребления, товары, в отношении к которым дети и подростки составляют лишь незначительную часть потребительской группы. Иногда дети и вовсе не являются потребителями рекламируемой с их помощью продукции. Отсутствие единого специального перечня товаров, предназначенных для использования несовершеннолетних

в рекламе, зачастую дает повод для довольно широкого толкования рекламодателями и рекламопроизводителями понятия «товары для детей». Сюда они стремятся отнести любой товар, в потреблении которого дети принимают хотя бы какое-то участие, прямое или косвенное. Но тогда получается, что дети имеют отношение ко многим товарам и услугам уже только потому, что являются индивидами общества и «продуктами» культуры. Закономерно, что в настоящее время Федеральным законом «О рекламе» в статье 20 жестко ограничивается возможность использовать образы несовершеннолетних в рекламировании товаров, непосредственно для них не предназначенных [1].

Использование образов несовершеннолетних в рекламе товаров, не предназначенных непосредственно для несовершеннолетних, вызывало и вызывает немало споров и разногласий. Как подчеркивают специалисты, по числу дебатов, возникающих на заседаниях по рассмотрению дел о нарушениях законодательства, статья 20 Закона «О рекламе», пожалуй, занимает одно из первых мест. Особенно часто споры возникают из-за использования образов детей в рекламе товаров, не предназначенных непосредственно для несовершеннолетних [1].

По силе эмоционального воздействия образ ребенка один из самых лидирующих. При виде малыша любой человек, даже взрослый суровый мужчина может состроить улыбающуюся гримасу. Говоря об образе ребенка в рекламе, мы имеем в виду не только маленьких детей, поскольку детский образ сохраняет присущее ему обаяние до юношеского возраста. По законам РФ ребенком считается лицо, не достигшее 18 летнего возраста.

Немаловажным в данной ситуации является то, что реклама далеко не всегда учитывает реальные последствия использования детского образа. Даже адресованная непосредственно детям реклама не всегда учитывает возможность ребенка сделать то, к чему она зовет [3]. Например, реклама хлопьев «Nesquik» демонстрирует ловкость детей, стремление их к приключениям в домашних условиях, и главный герой заяц Nesquik помогает им в приключениях и в получении желаемой порции хлопьев. Естественной реакцией ребенка является желание почувствовать данные эмоции в реальности и получить данные хлопья, но реклама не дает предупреждения о том, какие последствия могут принести данные приключения. Кроме того, часто в рекламе с образом ребенка нередко нарушаются или недостаточно учитываются психологические особенности возраста, и даже элементарные биологические возможности ребенка. Например, реклама маргарина «Rama», которая выходила несколько лет назад. По словам специалистов, смысл этой рекламы в том, что малыш с наслаждением съедает достаточно большое количество данного маргарина, что противоречит не только медицинским показателям возможностей детского организма, но и элементарному здравому смыслу. Между тем, мама ребенка с улыбкой наблюдает за тем, как портит желудок ее ребенок, поощряя его безмерную увлеченность поглощением модного продукта [3].

Использование образов несовершеннолетних в рекламе товаров, непосредственно не предназначенных для них, способно сформировать у детей мнение о том, что они вправе приобретать и использовать указанные товары наравне со взрослыми. Согласно ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации за несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, сделки могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны. Малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать: мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения. Несовершеннолетние, не достигшие возраста восемнадцати лет, не вправе самостоятельно, без согласия родителей, опекунов, попечителей получать, например, кредиты в кредитных организациях. Эти обстоятельства порой игнорируют рекламопроизводители, прибегающие к помощи детских образов в рекламе финансовых услуг, услуг по строительству и продаже жилья и других дорогостоящих товаров [1].

Не меньшего внимания заслуживают и другие положения ст. 20 Закона РФ «О рекламе», защищающие несовершеннолетних от злоупотреблений их доверчивостью и неопытностью. Учитывая особенности детского восприятия, законодатель установил специальные требования в целях защиты несовершеннолетних при производстве, размещении и распространении рекламы. И в соответствии с данными требованиями было установлено, что реклама не должна показывать несовершеннолетних в опасных местах и ситуациях; преуменьшать необходимый уровень навыков использования товаров у несовершеннолетних; создавать нереальное представление о цене товара и его доступности; дискредитировать авторитет родителей и воспитателей и т.д. [1]. Поскольку вышеперечисленные данные могут провоцировать ребенка на неосторожные действия и плачевные последствия от того, что ребенок стремится соответствовать тому детскому образу, который был продемонстрирован ему на экране. Примером неосторожных действий в лице детей и подростков служит рекламный ролик компании «Snickers». Сюжет блока рекламных роликов заключался в том, что подростки, попробовав батончик данной марки, приобретают невероятную силу и ловкость, превращаясь в фантастических железных существ, бегая друг за другом по улицам, крышам домов. Данные ролики впечатляли аудиторию, и, прежде всего, своими цифровыми и компьютерными технологиями.

В защиту рекламы с детскими образами иногда приводятся и такие доводы: если плакат не рекламирует алкогольную продукцию, табачные изделия, не пропагандирует насилие, жестокость и т.д., то этого достаточно, чтобы считать рекламу законной [1]. Ведь она не причиняет явного вреда здоровью несовершеннолетнего, его нравственному развитию, даже если товар и не предназначен специально для ребенка. При этом забывается о

том, что закон направлен на искоренение самих фактов неоправданного привлечения детского участия в рекламе, на исключение манипуляции легкостью и отсутствием опыта несовершеннолетних как явления безнравственного, последствия от которого могут сказаться не сразу.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что образ ребенка на рынке рекламы очень востребован, но в погоне за эффективностью влияния и получением максимальной выгоды нельзя забывать о человеческих ценностях, высшей из которых является ребенок, его счастье и благополучие. Признавая великую значимость рекламы в современном мире, все же использование детских образов в ней должно осуществляться в пределах правового, нравственного и в соответствии с новыми представлениями о мужских и женских ролях. Ведь сила рекламы в том и заключается, что она способна формировать нестандартные, но актуальные для общества образцы и модели поведения, в том числе, в сфере гендерных отношений

Литература

1. <http://www.konkir.ru/article.phtml?id=638>
2. <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/28040/>
3. <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/28040/>
4. Бузин В.Н. Основы медиапланирования изд-во международного института реклама, М., 2002. 210 с.
5. <http://www.polittech.ru/124404>

ПОЧЕМУ МЫ БОИМСЯ СТАРОСТИ?

Е. С. Цветкова

Томский государственный педагогический университет

В жизни каждого нормального человека рано или поздно наступает момент, когда он задаётся вопросом о конечности своего индивидуального существования. Каждый прожитый день мы воспринимаем как ещё один шаг к смерти. То есть мы уже не просто живём, а мысленно зачёркиваем дни на календаре. Нас часто посещают мысли, что жизнь кончается, и мы можем многого не успеть. Появляются соблазны пуститься во все тяжкие, так как потом на это не будет времени.[1]

Страх состариться является производным от страха смерти, одиночества и болезней. Примеры одинокой старости нередки, и мы просто примеряем их на себя.

С самого момента рождения человек начинает стареть. Казалось бы, уже за первые несколько лет можно было бы к этому привыкнуть. Но нет, с определённого возраста нас даже не радуют дни рождения. Почему мы боимся старости?

Многочисленные исследования показывают, что те люди, которые откладывают серьёзные жизненные поступки «на потом», обычно чувствуют себя и выглядят намного младше своих лет, а тот, кто торопится жить, уже

в молодости ощущает себя стариком, а окружающие преувеличивают его возраст.[4]

Еще 20 лет назад браки и романтические связи между молодыми мужчинами и более зрелыми женщинами были чрезвычайно редки и считались из ряда вон выходящим событием, то сейчас это явление в обществе нельзя считать таковым.[3]

Найдя спутника жизни моложе себя, многие пытаются оградить тем самым себя от старости! Влюбленные всегда выглядят моложе – у них усиленно вырабатываются «гормоны счастья», сияют глаза, походка становится летящей. Происходит и обратный процесс: молоденькие женщины, выйдя замуж за пожилых людей, стремительно стареют – у них гаснут глаза, походка становится степенной. Молодой любовник или любовница – это настоящая адреналиновая эйфория. В этот момент у многих людей, захваченных новым чувством, рушатся семьи.[7]

Но, увы, природу не обманешь. Искусственно приобретенной молодости хватает в среднем года на три, а потом человек становится прежним. Запаса адреналина, который мужчина с молодой партнершей растрчивает года за три, со старой женой ему хватило бы минимум лет на 10. Девушка взрослеет, мужчина стареет, и им становится сложно жить вместе.[9]

Кстати, очень многие любители молоденьких, когда вторично женятся, выбирают себе точную копию жены предыдущей. Это для мужчин своеобразная попытка еще раз войти в эту реку – реку молодости. У женщин с молодыми любовниками свои проблемы – они панически боятся, что любимый их оставит, и получают новые неврозы.

Так же в наше время люди не редко прибегают к пластической хирургии.

Привлекательные люди вызывают в нас более живой эмоциональный отклик. Красивый человек, согласно исследованиям, вызывает большее доверие и располагает к общению. Но стандарты, диктуемые СМИ, не акцентируют внимание на стремлении к индивидуальной красоте, а лишь диктуют жесткие, общие для всех нормы, тиражируемые образами из кино и миллионными экземплярами глянцевого журналов. Как результат многие недовольны своей внешностью. По опросам компании DOVE, проводившийся в 13 странах, в том числе в России, лишь 2 % женщин, могут сказать, что считают себя красивыми.[5]

По оценкам экспертов, всё больше мужчин и женщин прибегают к пластической операции из-за жёсткой конкуренции в профессиональной сфере. Это связано с тем, что образ делового человека ассоциируется с тонусом, молодостью, здоровьем, спортивной фигурой. «Здоровый человек» вызывает больше доверия, нежели человек с лишним весом, который ассоциируется с распушенностью, необязательностью. Для начала карьеры необходима «презентабельная внешность» как указано практически во всех описаниях престижных вакансий. Внешность – это первое на что обращают внимание.[6]

Россия находится на первом месте в мире по числу желающих сделать пластическую операцию. В числе самых популярных операций – самые опасные. Но, однако, статистику гибели пациентов никто не ведет.

К услугам пластического хирурга готов прибегнуть каждый второй россиянин – такой вывод следует из результатов исследования. Для сравнения: почти 80 % опрошенных в 41 стране мира не готовы прибегнуть к услугам пластической хирургии в зрелом возрасте. Как выяснилось, самые ярые противники омоложения живут в Гонконге (94 % против «пластики»), в Индонезии (92 %) и Японии (91 %).[3]

Однако все чаще к пластической хирургии обращаются пациенты, которые, борются со старением. Надо сказать, что к этой группе принадлежит основная часть пациентов, и численность их растет. Поэтому пластическая хирургия сегодня – это в большей степени инструмент эстетической медицины.[10]

Такой возрастающий интерес к пластической хирургии среди мужчин объясняется тем, что предрассудков, связанных с косметической хирургией, становится все меньше. Мужчины уже не думают, что это привилегия слабого пола. И что самое главное, мужчины стали понимать, успех в бизнесе во многом зависит от привлекательной внешности.

Мужчины, как и женщины, хотят быть привлекательными. И если раньше считалось, что морщины и шрамы украшают представителя сильной половины человечества, благородные седины и выразительные морщины придают человеку солидность, как-то не хочется менять на них свою роскошную каштановую шевелюру и бархатистую кожу. Люди, достигшие каких-либо успехов в жизни, как правило, выглядят молодо и энергично. Вот почему так важно для мужчин избавиться от морщин и кругов под глазами.[2]

В связи с этим мужчины более старшего возраста опасаются конкуренции со стороны молодых и хотят быть более привлекательными для своих жен и подруг.

Но это ещё не все причины почему люди так боятся старости. Одиночество, на мой взгляд его боятся все, и даже самые преуспевшие и молодые «душой» люди. Ведь так страшно остаться одному в конце жизни, как страшно когда не с кем поговорить, рассказать о своих переживаниях или просто поделиться какой-нибудь радостью. Страх одиночества, которое многие считают неременным спутником старости, одних заставляет тщательно скрывать свой возраст, других отправляет на стол пластического хирурга. Третьи с ужасом представляют, как они отравляют окружающим жизнь своими замечаниями и «ценными» советами. А все потому, что именно страх одиночества толкает женщину на то, что и становится причиной отчуждения. Нередко мы жалуемся на собственных матерей и бабушек: «истерят», навязываются, требуют внимания, вместо того чтобы мирно сосуществовать. Это и действует отталкивающе. Не хотите повторить печальный опыт?[8]

Многие люди отождествляют старость и одиночество. Однако, позаботившись о надёжном «тыле», можно легко избежать этой проблемы пожилого возраста. Искренние отношения с детьми, а затем и с внуками, позволяют в старости чувствовать себя востребованной, а значит, молодой. Общение с друзьями детства, институтскими подругами помогают женщине вновь почувствовать себя девчонкой, как это было десять или двадцать лет назад. Так что ностальгия – прекрасное средство психологического омоложения. Не удивительно, что многие пожилые люди так часто прибегают к нему. [6]

Ну что уж скрывать, говоря о старости, мы часто подразумеваем скорую смерть. По чьей-то остроумной формулировке, жизнь – это болезнь со стопроцентным летальным исходом. Страх смерти присутствует у каждого нормального человека. Мы все боимся неизвестности. А что с нами случится после смерти, не знает никто. Поэтому фантазия рисует самые страшные картинки, а опровергнуть их некому. Ведь оттуда ещё никто не возвращался. Психологи утверждают, что панический страх смерти испытывают только те люди, которые практически ничего не добились в жизни. Если человек может оглянуться назад и с гордостью перечислить несколько серьёзных, на его взгляд, достижений, он уходит гораздо спокойнее, с чувством выполненного долга. Поэтому надо создавать как можно больше таких достижений, пока есть силы и возможности, что бы потом в старости было чем гордиться.[10]

Но людей пугает не только старость, пугает вероятность тяжелой болезни, боль, лечение, неподвижность, беспомощность. Болезни, как известно, приходят сами и без приглашения. Известные как дважды два аспекты здорового образа жизни (спорт + правильное питание) сочетайте с запретами на излишества (курение + алкоголь + обжорство) и больше времени уделяйте сну. Во время ночного сна выделяется «нейрогормон молодости» мелатонин. Он регулирует деятельность эндокринных желез, стимулирует сексуальность и замедляет старение.[4]

Означает ли сказанное ранее, что страх перед старостью приходит вместе с ней? Ответом на этот вопрос стало исследование, проведенное нами в студенческой среде.

Мы провели исследование среди студентов, и как оказалось, старости боятся: 42 % студентов, не боятся старости: 40 %, и 18 % студентов никогда не задумывались о старости. Страх перед старостью вызван: у 36 % студентов страх вызван беспомощностью и болезнями, у 14 % студентов боязнью потерять привлекательность, ещё 14 % боятся одиночества, ещё 14 % боятся смерти, у 12 % студентов страх перед нищей жизнью. На вопрос с чем у студентов ассоциируется старость 20 % ответили, что с внуками, 22 % с болезнями, у 16 % старость ассоциируется с одиночеством, а так же на беспомощность, смерть и бедную жизнь приходится по 6 %.

Таким образом, можно выделить несколько наиболее важных причин страха: беспомощность, болезнь, смерть, одиночество, боязнь потерять

привлекательность. Говоря о старости мы подразумеваем скорую смерть, нас пугает неизвестность, вот почему многие студенты указали, что боятся старости. Некоторые студенты представляют свою старость в приятных хлопотах с внуками, тихую, умеренную жизнь полную счастья. Наверно многие люди именно так и представляют свою старость.

Литература

1. Интересная психология. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.psychologov.net/view_post.php?id=396
2. Красота и здоровье. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.beautyinfo.com.ua/modules/news/m1c1i41t1l0in89n7.html>
3. Русская «пластика». [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://anaplasty.net/news/?id=99>
4. Как вы относитесь к пластической хирургии? [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.romma.ru/ru-act-viewAnswer-idQstn-458.html>
5. Пластическая хирургия. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.medportal.ru>
6. Почему мы боимся старости? [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.mc-evenal.ru/php/content.php?id=749>
7. Почему мы боимся старости и смерти? [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.mosmedclinic.ru/news/4245>
8. Старость. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://medportal.ru/budzdorova/issue_theme/237/
9. Как избежать одиночества? [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://ro4emuchka.ru/news/2009-01-25-197>
10. Неравные браки. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://allquestions.ru/publ/22-1-0-342>

ВОЗРАСТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ: МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И. И. Цема, Е. Ю. Шамшурина

Томский государственный педагогический университет

История свидетельствует о существовании проблемы борьбы за власть между старыми и молодыми, принадлежащими к господствующему классу. Старые владели опытом, знанием, памятью, а молодые обладали силой, здоровьем и хорошими адаптационными способностями. Так в традиционных обществах место каждого человека было определено с момента рождения, а также были определены и неизменяемы способы взаимосвязи поколений и передачи опыта. Иная картина наблюдается в современном динамичном обществе, которое постоянно ставит перед каждым новым поколением новые проблемы и задачи самоутверждения и выбора путей своего развития. В таком обществе опыт предыдущих поколений не может полно-

стью отвечать задачам настоящего и будущего. Меняются механизмы трансляции опыта, в результате формируется образ каждого поколения.

Проблема взаимоотношений между поколениями, или как говорят, конфликт поколений, был во все времена. Однако каждое время содержание проблемы, острота противоречий, формы конфликтного взаимодействия носили особенный конкретно-исторический характер и формировали свои социальные нормы отношений между поколениями.

Нынешнее состояние межличностных связей вообще не укладывается в определение конфликта. Конфликт – это норма. Он разрешается с возрастом «детей». У нас было бы точнее говорить о разрыве поколений. И как следствие этого – резкое падение родительского авторитета в семье, учительского – в школе, преподавательского – в вузе, значительное увеличение конфликтов между младшими и старшими на межличностном уровне.

Чтобы рассмотреть проблему взаимоотношений между молодым и старшим поколениями, было проведено социологическое исследование на тему: «Возрастные социальные стереотипы: межпоколенные отношения». Молодежь не имеет ясного представления и жизни старшего поколения и часто драматизирует их социальное положение, порождая предрассудки и создавая стереотипы, что в свою очередь, проецируется на межпоколенные взаимоотношения.

Главной нашей целью было: выяснить отношение молодого поколения к старшему на сегодняшний день.

Мы поставили перед собой 3 задачи:

1. Провести анализ взаимоотношений поколений, показать специфику межпоколенных отношений в условиях современного общества.
2. Проанализировать влияние возрастных социальных стереотипов на межпоколенные взаимоотношения.
3. Выявить влияние занятости молодого поколения на отношение к старшему.

Нами была выдвинута гипотеза: в настоящее время молодое поколение с непониманием, с пренебрежением относится к пожилым людям.

Возраст опрашиваемых от 17–25 лет, среди них студенты ТГПУ, ТУ-СУРа, ТГАСУ, ТГУ, а также работающие.

При ответе на вопрос: «Как Вы относитесь к старшему поколению?» Мы получили следующие результаты:

- с уважением – 78 %
- с сочувствием – 8 %
- с пониманием – 6 %

Таким образом, большое количество молодых уважают старшее поколение, отдают должное их возрасту.

Также респонденты отмечали, что хотелось бы больше времени уделять для своих пожилых родственников, но из-за нехватки времени, средств (т.к. у многих родственники живут далеко) не могут этого делать.

Задав вопрос: «С чем у вас ассоциируются пожилые люди? Пожилые люди – это...»

74 % – жизненный опыт и мудрость;

10 % – заслуженный отдых;

8 % – возрастные особенности (болезни, склонности к забывчивости, изменения во внешности);

4 % – особые нужды (пожилые люди нуждаются в особом уходе, внимании, понимании и уважении).

Ответ на этот вопрос помог ответить на поставленную нашу первую задачу: специфика межпоколенных отношений в условиях современного общества. Для большинства пожилые люди все же несут какую-то мудрость, жизненный опыт. Главное, что для современной молодежи они не предстают, как назойливые бабушки и дедушки, которые недовольны всем вокруг, особенно ими (своими внуками). Старый человек уравновешен, рассудителен, проницателен, освобожден от волнений юности. Старость в современной смысловой направленности обозначает определенный этап индивидуальной жизни, равноценный в соотношении с другими этапами, значительной длительности.

Так как мы опрашивали молодежь от 17–25 лет, это студенты и работающие, главной их целью является построение карьеры, стремление чего-то достичь в этой жизни, а на это нужно много времени. Все это очень сильно влияет на отношения с родственниками. Самое главное то, что молодое поколение понимает это. Из-за невозможности дать тепло своим родственникам, эта мысль передается всем остальным. Это как чувство вины, которое хочется загладить, чем-нибудь восполнить. Выходом может быть лучшее узнавание старшего поколения молодым через более неформальные контакты и помощь, порождающие эмпатию и взаимопонимание.

При опросе мы предполагали, что на ответы в нашей анкете повлияет выбранная специальность молодых. Но такового не оказалось. Ответы специалистов по рекламе не отличались от ответов эксперта криминалиста, или ответы будущего преподавателя не отличались от инженера и т.д. разве, что количеством раз посещения своих родственников.

Таким образом, наша гипотеза была опровергнута. Чему мы несказанно рады! В наше время технического прогресса, научных открытий, мы все же хотим увидеть бабушку и дедушку, которые тяжело, а главное «близко к сердцу» воспринимают происходящее. Нам хочется поговорить с ними, послушать их воспоминания в то нелегкое для всего народа время, рассказать о наших успехах и провалах, попросить совета. Просто уделить им внимание, проявить заботу. Молодое поколение должно сохранить за старшим поколением титул «жизненного опыта и мудрости», т.к. именно они передали нам мудрость, опыт, а главное – жизнь.

КОНКУРЕНТНАЯ СТРАТЕГИЯ КОМПАНИИ «РОСГОССТРАХ» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕСТЕСТВЕННОЙ МОНОПОЛИЕЙ

А. З. Бадрутдинова, А. Л. Черепанова

Томский государственный педагогический университет

Существует огромное количество различных рыночных состояний. Они могут быть охарактеризованы сквозь призму конкурентного и монополистического начал. В данной статье особое внимание мы уделяем монополистическому образованию на примере страховой компании (далее – СК) «РосГосСтрах».

Само слово «монополия» понимают в двух смыслах. Первый – узкое значение, заключается в обозначении единственного продавца. Второй – обозначение и господство крупных продавцов и покупателей на рынке вне зависимости от их числа [1].

А. Г. Войтов дает следующее определение понятию «монополия» – это высшая форма конкурентной борьбы, которой обладают не все субъекты рынка, а только определенные их представители – «победители конкурентов», прежде всего, крупные предприятия в какой-либо отрасли. Следует сказать, что монополия не отрицает своих предшественников, а надстраивается над ними и конституирует экономический строй общества. «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию, их антагонизм, но также их синтез, который есть не формула, движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу» [цит. по 1]. «Конкуренция переходит в монополию. Монополия не может остановить поток конкуренции; больше того, она сама порождает конкуренцию. Противоречие конкуренции состоит в том, что каждый должен желать для себя монополии» [цит. по 1]. Данные положения вековой давности не потеряли своего значения и сегодня. Монополии возникают не внезапно, а в процессе закономерного развития экономического рынка и не являются его «болезнью».

В соответствии с Федеральным Законом РФ «О естественных монополиях» под естественной монополией понимается такое состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на товар, чем спрос на другие виды товаров [4].

Еще одно определение естественной монополии дает Шеферд в своей статье «Монопольная власть»: «Фирма, средние затраты длительного периода которой снижаются на всем диапазоне спроса вследствие возрастающей отдачи от масштаба, является естественной монополией. Таким образом, одна фирма может удовлетворить весь рыночный спрос на товар с меньшими средними затратами, чем те, которые были бы возможны, если бы две или несколько конкурирующих фирм поставляли точно такое же количество товара» [5]

Помимо вышеприведенных определений существует еще множество других. И все они в той или иной степени отличаются друг от друга по своему смыслу и содержанию. Поэтому можно сказать о том, что до настоящего времени не решен вопрос, что представляет собой естественная монополия. Масса вопросов имеется в определении перечня естественно-монопольных видов деятельности, приведенного в ФЗ РФ «О естественных монополиях».

Естественная монополия как вид несовершенной конкуренции возникает вследствие объективных причин. Она отражает ситуацию, когда спрос на данный товар в лучшей степени удовлетворяется одной или несколькими фирмами. В ее основе – особенности технологий производства и обслуживания потребителей.

К естественным монополиям относятся те отрасли, в которых долгосрочные средние издержки минимальны только тогда, когда фирма обслуживает весь рынок. Обычно к естественной монополии принято относить отрасли производственной инфраструктуры, обеспечивающие транспорт, связь, канализацию, водоснабжение, электроэнергию и т.д. В таком случае, государство регулирует цены и устанавливает стандарты на товары. Удержание государством низких цен на услуги и товары естественных монополий позволяет частным монополиям повышать цены на свои товары и получать сверхприбыль, поскольку их деятельность не контролируется столь жестко, как у крупных компаний [3].

Естественные монополии в настоящее время занимают значительное место в экономике России. Организации, которые относятся к естественным монополиям, выполняют стабилизирующую функцию в экономике, т.к. служат основой для восстановления экономической активности после спада. Они в большинстве своем являются источниками пополнения государственного бюджета, а также создают огромное количество рабочих мест («РосГосСтрах» обеспечивает работой более 100 тысяч сотрудников, «Газпром» – более 350 тыс. работников). Также одной из функций естественных монополий является организация и поддержание единого экономического пространства. В нашем примере «РосГосСтрах» – вертикально интегрированный холдинг, объединяющий ОАО «РосГосСтрах», 10 крупных центров управления, 79 филиалов, более 2700 структурных подразделений по всей стране, включая агентства, страховые отделы и центры урегулирования убытков, присутствующих во всех 83 субъектах Российской Федерации.

Все региональные подразделения РОСГОССТРАХа работают по единым корпоративным стандартам и страховым технологиям. Это является выгодным, т. к. обеспечивает одинаковый по всей стране размер страховых взносов и выплат по ним вне зависимости от региональной политики и региональных особенностей субъектов РФ. Также страховая компания «РосГосСтрах» выполняет важную для существования общества функцию – защита благосостояния граждан России путем предоставления доступных и отвечающих их потребностям страховых продуктов. Государство по-прежнему сохраняет блокирующий пакет акций, что обеспечивает компании дополнительную надежность. Кроме того, через участие в деятельности Росгосстраха как системообразующей компании государство воздействует на формирование целой отрасли экономики страны.

Контроль за деятельностью компании осуществляется государством. Причем этот контроль является как внешним – через принятие регламентирующих актов или корректирующее налогообложение (штрафы и субсидии), так и внутренним – через присутствие государственных органов в самой компании (с правом принятия решения) [2], поскольку Росгосстрах является государственной компанией.

Помимо этого в случае малой прибыли или убытка какого-либо отдельного филиала компании, его финансирование производится из общего бюджета СК, что еще раз является подтверждением вышеуказанной функции и говорит о надежной и адаптированной работе с клиентской базой «РосГосСтраха» на всей территории РФ.

Одной из важных характеристик естественной монополии является следующая зависимость: чем крупнее масштабы предприятия, тем более эффективно оно работает в современной экономической ситуации, так как определенный объем продукции может быть произведен при более низких затратах, чем если бы его производством занимались несколько мелких фирм. Это относится и к компании «РосГосСтрах». В нашем примере – это более низкие ставки по страховым взносам для населения и организаций.

Отдельной особенностью естественных монополий является существование очень высоких входных барьеров в отрасль. Наличие единственного производителя, у которого эффект от масштаба производства достаточно велик, определяет тот размер капитала, который нужен для вхождения в отрасль. На примере страхового рынка в настоящее время создание новой страховой компании представляется очень сложным, так как это требует довольно больших денежных затрат и большого объема первоначального (стартового) капитала. Также новая СК на современном рынке страхования не сможет легко войти в доверие к гражданам и организациям (потенциальным клиентам), поскольку сама процедура страхования представляется риском, который распространяется не только на материальный фонд компании, но и на все выплаты, предназначенные клиентам. Помимо этого, потребуется дополнительный капитал для создания резервного фонда (наличие в бюджете компании денежных средств в размере 30 % от всех предпо-

лагаемых выплат по страховым взносам), необходимый для компании такого рода деятельности.

Далее мы хотели бы рассмотреть сильные и слабые стороны естественной монополии как экономического состояния рынка.

К *сильным сторонам* относятся следующие характеристики:

- 1) возможность максимально использовать эффект от масштаба производства, что приводит к снижению издержек на производство единицы продукции;
- 2) возможность мобилизации значительных финансовых ресурсов для поддержания средств производства на должном уровне;
- 3) возможность использования достижений научно-технического прогресса;
- 4) возможность следования единым стандартам на производимую продукцию и предоставляемые услуги;
- 5) возможность замены рыночного механизма, то есть рыночной экономической организации, внутрифирменной иерархией и системой контрактных отношений, что позволит сократить потери, связанные с риском и неопределенностью.

К *слабым сторонам* в свою очередь относятся:

возможность определять уровень продажной цены, создавать искушение переложить издержки в значительной мере на конечного потребителя, который не в состоянии оказывать обратного влияния на производителя;

- 1) возможность блокировать технический прогресс;
- 2) возможность «экономить» за счет снижения качества производимой продукции и предоставляемых услуг;
- 3) возможность принимать форму административного диктата, подменяющего экономический механизм.

В нашем же конкретном случае с компанией «РосГосСтрах» вышеперечисленные качества будут немного иными, поскольку речь идет не о материальном товаре, на производство которого необходимо затрачивать денежные средства, а о предоставлении услуги, исключающей эти материальные затраты.

С учетом вышеперечисленных достоинств и недостатков СК «РосГосСтрах» выработала ряд конкурентных преимуществ на страховом рынке России:

- Разветвленная региональная сеть филиалов и центров урегулирования убытков. Где бы не произошло страховое событие, клиенты могут решить вопросы с выплатой в любом районном центре;
- Оперативность при заключении договоров страхования, в том числе страхование залогов в течение двух часов;
- Закрепление персонального менеджера за предприятием.
- Возможность кредитования физических и юридических лиц в аффилированном банке «Русь».

- Услуги консультационного центра (круглосуточно, бесплатно) по вопросам потребительского кредитования, авто-кредитования, ипотечного кредитования и страховых услуг.
- Дополнительные бонусные скидки для корпоративных клиентов.
- Богатая история и многолетний успешный опыт работы.
- Благодаря выбранной стратегии работы, СК «РосГосСтрах» на рынке страхования является доминирующей, так как ее доля на нем превышает 35 %.

Компания «РосГосСтрах» является одним из самых влиятельных «игроков» на рынке страховых услуг. Разработка и осуществление продуманной конкурентной стратегии дала возможность данной компании в короткие сроки переломить ситуацию на страховом рынке, повысить свою конкурентоспособность и стать одним из лидеров в своей области. Следует уточнить, что в данной статье мы лишь подняли актуальный в современной экономической ситуации вопрос о принадлежности этой компании к естественным монополиям, и в настоящее время он остается открытым. На государственном уровне только обсуждается возможность внесения страховых компаний в государственный реестр естественных монополий.

Подводя итог всему вышесказанному, мы считаем целесообразным перечислить признаки и характеристики СК «РосГосСтрах», в соответствии с которыми она может быть отнесена к естественным монополиям:

- выполнение стабилизирующей функции в экономике;
- организация и поддержание единого экономического пространства;
- защита благосостояния граждан России;
- существование высоких входных барьеров в отрасль;
- «РосГосСтрах» занимает более 35 % всего страхового рынка РФ;
- контрольный пакет акций находится у государства (а зачастую к естественным монополиям относятся именно государственные компании);
- возможность обеспечения услугами всего страхового рынка с более низкими страховыми взносами, нежели у других компаний этого рынка.

Литература

1. Войтов, А. Г. Экономика. Общий курс / А. Г. Войтов. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2008. – 610 с.
2. Сапир, Жак. Естественные монополии: проблемы определения и контроля / С. Жак, 2003. – С. 42–55.
3. Сапожникова, Н.Т. Социально-экономическая роль естественных монополий // Уровень жизни населения регионов России. – 2006. – №5–6. – С. 71–78.
4. Федеральный Закон «О естественных монополиях» от 17 августа 1995 г., № 147 – ФЗ // СЗ РФ. 21.08.1995. ст. 3426
5. Shepherd, W. C. The economics of industrial organization / W. C. Shepherd. – Prentice Hall., 1988. – 498 p.

РОЛЬ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Э. А. Шпомер

Томский государственный педагогический университет

Понятие «гендер» активно проникает в сферу образования и науки. Как известно, его введение связано с попыткой разграничить биологические параметры лиц разного пола и социально обусловленные особенности мужчин и женщин. Гендер является фундаментальной характеристикой личности, оказывающей влияние на другие ее конструкторы, в том числе и на профессиональное самоопределение.

Гендерный подход в образовании является одним из наименее разработанных в российских гендерных исследованиях. Проблема эта вполне объяснима: существующая система образования с нежеланием воспринимает «новшества», которые в будущем становятся прогрессивными. Также сложность заключается в неоднозначности понимания терминов. Следует четко разграничить понятия гендерного и полоролевого подходов в образовании.

Полоролевой подход опирается на физиологические различия между мужчиной и женщиной и представляет собой традиционную систему взглядов на предназначение мужчины и женщины в обществе в соответствии с их биологическими характеристиками [2, с. 371]. Полоролевой подход направлен на подчеркивание различий между полами, указывает на «особое предназначение» мужчин и женщин, осуждает отступления от традиционных патриархатных моделей устройства общества. В рамках полоролевого подхода приветствуется раздельное обучение, которое позволит избежать неравномерности развития психики мальчиков и девочек, более высокая успеваемость по отдельным предметам у девочек – гуманитарные науки, у мальчиков – точные, успешная самореализация девочек в семье, спокойное поведение мальчиков. Раздельное обучение оправдывается различием в развитии мальчиков и девочек. Этот подход ориентирует детей на выполнение традиционных ролей и противоречит общемировой тенденции к совместному обучению.

Гендерный подход предполагает воспитание в духе свободного выбора гендерной идентичности, поощрение видов деятельности, соответствующих интересам личности, отсутствие ориентации на «особое предназначение» мужчин и женщин, создание равных условий для развития личности, снятие всех тех социальных барьеров, которые мешают человеку проявить себя как личность. Школа должна давать ученикам возможность развивать индивидуальные способности и интересы, независимо от принадлежности к тому или иному полу, противостоять традиционным стандартам в отношении полов [2, с. 373]. Гендерный подход дает человеку большую свободу выбора и самореализации, помогает быть достаточно гибким и уметь ис-

пользовать разные возможности поведения [2, с. 377]. Гендерное равенство – основная цель интеграции гендерного измерения [4].

Гендерная педагогика – это совокупность подходов, направленных на то, чтобы помочь детям чувствовать себя в школе комфортно, и справиться с проблемами социализации, важной составной частью которых является самоидентификация ребенка как мальчика или девочки. Цель гендерной педагогики – коррекция воздействия гендерных стереотипов в пользу проявления и развития личных склонностей индивида [2, с. 370]. Гендерное измерение в образовании подразумевает оценку последствий и результатов воздействий воспитательных усилий педагогов на положение и развитие мальчиков и девочек, осознание ими своей идентичности, выбор идеалов и жизненных целей, статус детей в школьном коллективе, группе сверстников [1, с. 7–8].

Изменения, производимые в существующей системе образования, имеют непосредственное отношение к происходящим в мире процессам, а именно к глобализации.

Термин «глобализация» прочно вошел в научный и политический лексикон. Но понимается он по-разному. Одни употребляют его как новый период во взаимодействии стран. Другие рассматривают его как процесс интернационализации, вызванный новыми технологиями. Третьи понимают под глобализацией унификацию жизни на основе единых либеральных ценностей, выделение ключевых социальных ценностей [3, с. 38].

Особенность нынешнего этапа глобализации состоит в том, что процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики глубоко затронул политическую, социокультурную и духовную сферы.

Под глобализацией понимается расширение и углубление социальных связей и институтов в пространстве и времени таким образом, что, с одной стороны, на повседневную деятельность людей все более растущее влияние оказывают события, происходящие в других частях земного шара, а с другой стороны, действия местных общин могут иметь важные глобальные последствия [6].

Для успешной интеграции государства, в частности России, в мировые процессы глобализации необходимо исполнять требования международного права и законодательства.

Согласно Декларации принципов толерантности, терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявление человеческой индивидуальности. Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Оно означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими [5, с. 491].

Современный мир требует для личности большой набор различных качеств, отсутствие которых, препятствует свободному вхождению в мировые

процессы. Гендерный подход в образовании позволит воспитать всесторонне развитую личность, опираясь не на ее половую принадлежность, а на ее стремления, умения, способности к изучению предметов, в которых она сможет проявить себя с наилучшей стороны. Это позволит реализовать тот потенциал, который веками удерживала существующая система образования. Разрешит взглянуть на мировые процессы с другой стороны, которая ранее не допускалась в дела государственной важности. Появится возможность менее болезненного вхождения России в общемировую систему отношений. Современное техническое обеспечение образовательного процесса, возможность реализации наклонностей и способностей ребенка, не обязательно связанных с особенностями пола, с раннего возраста позволит подготовить будущих лидеров нашей страны способными к соперничеству с западными державами. Стремление женщины к самореализации, построению карьеры, утверждению себя как личности не должно подавляться в школьном возрасте. Открытие границ «стеклянного потолка» позволит в полной мере использовать весь потенциал нашей страны. Это покажет, что мы обладаем таким набором личных качеств специалистов, которые предъ-являет глобализация.

В настоящее время гендерный подход находится в стадии развития, а преобладающим является полоролевой, как традиционный.

Если и в дальнейшем образовательная деятельность будет вестись на основе полоролевого подхода, то тогда мы не сможем подготовить специалистов для работы в глобализационных условиях – для этого необходимо включение гендерного подхода в образование.

Литература

1. Ключко О.И. Гендерная педагогика и психология: учеб. Пособие / О.И. Ключко. – Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 2005. – 156 с.
2. Клецина И.С. Практикум по гендерной психологии / И.С. Клецина. – СПб.: Питер., 2003. – 479 с.
3. Проблемы цивилизационных войн и глобализации: сборник статей / под ред. проф. И.С. Куперта. – Томск: изд-во ТГУ «Знание», 2002. – 57 с.
4. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.
5. Ирхин Ю.В. Социология культуры: Учебник / Ю.В. Ирхин. – М.: Экзамен, 2006. – 525 с.
6. Онлайн энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс], режим доступа: www.krugosvet.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КЛАДБИЩЕ КАК ОСОБЫЙ ЭЛЕМЕНТ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ

С. П. Баканов

Томский институт бизнеса

Проблема сосуществования мест компактного проживания населения (города и др. населенные пункты) и мест захоронения существует давно. В связи с живыми языческими традициями (культ предков и т.д.) человечество существует не только в *здесь и теперь*, людям свойственно помнить о том, что было ранее, о людях, живших в прошлом, как о своих непосредственных предках, как об известных своими прижизненными делами людях, так и обо всех, живших ранее. Во многих культурах считается нормальным продолжение жизни и за порогом смерти, различные формы взаимодействия мира мёртвых с миром живых. Уважительное отношение к умершим свойственно как «диким» культурам, так и менталитету цивилизованных людей. О чем свидетельствуют много веков существующие и разрастающиеся по всему миру некрополи (города мёртвых) рядом с городами живых, а то и разделяя совместную территорию. Существуют многочисленные традиции обустройства некрополей, оформления как отдельных захоронений, так и комплексов. Кладбище как среда формируется под влиянием различных факторов. Это и особенности рельефа местности, и духовные традиции в обществе, и генеральный план комплекса, и стихийный характер застройки надгробиями, оформленными (как правило) индивидуально в каждом конкретном случае. Военные мемориалы отличаются более выраженной регулярностью и монотонностью застройки.

Город как система полностью подчинен целесообразности, всё в нём призвано служить удобству, функциональности. Город – это воплощение принципа: «Человек есть мера всех вещей». Всё, что мешает человеку, его хозяйственной деятельности – уничтожается, либо вытесняется за границы Города. Города повсеместно разрастаются, количество населения в них растёт, земля в черте города становится всё дороже, новые объекты возводятся как на периферии, так и взамен снесенных старых объектов. Специфика современного строительства предполагает и подземное расположение коммуникаций, и подземные этажи зданий. В связи с этим, при строительных работах безвозвратно разрушается весь культурный слой под современным зданием и вокруг него на десятки и сотни метров. К тем же последствиям ведет и прокладка подземных коммуникаций, даже при последующем благоустройстве поверхности.

Вследствие российской особенности в отношении к частной собственности на землю становится возможной ситуация, когда земля под любым городским объектом, находясь в собственности муниципалитета, может быть отдана постановлением муниципалитета любому застройщику под любой интересный для нужд города проект. Места под захоронения, юри-

дически, сдаются в аренду родственникам умерших. На них же лежит и полная ответственность за целостность и сохранность надгробия.

По этой неумолимой логике места захоронения чаще всего оказываются уничтоженными, рано или поздно поверх них возводится какое-либо здание, либо устраивается место отдыха, прокладываются коммуникации и т.д. По этой же логике кладбища устраиваются невдалеке от города – родственники хотят сокращать время на посещение кладбищ. Т.е. предполагается, что и новые кладбища рано или поздно окажутся в черте города и будут снесены.

В Томске на протяжении всей его документально-зафиксированной истории проблема сосуществования кладбищ и города была и остается. Многочисленные более и менее масштабные по площади места захоронений были в разные периоды истории Томска на едва ли не всей его территории (особенно в центральной части). Местоположение многих не точно фиксировалось, забывалось уже через десятки лет после захоронения, а сейчас неизвестно и подавно. Под застройкой XIX века оказались кладбища и святилища коренного населения, кладбища первых защитников крепости, ссыльных пленных шведов и т.д. (остатки захоронений обнаруживались при новом строительстве). Под застройкой 40-х–70-х гг. XXв. оказались почти все погосты XXVII–XIX в.в. (Троицкое, Вознесенское, Преображенское, многие локальные монастырские и прицерковные кладбища). Надгробия старых кладбищ, являясь, безусловно, историческими памятниками, а, в ряде случаев, и памятниками архитектуры (МАФ), тем не менее, на протяжении всей истории Томска уничтожались вместе погостами, отправлялись на технологические и хозяйственные нужды (известны случаи использования надгробий в качестве тротуарных плит, постаментов новых памятников, плит перекрытия, в металлургии и т.д.). До настоящего времени сохранились лишь единичные экземпляры каменных и металлических надгробий со всех старых томских кладбищ, и то лишь случайно. Это, безусловно, большая утрата для истории, архитектуры и культуры. При этом сохранились именно надгробия, в то время как место захоронения может существовать лишь как единая система надземных и подземных сооружений, знаков, окружающих останки человека, как дань его памяти, в соответствии с его верованиями, убеждениями. Поэтому сохранять лишь надгробие – явно недостаточно. Охраняться должно быть захоронение как объект культуры в целом, со всеми его элементами. Таким образом, социальный (культурологический, исторический, экономический) аспекты проблемы сосуществования кладбищ и города – налицо.

Другая сторона проблемы, на взгляд автора – в катастрофическом изменении структуры городской среды, смещении акцентов, изменении рельефа, перспектив и т.д. (насыщенное зеленью и малыми формами, умиротворяюще оформленное пространство с акцентом в виде церкви или часовни в короткий срок заменяется на урбанистическую среду с торговыми, производственными, транспортными и т.п. элементами). Это неминуемо ломает и

колорит всего окружающего городского пространства, происходит это изменение на глазах горожан и отпечатывается в обыденном сознании как закономерность (неуважение к предкам и к почившим), передается «народной молвой» следующим поколениям.

В то же время потребность в памяти, в корнях, в уважении потомков и в самоуважении жителей города – была и остается. Однако, тема «городского некрополя» до сих пор непопулярна в среде как ученых, так и обывателей. Это затрудняет процесс исследований. Мало информации, она зачастую мало достоверна и разрознена. Мало исследован по-прежнему и вопрос о динамике архитектурного стиля кладбищ. Места захоронений многих даже известных и внесших огромный вклад в историю страны людей – по-прежнему забыты либо уничтожены вовсе.

Таким образом, проблема обусловлена глобальным противоречием между городской системой как воплощением обыденного человеческого дизайна архитектурной среды и кладбищенской системой как продукта необыденной, охраняемой среды (культового объекта, кажущегося лишним в современном городском пространстве и, как следствие, планомерно уничтожаемого).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ РОССИИ И США

А. К. Бугаева

Томский государственный университет

Как известно, главная цель коммуникации – понять собеседника. Если бы каждый из нас помнил об этом всегда, в нашем мире никогда не было бы непонимания, войн, кровопролитий, кризиса, национальных разбирательств. В наше время это проблема настолько актуальна, что многими социологами, политологами и лингвокультурологами предприняты попытки проанализировать сходства и различия многих наций. В данном докладе представлено сравнение двух наиболее сильных, державных и влиятельных стран – России и США.

Сопоставление американской и русской концептосфер показывает, что русские концепты, относящиеся к духовной и эмоциональной стороне жизни, часто не имеют американских аналогов. В то же время американские концепты, не переводимые на русский язык, в большинстве своем отражают прагматический и активистский характер американской культуры.

Для адекватной межкультурной коммуникации необходимо соответствие картин мира коммуникантов. Перемещение в новое культурно-языковое пространство требует от иноязычного коммуниканта корректировки собственной картины мира и приведения ее в соответствие с изменившимися условиями.

Если сравнить Америку и Россию по общенациональному индексу, то первое что бросается в глаза, это эмоциональная стабильность в одной

стране и эмоциональная разбалансировка в другой. Это - первый экстралингвистический контраст в сфере эмоциональной жизни русских и американцев, влияющий и на их речевое поведение: самоуверенные, снисходительные, радостные интонации американцев против раздраженных, неуверенных, горестных и т.п. у русских.

Яркими культурными знаками американцев являются гордость и патриотизм. Дело в том, что процветающая и притягивающая к себе Америка уже давно в зарубежных культурах считается страной-метафорой будущей жизни многих стран, и не без основания. Иностранец в США ежедневно слышит гордые фразы такие, как: "*This is America!*", "*Only in America!*", "*Made in America*".

В целом Америка - страна с хорошо организованной жизнью. В ней почти все предусмотрено для удовлетворения запросов, нужд, желаний и амбиций людей. Америку по праву во всем мире называют страной с неограниченными возможностями, и именно поэтому сюда стремятся люди со всех уголков земного шара, из разных культур, чтобы остаться в ней навсегда. Америка - "*melting pot*", "горшок", в котором переплавляются многие культуры мира.

Эмоциональные чувства гордости и патриотизма как общенациональные индексы США проявляются в вербальных и невербальных символах во всех уголках этой мультинациональной страны: *Old Glory* – государственный флаг развевается круглый год даже на частных особняках, его символ можно увидеть на бейсболках, кепках, майках, трусах, обуви, пластиковых пакетах и на других товарах массового потребления. Миллионы копий этого флага можно встретить во многих странах мира. Американцы гордятся своим флагом и чтят его как святыню. Отсюда и уважительная номинация – *Old Glory*.

Гордость за страну – мировой лидер по всем жизненным показателям проявляется у американцев в манере говорить (уверенно, решительно, напористо, громко, быстро, нередко афонетично и аграмматично, т.е. небрежно) (имеется в виду бытовая речь). Это объясняется открытостью данного лингвокультурного общества, чувством свободы выбора, правового знания и защищенности.

Считается, что традиционный русский характер следует представлять как принципиальный элемент русской культуры следующим образом: открытость, прямота, естественность, повышенная простота, сговорчивость (уступчивость), доверчивая примеримость с судьбой, терпеливость, выносливость, отсутствие сильного желания внешнего успеха, готовность к самоунижению, самобичеванию и покаянию, смирение, покорность в героических подвигах, сочувствие, великодушие, жертвенность, самоограничение в желаниях.

Если перейти к сопоставлению эмоциональных индивидуальных трендов среднего американца и среднего россиянина, то их разброс внутри шкалы эмоций будет более широким и сфера вербализации эмоциональных

концептов в целом будет тоже обширной. Бросающиеся в глаза различия касаются, прежде всего, сферы эмоциональной фатики. Американец в 95% улыбается не потому что ему лично в данный момент приятно, а для того, чтобы сделать приятное речевому партнеру. Этой же цели служат и фатические эмотивы типа: *"Have a nice/good day/weekend"*, *"How are you?"* *"How is everything with you?"* *"How is life treating you?"* *"How doing?"* *"Relax "*, *"Take care"*, *"Take it easy"* и др., которые в большинстве случаев несут только фатическую эмотивную коннотацию и не являются смысловыми. Бодрое, жизнерадостное, улыбчивое Hi!, которым там все друг друга приветствуют каждый раз при встрече даже в течение одного дня, обращение друг к другу по первому имени, даже в официальной обстановке бесконечное и вездесущее *"Sorry"*, *"Thank you!"* выполняют социальную функцию – создания имиджа жизнерадостного, веселого, довольного всем и приятного американца. Как пояснил один из моих американских собеседников: *"I smile at somebody not because I am pleased to see him but because I know that my smile is pleasing him"*.

Один из примеров культурных различий между российской и американскими духовностями касается Пасхи. Пасха – наш общий народный праздник, но далее начинаются различия. В отличие от России, где правильным цветом пасхальных яиц считается красный, в США доминирует синий. Своим цветом россияне символизируют страдания (кровь) Христа, а американцы вознесение – цвет неба. Тем самым проявляются духовные различия в их национальных характерах: пессимизм русских и оптимизм американцев.

Для подтверждения всех этих предположений нами было проведено исследование: анкетирование. Тридцати одному респонденту было предложено ответить на девять вопросов для выявления сходств и различий между Россией и США. В тезисах представляем анализ только трех вопросов.

Первый вопрос касался общих качеств, свойственных России и США. Было дано восемь вариантов ответа (*эмоциональность, искренность, демократия, открытость, практичность, вера в процветание своего государства, самоуверенность, дружелюбность*) с установкой отметить не более трех. Двенадцать анкетированных выбрали вариант **самоуверенность**, по мнению девяти человек, главным сходством являются **дружелюбность** и **вера в процветание своего государства**. Семь респондентов приписывают **эмоциональность** русской и американской нациям. По три человека выбрали варианты **демократия** и **открытость**. Интересно то, что трое респондентов твердо считают, что между Россией и США нет и не может быть ничего общего.

Далее следовали два вопроса о качествах, которые характеризуют Россию и США (в отдельности). Вот перечень этих характерных черт: *индивидуализм, пессимизм, соревновательность, терпимость, коллективизм, эмоциональность, дух сотрудничества, оптимизм, рационализм и терпение*. Результаты следующие: пятнадцать опрошенных считают, что главное

качество России – это **терпение**. По мнению исследователей, терпение традиционно воспринимается как одна из самых ярких черт русского национального характера и проявляется в способности безропотно переносить трудности, выпадающие на долю русского народа. Интересно, что никто из опрошенных не отметил, терпение как качество, свойственное США. Для этой страны в большей степени характерна **терпимость**.

Проявление терпения и терпимости в межкультурной коммуникации носят относительный характер. Американцам непонятно, почему русские терпят бытовую неустроенность, нарушение своих прав как потребителей, невыполнение законов со стороны должностных лиц, вандализм, нарушение прав человека. Русские, в свою очередь, недоумевают, почему американцы, проявляющие высокую степень терпимости по отношению к сексуальным меньшинствам или некоторым проявлениям религиозной розни, не допускают альтернативной точки зрения в связи с такими вопросами, как права женщин, политика (например, Ирак), роль США в мире и т.д.

Четырнадцать человек отметили **коллективизм** как характерную черту России. Русская культура традиционно считается коллективистской, соборной. Русские являют собой своего рода антитезу протестантской этики: низкую заинтересованность в личных достижениях, тенденцию к выражению своих импульсов, а не к их подавлению, высокую ценность личностных взаимоотношений, ориентировку на групповые ценности в противовес индивидуальным, крепкие семейные узы. Показательно то, что 17 респондентов отметили **индивидуализм** как главное качество США, а как известно, *коллективизм* и *индивидуализм* находятся в полной оппозиции, и в данном случае это продемонстрировано в ответах анкетированных. Американская культура зиждется на понятии индивидуализма, который определяет характер государственности, законодательной системы, равно как и коммуникации между индивидами в профессиональной сфере и в быту.

Также пятнадцать респондентов отметили **соревновательность** как ведущее качество США. Американский индивидуализм традиционно связывают с настроением на соревновательность. В американской культуре принято двигаться вперед и вверх по служебной лестнице в большей степени через конкуренцию, нежели через сотрудничество с другими.

Рассмотрим следующую антиномию: **рационализм/эмоциональность**. По мнению десяти респондентов, рационализм – характерная черта США, в то время как эмоциональность свойственна России (по мнению девяти человек). Аналитический склад ума кажется русским холодным и лишенным личностного начала. Американцам свойственна взвешенная умеренность, проистекающая из рационального склада ума. Эмоции не движут действиями американцев в такой же степени, как действиями русских. Русская склонность к самопожертвованию, любовь к страданию привлекают и манят американцев как нечто экзотическое и труднодоступное для понимания. Сами американцы имеют склонность строить свои действия на фактах и ображениях целесообразности, в то время как для русских стимулом явля-

ются чувства и личные взаимоотношения. Часто русские говорят на разных языках: голос разума и голос эмоций не всегда сливаются воедино. Русские считают американцев чрезмерно деловитыми и недостаточно душевными. Американцы, со своей стороны, воспринимают поведение русских как нелогичное и иррациональное.

В заключении скажем, что исследование проводилось на культурологическом уровне, а соответственно была использована только малая часть предпосылок для сравнения двух стран. Так, удалось проанализировать сходства и различия России и США. Высказанные здесь соображения – это не столько выводы, претендующие на аксиоматичность, сколько пунктир, намечающий возможные направления исследования американской и русской языковых личностей.

ГАСПАР МОНЖ. РАЗВИТИЕ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ

И. Г. Бурцева

Томский государственный педагогический университет

*Следовать за мыслью великого человека –
есть наука самая занимательная.*

А.С.Пушкин

Старший из пяти детей Жака Монжа – Гаспар родился 1746 году. Учиться начал с шести лет. В 14 лет Гаспар, по собственной конструкции, сделал действующий пожарный насос [3, с. 9].

После успешного окончания школы юноша поступает в лионский Оксфордский духовном колледж. Здесь «посланники божьи на земле, в чьих руках находилось образование и наука, доверили Гаспару, в возрасте шестнадцати лет, преподавать физику» [3, с. 11]. Отказавшись вступить в монашеский орден ораторианцев, юноша возвращается домой.

Лето 1764г. Гаспар провел дома, где он, «талантливый юноша, прекрасный рисовальщик воплощает «свое желание». План родного города и был той счастливой идеей, которая определила судьбу Гаспара» [7, с. 9].

Молва о чуде графического мастера – плане города, «не обошла и одного влиятельного офицера, оказавшегося в Боне случайно» [1, с. 11]. При встрече юноше было предложено продолжить образование в Мьезере, но без вспомоществования. Отец Гаспара пошел и на эти дополнительные расходы [7, с. 9]. Неделя пути – и юноша в Мьезере. Королевская военно – инженерная школа была моложе Монжа на два года. Вычерчивать планы обороны, строить мосты, разрушать и строить крепости, здесь могли научить лучше, чем где бы то ни было [3, с. 17].

Юноша готов был к самому придирчивому экзамену, но как представитель третьего сословия, принят только во вспомогательное отделение [3, с. 17]. Монж продолжал учебу обрывками, бессистемно пользуясь библиотекой школы. Читая научные трактаты и практические руководства, Гаспар

увидел, что важнейшие задачи фортификации: как наилучшим образом использовать рельеф местности, чтобы обеспечить обороняющимся надежное укрытие от огня противника, сколько нужно копать земли, где копать, куда переносить, какую высоту задать укрытиям, как организовать главные ходы – вопросы первостепенные; и наукой еще не решены [3, с. 18].

Продвижение к самой школе было ускорено решением одной из важных задач фортификации [7, с. 9]. Требовалось разместить укрепление таким образом, чтобы обороняемый пункт не мог быть разрушен артиллерией противника, расположенной в соответствующих точках окрестности. Задача решалась с помощью нивелиров и расчетов. Но молодой ремесленник использует собственный метод [7, с. 11]. Он предлагает выбор наклонной плоскости, касательной к наивысшим из точек вне крепости и проходящей через две точки внутри ее – т.е. выбор плоскости дефилады. Учитывая «значительную ценность предложенного Монжем в области фортификации Гаспар был назначен ассистентом кафедры. Сын мелкого мелкого торговца, которому непозволительно было учиться инженерному делу вместе с дворянскими отпрысками, оказался достойным, чтобы их учить. Решив в Мезьере задачу дефилирования местности, приемами, свойственными науке фортификации, Монж заложил первый камень в здание начертательной геометрии [3, с. 20].

Прообраз ортогонального проектирования, лежащий в основе начертательной геометрии – план. Планами пользовались еще архитекторы Ближнего Востока при застройке городов. К III тысячелетию до н.э. относится статуя Гудеи, известная под названием «Архитектор с планом». Сохранился вавилонский план города. Греки заимствовали построение планов у вавилонян или у египтян и передали эти практические познания римским архитекторам [7, с. 9].

В античное время прямоугольные и центральные проекции на одну плоскость начинают применять для построения технических изображений. По свидетельству римлянина Витрувия, строительству сооружения предшествовала его ординация (проектирование). Диспозиция (проект) состояла из ихнографии (грунтового плана), ортографии (фронтального плана) и скенографии (перспективного плана) [4, с. 9].

Работы, подобной классическому труду Витрувия «Десять книг по архитектуре», средневековые архитекторы не оставили: важные для зодчих познания в геометрии и механике были их производственным секретом, который не доверялся непосвященным; структура ученичества не допускала «разглашения» профессиональных тайн.

Альбрехт Дюрер, в трактате, изданном в 1525г., впервые попытался теоретически обосновать способ прямоугольного проецирования на две взаимно перпендикулярные плоскости [3, с. 8]. В последней из «Четырех книг о пропорциях» (1528) он приводит примеры проектирования фигуры на две и три плоскости. Здесь Дюрер рассуждает как геометр, хотя часть своих познаний он, несомненно заимствовал у итальянских коллег.

Один из трактатов Дюрера – «Руководство к укреплению городов» (1527) – посвящен теории фортификации. Его интересы несколько напоминают интересы молодого Монжа и подчеркивают значимость фортификации как побуждающего начала в развитии теории ортогонального проектирования [7, с. 43].

В XVII в. появляются работы известного французского математика Жирара Дезарга (1593–1661), выдвинувшего положения, которые стали основными в проективной геометрии. Его идеи получили широкое развитие лишь в XIX в., после того как и Мишель Шаль опубликовал случайно найденную работу Дезарга написанную [4, с. 8] на два столетия раньше.

Брошюра эта, сыгравшая основополагающую роль в становлении начертательной и проективной геометрии, была написана трудным языком. Тем не менее ее все же прочитали и прокомментировали. Поняли Дезарга по-видимому, только Ферма, Паскаль, и Декарт. Декарт (1596–1650) в «Геометрии» (1637) развил метод ортогональных координат – координатный метод, послуживший основой аналитической начертательной геометрии. Но координаты в его системе оказались неравноправными, из-за того, что Декарт пользовался одной осью. Не было четкого различия в знаках координат [1, с. 24].

В 1674г. математик Клод Франсуа Мишель Дешаль (1621–1678) опубликовал «Курс или мир математики», одна из глав которого была посвящена некоторым практическим приемам изображений.

Непосредственным предшественником Монжа был военный инженер Фрезьер (1682–1773). Его сочинение «Теория и практика разрезки камня и дерева, или руководство по стереотомии» напечатано в Страсбурге в двух томах в 1738–1739 гг. Фрезьер прекрасно понял значимость ортогонального проектирование для выполнения технических работ, но не сумел уяснить геометрической сущности проблемы, как это сделал Дюрер. Он проецирует предмет на две плоскости – горизонтальную и вертикальную; строит линии пересечения поверхностей, используя вспомогательные секущие параллельные плоскости. Практическая направленность книги вытекает из ее названия [7, с. 44].

Так возникло и развивалось учение об ортогональном проецировании – учении, которое тесно связано с изобразительным искусством и является примером применения математики к решению художественных задач.

Предшественники Монжа знали обе проекции, попеременно пользовались ими. Монж объединил обе в единый взаимосвязанный комплекс (эпюр, как стали называть такой чертеж после Монжа), подобно тому как выражения, содержащие «икс» и выражения, содержащие «игрек», объединились в уравнении линии в аналитической геометрии [1, с. 26].

В меэьенской школе, в полном одиночестве, трудясь над искусством резки камней, обладая развитым пространственным воображением, Монж рационализирует шаг за шагом приемы геометрических построений, подво-

дит под них теоретическую основу. Здесь в Мезьене Гаспаром был сформирован метод ортогонального проецирования [1, с. 25].

Если соединить две взаимно перпендикулярные плоскости, а для изображения обеих проекций на одном листе надо развернуть вертикальную плоскость вокруг линии ее пересечения с горизонтальной, так, чтобы обе они совместились – то на полученном комплексном чертеже можно делать многое [1, с. 24]. Оказывается на комплексном чертеже можно делать все: строить точку, линию, геометрическую фигуру заданных размеров, заставить пересекаться геометрические фигуры, можно их вращать, находить точки и линии пересечения, определять натуральную величину углов и отрезков. Две проекции вполне определяют любой объект и позволяют, не пользуясь и моделями, спроецировать новое сооружение, избежав тех «великолепных нелепостей», когда балка не дотягивает до стены, а лестница повисает в воздухе [1, с. 26].

О новой науке – начертательной геометрии – он не пишет: она еще долгие годы будет представлять военный «производственный секрет» Мезьерской школы [7, с. 13]. И Гаспар все начал снова, взялся за задачу о перемещении земли. Рассматривая систему линий, соединяющих точки, из которых следует взять «молекулы земли», с точками, куда их надо поместить (при условии минимальных затрат), он приходит к сложной геометрической задаче, еще не решенной никем, доказывая ряд новых положений и теорем, вводит понятие о конгруэнции и о линиях кривизны. Монжем найден новый инструмент для изучения объектов – так геометрия получила новый толчок.

1769–1770гг. появятся его первые математические мемуары.

В 1768г. Монж работает над теорией разверток и издает работу по вариационному исчислению [7, с. 13].

Использование отдельных видов проекций продолжалось до конца XVIII ст. – до появления в 1795г. знаменитой «*Geometrie descriptive*» «Начертательная геометрия» Гаспара Монжа, которая связала отдельные прямоугольные проекции на вертикальные и горизонтальные плоскости в единую систему [5, с. 10].

Монж показал, что графическое решение, касающееся тел с тремя измерениями, основывается на небольшом числе правил, изложенных им с чудесной ясностью. После того ни один самый сложный вопрос не остался исключительным достоянием людей с высшими способностями [1, с. 26].

Мезьерские работы Монжа в области дифференциальной геометрии положили начало новому направлению математической мысли, направлению настолько продуктивному, что, по всеобщему признанию, и конец XVIII и начало XIX прошли под знаком замечательных идей Монжа [1, с. 34].

Гаспар Монж опубликовал свои лекции в книге «Начертательная геометрия» (1795–1799гг.). В Мезьере он начал также применять анализ к исследованию пространственных кривых и поверхностей. Эти работы позже были опубликованы в «Приложении анализа к геометрии» (1809г.) [5, с. 200].

Известность молодого ученого была уже столь велика, что его считали одним из крупнейших физиков, химиков и математиков, а Мезьерскую школу называли «школой Монжа». В Париже было учраждено Луврское военно-морское училище, и Монж становится профессором кафедры гидравлики. 8 апреля 1772 г. молодой профессор Мезьерской школы был избран членом-корреспондентом Парижской Академии наук [7, с. 13]. Монжу тогда было 34 года. Совмещая работу в двух учебных заведениях профессор жил по полгода в Мьезере и Париже [1, с. 40].

Чем только Монж не занимался в Мезьере, что только не попадало в круг его научных интересов. Здесь и вопросы металлургии, строение веществ, соединение водорода и кислорода. Монж занимался проблемами добытия водорода для наполнения аэростатов, теорией взрывчатых веществ, капиллярностью, метеорологией, оптическими явлениями, цементацией стали, очисткой металлов, гидравликой – подъемом воды и ее движением в реках и водопадах. Изучал возможности использования приливов и отливов, сопротивление воды движению корабля, стекольное производство, конструкцию мельниц для зерна и сахара— и даже выдвинул свою гипотезу о происхождении жизни на земле [1, с. 39]. Монж был универсалом, ученым XVIII в., и полностью принадлежал этому веку. Тогда не было резкой грани между математикой, механикой и физикой, их обычно преподавали одни и те же лица. Химия еще находилась в состоянии становления, занимала промежуточное положение между алхимией и физикой. Границы физики были неопределенными: к ней часто относились сведения по минералогии, ботанике, зоологии. Вопросами техники приходилось заниматься едва ли, ни всем академикам [4, с. 5].

Как пишет Д'Окань, «Монж до самой своей смерти сохранил привязанность к науке, к Политехнической школе, к Наполеону» [7, с. 41].

Начертательная геометрия является грамматикой «языка техники» Описание не может заменить чертежа, построенного по определенным геометрическим правилам. Начертательная геометрия является наилучшим средством развития у человека его пространственного воображения.

Без развитого пространственного воображения человека немислимо никакое творчество [2, с. 3]. По этому дисциплина «Начертательная геометрия», основателем которой является Гаспар Монж, является обязательной для будущих художников.

Литература

1. Боголюбов, А. Н. Гаспар Монж (1746 – 1818) [Текст]: / А. Н. Боголюбов. – М.: Наука. 1978. – 202 с.
2. Бубенников, А. В. Начертательная геометрия. Задачи для упражнений [Текст]: / А. В. Бубенников. М.: Высшая школа. 1981. – 295 с.
3. Демьянов, В. П. Геометрия и марсельеза [Текст]: / В. П. Демьянов – Изд. 2-е. перераб. и дополн. – М.: Знание. 1986. – 288 с.
4. Козловский, Ю. Г. Черчение [Текст]: / Ю. Г. Козловский, Г.Е. Белова, Д. И. Шемятовец. – Минск: Вышэйшая школа. 1972. – 223 с.

5. Макарова, М. Н. Перспектива [Текст]: учебник для вузов / М. Н. Макарова. – М.: Академический Проспект. 2006 – 477 с.
6. Миронова, Р. С. Инженерная графика [Текст]: учебник / Р. С. Миронова, Б. Г. Мионов. – М.: Высш.школа. 2003 – 288 с.
7. Стройк, Д. Я. Краткий очерк истории математики [Текст]: / Д. Я. Стройк. – Изд. 2-е. Пер. с нем. и доп. И. Б. Погребысского – М.: Наука. 1969. – 183 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ ПЕРСПЕКТИВЫ В ПРОИЗВЕДИИ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ «ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ»

И. Г. Бурцева, Ю. В. Доценко, В. В. Колба, А. А. Кулакова
Томский государственный педагогический университет

Перспектива как наука возникла в Италии из практики художников XV в. Открытие закономерностей в перспективе стало большим событием в области изобразительного искусства. Применение перспективы художниками стало необходимым условием создания реалистических произведений.

Живописцы, скульпторы, архитекторы XIV и XV в. Своими открытиями в области перспективы, анатомии, пропорций подготовили наивысший подъем искусства Высокого Возрождения. Наступил этот период в конце XV столетия и продолжался до третьего десятилетия XVI века [3, с. 164].

Леонардо да Винчи (1452–1519) – наиболее яркая личность Раннего возрождения. Он был истинным олицетворением гуманистического идеала, соединяющего науку, технику и искусство в практических целях [4, с. 54].

В «Трактате о живописи» Леонардо да Винчи дал теоретические положения и изложил правила построения изображений в перспективе на геометрической основе, поскольку он считал, что перспектива относится к «механическим наукам», которыми не должен пренебрегать ни один талантливый живописец.

Леонардо да Винчи делит перспективу на три основные части:

1. Линейная перспектива, которая изучает и излагает законы построения уменьшения фигур по мере удаления их от наблюдателя.

2. Воздушная и цветовая перспектива, которая трактует об изменении цвета предметов в зависимости от их расстояния до наблюдателя и о влиянии слоя воздуха на насыщенность и локальность цвета.

3. Перспектива четкости и очертания формы предметов, в которой анализируются изменения степени отчетливости фигур и контраста света и тени на них, по мере удаления их в глубину пространства, изображаемого на картине

Из трех разделов перспективы два последних не получили дальнейшего теоретического развития. Из-за сложности исследования цветовая и воздушная перспектива не имели аргументированных законов, поэтому художники претворяли их в жизнь на основе личного восприятия и опыта. Первый раздел перспективы развился в точную науку – линейную перспек-

тиву, которая позднее вошла как составная часть в начертательную геометрию – науку о методах изображений.

Леонардо да Винчи придавал большое значение перспективе как науке в развитии живописи. Он считал живопись основной и всеобъемлющей наукой.

Леонардо считал перспективу «рулем живописи», основанной на математических положениях. Это отразилось в известной фреске «Тайная вечеря», начатой им в 1495 году по заказу доминиканских монахов монастыря Санта Мария делла Грацие в Милане

В 1497 году он заканчивает "Тайную вечерю", Леонардо да Винчи избирает, как и многие художники Возрождения треченто и кватроченто, самый драматический момент повествования, когда Христос произносит: "Один из вас предаст меня".

Знаменитая фреска «Тайная вечеря» занимает верхнюю часть торцовой стены длинной прямоугольной трапезной, перекрытой пологим сводом. Благодаря точному расчету перспективы Леонардо достиг того, что стена, на которой находится фреска, как бы расступилась, и зритель видит новое пространство, уже не реальное, а изображенное, того зала, где происходит последняя трапеза Христа с учениками-апостолами. Как видим, художник объединил пространство трапезной монастыря с изображенным помещением.

Вместо пышного, богатого зала произведений середины кватроченто Леонардо строит на плоскости скромную комнату, которая составляет незаметный естественный фон для главного действия. Чтобы еще более выделить это действие Леонардо отказывается от изображения полного пространства комнаты. Он срезает пространства комнаты сверху и с боков, показывая только ее заднюю часть, благодаря этому фигуры не создают ощущение тесноты.

В этой фреске Леонардо да Винчи нарушает, поднимает точку зрения высоко над полом и задает линию горизонта точно на середине картины, чтобы показать видимой поверхность стола с расставленной на нем посудой и выявить движение фигур и жесты рук действующих лиц. Поэтому зритель должен смотреть на фреску снизу, поднимая глаза чуть вверх.

Леонардо в построении придерживается, так называемого принципа "полярной симметрии".

Художник выстроил уравновешенную и законченную композицию путем равномерного распределения за столом учеников по три человека в четырех группах, не отделяя от них Иуды.

В основу колористической композиции положен контраст красного и синего, теплого и холодного, светлого и темного. Тот же принцип приведен и в групповом сочетании фигур. Апостолы симметрично распределены на четыре группы по три человека в каждой. Эта симметрия подчеркнута тем, что обе внутренние группы между собой сближаются, а обе внешние – расходятся.

И очень важно, что главная точка – композиционный центр картины — совпадает с геометрическим. Именно в этом месте находится главное действующее лицо – Христос, фигура которого четко вырисовывается на светлом фоне среднего просвета стены. И только лицо Иуды-предателя изображено в тени.

Контрасты цвета и линий, выделение главного пятна, предмета, фигуры и контрасты между фигурами – все это конструктивные связи, которые выстраивают целое, но композиция фрески это также и смысловая целостность. Симметричный жест раскинутых рук Христа – жест драматического обращения связывает воедино левые и правые группы апостолов. Вся композиция находится на неуловимой грани совершенства

Эта фреска отразила все богатство выразительных средств живописи и композиции, в которой существенную роль сыграла перспектива.

В глубине фрески – три просвета стены, через которые видно дали природы. В настоящем виде произведения фигуру Христа выделяет светлый фон окон.

Недавние реставрационные работы над этим произведением показали, что эти окна являются позднейшими добавлениями; в первоначальном виде у Леонардо вместо них были выписаны гобелены. Естественно, гобелены не могли быть такими светлыми пятнами, и потому действие их как фактора выделения было гораздо меньшим. В этом случае выросло значение линейной перспективы, предстающей в своей еще большей композиционной необходимости.

Перспектива в этом произведении Леонардо является костяком пространственного строя. Так как пространство служит обрамлением для динамичного действия и связано с этим действием, то можно сказать, что перспектива оформляет и фигурную композицию. Оно помогает удерживать действие на тонкой грани гармонического равновесия. Главный тематический персонаж – Христос, его образ тих и отрешен. Построение фигуры вписывается в устойчивую геометрическую композицию – в равнобедренный треугольник. Если продолжить боковые стороны этого треугольника, то они почти сольются со сходящимися боковыми линиями потолка.

Налицо связь между построением фигуры и перспективой, и эта связь, действует не явно, усиливая величавый покой Христа. Перспектива у Леонардо не самоцель, она только одно из средств для достижения возвышенной идеи красоты. Линии указывают на главное действующее лицо – подобный прием, часто применялся итальянскими художниками этого времени, но если у многих мастеров этот прием был слишком нарочитым, то у Леонардо он обладает такой силой, что превращается из формального фактора в фактор более сложного эстетического воздействия.

Средствами строгой геометрической перспективы автор достиг эффекта пространства и глубины, уравновешенности композиции и передачи психологических характеристик действующих лиц.

Благодаря перспективе событие, изображенное в "Тайной вечере", становится непосредственным переживанием зрителя. Сверх естественное превращалось в реальное. Оно приближалось к сознанию зрителя – и зритель: поднимался и приобщался к духовной красоте произведения, сотворенного человеческими руками.

Изложенные теоретические положения воздушной и цветовой перспектив были достаточно обоснованы Леонардо да Винчи и нашли свое яркое отражение и наглядное подтверждение в его живописи.

Леонардо да Винчи в своем «Трактате о живописи» неоднократно указывал на роль практики художников для обоснования законов перспективы при ее изучении и придавал большое значение зрительному восприятию предметного мира

Леонардо да Винчи был прекрасным педагогом. В напутствиях к своим ученикам он всегда делал упор на то, что перспектива является первой наукой, которую должен изучать молодой живописец. «Обучайся сначала науке, а затем обратись к практике, порожденной этой наукой...» – говорил Леонардо да Винчи.

Сочетая разработки новых средств художественного языка с теоретическим обобщением, создал образ человека, отвечающий гуманистическим идеалам Высокого Возрождения [5, с. 711].

Работа поражает высоким мастерством и глубиной мысли, изумляет верностью изображения чувств [7, с. 408].

В росписи «Тайная вечеря» высокое этическое содержание выражено в строгих закономерностях композиции, ясной системе жестов и мимики [5, с. 711].

Литература

1. Барышников, А. П.. Перспектива [Текст]: / А. П. Барышников. изд.2-е испр. и доп. – М.: Искусство, 1948. – 137 с.
2. Макарова, М.Н. Перспектива [Текст]: учебник для вузов. / М.Н. Макарова. – М.: Академический Проспект, 2006. – 477 с.
3. Рожкова, Е.Е. Изобразительное искусство 6 класс [Текст]: / Е.Е. Рожкова. Л. Л. Макоед. М.: Просвещение, 1968. – 256 с.
4. Рунге, В. Ф. История дизайна, науки и техники [Текст]: / В. Ф. Рунге – М. Архитектура-С, 2006. – Кн.1. – 368 с.
5. Советский энциклопедический словарь [Текст]. Гл. редактор А. П. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 1631 с.
6. Хория, Т. Перспектива [Текст]: / Т. Хория. – Бухарест: Меридиане, 1964. – 600 с.
7. Что такое? Кто такой? Спутник любознательных [Текст]: в 2-х т. / Для школьников 3-4 классов. – М.: Просвещение, 1968. – 408 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ ПЕРСПЕКТИВЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

И. Г. Бурцева, Н. С. Севастьянова

Томский государственный педагогический университет

Без истории – нет теории предмета.

Без теории – нет и мысли о самом предмете.

Н. Г. Чернышевский

Перспектива относится к одному из разделов начертательной геометрии. Согласно многочисленным источникам искусство Древнего Египта отличается отсутствием перспективы в живописи. Но это не верно. По мнению исследователя Раушенбаха, искусство Древнего Египта – это искусство «предельного геометрического совершенства», способ передачи внешнего пространства которое он называет пространством «на самом деле».

Это способ изображения действительность объективно, а не сугубо индивидуального. Это другое мироощущение, и этим объясняется завершенность объективных форм, «почти стерильно-чистая картинка», без каких-либо посторонних влияний.

Художник рисовал так, как видят все и для всех. Он рисовал с уровня всех, то есть с горизонта, не свысока и не снизу. Речь идет о коллективном мировоззрении. Центральным моментом можно считать то, что древнеегипетский (как и вообще древний) мастер считал себя «МЫ», а не «Я». [3, с. 9]. Проблема изображения пространства как таковая египтянами не ставилась. Картины египетских художников напоминают планы, начертанные человеком, свободно парящим на высоте птичьего полета, параллельно земле [2, с. 19].

Сохранились планы египетских городов, известные постройки пирамид, фасады и планы (чертежи) зданий, росписи стен, фриз и колонн в гробницах и усыпальницах, папирусы, содержащие повествование о первых ростках геометрии и о различных математических задачах с их решениями. В Древнем Египте применяли элементарные проекционные приемы и способы построения наглядных изображений, отдаленно напоминающие **перспективу**. Там были найдены высеченные на камне рисунки, план и фасад здания с планировкой помещений и расположением окон и дверей, изображенных с помощью линейного масштаба.

Используя определенные условности чертежей, египтяне стремились к наглядности изображения. Они старались передать зрителю **геометрическую основу объективного пространства** на плоскости с наибольшей полнотой и информативностью. В этом главная особенность древнеегипетской живописи (фресок), рисунка и рельефа.

Наиболее характерно – изображение фигуры человека в профиль, но с разворотом (в фас) плеч и грудной клетки. Фасад, план, вид сбоку – это элементы чертежа.

В рельефном изображении египтянки при повороте плеч видны шейные украшения, а профильное изображение головы выявляет ее прическу и укладку волос, которую делает служанка. В рельефе подчеркивается важный информационный элемент – руки с пятью пальцами показаны в одинаковом изображении при различном их движении.

В изображении сидящего фараона около водоема, водоем изображен в плане (элемент чертежа), по которому четко видны его прямоугольная форма с барьером. Водоем наполнен водой, что показано волнистыми линиями – условное обозначение жидкости. Все деревья «откинута» с поворотом от горизонтального положения и совмещения с землей, что соответствует **разверткам**, применяемым на чертежах.

Египтяне часто изображали многолюдные сцены различных событий. В этих случаях использовались разномасштабность изображений в соответствии с иерархической лестницей.

На одной из фресок изображена осада крепости. Впереди крупным планом на колеснице, стреляющий из лука, предводитель наступления. Он главный, по этому изображен особенно большим. Идущие в наступление воины – это его подчиненные, которые являются второстепенными действующими лицами, они значительно меньше по величине. И наконец, побежденные в осажденной крепости – фигуры небольшие. В изображении действий осады представлена полная информативность, не допускающая загромождения. Поэтому лошади, воины, раненые и убитые – все четко выявляются контурным изображением (в профиль или анфас) и отражают элементы чертежа. Такое изображение отдельных групп с уменьшением их величины по мере удаления создает **перспективную** глубинность пространства картины.

Во многих фресках Древнего Египта присутствует и другая особенность. Для полной передачи сцены по мере значимости и важности действующих лиц они представлены ярусами. Разновеликость фигур по рангу и их положение на картине снизу вверх (ярусами) создают некоторую глубину **перспективного пространства** и дают полную изобразительную информацию.

Яркий пример многоярусной композиции – фреска с изображением перевозки статуи фараона, которая выделяется своими огромными размерами. Слева небольшой величины в четыре яруса – прислужные, а внизу под ней – охрана. Справа статую фараона канатами тянут четыре ряда тягачей. Они расположены один над другим, а фигуры по величине чуть меньше прислужных. На пятом ярусе представлены четыре шеренги воинов, расположенных «со сдвигом» один за другим. Их изображение соответствует **аксонометрическим проекциям**. Как видим, опять присутствует элемент чертежа – **наглядное изображение** [1, с. 415]. Каждая группа тягачей расположена в глубину на некотором расстоянии одна за другой. Чтобы избежать их загромождения, удаляющиеся группы показаны ярусами одна над другой. Воины, идущие в шеренге, почти соприкасаются друг с другом, поэто-

му их глубинное расположение один за другим изображено видимостью силуэта правой части фигуры каждого последующего воина. Такое изображение воспринимается как **аксонометрическая проекция**.

Этот прием особенно ярко проявляется в изображении группы лучников. Четкий профиль первого лучника, а за ним с одинаковым сдвигом вправо и чуть вверх изображена стройная шеренга всех остальных.

Характерной особенностью египетских фресок является применение на них **«разрезов»**. Для передачи большей информативности на изображении часто показывают содержимое того, что находится внутри чего-либо и скрыто от зрителя. **Разрезы** – это тоже элемент чертежа. Например, на фреске с изображением сцены ловли рыбы рыбаки тянут сети с выловленной рыбой. Рыба находится внизу под днищем в воде, но она показана видимой – это первый ярус. На втором – рыбу ловят сачками, в которых она тоже видна в результате применения **«разреза»**. Здесь же показана различная обработка рыбы. На третьем, верхнем ярусе изображена заготовленная рыба в разной упаковке (таре), лежащая на полках хранилища.

На основе рассмотренных примеров видно, что египтяне в изображении многофигурных композиций неосознанно пользовались методом ортогонального проецирования, на котором основано применение чертежа. Его элементы отражены в различных изображениях: плана (вид сверху), фасада (в фас) и профиля (вид сбоку), определяющих «развороты», в развертках объемных форм, разномасштабности (увеличение и уменьшение с учетом главного и второстепенного), аксонометрических проекциях – сдвиг с поворотом контура объекта.

Однако, используя определенные условности, в изображении многофигурных сцен и событий египтяне вносили свою корректировку. Таким сочетанием создавалась некоторая иллюзорность пространства. Возможно, что древние египтяне еще не знали и не понимали сути перспективного изображения, но, чувствовали это интуитивно.

Принятые условности они возводили в канон – изображать без искажений наиболее важную часть объекта и отражать ее как можно полнее, выявляя подробности (мелкие детали) и создавая тем самым необходимую информативность и наглядность. Используя свои каноны, египтяне вносили в плоскостное изображение элементы для передачи глубинности пространства и объемности объектов [1, с. 418].

Искусство Древнего Египта ориентировано преимущественно на образы представления. Предметы поэтому изображаются так, чтобы они не теряли главного опознавательного признака. Например, ибис рисуется с головой, повернутой в профиль, а голова сокола повернута на зрителя, так как опознавательный признак ибиса – его клюв, а сокола – широко расставленные глаза. Предмет изображается в его наиболее значимом и читаемом аспекте. Образы в искусстве Древнего Египта выключены из отношений визуального воспринимаемого пространства и тяготеют к внепространственности вневременности, в них на первый план выступает понятийная сторона.

Позиция древнего художника прежде всего не внешняя, а внутренняя по отношению к изображению. Художник обычно помещает себя как бы внутрь описываемой картины, изображая мир вокруг себя, а не с отчужденной позиции [2, с. 21].

В одном из сочинений древнегреческого ученого и писателя Диодора Сицилийского было обнаружено замечательное высказывание. Оно гласит, что «египтяне рисовали с циркулем в руке, а греки держали его в глазе». Эта фраза содержит важную мысль, что египтяне рисовали «геометрально», то есть следуя тому способу, который в наше время называется «ортогональное проецирование».

Существуют два геометрически разных пространства: объективное физическое и пространство зрительного восприятия, которое возникает в нашем сознании как результат совместной работы глаз и мозга. С позиции геометрии эти пространства имеют разные свойства и подчиняются разным закономерностям. Поэтому для их изображения созданы два различных метода. Передача объективного пространства на плоскости называется черчением (им занимаются сегодня инженеры), а передача на плоскости пространства зрительного восприятия – рисованием (это сегодня дело художников). Однако подобное «разделение труда» существовало не всегда. Древнеегипетский художник передавал в своих произведениях не пространство зрительного восприятия, а объективное физическое пространство. Иными словами, он чертил, а, следовательно, его искусство уместно называть «художественным черчением».

Если сравнить эти методы с современными промышленными стандартами на чертежи, то поражаешься их совпадению даже в мелочах. Создается впечатление, что древнеегипетский художник, прежде чем приступить к работе, тщательнейшим образом проштудировал эти современные промышленные стандарты, а потом следовал им и при этом не совершал никаких ошибок.

В чертежах нередко приводятся разрезы или детали изображаются в условно-сдвинутых положениях. Но эти же приемы можно видеть и у древнеегипетского художника. Черчение допускает разномасштабность, и мы постоянно встречаем его в искусстве Древнего Египта. И для технического черчения и для древнеегипетских изображений характерны чертежно-знаковые приемы, когда передается не истинный облик изображаемого, а его условный знак. К этому же примыкает и такое свойство, как стремление к «стандартизации», однотипности передачи одинаковых объектов. У древних египтян был «стандартизован» даже цвет человеческих фигур – более светлый у женских и более темный у мужских. Наконец, вместо перспективы и в черчении и в древнеегипетском искусстве используется метод ортогональных проекции [4, с. 25].

Элементы ортогонального проецирования отражены в различных изображениях, определяющих «развороты», развертках объемных форм, разномасштабности (увеличение и уменьшение с учетом главного и второстепенного), аксонометрических проекциях – сдвиг с поворотом контура объекта.

Пространство передается опосредованно, по смыслу, через систему определенных соглашений. Об удаленности предмета говорит не меньший его размер по сравнению с близкими предметами, а то, что он изображен в третьем или четвертом поясе (ярусе) картины.

Египтяне положили начало теоретическому обоснованию практики рисования. Они первыми стали устанавливать законы изображения и обучения ими нового поколения [5, с. 15].

В разные периоды подходы и методы к выполнению чертежей и рисунков были неодинаковыми, но в своем историческом развитии эти виды изображений взаимосвязаны и часто влияли друг на друга, об этом никогда не стоит забывать [1, с. 15].

Литература

1. Макарова, М. Н. Перспектива [Текст]: учебник для вузов / М. Н. Макарова. – М.: Академический Проспект. 2006. – 477 с.
2. Молчалов, Л. В. Основные типы перспективы в живописи [Текст]: / Л. В. Молчалов. – М.: Просвещение. 1983. – 120 с.
3. Раушенбах, Б. В. Системы перспективы в изобразительном искусстве [Текст]: / Б. В. Раушенбах. – М.: Просвещение. 1986. – 140 с.
4. Раушенбах, Б. В. Энциклопедия «Порталус». Теория перспективы [Текст]: / Б. В. Раушенбах.
5. Ростовцев, Н. Н. Методика преподавания изобразительного искусства в школе / Н. Н. Ростовцев. – М.: Просвещение. 1974. – 246 с. с ил.

ПЛАКАТ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬФОНСА МУХИ

В. В. Власкина

Томский институт бизнеса

Альфонс Муха – выдающийся чешский художник, мастер театральной и рекламной афиши. Один из ярчайших представителей стиля модерн. Родился художник 24 июля 1860 года. Получил первичное художественное образование в БРНО. В 1880 работал в Вене сотрудником фирмы театральных декораций. С 1881 по 1885 год был придворным художником графа П. Куэна, исполнил декоративное оформление части интерьеров его замка в Грушовани. Затем учился в академии художеств в Мюнхене (1885–1887) и академии Р. Жюльена в Париже. В 1903 посетил США, где работал как живописец и педагог. Муха становится одним из создателей и представителей стиля модерн.

Альфонс Муха создает множество рекламных афиш шампанского, мыла, сладостей, ликеров и других товаров для разных заказчиков. Творчество Альфонса Мухи повлияло на тенденции развития символизма.

Все работы Мухи отличаются своеобразным неповторимым стилем. Центром композиции, как правило, является молодая здоровая женщина славянской внешности в свободной одежде, с роскошной короной волос, утопающая в море цветов.

Надо сказать, что плакаты Альфонса Мухи выгодно отличаются от работ его коллег большей лиричностью, умиротворенностью, нежностью цветовых сочетаний.

Первый большой успех пришел к Мухе в 1894, когда он сделал плакат для великой актрисы Сары Бернар к пьесе «Гисмонда». Альфонс Муха заключил шестилетний контракт, по которому должен писать афиши и театральные программы, участвовать в постановке спектаклей и т.д.

В 1893 Муха рисует афишу к двадцатой экспозиции «Салона ста».

В 1897 в «Салоне ста» была организована выставка, на которой были показаны работы Мухи. Его работы печатались в журналах.

Создавал графические серии: Времена года 1896; Цветы 1897; Месяцы 1899; Звезды 1902; все работы – акварель, тушь, перо.

Любимый цветок Альфонса Мухи, мак – символ лета, украшающий многочисленные женские портреты мастера.

Жанр плаката, с его особыми требованиями к изобразительному строю, истребил все недостатки сложносоставных композиций Мухи. Лишив их фабульности и дотошной детализации.

Заслуга Мухи в том, что он ввел текст в структуру листа, наделил его образностью и общей стилевой завершенностью. Поле текста принимает геометрические формы, повторяет арочные изгибы, и статичность оснований архитектурных строений вплетается в локоны женских волос, вписывается в причудливые виньетки.

Очаровательная женщина с вьющимися волосами в одеянии из струящихся материй – именно с этим образом ассоциируются произведения искусства созданные Альфонсом Мухой. Альфонс Муха был певцом женской красоты. Женщины на его литографиях привлекательны и как сейчас бы сказали эротичны. Роковые женские фигуры часто аллегоричны, в фантастических костюмах, среди декоративных драпировок, с роскошными шапками прекрасных волос – характерный признак работ Альфонса Мухи. Образ его постоянной героини – очаровательной златокудрой славянки – стал, узнаваем всегда и всеми.

Благодаря Альфонсу Мухи афиша была признана высоким искусством, а художник нашел признание, которое в большой степени было связано с личностью выдающейся актрисы Сары Бернар. Ее влияние на мировоззрение и формирование нового творческого стиля Мухи трудно переоценить. Его готовность к культу Дамы, нашла идеальный объект – в одном лице воплощались все образы, отвечающие умонастроениям и моде тех лет.

Художник, подытоживая свой обширный опыт в Атр Нуво, выпускает две книги для дизайнеров: Documents decoratives и Figures decoratives. В них он показывает мир интимного декора женщины и предлагает богатый репертуар креативных идей для искусства, ремесел и архитектурного декора.

Основу орнаментов Мухи составляет природный мотив, в нем почти всегда присутствует волнистая линия. Если орнамент у Мухи – это средство самовыражения, то живопись и пастели – это отражение свойственного ему

особого видения. Именно они убеждают нас, что Муха никогда не был «просто Декоратором» и никогда не предавал своих взглядов на профессию. Эти работы проливают свет на глубинную индивидуальность искусства Мухи; даже на склоне лет, когда он благополучно вернулся в Богемию, его мировоззрение не претерпело радикальных изменений.

Литература

1. «Торговое дело» №8-9 2005г.
2. «Новая газета» за 11.12.2003 г.
3. <http://www.muchafoundatoin.org>
4. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

АРХИТЕКТОР Н. К. ЯКОВЛЕВ

А. П. Герасимов

Томский институт бизнеса

В последние годы имя Николая Константиновича Яковлева было широко известно общественности города Томска как человека, принимавшего активное участие в восстановлении, реконструкции и создании новых памятников героям Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Н.К.Яковлев – главный архитектор города 70-х – 80-х годов – времени значительной перестройки центра Томска и возведения жилых микрорайонов. Большой заслугой архитектора являлась его огромная работа в создании мемориала Славы в Лагерном саду. Тема войны проходила на протяжении всего творческого пути архитектора и широко отражена в его художественных и графических работах. На ул. Набережной р. Ушайки возвышается всем известное здание “Дома нефти” (в настоящее время здание арбитражного суда), построенное архитектором в 1986 г. В фондах Томского областного художественного музея хранятся рисунки архитектора периода Великой Отечественной войны. В 2000 году в залах музея Деревянного зодчества с успехом прошла его персональная выставка посвященная 75-летию со дня рождения. Там же в юбилейный год шестидесятилетия Победы (2005) проходила персональная выставка архитектора, где, кроме живописи и графики, были представлены фотографии проектов памятников – монументальной скульптуры и градостроительных решений городов России и Украины, в которых непосредственное участие принимал архитектор. Большую работу Н.К.Яковлев проводил в обществе охраны памятников как председатель архитектурной секции. Как член комиссии по паспортизации памятников истории и архитектуры Томской области и г. Томска провел огромную работу по обмеру и историческому описанию архитектурных комплексов. Творчество архитектора совпало с эпохой социалистического строительства государства СССР, времени, когда использовался опыт архитекторов не только российских, но и всех ныне существующих государств ближнего зарубе-

жья. Об этом свидетельствует само творчество архитектора, творившего в России и Украине.

В юбилейный год шестидесятилетия победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. с участием архитектора реконструированы и обновлены: памятник врачам, погибшим в годы Великой Отечественной войны в Сосновом бору, памятники героям Советского Союза А.Ф. Лебедеву и Марии Октябрьской.

Николай Константинович Яковлев родился 26 декабря 1925 года на Украине в г. Лубны Полтавской области. Во время войны он – с февраля 1943 г. курсант. Но, офицером Николай так и не стал, и в августе 1943 г. он уже на фронте. А с марта 1945 участвует в боях в Германии. Самоходная артиллерийская установка Николая Яковлева под номером 324, штурмовавшая Берлин, впоследствии была изображена художниками студии имени М.Б. Грекова на диораме “Штурм Рейхстага” (авторы П.Корецкий и И.Евстигнеев при участии Ф. Сачко, А. Андрияки). После окончания войны служба проходит в городах Германии, где Николай много рисует, создавая “галерею достойных”- портреты своих фронтовых товарищей.

После демобилизации в 1950 году Николай Яковлев учится в Рижском строительном техникуме, затем поступает в Ленинградский Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина на архитектурный факультет. После его окончания Н.К. Яковлев направляется в строящийся г. Новокузнецк. Молодой архитектор сразу приступает к проектно-планировочной работе, которая требовала много сил и большой отдачи.

Важные градостроительные вопросы решались им и в г. Донецке, куда по семейным обстоятельствам переезжает архитектор. Николай Константинович назначается на должность начальника проектно – планировочной мастерской в системе организации Донбасгражданпроект. Проектируются и застраиваются города Донецкой области – Макеевка, Горловка, Харциск, Артёмовск, Карло-Либнехтовск, Славянск и др. За девять лет работы градостроительные и проектировочные вопросы решались в 37 городах Украинской ССР. Нередко приходилось проектировать и отдельные здания. Проект музея Донбасса, разработанный архитектором в 1969 году, представляет собой перспективу здания с конусообразным срезанным объёмом в центре, стела завершается металлической конструкцией в виде искры. Проект не был осуществлен. Тема “искры” символизирующая рождение жизни и энергии недр Земли позднее была осуществлена в проекте здания “Дома нефти” в Томске.

1960-1970-е гг – время разработки Н.К. Яковлевым и его коллегами проекта Донецко-Макеевского промышленного комплекса, уточнения и разработки генеральных планов городов Донецкой области. Одновременно правительством СССР ставился вопрос о создании в городах крупных жилых районов. В 1964 году Госстрой СССР и Союз архитекторов СССР объявил закрытый конкурс на новые типовые серии жилых домов. Заслуга Гипрограда заключалась в том, что в крупных индустриальных городах Сиби-

ри и Украины были характерны комплексное проектирование промышленных и жилых районов, организована единая государственная система управления архитектурой и строительством. Николай Яковлев активно участвует в конкурсах. В 1968 году им осуществляется проект профилактория на Азовском море. В 1969 году создается проект Путиловского парка в г. Донецке.

Кроме того, Николай Константинович много рисует акварелью. В 1972 году он переезжает в Томск на должность главного архитектора 1-й мастерской института “Томскгражданпроект”, а с 1973 становится главным архитектором г.Томска. В это время проводилась корректировка генерального плана города составленного сотрудниками института московского “Гипрогора” и утверждённого в Совете министров СССР еще в 1968 году. В октябре 1977г. Совет Министров СССР принял постановление “О дальнейшем развитии жилищного строительства в Томске и Томской области”. Проектный институт “Томскгражданпроект” с 1979 г., получив новое здание, увеличивает объемы проектных работ. В конце 70-х – начале 80 гг. основными жилыми районами застройки стали: пр-т Фрунзе, ул.Сибирская, площадь Южная, район Московского тракта, ул.Учебная, Иркутский тракт, пос. Спичфабрики, район Томска-2, Академгородок, пос. Восточный, Зональная станция.

Отдельно необходимо сказать о центре города. В 1973 был объявлен Всесоюзный конкурс на лучшее решение застройки центра, в котором приняли участие институт “Томскгражданпроект” и четыре проектных института Москвы. Проект, разработкой которого руководил Н.К.Яковлев получил вторую премию. Градостроительное решение развития центра в 1970-1980гг. определилось “в двух направлениях: меридиальном вдоль р.Томи по проспекту Ленина на участке от Лагерного сада до улицы Дальнеключевской и в широтном – от площади Ленина по пойме р. Ушайки до Комсомольского проспекта”-писал в своей статье Николай Константинович (2). Главной площадью решено было оставить площадь им. В.И. Ленина. Сейчас можно критически относиться к этому решению, в последствии восстановленная Богоявленская церковь рядом с выстроенным в то время драматическим театром (арх. Оранжереева) создает диссонанс в пространственном решении площади. Разнотипные здания, включая построенное в 2005 году здание “Биг-сити”, отсутствие общей доминанты, дробят площадь на несколько частей, создавая хаотичность и бесплановость всей площади. Дом нефти, построенный по проекту Николая Константиновича Яковлева (Рис.2), сразу претерпел ряд изменений. Семиэтажное здание выходит к р.Томи кафе-рестораном “Старый Томск” (не сохранилось) (художники – монументалисты Илёшин Н.А., Потёмкин А.М. Возведенный в западной части здания шпиль в виде усеченного конуса завершен светящейся искрой изготовленной из электрополированной стали весом 18 тонн – символом энергии недр земли Томской области. “Пластика фасада Дома нефти, – как пишет сам архитектор, решена кесонной плоскостью, что создает своеобраз-

разный фон для здания Дома Советов, решенного в классической “ордерной” пластике. В первом этаже здания должен был разместиться книжный магазин, а на проспект Ленина здание должно было выходить девятиэтажным объёмом главпочтамта с пристроенным молодежным кафе. Через устье Ушайки от Дома нефти к Дому Советов проектировалось построить пешеходный мост, который из-за отсутствия средств так и не был построен. По той же причине не достроена восточная девятиэтажная часть здания. Большой концертный зал, несмотря на большое количество противников, был всё же построен на месте, где когда – то стоял кинотеатр “Глобус”. Современным строителям необходимо было очистить участок, перекрыть частично р. Ушайку, расчистить центральную площадь, где позднее, несмотря на большое количество противников, был построен Большой концертный зал.

Большое внимание в 1970-х годах уделялось сохранению памятников архитектуры. В августе 1979 года Институтом “Томскгражданпроект”, Томской организацией Союза архитекторов СССР и органами власти г.Томска и Томской области, проведена научно-практическая конференция “Современная застройка и памятники архитектуры г.Томска”. Н.К. Яковлевым было отмечено, что “развитие и реконструкция города в текущем десятилетии осуществлялись в соответствии с Генеральным планом города, а также рекомендациями научно-практической конференции, проведенной в 1971 году под названием “Проблемы градостроительного развития города Томска”. Реконструкция исторической части города ограничивалась улучшением её благоустройства и инженерного оборудования, а также строительством отдельных жилых и общественных зданий в основном на свободных от застройки участках. Это позволило сохранить ценное историческое наследие и целостность его архитектурного облика”. Кроме того конференцией было рекомендована разработка комплексного проекта реконструкции и регенерации центральной части города с сохранением не только памятников архитектуры, но и характерной фоновой застройки прошлых эпох, который был осуществлен в 1987 году. Придавалось особое значение исторической зоне города “Воскресенская гора”, историческим и архитектурным памятникам. Сохранялись здания Воскресенской и римско-католической церквей, ряд каменных и деревянных зданий, представляющих застройку ХУП-ХХ вв., а также зданий, связанных с пребыванием Радищева, Бакунина и др. Мыс горы – место основания города должен был реконструироваться с восстановлением части Томской крепости и установкой памятного сооружения в ознаменование основания города. Склоны Воскресенской горы должны быть очищены от малоценных и ветхих построек и благоустроены. В 2004 году в здании бывшего полицейского управления на Воскресенской горе был открыт “Музей города” в состав которого вошли восстановленная одна из башен крепости и часть крепости (городня) второй половины ХУП века.

Бывший район “Татарская слобода” – улицы Татарская и М.Горького-предполагалось превратить в заповедную зону. На ул. Татарской в 1976 го-

ду создана научно-реставрационная мастерская объединения “Росреставрация”, которая решала задачи сохранения и реставрации памятников архитектуры. Только сейчас, спустя несколько десятков лет, можно полностью оценить ту огромную работу, которая была проделана главным архитектором Н.К.Яковлевым в строительстве и благоустройстве города.

Николай Яковлев с монументальным искусством столкнулся в 1962 году. Решением Новокузнецкого областного комитета КПСС было принято постановление о возведении некрополя рабочим, погибшим при строительстве домны Кузнецкого металлургического комбината. Работая в то время заместителем главного архитектора по проектно-планировочной работе, Н.К.Яковлев много сил отдавал корректировке Генерального плана города и не давала возможности разрабатывать проект некрополя в рабочее время, приходилось работать ночью. Проект был выполнен, и в этом же году замысел архитектора был осуществлён. Совместная творческая работа архитектора Н.К.Яковлева и скульптора В.М.Костина вылилась в ряд осуществлённых проектов в г. Донецке. Должность заместителя начальника планировочной мастерской отнимала все рабочее время, но увлечение монументальной скульптурой заставляло, как и в Новокузнецке, приходить на работу на 1-2 часа раньше, а уходить поздно вечером. Так в 1966-1967 годах возникли памятники революционерам и общественным деятелям: Артему, Куйбышеву и Калинин. Тема подвига Советского народа в годы Великой Отечественной войны была особенно популярна в 1970 – 1980-е годы. Почти каждый год открывались новые памятники и монументы. Много работал над этой темой и Николай Константинович Яковлев. Архитектор, перенёсший все тяготы прошедшей войны, с реалистической ясностью, без преувеличений и романтических наитий разрабатывает ряд композиций, посвященных этой героической теме. Первым опытом для архитектора Н.К.Яковлева и скульптора В.М.Костина стал конкурсный проект освободителям города Донецка, составленный в 1968г. Следующая работа, над которой стали работать скульптор и архитектор, – памятник освободителям города Зугресс (Донецкая область), который был задуман как символ памяти погибшим солдатам. Проект прошёл по конкурсу и состоял из стелы высотой 12 метров, исполненной в бетоне, и барельефом с фигурами штурмовавших город солдат. В 1972 году объявляется конкурс на разработку мемориала воинам-томичам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Николай Константинович, находясь в то время в Донецке, решил участвовать в конкурсе. Его итог решил дальнейшую судьбу архитектора: первое место и перевод в г.Томск на должность главного архитектора 1-й мастерской института “Томскгражданпроект” и главного архитектора мемориала воинам-томичам. Изменённый проект Н.К.Яковлева был осуществлен. Над проектом работали скульпторы – А.Д. Щербаков, О.С.Кирюхин, Л.Л. Майоров, архитекторы – Г.А. Захаров и Н.К. Яковлев. Мемориал был открыт в честь 35-я Победы 9 сентября 1979 года.

РЕАЛИТИ-ШОУ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Д. В. Глебова

Томский государственный педагогический университет

Телевидение уже давно стало неотъемлемой частью повседневной жизни. Мало кто из нас представляет день, проведенный без выпуска новостей, просмотра фильма или любимой передачи. Но мало кто задумывается о том, что телевидение – еще и мощное средство воздействия. Правильно сконструированный телепродукт вызывает интерес у публики, воздействует на рост рейтинга и приносит своим создателям высокую прибыль.

Все исследователи медиа сходятся на том, что его возможности как средства массовой информации и коммуникации огромны. Телевидение конструирует версии реальности, транслирует социокультурные нормы и стили жизни, создает свою аудиторию, унифицирует культурные различия. Названная ситуация делает необходимой постановку вопроса о реалити-шоу – как феномен культуры повседневности.

Сегодня на российских государственных телеканалах акцент переносится на развлекательные программы, сериалы, шоу, концерты. Например: отказ от рассмотрения серьезных тем и переход к развлекательному телевидению, как следствие ориентации зрителя на пассивную, созерцательную позицию. На экране появились и продолжают появляться в настоящее время ток-шоу, телешоу, «реальные шоу», телевикторины, телеигры, телесериалы, западные видеоклипы, эротические программы, «телевизионные магазины» и т.п.

Производители телевизионной продукции рассуждают о перспективности этого направления, об «усталости зрителей от политики» и их желании видеть на экране передачи, отражающие трудности и радости обычной жизни. Под «жизнью» понимается сфера житейских отношений, все то, что связано с устройством семьи, с детьми, родственниками, друзьями, бытовыми вопросами. Реже выпуски программ затрагивают социально значимые проблемы – ксенофобии, преступности, экологии, демографии.

Телекоммуникация является разновидностью человеческого общения, которое играет в развитии личности существенную роль. Общение есть процесс установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении. Любое общение разворачивается, так сказать не на пустом месте, у него всегда есть своего рода психологический «фон». Вступая в межличностное общение, человек всегда имеет некоторую психологическую информацию о собеседнике. В общении посредством телевидения также происходит определенная ориентация на характеристики аудитории.

Включая телевизор, человек расширяет рамки своего обычного обитания и вступает в отношение с искусственно организованной средой существ-

вования. Зритель не столько воспринимает информацию, сколько сопереживает поведению «лиц на экране», с которыми себя идентифицирует; защищается или заражается эмоциональной атмосферой показываемых событий; принимает или отвергает, вступая во внутреннюю дискуссию с предлагаемыми ему мнениями, суждениями, оценками; формирует определенное отношение к ведущим как к партнерам по реальному общению, требуя от них уважения, эмоциональной теплоты, «похожести» на себя или на свой идеал. Таким образом, психологически человек «проживает» часть своей жизни в этой искусственной среде, и уровень его погружения в нее зависит как от того, насколько творцам этой среды удалось учесть и закодировать все аспекты общения, так и от готовности зрителя участвовать в процессе декодирования смыслов, заключенных авторами в телесобщении.

Современное российское телевидение – это разнообразие идей, форм, жанров. Многие из них заимствованы с Запада и адаптированы к отечественной действительности. Одним из таких видов телевизионной продукции является реалити-шоу.

Реалити-шоу (англ. real – настоящий, реальный и show – показ, демонстрация) – разновидность развлекательной телевизионной передачи. В течение длительного времени в передаче показывается (якобы) естественная жизнь изолированной группы персонажей в специально созданной для них обстановке.

В России первым опытом показа реалити-шоу были проекты «За стеклом», и «Последний герой», за которыми последовало множество других. В настоящее время наиболее известным шоу, по-видимому, является проект «Дом-2».

Существует несколько общих вариантов постановки реалити-шоу и множество проектов, в разной степени совмещающих различные подходы. Во всех случаях группа участников (иногда постоянного, иногда переменного состава) постоянно живёт на ограниченном пространстве; события этой жизни постоянно снимаются телекамерами и показываются по телевидению (а в последнее время иногда ещё и демонстрируются в Интернете).

Исследователями выявлены причины популярности телепередач жанра «реалити»:

- эффект новизны (российские телезрители впервые увидели «реальное» шоу в 2001 году. Таким образом, этот телеформат можно считать относительно новым);
- эффект реальности и сиюминутности происходящего (многие молодые люди верят в то, что события, происходящие в такого рода телепередачах, не запланированы заранее, не регламентируются, а возникают и развиваются стихийно; многие «реалити» претендуют на то, что демонстрируются в режиме one-line, что рождает ощущения присутствия «внутри действия»);
- эффект «замочной скважины» (возможность наблюдать за другими людьми, их проблемами, чувствами, интимными подробностями личной

жизни; «реалити» дают такую возможность, размывая границы приватного и общественного);

- эффект популярности человека из толпы (к примеру, молодежь , получает удовольствие от осознания того, что популярными могут быть не только звезды эстрады или спорта, но и самые заурядные люди, «раскрученные» телевидением);

- эффект зрелищности (зрелищные произведения должны отличаться внешней выразительностью и эффектностью, эпатажем, вызывающим эмоции; события содержат долю драматизма, отражающего конфликты, борьбу. Должны быть «зацепка», действие, сцена приковывающие внимание. Очень важны сенсационность, умение зарабатывать «легкие деньги», необычность и отклонение от общепринятой нормы, а также демонстрация приватного. К тому же «реальное» телевидение играет на чувстве удовлетворенности от осознания неудачи другого человека, которое люди часто испытывают в повседневной жизни. Именно поэтому почти неизменный атрибут всех «реалити» – процедура публичного «отчисления» проигравших участников. Пытаясь понять причины успеха «реалити», нельзя игнорировать и эстетический аспект. Красивые молодые герои, модная, привлекательная одежда, мастерски снятый антураж и т.д. – всё это, несомненно, удовлетворяет эстетическим запросам «среднего» юного телезрителя, благо они у него не слишком высоки);

- эффект идентификации с участниками такого рода телепередач, нарушающими общественные табу (аудиторию привлекает возможность лицезрения нарушений общественных запретов);

- эффект интерактивности (телезрителям дается возможность путем телефонных звонков, интернет и смс-голосования и т.д. принять участие в развитии действия передачи, и люди этим активно пользуются).

В итоге, когда современный человек возвращается с работы и включает телевизор, на него «обрушивается» большой информационный поток, и, возможности по его адекватной обработке (интерпретации, анализу, обобщения) превышают возможности человека. На просторах телевидения реальности, поиск в телевизионном пространстве простых и однозначных оценок, четких и ясных позиций, внятных и простых вариантов действий. Массовые повседневные феномены встречаются в нашей жизни везде и во всем. Однако повседневность предстает как видимое, но незамечаемое. "Повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные "свободные зоны", защищенные или защищающиеся от институциональных давлений".

"Повседневное – это нечто привычное, близкое, упорядоченное. Скажем, жизнь пчелы жестко фиксирована инстинктом. Человек не "фиксирован" и, в соответствии со своей природой, должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе при-

выкания и освоения его навыки преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени и т.п. – всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться".

Таким образом, повседневность является продуктом длительного исторического развития. "Повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, который... мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению".

"Повседневность – одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию – банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры. Но она же поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ. Повседневность – целостный социокультурный мир, как он человеку дан". "Повседневность – это, как писал Томас Бергер – американский социолог, – продукт социального конструирования".

В настоящее время значительно возросло влияние средств массовой информации на личность. Господствующее положение среди средств массовой информации на сегодняшний день занимает телевидение. Влияние телевидения оказывается более скрытым, нежели это может казаться многим, но это средство остается важным агентом политической социализации. Телевидение оказывает проникающее влияние, как на детей, так и на взрослых. Наиболее влиятельными средствами различных телевизионных жанров являются развлекательные программы. Аудитория их является наибольшей, таким образом, специалисты в области социологии придерживаются мнения, что все телевизионные передачи направлены на выполнение государственных задач. Реалити-шоу, выполняют функцию «отвлечения», российского зрителя от глобальных проблем в мире.

Таким образом, основные функции реалити-шоу в пространстве Российской Федерации:

- снятие напряжения (рекреация);
- переключение внимания (переориентация);
- передача социальных норм, образцов поведения, типов реакции (социализация);
- распространение массовой культуры (трансляция ценностей, установок).

Результаты исследования проведенные в 2009г. в г.Томске (в исследовании участвовало 100 человек, в возрасте от 17 до 23 лет). Позволяют утверждать, что реализация названных функций приводит к следующим эффектам в поле повседневной культуры молодежи (субкультуры):

- понижение (ответственности, стремление к поиску простых, типовых решений, отсутствие самостоятельного выбора);
- повышение (влияние западных культур);
- упрощения (представление об отношениях между полами).

ТОМСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВ

М. А. Головина

Томский институт бизнеса

Оживление просветительской деятельности во второй половине XIX века, усиление демократических тенденций, которое сказалось в обращении художников к жизни простого народа, были теми процессами, которые обусловили дальнейший подъем изобразительного искусства на рубеже XIX и XX веков и определили дальнейшие пути его развития. К 1900-м годам центр культурной жизни Сибири перемещается из Иркутска в Томск. Организация Томского университета, ставшего источником просвещения в Западной Сибири, сосредоточение научных сил, создание прогрессивных обществ, в том числе отдела Географического общества, открытие книжного издательства, книжного магазина и первой в Сибири публичной библиотеки – все это усилило тяготение передовых сил к Томску, сделав его культурной столицей Сибири.

В это время в Томске появляется группа художников с высокой профессиональной подготовкой – преподавателей университета, технологического и учительского институтов, гимназий, училищ. Недавние выпускники Академии художеств и лучших художественных училищ Москвы и Петербурга, участники столичных выставок, они остро ощущали потребность в общении с публикой. И персональные, и групповые художественные выставки были для Томска явлением чрезвычайно редким, что не отвечало уже ни запросам публики, ни художников, чье творчество оказалось абсолютно неизвестным томичам.

Предпосылки для развития художественной жизни в городе имелись, во многом они создавались усилиями П.И. Макушина, обеспечившего открытие первых воскресных рисовальных классов. Г.Н. Потанин, прекрасный знаток Сибири, в начале XX века переехавший из Иркутска в Томск, сравнивая эти крупные города, писал, что «живая просветительская деятельность» в Томске была значительно активнее. Сам он немало привнес нового в этом отношении в томскую жизнь, публикуя в периодической печати обзоры о состоянии дел в театре, музыкальной и художественной жизни, очерки о творчестве художников.

С первых лет нового, XX века в Томске осуществляются важные для развития изобразительного искусства начинания. На художественных выставках выступают и местные авторы, и московские, и петербургские художники. В 1903 году открывается первая передвижная выставка петербургских художников, на которой томичи могли увидеть и работы молодого алтайца Григория Ивановича Гуркина, в то время ученика Академии художеств. В декабре 1907 года открылась его первая персональная выставка, затем в марте 1909 года – выставка работ Андрея Осиповича Никулина.

Переломным годом в течении томской художественной жизни стал 1909-й. Моральный и материальный успех 1 периодической выставки кар-

тин томских художников показал эффективность совместного решения творческих и организационных проблем. Энтузиазм охватил ценителей искусства.

Решено было создать Томское общество любителей художеств. Инициатива создания принадлежала Лидии Базановой (1864-1916), приехавшей в Томск вместе с мужем – будущим профессором Томского университета – и перевернувшей художественную жизнь Томска. Главными целями Общества были определены:

1) Объединение томских художников и любителей искусства на почве художественных интересов; 2) устройство художественно-промышленной школы; 3) распространение художественных идей в широкой публике путем организации выставок, публичных заседаний общества с чтением докладов по художественным вопросам, лекций об искусстве, художественных изданий и т.п.; 4) изучение художественного творчества местного населения; 5) устройство, по мере развития общества, художественно-промышленного музея и 6) оказание, по мере развития средств общества, материальной помощи нуждающимся художникам и ученикам художественной школы.

Состав общества быстро рос. Уже к январю 1912 года Общество насчитывало 118 членов. В 1912 году почетными членами Общества были избраны И. Е. Репин и В. И. Суриков. К участию в выставках постепенно начинают привлекать русских художников А. В. Маковского, Я. Я. Вебера, И. И. Машкова и других. Заинтересованность Обществом проявили видные деятели литературы и искусства. Репин рекомендовал в Томск художника Семена Марковича Прохорова, характеризуя его как высокообразованную личность. Переселение Прохорова в Сибирь одобрял и М. Горький, со своей стороны просивший художника хотя бы изредка сообщать о том, как живет Сибирь.

За десять лет своей деятельности Общество решило немало задач, которые ставило перед собой вначале. Ему принадлежит заслуга открытия в 1910 году первой в Сибири художественной школы, получившей название “классы рисования и живописи ТОЛХ», которые наряду с открывшимися чуть позже рисовальными классами Красноярска были единственными в Сибири. Они имели серьезно проработанную программу обучения. Основную деятельность в этом направлении на начальном этапе осуществляли Л.Базанова, А.Капустина, Ф.Несмелов. Также намечалось открыть в Томске художественное училище, но Совет Императорской Академии не оказал должной поддержки, взамен прислав великолепные учебные гипсы.

Первую групповую выставку, получившую многообещающее название 1 периодическая, на рубеже 1908-1909 годов устроили шестеро художников: Базанова, Капустина, Лукин, Рокачевский, Ткаченко, Щеглов. Они показали 350 своих произведений. Наиболее значительным мастером среди них предстала перед зрителем Лидия Базанова. Во Второй периодической было выставлено 270 произведений 17 авторов. Третья периодическая по

своему составу была всесибирской: из 42 участников только 22 были томицами. После провальной четвертой пятая выставка имела небывалый для Томска успех. Настоящую сенсацию произвели в Томске четыре монументальные работы И.И.Машкова, удивляющего в те годы живописными новациями даже столичных зрителей. Споры вокруг произведений Машкова вылились в двухчасовой диспут с участием 80 человек, а затем перекинулись на газетные страницы. Прошедшие в последующие годы еще пять периодических выставок прошли достаточно традиционно. Высокий уровень 5 выставки, заданный С.М.Прохоровым, устроители последующих томских выставок поддержать не сумели.

Теперь более подробно о художниках.

Базанова Лидия Павловна. Почти вся ее творческая жизнь прошла в Томске. Крупные исторические полотна, большие законченные портреты многие томицы увидели впервые в своей жизни в ее исполнении. Время сохранило несколько крупных полотен «царицы» первых периодических выставок: портреты П.И.Макушина, Г.Н.Потанина, сцену из алтайской жизни «Со свадьбы». О мастерстве опытной художницы, умеющей с большой степенью достоверности зафиксировать внешность, характерную позу, особенности национального костюма, быта и даже поведения и в то же время сохранить целостность непосредственного натурального впечатления свидетельствуют этюды «Алтаец» и «Алтайка».

Вообще очень симптоматичен в этот период интерес томской передовой общественности к южной окраине Сибири – Алтаю, входившему в то время в Томскую губернию. На Алтай снаряжались неоднократно экспедиции ученых Г. Н. Потанина, В. В. Сапожникова, жившего в Барнауле, краеведа В. И. Верещагина и других.

Исследователями алтайского фольклора стали сибирские писатели Г. Д. Гребенщиков, Г. А. Вяткин, а позже в сибирский период своей жизни – А. А. Караваева, С. И. Кожевников, А. Л. Коптелов и другие. Единодушно отмечают они героический характер алтайского эпоса, указывая, что герои алтайских сказок, легенд – это, как правило, богатыри, "совершающие подвиги, защищающие слабых, сирых", борющиеся с "жестокими, звероподобными ханами", алтайские легенды "нежно и проникновенно воспевают любовь, великую созидательную силу ее и непоколебимую верность".

1. Гуркин Григорий Иванович – русский художник, литератор и политический деятель, мастер пейзажа, один из первых художников-профессионалов среди коренных народов Сибири. В нашем городе остались великолепные этапные полотна художника: «Хан-Алтай», «Корона Катунь», «Озеро горных духов»; более десятка этюдов, запечатлевших живописные уголки Горного Алтая, по которому он неоднократно совершал экспедиции; рисунки пером, выполненные рукой блестящего рисовальщика.
2. Вильгельм Иванович Лукин. Мастер натюрморта, пейзажист. Наибольший интерес представляют его ранние маньчжурские

натурные этюды, отличающиеся мягкостью тонов и воздушностью от его более поздних, жестких по живописи произведений.

3. Рокачевский Захарий Алексеевич много и плодотворно работал пейзажистом и портретистом. Сейчас известны только два рисуночных портрета Рокачевского (находятся в химическом корпусе ТПУ). Он был известен как создатель целой галереи портретов томских ученых. Источником вдохновения Рокачевского-пейзажиста, пожалуй, единственного томского художника, не писавшего виды Алтая, были окрестности Томска. Художник часто писал окруженные зеленью здания церквей, стены монастырей.

Разнообразие тем, творческих приемов, эмоциональное отношение к изображаемому делало очень притягательными для зрителей и критиков рисунки акварели Михаила Щеглова. Его работы демонстрируют тонкое мастерство. Огромным успехом пользовались предметы декоративно-прикладного искусства и резные рамы к его собственным произведениям, украшенные Щегловым орнаментальными мотивами, заимствованными в русском традиционном искусстве и искусстве коренного населения Сибири. Эти работы всегда с удовольствием раскупались на выставках. Также он известен своими рисунками к юбилейному изданию романа Л. Толстого «Анна Каренина» и открытками и карикатурами на сибирские темы.

Декларирование в качестве одной из главных целей изучение искусства коренного населения Сибири выделяло Томское общество любителей художеств среди большого числа подобных объединений российских городов. Реальная работа в этом направлении поддерживалась инициативой исследователей Сибири А.В. Андрианова, Г.Н. Потанина. Из ряда экспедиций были привезены тысячи рисунков, акварелей, сотни живописных этюдов, которые дали богатейший натурный материал для последующей творческой работы. Рисунки М.Щеглова, изображавшие остяков, несмотря на некоторую стилизованность, вызывали живейший интерес публики и, благодаря издательству их Макушиным в виде открытых писем, стали известны далеко за пределами Сибири. Акварели А. Ворониной с зарисовками шаманских бубнов, костюмов, предметов культа представляют не только этнографический интерес, но и отражают восхищение художницы захватившей ее стихией народного искусства, выразившегося в религиозном ритуале.

Предпринимались попытки теоретически осмыслить проблемы разработки сибирского стиля, как это было сделано в докладе А.Андрианова «Орнамент сибирских инородцев» на заседании ТОЛХ в 1909 г.; М.Щегловым в 1912 г. на лекции «Применение сибирских мотивов в прикладном искусстве»; С. Просвиркиной в 1917 г. в докладе о художественном творчестве хакасов и тувинцев.

Все это свидетельствует о перспективности работы художников в данном направлении. Отношение к художественной культуре народностей, населявших Сибирь, как к живому явлению, дающему импульс современному

профессиональному художнику к обогащению своего творческого арсенала, сближало искания томских художников с прогрессивными поисками, характерными для мирового художественного процесса.

Вклад художников, живших и работавших в Томске в начале XX века, в русское искусство был разным. Однако их общие усилия, слившиеся в деятельности первого художественного объединения Сибири – Томского общества любителей художеств, дали значительный толчок развитию изобразительного искусства всей Сибири, приобщая к художественной культуре широкие слои населения, изменяя представления о духовных запросах сибирских жителей. Данная статья в какой-то степени реставрирует нашу духовную память, восстанавливает историческую справедливость по отношению к большой группе художников, создававших славу Томска как «Сибирских Афин».

МЕСТО ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ. НОВЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Е. Ю. Девянина

Томский государственный педагогический университет

Прежде чем говорить о музыке и её месте в массовой культуре, необходимо дать определение массовой культуре.

По определению Разлогова, Массовой культурой называют такой вид культурной продукции, которая каждодневно производится в больших объемах. Предполагается, что массовую культуру потребляют все люди, независимо от места и страны проживания. Это культура повседневной жизни, представленная самой широкой аудиторией по различным каналам, включая и средства массовой информации и коммуникации [3].

Также Массовая культура является феноменальной культурой, которая отличается ориентацией на большинство, набором стандартных форм, практической направленностью, своеобразный феномен социальной дифференциации современной культуры.

Чрезвычайно широкое и практически повсеместное распространение Массовой культуры происходит в XX в. Ее формирование связывается с процессами модернизации общества, демократизацией и индивидуализмом, усложнением процессов производства, распространением рыночных отношений, ростом благосостояния основной массы населения [6, с. 307].

Массовая культура – дитя массовой коммуникации, порождение жгучего интереса к иному быту, иным вкусам, всему иному, которое оказывается таким близким и знакомым, почти своим. Массовая пресса и книгоиздание, аудио- и видеозапись, радио и телевидение, ксерография, телекс и телефакс, спутниковая связь, компьютерная техника создали глобальное информационное пространство, ту среду, в которой естественно живет массовая куль-

тура. Это глобальное информационное пространство первое условие существования массовой культуры.

Сейчас массовая культура тесно вошла в нашу повседневную жизнь. Она проникла во все сферы деятельности и стала неотъемлемой частью современности. Массовая культура охватила, кино, театр, телевидение, радио, Интернет, всю культуру повседневности, так же массовая культура затронула и такую сферу как Музыка. Всё общество не зависимо от возраста, места проживания являются потребителями массовой культуры.

В XX столетии коммуникации охватила весь мир, и культура стала мировой.

Одной из самых интересных областей массовой культуры XX века является массовая музыка. Музыка присутствует во всех культурах прошлого и настоящего, значительно изменяясь в зависимости от времени и места.

В современной социокультурной ситуации музыка все больше выдвигается на первый план в структуре художественных предпочтений молодежи. Она опережает другие виды искусства по количеству потребления в силу своих непосредственно-чувственных особенностей воздействия.

Прежде, чем рассматривать различные проявления массовой музыкальной культуры в XX столетии, нужно дать определение массовой музыке.

Массовая музыкальная культура – это система устойчивых общественных связей, возникающих в результате функционирования определенных типов социальных сообщений, использующих в качестве базовых семиотических элементов звуковые (свето-звуковые) комплексы и популярные жанровые модели. Проявления массовой музыкальной культуры, потенциал которой постоянно возрастает благодаря быстрому развитию средств массовой коммуникации, в условиях – глобального общества потребителей трансформировались в универсальное явление, обусловленное различными противоречиями в обществе [5].

Современная массовая музыка как никогда многолика и занимает значительное место в социокультурной коммуникации, внедряется в "плоть и кровь" современного быта, в том числе и традиционного – оперного и концертного. В своем развитии она стремительно обгоняет массовый кинематограф и литературу, активно проникает в масс-медийное пространство: телевидение, рекламу, дизайн, оформительство. Массово-бытовые жанры всегда были индикатором социокультурной активности, и сегодня они сигнализируют о настоящей культурной революции. Подобного разнообразия жанровых, стилевых, этнических, песенных и танцевальных форм музыки человечество еще не знало. Сегодня, в начале XXI столетия, жанрово-стилевая и культурная интеграция достигает такого уровня, что снимаются последние ограничения на пути к смешиванию стилей и жанров, языков и традиций [2].

Сфера массовой музыкальной культуры приобретают особенное значение для современного общества. Появление на мировом рынке совершенно нового типа культурной продукции формирует тенденции универсализации

феномена массовой музыкальной культуры. Возникнув в русле бытовых жанров прикладного значения, массовые жанры трансформировались в универсальный феномен, по-разному проявляющийся: в различных странах в зависимости от культурных традиций, социальной структуры и господствующей формы властных отношений. Массовая музыкальная культура становится частью повседневности во многом из-за того, что музыка является мощным фактором воздействия на массовое сознание [1].

Явления массовой музыки являются: одним из эффективных методов трансляции культурных практик во всем мире; легкость восприятия, прямая связь с современными формами досуга, жанровая специфика, в сочетании с достижениями современных масс-медиа обеспечивают быстрое распространение массовой музыкальной продукции по всему миру. Векторы распространения хитов массовой музыки отражают доминирующие политические тенденции – расстановку сил на мировом рынке, поведение заказчиков и исполнителей культурных заказов, целевые инвестиции культурного капитала в страны третьего мира. При этом социологическое осознание функций экспортируемой музыкальной продукции не входит в сферу внимания исследователей. Для духовной жизни современного российского общества. В глобальном производстве для целевых социальных групп значение музыкального феномена становятся, важной составляющей маркетинговых и политических стратегий [4].

Массовая музыка просто не может существовать отдельно от других областей массового искусства, как это происходит в профессиональной музыке. Это связано с крайней степенью специализации в мире профессионального искусства. Например, музыкой в театре занимается композитор, постановкой – режиссер, танцами – балетмейстер, декорациями – художник и т.д. В массовой же культуре все прихотливо перемешано. Так даже знаменитые рок-ансамбли прибегают к услугам режиссера, художника, балетмейстера и т.д. только уже приобретя определенную популярность и практически достигнув профессионального уровня. А до того времени их искусство – еще, во многом, искусство самодеятельное и синтетическое [7].

Массовая музыкальная культура в XX веке была представлена множеством направлений и их ответвлений, таких как новая массовая музыка (60-70 годы – поп, рок, соул, диско, реггей, авторская песня), новейшая (последние 10-20 лет – металл, техно, рэп, хаус, индастриел, эйсид). Каждая из них, расслаиваясь на подвиды и вступая в межвидовые контакты, начинает жить по собственным законам.

Создателями массовой музыки являются не только авторы и исполнители, но и слушатели. Они не в меньшей степени, нежели исполнители, вдыхают в нее настоящую жизнь. От слушателя зависит распространение той или иной моды; будучи потребителем музыки, он прямо участвует и в распространении самой продукции.

В наши дни массовая музыка по своему жанровому составу более сложна, чем ранее. В ее бурлящий поток попадают пласты самодеятельного

песенного творчества, фольклор, восточная музыка, джаз, рок, авангард и, конечно же, европейская классика.

Появляются такие направления и стили как: Софистикэйтед-Джаз, Эмбиент, Свит-Музыка, Рэив, Хард-Рок, Хиллбилли, Хэви-метал, Электро-поп, Диско-музыка, Авангардный джаз и многое другое.

Рассмотрим особенности наиболее популярных разновидностей стилей и жанров музыки:

➤ **РОК-МУЗЫКА** (рок) (от англ. rock – раскачиваться), тип современной музыки. Стилевая основа – ритм-энд-блюз, кантри-энд-вестерн и рок-н-ролл. Рок-музыка сформировалась в Великобритании и США на рубеже 50—60-х годов 20 века. К важнейшим признакам рок-музыки относятся: опора на блюзовые композиционные структуры и звукоряды, краткие бесполутоновые попевки (нередко в качестве риффов), гипертрофия метроритмического начала (с акцентом на четных долях такта), применение электрического и электронного усиления и преобразования звука, повышенная – нередко экстагическая – экспрессия вокального и инструментального интонирования. Формы бытования рок-музыки многообразны – от любительских групп до профессиональных коллективов, функционирующих в системах концертного и фонографического бизнеса. Для рок-музыки характерно внимание не столько к произведению, сколько к его исполнительской подаче. С момента своего появления рок-музыка нередко становилась компонентом молодежной культуры, выражая свойственный ей нонконформистский пафос. Вместе с тем значительная часть рок-музыки находится в рамках «массовой культуры». Рок-музыка представляет собой сложный конгломерат течений, выделившихся по музыкальным и немусикальным признакам: принадлежности к определенным социально-культурным движениям (например, психоделический рок, панк-рок), возрастной ориентированности (рок для подростков, для взрослых), динамической интенсивности (тяжелый рок), технической оснащенности (электронный рок), взаимодействию с теми или иными музыкальными традициями и стилями (барокко-рок, джаз-рок, фолк-рок и др.), месту в системе художественной культуры (рок-авангард, поп-рок). Важное значение для рок-музыки имеет визуальный фактор: манера поведения музыкантов, их стиль жизни, сценическое оформление рок-шоу, новые жанры визуальной подачи рок-музыки (видеоклипы) [2].

➤ **РЕГГЕЙ** (англ. reggae), разновидность современной поп-музыки, основой которой являются фольклор стран Карибского моря (прежде всего Ямайки), ска, калипсо, элементы латиноамериканской музыки и ритм-энд-блюза. К особенностям музыки реггей относятся: изощренная ритмика (в том числе с использованием полиритмии и полиметрии), принцип офф-бита, разнообразие применяемых ударных инструментов, двутактовая периодичность мелодических и гармонических структур, принцип «вопрос – ответ» как основа формообразования. Музыка рег-

гей тесно связана с идеями и практикой такого религиозно-философского учения, как растафарианизм (объединение всех чернокожих жителей мира и их реэмиграция в Африку). Крупнейшие представители музыки реггей Боб Марли, Джимми Клифф, Эдди Грант. Элементы реггей и его репертуар нередко используются в других стилях поп-музыки (начиная с Луиса Примы и Фэтса Домино). В отечественной поп- и рок-музыке стиль реггей представлен в работах группы «КОМИТЕТ ОХРАНЫ ТЕПЛА», у Александра Лаэртского, Леонида Агутина.

- **ПОП-МУЗЫКА** (поп-музыка) (англ. popular music, popmusic – популярная, общедоступная музыка), область музыкального искусства. Возникла в 19 веке как реакция на усложнившиеся формы «серьезной» музыки. Интенсивное развитие получила с начала 20 века. Различают традиционную «старую» популярную музыку и «новую» поп-музыку, обособившуюся с появлением рок-н-ролла. Наиболее общие признаки популярной музыки: тиражирование средствами массовой информации, коммерческий характер, стандартизированность музыкально-поэтического языка, акцент не столько на произведении, сколько на его исполнении, развлекательность, предполагающая легкость восприятия.
- **РЭП** (англ. rap), вокальная манера, впервые появившаяся в начале 80-х годов 20 века в арсенале американских диск-жокеев, хотя еще раньше практиковалась на Ямайке под названием «тоустинг». Представляет собой скороговоркою произносимый текст не всегда осмысленного содержания, наложенный на ритмический каркас фанка. В качестве художественного приема используется во многих формах современной «черной» музыки, став крайне популярным к концу 80-х годов (появился даже специальный раздел в чартах, отдельная программа в MTV). В отечественной истории первыми опытами в стиле рэп остаются работы куйбышевского журналиста и диск-жокея Александра Астрова группы «ЧАС ПИК». Отдельные номера, использующие вокальную технику рэпа, присутствуют и у других исполнителей.
- **Метал** – изначально музыкальный стиль, конституировавшийся в процессе развития хард-рока. В настоящее время – термин объединяющий все разновидности "тяжелой музыки", различающиеся как по специфике звучания, так и по идеологии (что находит выражение в текстах композиций и в имидже исполнителей). В свете огромного количества разновидностей "металла" (power, speed, thrash, black, doom, death и т.д.) рассматривать его следует не только как музыкальное направление, но и как своего рода идеологию.
- **Авторская песня** – жанр песенного творчества, характеризующийся первичностью текста по отношению к музыкальной составляющей. Представляет собой песни, исполняемые самим автором, аккомпанирующим себе на гитаре. Носит выраженный любительский характер, не требуя существенной музыкальной или вокальной подготовки.

Литература

1. Каган, М. Музыка в мире искусств [Текст]: / М. Каган // Советская музыка. М., 1987.- 316 с.
2. Козлов, А. Рок / А. Козлов. – (<http://www.musiclab.ru>).
3. Культурология XX век. Энциклопедия.
4. Найдорф, М. И. Как различаются музыкальные культуры? / М.И. Найдорф // Вопросы культурологии, №10, –М., 2005. – С.102-105. – (http://www.countries.ru/library/music_culture/typology.htm).
5. Орджоникидзе, Г. Звуковая среда современности [Текст] / Г.Орджоникидзе // Музыкальный современник, вып. 4. М., 1983.
6. Разлогов, К.Э. Теоретическая культурология [Текст]: / К.Э. Разлогов. – М. 2005. – 642с.
7. Ивлев, С.А. / С.А. Ивлев. – ([http://www.fondcultura.ru/htmls/method/texts/history/20 mass cult.htm](http://www.fondcultura.ru/htmls/method/texts/history/20%20mass%20cult.htm)).

РОЛЬ ЯЗЫКА И РИТУАЛА В ВОЗНИКНОВЕНИИ И СУЩЕСТВОВАНИИ МИФА

О. А. Диденко

Томский государственный педагогический университет

Одним из самых сложных и загадочных явлений культуры является миф. Возникая в период архаических обществ, он продолжает существовать в культурах эпохи цивилизации, оказывая влияние на все сферы жизни общества. Присутствует миф и в современной культуре, хотя, конечно и не в таких формах, как в архаическую эпоху.

Рассматривая проблему возникновения мифа и его существования в культуре, исследователи указывают на некоторые факторы, влияющие на эти процессы. Анализ основных концепций и теорий мифа, позволяет выявить ряд факторов, определяющих его возникновение и существования, среди которых выделяются язык и ритуал.

Язык первоначально выступает в качестве материала, из которого складывается в дальнейшем мифологическое повествование. Процесс накопления словарного запаса протекает постепенно, причем в первую очередь возникают именованья, названия отдельных вещей и явлений, которым впоследствии предстоит вступить в некие отношения друг с другом, чтобы сложить единую, понятную и объясненную картину мира: «Язык ... играл значительную роль в образовании мифа. Уже самый факт наименования таких понятий, как зима и лето, холод и жара, война и мир, добродетель и порок, давал составителю мифов возможность представлять себе эти идеи в виде личных существ» [7, с. 138]. Более того, А.Н. Афанасьев, например, считал, что «единственный источник мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями» [1, с. 15], и «зерно, из которого вырастает мифическое сказание, кроет-

ся в первозданном слове» [1, с. 25]. При этом многими авторами отмечается, что миф и язык происходят из одного источника; та же сила, которая создавала язык, вызвала к жизни миф: «той же силой, что творился язык, образовались и мифы народа» [3, с. 25]. Так, например, Э. Кассирер отмечал, что «язык и миф родственны друг другу. На ранних стадиях развития человеческой культуры их отношения столь тесны и взаимосвязь столь очевидна, что невозможно отделить одно от другого. Это два побега от одного общего корня» [4, с. 568]. Представляется, что язык рождается прежде всего как язык имен – он приходит на смену коммуникации провоцирующих возгласов и жестов. Наличие имен предполагает персонификацию бытия – ведь усмотрение в событии персональной воли – первичный способ понимания события – возможность понимающего переживания, принимаемая за единственную и исчерпывающую возможность. Позднее в языке появляются метафоры – переносы свойств одних именных сфер на другие – и, таким образом, структура мышления медленно преобразуется в модель представлений, тоже, конечно, долгое время существовавших в качестве мифологических.

Миф, являющийся прежде всего способом видения мира, рождающийся как ответ человеческого сознания на вызов окружающей реальности, использует слова для создания образов. Поскольку первобытный язык в значительной степени метафоричен, отдельные имена обрастают многочисленными эпитетами, за которыми стоят различные мифологические сюжеты. Миф и язык непрерывно взаимодействуют, влияя друг на друга: «Составление отдельного слова зависело от поверья, и поверье, в свою очередь, поддерживалось словом, которому оно давало первоначальное происхождение» [3, с. 25]. Впоследствии именно это взаимовлияние способствует сохранению в культуре целых мифов или отдельных мифологических сюжетов за счет этимологической составляющей языка: разбираясь в происхождении слова, исследователи порой вынуждены прибегать к мифологическому материалу.

Поскольку миф представляет собой «преимущественно словесное произведение» [6, с. 260], «некое языковое создание» [5, с. 206], становится не совсем понятно, как же в таком случае возможно восприятие, а тем более понимание и изучение мифов других народов, созданных в иной культуре и существующих в другом языке. Однако практика показывает, что миф, будучи создан на конкретном языке, беспрепятственно переводится на любой другой практически без потерь. Оказывается, что «как бы плохо мы не знали язык и культуру народа, создавшего миф, он все же во всем мире любым читателем будет воспринят как миф» [5, с. 187]. Следовательно, смысл мифа не связан напрямую с языком, поскольку «сущность мифа составляют не стиль, не форма повествования, не синтаксис, а рассказанная в нем история» [5, с. 187]. Поэтому, согласившись с мнением К. Леви-Строса, приходится констатировать, что «миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удастся ... отделиться от языковой ос-

новы, на которой он сложился» [5, с. 187]. Подобную идею выдвигал и Р. Барт, говоря о языке-объекте (некоем конкретном языке, языковой системе) и метаязыке (мифе): «Когда семиолог анализирует метаязык, ему незачем интересоваться строением языка-объекта, учитывать особенности языковой системы; он берет языковой знак в его целостности и рассматривает его лишь с точки зрения той роли, которую он играет в построении мифа» [2, с. 78] .

Таким образом, язык как фактор, определяющий возникновение и существование мифа в культуре, создает словесный материал, необходимый для мифологического повествования. Миф же, первоначально определяющий взаимосвязи между словами и их значениями, впоследствии существует благодаря языку, в пространстве которого мифологические сюжеты удерживаются в памяти поколений за счет этимологического аспекта. При этом язык в значительной степени является лишь средством передачи формы, тогда как суть мифа сохраняется и передается независимо от языковой основы.

Миф это прежде всего базовый феномен сознания – в его основе элементарный принцип понимания, построенный на уподоблении постигаемых явлений знакомым образам и процессам, чаще всего близко знакомым человеку и непосредственно присущим его образу жизни. Сам же принцип такого уподобления может применяться к объяснению чрезвычайно сложных, универсальных явлений, недоступных полному эмпирическому познанию. При этом он может ложиться в основу сложных, рационально развиваемых теорий в качестве базовых представлений и верований, что мы можем увидеть на примере теоретических построений греческих философов, в том числе Платона и Аристотеля.

Еще одним фактором, связанным с возникновением и существованием мифа, является ритуал, наличие которого порождает непрерывные споры среди исследователей о первичности его по отношению к мифу.

Дж.Дж. Фрэзер, явившийся создателем ритуалистической теории происхождения мифа, считал, что появление мифа обусловлено необходимостью объяснения уже существующих обрядов и ритуалов. Мифы, по его мнению, «измышляются с целью объяснить происхождение того или иного религиозного культа» [8, с. 13]. Далее, по мере вырождения обряда, превращения его в красочное зрелище, смысл которого давно забыт, ведущую роль начинает играть миф [9, с. 178].

В свою очередь, М. Элиаде считает, что скорее миф первичен, а ритуалы и обряды воспроизводят события, происходившие в начале времен и изложенные в мифе – «священную историю», устанавливаемую и распространяемую посредством мифологии» [11, с. 29]. Мифы, по мнению Элиаде, «служат образцами для церемоний, которые периодически воссоздают великие события в начале времен» [11, с. 29-30]. В то же время Элиаде отмечает, что «миф иногда шел вслед за обычаем» [11, с. 50], однако в этом случае речь идет лишь о запаздывании создания мифа как формулы, некоего повествования [11, с. 50].

Знание мифа является необходимым для человека архаического общества, так как, «переживая» посредством ритуала события, изложенные в мифе, он имеет возможность вернуться к первоначальным временам и получить силу богов или героев-первопредков, требуемую для свершений в настоящем времени: «...ритуал заставляет человека расширить границы своих возможностей, осознать свое место рядом с богами и мифическими героями для того, чтобы быть способным совершать их действия» [10, с. 140].

Таким образом, миф существует в культуре на протяжении долгого времени благодаря постоянно воспроизводимому ритуалу. Являясь публичным действием, влияющим на эмоциональную сферу человека, предполагающим личностную вовлеченность и сопричастность инобытию, ритуал способен длить жизнь мифа, постоянно возрождая, актуализируя и подтверждая его.

Язык и ритуал, как мы видим, действительно являются факторами, способствующими возникновению мифа и его длительному существованию в культуре. Язык организует словесный материал таким образом, что это дает возможность проявиться прежде всего именно мифологическому сознанию. Сам архаический язык строился в соответствии с необходимостью построения мифологического повествования. Кроме того, язык сохраняет целые сюжеты мифа, которые открываются исследователю в процессе изучения происхождения того или иного слова. Ритуал, в свою очередь, фокусирует внимание на таком качестве мифа, как вера в его реальность. Он обеспечивает существование мифа, длит жизнь мифа в культуре, постоянно актуализируя его при помощи многократного повторения в публичных действиях, предполагающих наличие большого количества участников.

Литература

1. Афанасьев, А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян [Текст]: / А.Н. Афанасьев. – М.: Издательство Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т.1. – 800 с.
2. Барт, Р. Миф сегодня [Текст]: / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 72 – 130.
3. Буслаев, Ф.И. Эпическая поэзия [Текст]: / Ф.И. Буслаев // Народный эпос и мифология. – М.: Высш. шк., 2003. – С. 20 – 86.
4. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры [Текст]: / Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 440 – 722.
5. Леви-Строс, К. Структурная антропология [Текст]: / К. Леви-Строс. М.: «Наука», 1985. – 535 с.
6. Потебня, А.А. Миф и слово [Текст]: / А.А. Потебня // Слово и миф. М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 256 – 270.
7. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура [Текст]: / Э.Б. Тайлор. М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
8. Фрэзер, Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст]: / Д.Д. Фрэзер. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.

9. Хьюман, С. Обрядовый подход к мифу и мифическому [Текст]: / С.Хьюман // Обрядовая теория мифа: Сб. науч. трудов. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. Ун-та, 2003. С. 177 – 197.
10. Элиаде, М. Аспекты мифа [Текст]: / М. Элиаде. Пер. с франц. 3-е издание. – М.: Академический Проект; Парадигма, 2005. – 224 с.
11. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении [Текст]: / М. Элиаде // Космос и история. Избранные работы. Пер. с фр. и англ. – М.: «Прогресс», 1987. – С. 27 – 144.

ЛЮБОВЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

С. А. Зубчихина

Томский государственный педагогический университет

История человечества насчитывает сотни лет, но есть что – что, что связывает людей, эпохи, проходит тонкой, но крепкой нитью сквозь века, что – то, что объединяет всех и каждого. Это уникальное явление носит название – любовь.

Любовь так же как культура имеет сотни дефиниций. Ее рассматривают, анализируют как мыслители и философы древности, так и современные научные деятели и связи с этим, пред нами, вполне закономерно, встает вопрос – как понимают любовь философы нового времени, как трактуется любовь в русской и западноевропейской культуре XX века? Чтобы ответить на эти вопросы мы рассмотрим две культовые личности, двух ярчайших представителей философии XX века – Николая Бердяева и Эриха Фромма.

В богатом наследии Бердяева есть одна область, которая долгое время мало исследовалась, так как воспринималась как нечто второстепенное и не заслуживающее внимания. Это – философия любви.

Как писал сам Бердяев: «вопрос о любви казался мне страшным и важным, одним из самых важных в жизни. С этим связано у меня очень много переживаний, тяжелых и значительных для всего существования. И всю жизнь я думал, что тут есть что – то мистическое, что любовь имеет значение религиозное»[1, с. 4].

Бердяев уделял этой теме большое внимание, хотя и не написал специальной книги, зато обращался к ней во многих своих работах. Можно с уверенностью сказать, что Бердяев занимался философией любви на протяжении всей своей жизни: в книгах «Смысл творчества», « О рабстве и свободе человека» в статьях «Метафизика пола и любви», в эссе «Размышления об Эросе» (1949), именно это эссе и будет нас интересовать в дальнейшем, оно является последней работой автора и в нем отражена вся квинтэссенция воззрений Бердяева на проблему любви.

В своем эссе «Размышления об Эросе» Бердяев выделяет несколько типов любви: любовь – жалость (карикативная любовь) и любовь – эрос и исследует их взаимоотношения. Любовь – влюбленность, шире любви между

мужчиной и женщиной, это любовь восходящая. Влюбленность есть протяженность вверх, восхищение, нередко она доходит до творческого экстаза. Любовь эротическая всегда полагает ущербность, неполноту, тоску по восполнению, притяжение к тому, что может обогатить. В этих свои размышления Бердяев полностью разделяет идеи древнегреческого мыслителя Платона, который говорил, что любить – это значит, стремиться к целостности, к соединению. Так же немало важно разделять такие понятия как любовь – эрос и сексуальное влечение потому что «любовь – лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, неизменное человеческое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена действительно возможна. Сильная любовь – влюбленность может даже не увеличить, а ослабить половое влечение» [1, с. 135]. Сексуальность всегда носит безличный характер, а эротичная любовь личный, индивидуальный, в этом то и состоит большая разница между ними.

Другой тип любви является нисходящим, это любовь дающая, а не требующая, любовь – жалость. Если любовь – эрос требует взаимности, любовь – милосердие взаимность не требует, и в этом ее сила. Настоящая любовь, по мнению Бердяева должна заключать в себе как любовь – эрос, так и любовь – жалость, иначе эротическая любовь примет демонический характер и будет терзать человека.

Как утверждает Бердяев, семья и деторождение всегда являлись для него бытом, а вот любовь была бытием. Поэтому любовь – это, прежде всего выход из обыденности, для многих людей может быть единственный выход. Но это только в период влюбленности, так как дальше любовь неизбежно попадает под власть обыденного и сама становится таковой.

В любви есть бесконечность, но есть и конечность, ограничивающая ее. В ней есть проникновение в красоту другого лица, видение лица в Абсолюте, победа над уродством, торжествующим в падшем мире.

Данная тема в творчестве Бердяева была только намечена, но не разработана, но это уже большая историческая заслуга, так как после Бердяева в России, вернее, в СССР эта тема не просто не разрабатывалась, а находилась под запретом.

Основные взгляды и идеи Э. Фромма изложенные в его книге «Искусство любить»

По мнению самого автора, работа «Искусство любви», опубликованная в 1956 году, ставит своей целью показать, «что любовь – не сентиментальное чувство, испытать которое может всякий человек независимо от уровня достигнутой им зрелости. Фромм хочет убедить читателя, что все его попытки любить обречены на неудачу, если он не стремиться более активно развивать свою личность в целом, чтобы достичь прогрессивной ориентации; удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности, отваги, веры и дисциплины» [2, с. 6].

Проблема любви для подавляющего большинства людей заключается в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы самому любить. Таким образом, для большинства сущность проблемы в том, чтобы их любили, чтобы они могли вызывать чувство любви к себе.

«Искусство любить» – это книга о любви, но не о любви как тонкой сфере межчеловеческих отношений и тем более не о любви, являющейся синонимом секса, хотя все эти три ипостаси любви нашли здесь свое отражение. Главное для автора является четвертая, гораздо более глубинная форма человеческого отношения не бросающаяся в глаза ее ипостась – любовь как высшая зрелая форма человеческого отношения к человеку, как духовная способность, которой наделены отнюдь не все люди и которая может проявляться в различных видах отношений. Способность любить выступает мерой того, насколько человек продвинулся в своем развитии, насколько он отделился от животных и ощутил себя Человеком с большой буквы.

1. Любовь как ответ на проблему существования.

Желание достичь слияния с другим человеком – самое сильное стремление человека. Это самая фундаментальная из людских страстей, сила, не дающая распасться человеческому роду, клану, семейству, обществу. Невозможно достичь этого приводит к безумию и разрушению: самоуничтожению или уничтожению других. Без любви человечество не просуществовало и дня. И все же, называя слияние с другим человеком «любовью», мы сталкиваемся с существенной трудностью. Слияние можно достичь разными способами, и различие их ничуть не менее важно, чем то, что роднит виды любви. Можно ли все их назвать любовью? Как в любом споре о словах, ответ может быть лишь произвольным. Важно, что мы знаем, какой союз мы имеем ввиду, говоря о любви. Понимаем ли мы под любовью зрелый ответ на экзистенциальный вопрос или говорим о тех незрелых формах любви называемые – симбиотическим союзом.

В отличие от симбиотического союза, зрелая любовь – это союз, условием которого является сохранение целостности и индивидуальности партнеров. Любовь – ломает стены, отделяющие человека от других людей, и объединяет его с ними, любовь позволяет ему преодолеть чувство отдаленности и изоляции и в тоже время остаться самим собой, сохранить собственную целостность.

2. Любовь между родителями и детьми.

Поскольку младенец в момент рождения еще не обладает способностью осознавать себя и мир, как нечто, существующее вне его. Ребенок учится понимать людей: когда я ем, мама улыбается, когда я заплачу, она возьмет меня на руки. Подобные ощущения кристаллизуются и объединяются в одном чувстве: «меня любят».

В возрасте до 8-9 лет ребенок еще не умет любить – он только отвечает на любовь. Достигнув подросткового возраста, ребенок преодолевает свой эгоцентризм и нарциссизм и у него постепенно формируется принцип зре-

лой любви: *«меня любят, потому что я люблю», «ты мне нужен, потому что я тебя люблю»*

3.1. Братская любовь.

Под братской любовью Фромм понимает «ответственность, заботу, уважение, именно этот вид любви имеется в виду в Библии, когда говорится: *«Возлюби ближнего своего, как самого себя»* [2, с. 118]. Братская любовь является любовью между равными, хотя она берет свое начало в любви к беспомощному человеку, в любви к бедному и чужому.

3.2. Материнская любовь.

Материнская любовь включает в себя несколько аспектов: первый аспект заключается в том, что для сохранения жизни ребенка и обеспечения его роста и развития необходимы забота и ответственность. Другой аспект далеко выходит за пределы простого сохранения жизни. У матери должна быть установка, которая внушала бы ребенку любовь к жизни.

Связь между матерью и ребенком основана на неравенстве, в котором один полностью нуждается в помощи, а другой ее дает. В этом заключается различие между материнской любовью и такими формами любви, как братская и эротическая, так как они представляют собой формы любви между равными.

Сущность материнской любви предполагает желание того, чтобы ребенок в дальнейшем отделился от матери.

3.3. Эротическая любовь.

Рассматривая братскую и материнскую любовь, мы пришли к выводу, что оба эти типа любви являются любовью к равным и не ограничиваются только одним человеком, а эротическая любовь, напротив, жаждет единства, полного слияния с одним единственным человеком. По своей природе она не всеобща, а исключительна. Именно в эротической форме любви есть предпочтительность, которой нет ни в братской, ни в материнской любви. «Эротическая любовь делает предпочтение, но в другом человеке она любит все человечество, все, что есть живого» [2, с. 127].

3.4. Любовь к себе.

Фромм обращает наше внимание на противоположность двух понятий: любовь к себе и эгоизм. Он пишет, что большинство людей считают данные понятия синонимичными. «Широко распространено мнение, что любить других людей – добродетельно, а любить себя – грешно. Считается, что в той мере, в какой я люблю себя, я не люблю людей...» [2, с. 133]. В доказательство полной ошибочности подобных суждений Эрих Фромм приводит слова Мейстера Экхарта: «Если ты любишь себя, ты любишь каждого человека так же, как и себя. Если же ты любишь другого человека меньше, чем себя, то в действительности ты не преуспел в любви к себе, но если ты любишь всех в равной мере, включая и себя, ты будешь представлять их как одну личность, а личность эта есть и бог и человек. Следовательно, тот кто, любя себя, любит всех других одинаково» [2, с. 134].

3.5. Любовь к Богу.

Религиозная форма любви, берет свое начало в потребности преодолеть отчужденность и достичь единства.

Фромм подмечает несколько парадоксов характерных для западной мысли. Так, он говорит, что главное направление западной мысли основано на аксиомах аристотелевской логики, поэтому высшую истину Запад стремился найти в правильной мысли, и акцент в данном случае был сделан на мышление, хотя правильное действие было признано важным. «В религиозном развитии это вело к формулировке догматов, бесчисленным спорам о догматических формулировках, к нетерпимости к «неверующим» или еретику» [2, с. 145]. То есть на Западе в качестве основной цели религиозной установки выдвигалась вера в Бога. Следствием подобной точки зрения явилось то, что человек, который верил в Бога, но не жил по-божески, чувствовал себя более высоким, чем тот, кто жил по-божески, но не верил в Бога.

Заключение

Рассмотрев данные концепции можно легко заметить, что авторы работали два разных и уникальных подхода к определению любви. Бердяев и Фромм по- своему представляли, что есть такое любовь.

Исследуя данную тему, Эрих Фромм приходит к выводу о необходимости изменения и человека и общества, утверждая, что без нового человека невозможно новое общество. «Основой будущего общества может быть лишь человек, способный интегрировать в себе любовь к людям и готовность отказаться от всех форм обладания ради подлинного бытия, понимаемого как способность жить без идолопоклонства и всегда быть внимательным к людям; потребность дарить людям свою любовь» [3, с. 5].

Книга Фромма является действительно неким назиданием людям, перечисляя основные формы любви Фромм показывает нам какими они должны быть. Если это братская любовь, то она должна основываться на взаимов уважении, на взаимопомощи и заботе, а если эротическая, то под ней понимается не просто беспорядочные сексуальные отношения между мужчинами и женщинами, а желание соединения с другим человеком, способность в одном видеть и любить все человечество.

Фромм пишет: «...В акте любви, самоотдачи, проникновения в другого человека я нахожу самого себя, открываю себя – открываю нас обоих; я открываю человека» [2, с. 102].

Концепция любви Бердяева неоднородна, местами противоречива, но от этого она не теряет своего шарма, а скорее приобретает. Он относится к тому числу философов, которые не боялись высказывать свои взгляды, хотя для того времени они были весьма революционными. Так, Бердяев часто писал, что в такой области как любовь он ненавидит морализм и законничество и не выносит проповеди добродетелей. Он так же искренне не понимал, как можно уничтожать пол, половые отношения, но быть сторонником семейных связей, в который зачастую отсутствует всякий намек на любовь, это составляет главный минус христианства, отрицать то, что является источником самой жизни. Бердяев считал, что настоящая любовь – это редкий

цветок, она возникает при встрече суженного с суженной. Так же Бердяев утверждает, что в наше время слово любовь искаженно, профанировано и опошлено падшей человеческой жизнью.

В результате, несмотря на различия между авторами, мы можем заметить, что оба они говорили о недостатке любви в современном мире, о ее несовершенстве. В наше время, мы остро ощущаем недостаток таких важных понятий как «милость», «любовь», «милосердие» это все отразилось в кризисе моральных ценностей. Русский религиозный философ И. Ильин писал по этому поводу: «Да, в людях мало любви. Они исключили ее из своего культурного акта: из науки, из веры, из искусства, из этики, из политики и воспитания. И вследствие этого современное человечество вступило в духовный кризис, невиданный по глубине и размаху... нельзя нам без любви. Без нее мы обречены со всей нашей культурой. В ней наша надежда и спасение» [4, с. 11].

Литература

1. Бердяев, Н. А. Эрос и личность (Философия пола и любви) [Текст]: / Н.А. Бердяев. – М., Прометей, 1989 – 156с.
2. Фромм, Э. Искусство любить [Текст]: / Э. Фромм. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 224с.
3. Телятникова, Э.М. О жизни и творчестве Э. Фромма [Текст] / Э.М. Телятникова // Эрих Фромм. Искусство любви: Исследование природы любви. – М., 1990. 250 с.
4. Ильин, И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний [Текст]: / И. А. Ильин. – Мюнхен, 1958.

ТВОРЧЕСТВО ПИТА МОНДРИАНА

Е. Л. Кустова

Томский институт бизнеса

Пит Мондриан (настоящее имя Питер Корнелис) (1872-1944), голландский художник. Его картины, представляющие собой сочетания прямоугольников и линий, являются примером наиболее строгой, бескомпромиссной геометрической абстракции в современной живописи.

Родился он 7 марта 1872 в Амерсфорте. Его первые работы были написаны в реалистическом стиле. В 1911 он познакомился с кубистами, и их творчество начало оказывать значительное влияние на формирование молодого художника. Вскоре Мондриан отказался в своих картинах от малейших намеков на сюжет, атмосферу, моделировку и пространственную глубину и постепенно сознательно ограничивал выразительные средства. В 1912-1916 он строил композиции на основе свободно сконструированной и заполнявшей холст пространственной сетки. В это время Мондриан, подобно Жоржу Браку и Пабло Пикассо в период аналитического кубизма, предпочитал палитру рыжевато-коричневых и серых оттенков.

В 1914 художник вернулся в Голландию к отцу, который был при смерти, и оставался на родине в течение всей Первой мировой войны, а в 1919 снова уехал в Париж. К этому времени он уже был членом кружка, в который входили Тео ван Дусбург, Ауд, Ритвелд и Ван Эстерен. Все они были адептами модернизма, работали в стилях, близких к живописи П. Мондриана, и, возможно, оказали на него некоторое влияние в переходе от кубистических композиций к чистым геометрическим формам красных, желтых и синих прямоугольников.

В 1917 Мондриан и Тео ван Дусбург основали авангардистский журнал "Де Стил" и группу с таким же названием. Художественный язык, характерный для группы "Де Стил" основывался на тотальной абстракции и отрицал какую-либо связь между восприятием случайных фрагментов действительности и художественным творчеством. В соответствии с этой идеологией, члены группы сознательно ограничили набор допустимых элементов живописи прямой линией и прямым углом (т. е. горизонтальной и вертикальной линиями), тремя основными цветами (красным, желтым и голубым), а также тремя основными "не-цветами" (белым, серым и черным).

Эстетическая теория, лежавшая в основе этого направления, была названа неопластицизмом. В соответствии с требованиями неопластицизма Мондриан еще больше сократил свои художественные средства, используя только белый, серый, черный и наиболее интенсивные тона основных цветов спектра.

К 1920 стиль Мондриана полностью сформировался. Используя прямые линии жестких контуров, он делал композиции асимметричными, достигая динамического равновесия. Благодаря отказу от частных деталей он надеялся достичь более ясного выражения универсальных первооснов творчества, стремясь обрести то, что он называл "чистой пластической реальностью".

В 1940 Мондриан переехал в Нью-Йорк; двумя годами позже состоялась его первая персональная выставка. В одной из последних работ художника, Буги-Вуги на Бродвее (Нью-Йорк, Музей современного искусства), появилась тенденция к отходу от строгих классических принципов авангарда. В этой работе маленькие квадратики расположены пунктиром на сетке линий, что придает всей композиции новую синкопическую сложность и игривость ритма. Умер Мондриан в Нью-Йорке 1 февраля 1944.

Его произведения оказали влияние на многих современных художников, таких, как Александр Колдер, Бен Николсон, Виктор Вазарели и Фриц Гларнер. Целый ряд направлений в современном искусстве, например минимализм и оп-арт, восходят к творчеству Мондриана и кружку "Де Стил", так же, как и формы современной архитектуры, рекламы и печати.

Знаменитый французский Кутюрье Ив-Сен-Лоран в 1965 г. создает коллекцию «Мондриан» – по мотивам творчества голландского художника. Знаменитое мини-платье воспроизводит «композицию №11» 1929 г.

А в 2002 году мотив «Композиции № 10» использовал Джейкоб Арабо для создания часов «5 Time Zones» своей марки «Jacobs and Co». Впоследствии коллекция часов разрослась, обретая шикарные и ювелирные формы, однако наиболее удачной моделью до сих пор считается самая первая, созданная на основе цветовой палитры Пита Мондриана.

Мондриан считал, что искусство могло бы послужить для создания новой, образцовой реальности. «Ощущение прекрасного, освобожденного от материального субстрата, делает возможным на новых принципах реорганизовать наше материалистически организованное общество».

ПОДДЕРЖАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФОРМА АДАПТАЦИИ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

И. А. Лагутин

Бийский педагогический государственный университет

Процессы глобального характера, происходящее в современном мире характеризуются посредством двух главных категорий: модернизации, подразумевающей обновление за счет интенсивных инноваций и распространения передового опыта, и глобализации, подразумевающей объединение человечества в единую цивилизационную систему, в которой в итоге «утонут» местные культурные различия. Обе эти категории связаны по смыслу. Между тем, механизмы, лежащие в основе характеризующих ими процессов требуют пояснения.

Европейская классическая мысль Нового и Новейшего времени строилась на основе идеи модернизации. Обновление социальной жизни и культурных форм представлялась абсолютной ценностью; преодоление традиции, мешающей движению прогресса, мыслилось как очевидный положительный фактор социального конструирования и культурного творчества. Но социально-культурологическая мысль во второй половине 20 в. столкнулась с серьезными ограничениями в отношении оценки радикально-революционного характера перемен. Так, американский исследователь Ш. Эйзенштадт пишет: «Важная дихотомия современного общества – стабильность и преемственность против перемен. Перемены («прогресс или «развитие») которые могли принимать революционный или же постепенный характер, рассматривались как общая структурная тенденция современного общества, имеющая позитивную ценность» [1, С. 131-132]. Серьезный перелом в сфере данных теоретических позиций связан с переоценкой роли рационального начала смыслообразования в складывании культуры как смыслового целого. Рациональность все чаще понимается теперь как доминирующий принцип западной цивилизации Нового времени, а отнюдь не как универсальный принцип исторического конструирования, как это по-

нималось еще совсем недавно. Кроме того начинает радикально меняться отношение к культурной традиции.

Постмодернистская идея не отрицает и не отвергает традиции. Однако она и не представляет собой нового ренессанса культурной традиции: Она не обнаруживает приверженности какой-либо избранной традиции, которая бы выступила эталоном культурной идентичности, а исходит из плюрализма традиционно-культурных миров, каждый из которых приемлем, но не в качестве образца, а скорее в качестве разыгрываемого стиля – он принимается с ощутимой долей иронии. Однако и «игра всерьез» не исключается: человеческое сознание, как и в целом культура, формируемая на основе его структур, не могут существовать без ощущения собственной идентичности, а эта идентичность, как правило, предполагает преемственность – осознание тождества настоящего тому, что было.

Особым здесь оказывается и соотношение рационального и иррационального (эстетического, мифологического, магического, мистического) начал. Иррациональные мотивы начинают сочетаться с рациональной реконструкцией реальности в том сложном сплетении смысловых линий, которое представляет собой современная культура. При этом взвесить соотношение таких линий представляется сложным: что превалирует, конструктивный разум или недискурсивная интуиция, отсылающая к традиционному стилю мышления? Это соотношение, по видимому должно отличаться, будучи взвешенным на разных культурно-цивилизационных почвах.

Важной темой в этой связи стало «новое открытие» факта устойчивости в современных и модернизирующихся обществах традиций, обязательных форм поведения идущих из прошлого и ссылающихся на прошлые образцы.

Ш. Эйзенштадт выделяет проблему дихотомии современной социальной рациональности в противовес другим смысловым культурным ориентациям или ценностям, воплощенным в традициях, религиозном или мистическом опыте. Он пишет: «Рациональность часто воспринималась как «техническая» эффективность, то есть как мера овладения человеком самим собой и своей судьбой. Противоположный подход выявлял возможность того, что, освободившись от стеснительных рамок общих ценностей и ориентаций, от самоконтроля, человек становится добычей собственных нерегулируемых и девиантных инстинктов, прихотей, меняющихся и противоречивых интересов» [1, С. 89]. То есть рациональность не гарантирует высокой меры осмысленности социальной жизни, ее высокого культурного статуса, она способна ввергнуть человека и общество во власть бессознательных оснований эгоцентрической мотивации, которая отнюдь не во всех случаях способна вести к совершенствованию социальной системы. Для обществ, традиционно сложившихся на основе иррациональных способов осмысления нравственных, эстетических и многих практических вопросов культурной организации жизни, радикальная рационализация может означать социальную и личностную деградацию. Это культура Запада оригинально рационалистична, все же прочие культурные типы основываются по

преимуществу на разных, но в принципе внерациональных мотивах смыслообразования и даже реальной организации.

Высказываются и такие точки зрения, что процесс модернизации не имеет универсального характера, он не присущ природе каждого общества; этот процесс отражает уникальную историческую ситуацию, связанную с распространением западной культуры по всему миру, дополняемым попытками незападных стран заимствовать эти модели индустриализации, политической унификации и т.д.

Современная модернизация на основе западных – культурно-рационалистических – образцов рассматривается многими исследователями как частный случай модернизации. Сторонник идеи фундаментальной конкуренции оригинальных цивилизаций, определяющей историю человечества со времен активного расширения межцивилизационных контактов, американский политолог и культуролог С. Хантингтон, опираясь одновременно на суждения видного французского историка культуры Ф.Броделя, считает, что было бы наивно думать, что модернизация как «триумф цивилизации в единственном числе» приведет к устранению плюрализма исторических культур, веками существовавших в лоне великих цивилизаций. «На самом деле, – пишет он, – модернизация усиливает эти культуры и приводит к относительному уменьшению силы Запада. В весьма существенном смысле можно сказать, что мир становится все более современным и все менее западным» [2, с. 78].

Аргумент, заставляющий согласиться с мнением С. Хантингтона о постоянной конкуренции цивилизаций как основе международного исторического развития, не теряющей свое значение и в футурологической перспективе, может состоять в том, что каждая из значимых цивилизаций готова выступить в роли культурного центра глобализации, как только ее специфические приоритеты и достижения окажутся жизненно значимыми и, следовательно, притягательными для всего остального мира.

Так, к примеру, исламская цивилизация выступает со строгими нормативными критериями социально-нравственного порядка, имеющего мистическое обоснование, и это может оказаться востребованным человечеством в условиях массовой деградации и релятивизации нравственных норм, в условиях кризиса нравственных отношений – как реакция на эти деструктивные тенденции; – и на этом основывается, по сути, неизменная идея исламизации мира, которая внедрена в качестве ключевой в сами культурные основы этой специфической цивилизации.

В свою очередь, возможна и глобализация по-китайски; она может быть реально связана с экспортом дешевой рабочей силы во все регионы мира, и будет тогда основываться на конфуцианской по своим истокам этике трудолюбия, коллективизма и этнического протекционизма, способной противостоять возможным кризисным проявлениям эгоцентрически разобщенного общества потребления современного западного образца.

Российская цивилизация как оригинальный культурный тип тоже порой выдвигала приоритеты развития, которые сказывались как передовые в условиях цивилизационного кризиса человечества. Такими оказались идеи социальной справедливости на основе отказа от частной собственности, которые хотя и имели теоретические истоки в марксизме, оказались известны всему миру как универсально значимые идеи русской революции начала XX века и, конечно, коренились в нравственно-религиозных традициях православной культуры, а также хозяйственной общины и экономического этатизма, которые были характерны для отечественной истории многих столетий. Исторический неуспех тотально плановой государственной экономики, если рассуждать логически, вовсе не означает фатального неуспеха; возможны такие состояния экономики мира, где факторы планирования и регулирования экономических процессов, во-первых, обретут действительные возможности учета и конструктивного предвидения качественно большего объема данных, во-вторых, окажутся востребованными как необходимые дополнительные инструменты организации рынка, преодоления его непредсказуемой стихийности – тогда социализм как цивилизационная идея может вновь оказаться передовой и притягательной в глобальном масштабе. При этом главное в данном проекте не это, а приоритет качеств альтруизма и коллективизма как доминирующих культурных ценностей, выступающих в качестве системной основы российской цивилизации наличие которых редуцируется рационалистическим проектом эффективности, заводящим западную цивилизацию в эволюционный тупик, описанный А.Зиновьевым как тупик глобальный [3].

При этом сама собой напрашивается гипотеза о том, что в основе модернизации лежит взаимодействие и обмен между культурами разного типа их специфическими достижениями, которые именно ввиду особенностей этих культур не могут устойчиво воспроизводиться на почве каждой из них и поэтому предстают как необходимые заимствования. Так было всегда, и только в период 18-20 вв. этот обмен предстал в асимметричном облике влияния и даже культурной экспансии Запада с его рационалистической традицией. А на рубеже 20-21 вв. ситуация, по видимости меняется: Запад сам начинает заимствовать и инкорпорировать внерациональные интуиции других культурных типов, что и выражено в указанных тенденциях постмодернизма в культуре и искусстве. Процесс модернизации как форма обогащения цивилизаций передовыми достижениями других вполне вписывается в систему цивилизаций как дополняющих друг друга культурных типов. Модернизация именно как радикальное обновление культуры связано не столько с медленными тенденциями эволюции, сколько с относительно быстрыми преобразованиями, которые можно объяснить только фактором творчески продуктивного взаимодействия цивилизаций – фактором заимствования форм и образцов, созданных в рамках одной специфической цивилизации и обретающих значение общемировых приоритетов

развития, восполняющих своеобразные «недостатки» цивилизационного развития остального мира.

При анализе соотношения глобальных тенденций модернизации и сохранения культурной идентичности специфических цивилизаций (сохранения поликультурного мира) необходимо поставить и решить проблему всеобщности критериев современного направления культурной и цивилизационной модернизации.

В современной литературе по данной проблеме отмечается, что утверждение западной цивилизации как универсальной способно в принципе лишить остальные культуры какой-либо этической или эстетической ценности, сводит их к «местному колориту». И возникающее здесь противоречие не дает стимула для проявления творческих сил трансформирующихся культур, теряющих свою идентичность. Так, высказывается и алармистский тезис, что если, например, восточный мир не имеет иного выбора, кроме как принять «очевидный зов», «единственный выбор», «неизбежную судьбу», состоящую в приспособлении к Западу, то это будет означать трагическую гибель восточных цивилизаций. Если снять излишнюю, как представляется, драматизацию, то данный тезис сводится к идее саморазрушения культур, безоглядно сориентированных на трансформацию на иных культурных основаниях, потери ими самоидентичного существования, вокруг которого была построена оригинальная высокая смысловая конструкция, обрекаемая теперь на потерю смысла, на отвержение и опровержение ее ценностей и идеалов. Культура оказывалась обрекаемой на потерю «кристаллической» смысловой формы и превращение в аморфное массовидное состояние, которое нельзя было бы не признать деградацией.

Поддержание идентичности субъекта культурного преобразования мира – это неустраняемая основа для всех форм адаптации культуры. Но это и ключевая проблема для существования цивилизаций как разных, дополняющих друг друга проектов культурного преобразования мира и человека. Обмен, заимствования и взаимовлияния способны не только обогащать, но и разрушать культуры при определенных условиях. Этот процесс, если внимательно взглянуть в историю, происходил всегда, правда не всегда он был безопасен для идентичности и, соответственно, самостоятельного субъектного бытия цивилизаций, в которых распространялся. Он логично дополняет и необходимо динамизирует и современную систему межкультурных коммуникаций. И сегодня он тоже не гарантированно безопасен для их существования. Очень ярко эти тенденции проявляются в современной России, где, как представляется, конструктивная и разрушительная функции модернизации (в виде вестернизации) находятся сегодня в состоянии зыбкого баланса, что отображается прежде всего в спектре взглядов на настоящее и будущее культурно-цивилизационного развития России, на наличие противоположных векторов в их основе и порой острой полемичности.

Зыбкий, но необходимый баланс между автохтонной культурной традицией и глобальным модернизационным экспериментом – с перевесом то в одну, то в другую сторону – залог динамичной устойчивости в процессах культурного творчества – в его несводимости к массовизации культуры, не творчества не предполагающей.

Литература

1. Eisenstadt, S. Modernisation: Protest and Change [Текст]: / S. Eisenstadt. – N.Y., 1966. – P. 280.
2. Huntington, S. The Clash of Civilization and Remaking the World Order [Текст]: / S. Huntington. – N.Y., 1996. – P. 290.
3. Зиновьев, А.А. Глобальный человек [Текст]: / А.А. Зиновьев. – М., 2006. – 448 с.

ЧАК КЛОУЗ: МАСТЕР СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

О. В. Ладурко

Томский институт бизнеса

Творчество – изнурительный вечный процесс, имеющий начало, но не имеющий конца.

Ч. Клоуз

Современный американский художник, мастер психологического портрета, один из крупнейших представителей гипер- и фотореализма, Чак Клоуз родился 5 июля 1940 года в Монро, штат Вашингтон (США). Интерес к искусству проявился очень рано, уже в 8 лет он брал частные уроки, изучал анатомию, школу классического рисунка, рисовал обнаженную натуру. Восхищался античностью, ренессансом и академизмом и даже не подозревал о тех изменениях, которые происходили в то время в мире искусства. В 1950-х в Нью-Йорке был распространен абстрактный экспрессионизм, крупнейшими представителями которого были Джексон Поллок, Марк Тоби и другие. Первое потрясение Чака случилось в 1953 году, в музее Сиэтла, он набрел на гигантское полотно, испещренное нитями краски. Это был Джон Поллок, полотно было написано в технике дриппинга. Оно поразило и обескуражило Чака. Именно с того дня абстрактный экспрессионизм стал его манией, Клоуз стал досконально изучать технику своего кумира. Но вскоре на смену абстракционизма приходит поп-арт и Чак с головой уходит в новый для него стиль. В 1960 году оканчивает обучение в университете Вашингтона, а через 4 года – Йельский университет, получив поощрительный грант, он отправляется в Вену.

После возвращения в Америку (1967 г.) Клоуз переезжает в Нью-Йорк, где начинает свою преподавательскую деятельность в школе визуальных искусств, активно увлекается черно-белой фотографией и фотореализмом.

В это же время начинает работать над серией крупноформатных гиперреалистических портретов, дав им общее название "Головы". Создает ставший впоследствии знаменитым свой автопортрет. Впоследствии портрет большого формата становится главным жанром творчества Чака Клоуза. "Головы" представляют собой 8 двухметровых черно-белых портретов друзей и знакомых Клоуза, написанных с черно-белых "паспортных" фотографий, расчерченных на мелкие клеточки. Казалось бы, получатся отстраненные, формальные изображения в стиле классического американского фотореализма, но получились дружеские, эмоциональные работы. Секрет в том, что Клоуз практически всегда пишет портреты людей, которых очень хорошо знает (родственники или близкие друзья). "Головы" принесли ему популярность. Начиная с 1969 года, его работы начинают приобретаться музеями, он принимает участие в различных выставках, организовывает персональные выставки.

С 1970 года начинает свои эксперименты с использованием в живописи 3-х основных цветов: красного, синего и желтого. При этом краски не смешиваются предварительно на палитре, а наносятся непосредственно на холст отдельно, последовательными слоями. Он пробует себя в технике принтования и печати изображений. По приглашению фирмы "Полароид" участвует в тестировании новой камеры, создает серию фотографий и коллажных портретов. В 1984 году создает серию "Обнаженные". Моделями служат не близкие и друзья, как прежде, а профессиональные танцоры и артисты.

Все, казалось бы, шло своим чередом, но вмешалась судьба, в 1988 году он оказался прикованным к инвалидному креслу и частично парализован. Но Чак не привык сдаваться, уже через полгода реабилитационного лечения он частично смог шевелить пальцами и думал над продолжением работы. Он начал искать новую форму передачи изображения, решение пришло неожиданно. Чак Клоуз начинает работать, как и прежде, с фотографиями, расчерчивает поле снимка на квадраты и с помощью ассистентов переносит эту сетку на холст. Затем он намечает переходы от одного оттенка к другому и выводит в каждой клеточке маленькие геометрические фигурки разных оттенков. Получается огромный, пестрый ковер, который вблизи можно принять за поп-арт. Но на расстоянии 2-3 метров фигурки сливаются в фотографический слегка размытый портрет.

Критики были в восторге. Выставки "Нового Клоуза" открывались одна за другой. Критики придумывали название новой техники, например "Пиксельный реализм", сам Клоуз называет свой метод по-домашнему – "Вязание". Чуть позже он начинает свои эксперименты с дагерротипами, создает серию работ.

В 1998 году избирается членом Американской Академии науки и искусства, а также становится обладателем всевозможных престижных премий в области искусства.

Чак Клоуз является ярчайшим представителем актуального искусства, он впервые сумел соединить на одном полотне два противоположных стиля: абстракционизм и фотореализм. Ему принадлежит ведущее место в переосмыслении искусства портрета. Восхищает сила духа этого человека, несмотря на тяжелую болезнь, он продолжает работать, создавать новые произведения, строить планы на будущее и любить жизнь.

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЭПОХИ МОДЕРНА. ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО РЕНЕ ЛАЛИК

А. О. Малухина

Томский институт бизнеса

Стиль модерн получил широкое распространение в искусстве в последние десятилетия 19 века и в начале 20 века. За короткий срок этот стиль пережил периоды становления, расцвета и угасания, но при этом захватил искусство почти всех цивилизаций.

При упоминании модерна воображению представляются текучие складки, бабочки, стрекозы, длинные локоны волос. Характерная черта модерна это отсутствие прямых углов. Природа была неиссякаемым источником вдохновения для художников этого времени. Цветы, стебли и листья благодаря естественно изогнутым силуэтам, служили щедрым материалом.

Интересно в это время развивалось ювелирное дело. Женщина-цветок, привлекающая бабочек, стрекоз и, конечно же, мужские взгляды – вот идея, вдохновляющая дизайнеров модерна. Множество материалов смешалось в изделиях этой эпохи.

Одним из значимых ювелиров был Рене Лалик. Родился он 6 апреля 1860 г. во Франции. Изначально учился живописи, хотел стать художником, но в силу семейных обстоятельств нанимается помощником ювелира Ококу. Именно у него Лалик учится ювелирному делу и заодно зарабатывает деньги на жизнь и продолжил обучаться в художественной школе, убивая тем самым 3 зайцев. Учась в художественных школах, он уделяет особое внимание рисованию флоры и фауны, оттачивает технику. Впоследствии эти витые, точеные фигурки становятся его «визитной карточкой», значимым элементом фирменного стиля, получившего всемирное признание. Хотя многие его учителя считали, что он зря тратит время, занимаясь ювелирным делом, видя в нем только великолепного художника.

Поначалу он работал на дом Картье, где он делал эскизы украшений. Вскоре он становится популярен. Несмотря на то, что его работы для многих людей были больно экстравагантны. Заказы на изделия делала известная в то время актриса Сара Бернар, и даже императрица Александра Федоровна. Что было само по себе хорошим показателем и своеобразной рекламой для его работ.

В скором времени 1885г. он основывает собственный бизнес. Создав конкуренцию тогдашним ювелирным домам, которые впоследствии сами делали заказы на его работы и эскизы. Его творения: бабочки, стрекозы, колосья были богемны, а знать требовала помпезных украшений, но он отрицал эту эстетику. Он предлагал смелые формы и непривычный материал, например перламутр и хрусталь. При этом рос спрос, как и количество заказов.

Он не ограничивается традициями, т.е. золотом и драгоценными камнями, а экспериментирует с разными материалами: покрывает изделия эмалью, вырезает камни из слоновой кости, использует полудрагоценные камни, и даже поделочные камни.

Лалик с его пристрастием к природным формам – бабочкам, стрекозам, першнякам, павлинам, змеям, лилиям и орхидеям – в любом жанре проявлял себя как художник.

По идее любая вещь Лалик – это, прежде всего образ, определенный прихотливый образ, призванный совпасть или не совпасть с покупателем: тут и стрекозы, и иные насекомые, змейки и растения, цветы и птицы, гротескные фигурки и мифологические сценки. Есть в этом и определенная идея: женская красота опасна, и горе тому, кто не поймет этого сразу.

Он экспериментировал с камнями, загадочными сплавами эмалей и металлов. Богатая гамма оттенков янтаря, от белого до густого вишневого и черного. Элегантность слоновой кости, простота прозрачного стекла, сияние жемчужного перламутра причудливо сочетаются в изделиях Лалик. Он использовал опаловые оттенки в изделиях. В работах господствовали текущие плавные линии. В своих работах он использовал эмаль, которая была похожа на цветное стекло «оконная эмаль».

Ажурную, прорезанную металлическую заготовку кладут на лист медной фольги, заполняют эмалью предназначенные для нее касты и дают затвердеть. После этого заготовку помещают в кислоту, что разъедает фольгу. Такой метод изготовления, чаще всего ассоциируется с Рене Лалик.

Его декоративное искусство становится сенсацией Брюссельской Всемирной выставки 1897 года и Парижской 1900 года, где ему присудили Гран-при. Через несколько лет на выставке у него был собственный павильон.

1904г. Лалик увлекается Художественным стеклом. И создает множество работ, в том числе и ювелирных. Создает стеклянные броши и подвески самых неожиданных форм – круглые, квадратные, вытянутые или напоминающие падающую каплю воды, декорированную изображением рыбки. Он использует стеклянные вставки в своих работах.

Пожалуй, самая его известная работа – золотая брошь женщина-стрекоза. Для головы и тела женщины в этой блестящей брошке, Лалик использовал полудрагоценный светло-зелёный хризопраз; крылья стрекозы декорировал эмалью с золотом и нерегулярными лунными камнями, окружил алмазами, чтобы передать переливающийся символ крыльев насекомо-

го. Заметьте, как крылья – в четырех местах и изгибах хвоста, позволяют этой крупной брошке прилегать к телу и повторять движения женщины, носившей это украшение.

Брошка воплощает многие из тем, которые характеризуют стиль Арт Нуво. Природа, метаморфоза, и эротизм все выражены в этом тревожащем, фантастическом изображении женщины-стрекозы.

Метаморфоза, или перетекание одной физической формы к другой, были главной темой для многих художников Арт Нуво. Здесь, женщина и насекомое соединены в почти угрожающее существо с золотыми когтями. Идея роковой женщины, или опасной женщины, была актуальной темой во многих шедеврах Арт Нуво. Брошь «Стрекоза» торс вырастает из длинной вертикали хвоста, которая ассоциируется с облегающим женским туалетом того времени.

Именно Рене Лалик считают одним из создателей модерна. И называли современники его «ювелиром-поэтом».

Литература

1. Файсон, Н. Атлас чудес света: «Величайшие сокровища мира» [Текст]: / Н. Файсон. БММ АО.
2. Журнал "Ganz Europa". Берлин, 2003 г.
3. http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/52/Dragonfly_by_Ren%C3%A9_Jules_Lalique.jpg
4. <http://forum.ostmetal.info/viewtopic.php?p=3957>
5. <http://www.krugosvet.ru>

В ПРЕДВЕСТИИ ОП-АРТА: ВИКТОР ВАЗAREЛИ

К.Е. Миронова

Томский институт бизнеса

Виктор Вазарели (р. 1908), французский художник, уроженец Венгрии, в 1930 переехавший в Париж. В 1950-60-е гг. стал одним из основоположников и крупнейшим мастером оп-арта. Его живописные композиции, написанные яркими и чистыми тонами "космического спектра" основаны на оптических иллюзиях, рождающих эффект волшебного преображающегося пространства. Развивал свои художественные открытия в широком диапазоне – от монументальной архитектуры до маленьких сувенирных мультиплексов.

Осознание возможности отобразить движение и время на плоской поверхности холста привело Вазарели к разработке нового направления в его творчестве. В 1951 году в Галерее Дениз Рене впервые были представлены работы, построенные по новым правилам, а не на основе сочетания цветовых плоскостей. Вазарели выставил огромные фотограммы – образы, созданные на фотографической бумаге путем прямой экспозиции, состоящие из белых линий на черном фоне или черных линий на белом фоне. Он на-

звал данные творения «Фотографизмами», так как это были фотографическим образом увеличенные до размеров 3х5 метров графические рисунки.

Интерес Вазарели к динамическим структурам проявился уже в «Графических штудиях» 1930-х годов, а на самом деле восходил к детскому опыту художника. Мастер вспоминал, что его всегда зачаровывали переплетения различных линий, будь то изобары на картах погоды или нити в марлевом бинте. Его интересовали те эффекты движения, что рождались при рисовании двух одинаковых фигур на двойном стекле или изменчивые конфигурации пейзажа, увиденные из окна несущегося поезда.

Появление новых работ в начале 1950-х годов произошло во многом благодаря увлечению Вазарели фотографией и возможностям, что несла фототехника. Во-первых, фотографическое увеличение позволило мастеру в значительной степени усилить эффект от рисунков. Чрезвычайно увлекал его и негативно-позитивный принцип фотографии, что позволял экспериментировать с позитивами и негативами будущих снимков.

Идея включить зрителя в процесс творчества впервые проявилась у Вазарели именно в связи с созданием «кинетически глубоких картин». Эти картины требовали от смотрящего фактического движения, если он хотел получить правильное впечатление и действительно увидеть их. Каждый шаг рождал новые образы. Само рассматривание как процесс и составляло их сюжет. Глаз, соблазняемый никогда не виденным прежде визуальным феноменом, всего лишь следит и отражает движение и больше не в состоянии зафиксировать неподвижный образ даже на одно мгновение. Именно этот по-настоящему болезненный тип восприятия имел в виду Вазарели, когда говорил об «эмоциональных шоках», которые «непрестанно сменяют один другой».

В 1955 году Вазарели выступил организатором выставки в Галерее Дениз Рене, экспозиция носила название «Движение». Темой выставки стала разработка живописцами проблем кинетики. Вазарели представил «кинетически глубокие картины», где движение рождалось исключительно за счет оптического феномена. После выставки за Вазарели закрепилась репутация одного из лидеров оп-арта.

Этот термин, сокращение от словосочетания «оптическое искусство», впервые возник в художественной критике в середине 1960-х годов для описания абстрактной оппозиции искусству поп-арта. И в отличие от поп-арта, оп-арт мог опереться на почти полувековую традицию, которую можно охарактеризовать как постоянное стремление к увеличению «эмоционального шока» для глаза.

Художники движения оп-арт, среди известных представителей которого можно назвать Бриджет Райли, Ричарда Анушкивича и Франсуа Морелле, – все разделяли увлечение эксплуатацией одного определенного оптического феномена, позволявшего постоянно держать глаз в напряжении. Они использовали замысловатые узоры, искаженные линии, контрасты, острые изображения, инверсионные фигуры, словом, взаимозаменяемость

фона и фигур, пространства и плоскости. Среди других характерных черт данного искусства следует назвать отсутствие статики, в любом ее проявлении, а также частое обращение к большим форматам, так что картина буквально втягивает зрителя внутрь.

Подобный тип искусства не может существовать без активного участия зрителя. Вместо дистанции оно требует участия, вместо созерцания – активного действия.

Вазарели как-то сформулировал свой программный принцип следующим образом: «Теперь на карту поставлено не "сердце", но сетчатка глаза, а знаток искусств становится объектом исследования для экспериментальной психологии. Резкие черно-белые контрасты, непереносимые вибрации дополнительных цветов, мерцание линейных сетей и перестраивающихся структур... все эти элементы в моих работах призваны не погружать зрителя... в сладкую меланхолию, а пробуждать его».

К выставке «Движение» Вазарели опубликовал «Желтый манифест», в котором он не только дал объяснения касательно особенностей кинетического искусства, строящегося на серийных композициях из основных геометрических элементов, но также и поставил вопросы относительно возможностей воспроизведения, распространения и внедрения этого искусства в повседневную жизнь. Подобная тенденция к слиянию художественных и социальных целей, которой и посвятил себя с этого момента Вазарели, оказалась крайне актуальна для парижской художественной сцены послевоенных десятилетий.

Отталкиваясь от своих «кинетически глубоких картин», Вазарели создал серию под названием «Черное и белое». Эти работы также состояли из двух наложенных и взаимодополняющих друг друга черных и белых частей, однако между ними на этот раз не было промежуточного пространства – напротив, обе части соединялись в одну плоскость. Полученные в результате фотограммы затем были проработаны тушью, после чего окончательно переведены на холст. Подобные сверхналожения, например в работе От-От (рис 1) и Леир (рис 2), пересекаются таким образом, что создается ощущение слоистого или наслаивающегося пространства. В нескольких творениях периода «Черное и белое» подобный эффект возникающей глубины уступает место решетчатому орнаменту, ритмично распространяющемуся по поверхности картины. Такие произведения, как Битлинко (рис 3) и Сверхновые (рис 4) конца 1950-х годов, построены на основе бинарного орнамента – черных и белых кирпичиков, покрывающих всю поверхность холста подобно решетке. Ощущение движения возникает благодаря странным вторжениям в общую композицию диагональных элементов или взбухающих квадратов, которые побуждают глаз к дальнейшему движению и создают ощущение вибрации во всей композиции.

Идея создания образа на основе ритмической последовательности бинарных элементов стала ключевым шагом для следующего этапа творчества Вазарели.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАРСТАНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В СИСТЕМЕ МНОГОСТОРОННЕГО СИНТЕЗА КУЛЬТУР

С. Д. Мурзенкова

Томский государственный педагогический университет

Каждый народ обладает материальными и духовными ценностями, созданными в прошлом, а также памятниками и историко-культурными территориями и объектами, значимыми для сохранения и развития самобытности этого народа, его вклада в мировую цивилизацию. Всё это составляет культурное наследия народа.

Республика Татарстан, входящая в состав Российской Федерации – одна из крупнейших культурных центров России. Татарстан – это место сосуществования мусульманского и христианского (православного) культурных миров. Столицу республики – Казань можно назвать вторым после Москвы городом, считающимся православно – мусульманским центром Восточной Европы. В религиозном смысле Татарстан также является регионом повышенного значения, поскольку его конфессиональное содержание непосредственно отражается на конфессиональном содержании всех прилегающих к нему областей, а, значит, на конфессиональном содержании всей России.

Республика Татарстан располагает богатейшим историко-культурным наследием. В республике проживают народы с разным историческим прошлым и культурными традициями. Сочетание по крайней мере трех типов культурных взаимовлияний (тюркского, славяно-русского и финно-угорского), а также двух религий (ислама и христианства) определяет уникальность этих мест, своеобразие культурных и исторических ценностей [4, с. 25].

Диалог, полифония культур в Татарстане являются фактором исторического развития в течение многих веков. Характерной чертой этого исторического развития были тесные экономические и культурные связи с различными государствами Востока и Запада. Результатом взаимодействия культуры трёх крупных этносов: финно-угорского (мари, мордва, удмурты), тюркского (татары, чувашаи), славянского (русский) стала особая этнокультурная среда при сохранении специфики и традиций каждой из национальных культур. Исторические и художественные памятники, новые исследования и находки свидетельствуют об огромном культурном потенциале региона [3, с. 7].

По мнению большинства учёных, занимавшихся исследованием татарской культуры, искусство и архитектура народа берут своё начало в культуре домонгольских булгар. Культура волжской Булгарии стала основой

для становления и развития искусства не только татар, но и других народов Поволжья: чувашей, мари, удмуртов.

Сегодня республика – то место, где мирно уживаются, сосуществуют и сотрудничают две крупные конфессии, две цивилизации, основанные на исламе и христианстве. Татарстан – многонациональный субъект Российской Федерации. Сформировавшиеся традиции взаимопонимания и толерантности между народами придают республике неповторимый мультинациональный и поликонфессиональный колорит. История последних столетий не знает ни одного конфликта на межэтнической или религиозной почве в Татарстане [7].

Наверное, трудно найти в России регион с таким разнообразием мирно сосуществующих представителей религиозных верований. Это и мусульмане, и христиане (в числе которых – православные, старообрядцы, католики, протестанты различного толка), а также иудеи, кришнаиты, бахаисты... Такое религиозное многообразие и мирное сосуществование различных конфессий во многом уникально, его изучение и, главное, сохранение – важная государственная задача. Сегодня в Татарстане различных религиозных организаций насчитывается около тысячи. Число мусульманских общин приближается к семистам, а православных – более ста пятидесяти [5, с. 3].

В последние годы в республике идет интенсивный процесс возвращения культовых зданий верующим, в чем видится восстановление исторической справедливости. Начиная с 1988 года религиозным мусульманским и православным организациям передано более 50 культовых зданий – памятников истории и культуры: Азимовская, Соборная, Султановская, Бурнаевская мечети в городе Казани, мечети в других районах республики; Петропавловский собор, Софийская надвратная церковь Богородицкого монастыря, Богоявленская, Старообрядческие церкви, Ивановский монастырь в Казани, церкви и монастыри в других районах; верующим также были переданы следующие культовые здания: синагога, лютеранская кирха, католическая часовня [5, с. 19].

Появление католического храма – новое и убедительное свидетельство стремления к диалогу культур, к взаимному уважению и терпимости. Колокольни новой католической церкви вторят находящимся по соседству куполам православных церквей и минаретам мечетей, создавая неповторимую гармонию архитектурных форм и ритмов, картину добрых отношений Востока и Запада.

Уникальным памятником всех религий и народов является храм культуры и истины, носящий не столько культовый, сколько просветительский характер – Вселенский храм. Среди куполов храма – мусульманский полумесяц, православный крест, знак Рериха, колесо истории и пр. Шестнадцать религий в одном храме. И те, что существуют до сих пор, и те, что канули в лету. У каждой веры – свой купол и свой зал. Соединение всех религий в одном соборе – как символ терпимости людей друг к другу.

Сложнее дело обстоит в области культуры, которая больше похожа на мозаичное панно. В ней есть татарское народное и профессиональное искусство, музыка, русский фольклор с некоторыми весьма незначительными местными особенностями, фольклор других народов Татарстана, профессиональное исполнительское искусство (опера, балет, симфоническая музыка), в котором слабо выражен этнический компонент, современная легкая музыка как в форме татарской эстрады, так и "интернациональной" современной музыки на русском языке и т.д. Хотя мозаичность существует и в чисто русской среде России, тем не менее, в Татарстане она более ярко выражена [3, с. 36].

Сегодня в Татарстане государством охраняется более 25 тысяч объектов культурного наследия. Из 103 историко-культурных заповедников и музеев-заповедников России 6 находятся в республике. Среди них особое место занимают Казанский Кремль, включенный в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, Древний Булгар – самый северный в мире памятник средневекового мусульманского зодчества, образец болгаро-татарской архитектуры середины XIII-XIV веков и Свияжск – исторический город в Среднем Поволжье, оказавший значительное влияние на распространение духовной и материальной культуры христианства. Татарский праздник Сабантуй номинирован в Список нематериального наследия ЮНЕСКО [1, с. 3]. В республике выявлено более 7 тысяч объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Из них 1 555 состоят на государственной охране федерального, регионального (республиканского) и местного (городского, районного) значения [3, с. 51].

Одним из наглядных примеров государственной культурной политики в области сохранения и популяризации наследия является Казанский Кремль. Так, во время празднования 1000-летия Казани тысячи жителей республики и гостей из ближнего и дальнего зарубежья стали свидетелями торжественного открытия мечети Кул-Шариф и Благовещенского собора, символизирующих мирное сосуществование двух главных религий республики – мусульманской и христианской.

Зодчество Казани развивалось преимущественно в русле общерусских архитектурных стилей. Каждая эпоха, каждый строительный период оставили здесь прекрасные памятники, свидетельствующие о мастерстве, тонком художественном вкусе казанских градостроителей. Но, будучи по своему своему существу интернациональным городом Казань в своём облике отразила взаимовлияние двух культур, двух архитектурных начал – русского и татарского [3, с. 38].

Особенное место в архитектурном ансамбле Казанского кремля занимает знаменитая башня Сююмбике. Это один из уникальных и самобытных памятников средневековой архитектуры. Её стиль является ярким отражением национальных традиций и, по существу, стал выражением синтеза двух культур: восточной (татарской) и восточно-европейской (русской) [4, с. 61]. Ярким примером подобного синтеза в Казанской архитектуре явля-

ется также мечеть Марджани. В её архитектуре хорошо просматриваются черты русского барокко: стены, отделанные пилястрами и пышные наличники окон. Черты православного, исламского, католического и иудейского зодчества несёт в своём облике эффектная 62-метровая башня из красного кирпича – Богоявленская колокольня [5, с. 71].

Необходимо отметить, что татарская народная культура и зодчество развивались под влиянием русского искусства. Однако это вовсе не говорит об утрате народом своих традиций. В архитектуре Казани 2ой половины 18 столетия можно заметить появление новых элементов: лепных орнаментов, с помощью которых мастера декорировали своды, потолки и стены религиозных и светских построек. Такие детали являлись своеобразным синтезом русского барокко и татарского цветочно–растительного рисунка.

Крупнейшим хранилищем памятников материальной и духовной культуры являются музеи. Создана разветвленная сеть государственных и муниципальных музеев, состоящая из более 100 музеев историко-краеведческого, литературно-мемориального и искусствоведческого профиля. В них хранится 1 120 792 движимых памятника истории и культуры российского и мирового значения. Среди них коллекции археологических памятников, монет различных государств и эпох, этнографические материалы народов края, произведения изобразительного искусства, старинные книги и письменные памятники. Преимущественно в коллекциях музеев находятся памятники местного происхождения, но вместе с тем, в большом объёме представлены и другие культуры Запада и Востока. Предметы восточного происхождения из Средней Азии, Закавказья, Дальнего Востока (Китая, Японии), Турции и Ирана отражают традиционные торговые, культурные, религиозные связи и в большой мере специфику местной культуры [3, с. 37].

Самым ранним уникальным документом, находящимся в музейных архивных фондах Татарстана, является арабская рукопись XI века на пергаменте – список известной «Книги» Сибавайхи, знаменитого восточного ученого-лингвиста. Собраны также рукописи XV-XIX вв. на русском, французском, немецком, греческом, латинском, арабском, персидском, турецком, монгольском, тибетском и других языках. Собрания редкой книги включают в себя уникальные памятники не только татарской литературы, но и располагают экземплярами русской старопечатной книги. Наряду с шамаилами, ювелирными украшениями, тканями и вышитыми предметами традиционного татарского интерьера в коллекцию декоративно-прикладного искусства входят и русские этнографические материалы, которые богаты различными вышивками, церковными предметами с лицевым и орнаментальным шитьём, ритуальными предметами.

Несмотря на то, что ислам – существенный компонент национальной культуры Татарстана и, несомненно, оказывающий значительное влияние на искусство татарского народа, немаловажную часть культурного наследия составляют православные иконы (наиболее ранний памятник – икона Казанской Божьей Матери), шедевры русской классической живописи (Д.Г.

Левицкого, В.А, Тропинина, И.К, Айвазовского, И.Е. Репина), редкие старопечатные издания (Тверское Евангелие 15 века, Остромирово Евангелие 11 века, Ефремово Евангелие Московской печати 17 века, Острожская библия 16 века) и другое [3, с. 36].

Воспитание граждан Татарстана требует адекватного освещения вклада всех великих людей, живших в крае, будь то: татары, русские, чуваша, марийцы, удмурты, мордва, немцы, поляки, евреи и др. С Татарстаном связаны имена выдающихся деятелей искусства и культуры, чьи творения сейчас вписаны золотыми буквами в историю не только Татарстана, но также России и всего мира. В одном ряду должны стоять Кул Гали и Аксаков, Мухаммедьяр и Лев Толстой, Марджани, Лобачевский, Шалапов и Сайдашев, Тукай, Бутлеров и Карл Фукс, Бехтерев и Муштаров, Хлебников, Цветаева и Мусса Джалиль, Софья Губайдуллина, Яруллин и Жиганов, Урманче, Завойский и многие другие. Они все внесли свою лепту в развитие своеобразной культуры Татарстана, и было бы большой ошибкой не замечать их деятельности только потому, что российские учебники написаны иначе. Республика обладает огромным идейным, литературным, художественным, научным наследием, на базе которого есть возможность формировать истинных патриотов Татарстана.

Будучи многонациональной республикой, Татарстан включает в себя памятники культурного наследия представителей различных религий и культур. Татарстан – уникальное место, где сосуществующие культуры не противостоят друг другу, а дополняют друг друга, формируя своеобразную единую, уникальную «Культуру», которая привлекает внимание и вызывает интерес. В Татарстане представитель любого культурного пространства может найти для себя что-то родное, то, что будет в полной мере соответствовать его миропредставлению. Недаром центр Татарстана, его столица – Казань, является современным центром паломничества не только для мусульман, но и для православных христиан. Казань – средоточение проявлений поликонфессионального диалога в Татарстане. Сохранение историко-культурного наследия это и дань уважения памяти наших предков, и залог осмысленного и созидательного существования последующих поколений.

Литература

1. Космылина, Л.Г. Музей тысячелетия Казани [Текст]: / Л.Г. Космылина. – Казань, 2006. – С.3, 5.
2. Петров, Д., Анфимова В. Казанские мечети [Текст]: / Д. Петров, В. Анфимова. – Казань, 2007. – С.3, 8.
3. Хайруллина, А.Д. Сокровища музеев Татарстана [Текст]: / А.Д. Хайруллина. – Казань, 1999. – С. 7, 30, 36-40, 51.
4. Хворостухина, С.А. Памятники всемирного наследия. Казань [Текст]: / С.А. Хворостухина. – М., 2003. – С. 25-26, 61, 79, 82.
5. Шарипов, М.М. Познавательный путеводитель по Казани [Текст]: / М.М. Шарипов. – Казань, 2005. – С. 30, 71.
6. <http://www.tatar-inform.ru/news/2007/06/19/61424/>
7. <http://www.tatar.ru/?DNSID=518e5a17de979d13fab936fc255bf5dc>

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА

С. Е. Осокина

Томское областное музыкальное училище имени Э. Денисова

Размышления над развитием духовного модуля, отвечающего новым реалиям стремительно меняющейся действительности, включение в него формирование всего того, что позволяет человеку, как самостоятельной личности, сознательно строить свою жизнь, нести ответственность за нее и транслировать гуманистические ценности, привело к обращению пристального внимания на развитие не только профессиональной мотивации в обучении студентов, но и к воспитанию способности к *самовоспитанию, самосовершенствованию, саморазвитию*, как важней духовной составляющей человеческой личности. Именно эта способность позволит осуществить стремление к созиданию гармонической личности. Думается в этом стремлении великая задача наступившего века. Гармония... Загадка... Тайна. Смысл. Суть. Сверхзадача воспитательной деятельности.

Сегодня начинают прослеживаться внутренние смысловые черты сменны парадигмы культуры. Духовная ситуация сегодняшнего времени одной из характерных своих особенностей имеет появление особого социокультурного феномена – сознания, освобожденного от установок на приоритет идеологических ценностей, способного не только к воспроизводству усвоенного культурного опыта, но и к творческой созидательной деятельности, предполагающей аналитическое восприятие действительности. Воспитание такого сознания предполагает сложную, инновационную работу, построенную на основе нового комплекса задач:

- поиска активных средств воздействия с учетом вариативного подхода на обучение и воспитание высокопрофессиональной личности;
- созидание гуманитарной среды, способствующей развитию духовно полноценной личности;
- формирование способности к самосовершенствованию, самообразованию, самовоспитанию.

Решение такого рода задач невозможно без изменения мировоззрения, совершенствования культуры, без обновления общественного сознания.

Все мы с детства сталкиваемся с проблемами добра и зла, справедливостью и несправедливостью. Всем нам приходится думать, что такое нравственно и что не нравственно; принимать решения, опираясь на данные понятия. Эти решения влияют на нравственный климат в нашей стране и мировом сообществе. Человек должен учиться принимать *нравственные* решения. Именно вопросами нравственности издавна занималась *религия*, важнейшая форма общественного сознания.

Для плодотворного развития личности, определения смысла жизни, своего места в ней, духовного развития важно обращение к религиозной традиции, которая долгое время служила оплотом нравственности, обеспечивала культурную традицию и давала устойчивость нашей государственности.

В условиях динамично развивающейся межгосударственной ситуации, радикальным переменам в устройстве нашего отечества, изменениям общества в целом происходит обращение к духовным истокам, все большее включение религиозных нравственных ценностей в сознание современного молодого человека. Современное мировое сообщество осознает, что нынешние глубокие экономические проблемы, приведшие к мировому экономическому кризису, в своей основе имеют и отсутствие устойчивых нравственных основ общественного поведения. Именно осознание этого включает всех нас от простого прихожанина до политического лидера в орбиту нравственных поисков религии (в условиях нашего государства чаще всего православия) как выражение потребности человеческой личности в приобщении к вере.

Высшее назначение человека – развивать душу. Именно об этом свидетельствует опыт религиозного познания, включающий важнейшие нормы поведения. Религиозные практики способствуют гармонизации общественных отношений, заставляют юношей и девушек задуматься о фундаментальных понятиях нравственности, таких как справедливость, благо, счастье, вера, неверие.

Путь познания сложен и тернист. Не только для обучающегося. Но и для обучающего. И в центре всего вновь и вновь не только получение студентами необходимой суммы знаний для дальнейшей профессиональной деятельности, но и осознание настойчивой социальной потребности созидания гармонической личности, как личности обладающей не только профессиональными умениями, но и высокой ценностной ориентацией, способной к саморазвитию уже за пределами учебного заведения, имеющей внутреннюю потребность к постоянному профессиональному и нравственному совершенствованию, развитию гармонического взаимодействия себя и мира, формированию потребности обращения к высоким образцам человеческого духа как постоянному источнику личностного созидания. Все это невозможно, как показывает социальный опыт, без обращения к религиозной традиции.

Студенты музыкального учебного заведения, будущие педагоги, во время обучения постоянно обращаются к духовной музыке. Особенно эта музыка востребована при обучении студентов по специальностям «Хоровое дирижирование» и «Музыкальное образование».

Религия призывает к признанию бытия, непостижимого разумом, музыка помогает это бытие ощущать. И тем самым привлекает религию в союзницы для обоснования своей величественной значимости. Музыка активно включена во многие религиозные практики, помогая верующим их общению, гармонизации человека в мире. Ее благотворная миссия в этом

очевидна и особенно воспринята молодыми музыкантами. Более всего она сознается студентами всех специальностей музыкального училища на традиционных классных часах, посвященных Рождественским праздникам, к которым молодые люди относятся с трепетом и уважением, постигая во внеурочное время в учебных аудиториях вместе с преподавателями и конкурсниками смысл христианского верования. Великая миссия религиозной традиции осознается и на уроках по истории культуры, когда на материале изучения западноевропейской и отечественной культуры, студенты постигают культурно-исторические истоки нашей цивилизации, когда именно на христианской основе происходило становление и сплочение средневекового общества. Роль христианской традиции прослеживается и далее при изучении истории культуры Европы в эпоху Возрождения, новое время при изучении истории отечественного культурного наследия. Вопросы веры как основы нравственности всех времен и народов освещаются и при изучении такого предмета как «Основы философии».

Важнейшими составляющими в развитии личности, в умении человека трансформироваться, совершенствоваться многие великие философы видели способность человека опираться на христианскую практику. В этом отношении интересен опыт русских философско-религиозных обществ начала 20 века, члены которых ведущие русские философы, искали пути снятия противоречия между свободным миром духа и объективным миром, в котором дух связан, искажен. При этом, например, Н.А. Бердяев указывал на формы непротиворечивого сосуществования личностного и общественного начал в человеке. Он проводил границу между свободной одухотворенной социальностью, названной им соборностью, и принудительной, подавляющей личность социальностью. Именно эти идеи легли в основу осмысления Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком, другим ярким русским религиозным философом, истории России. Эти свои представления они выразили в философской литературе, востребованной западноевропейской и мировой общественностью в середине и второй половине XX века.

Осознание педагогическим коллективом благотворной роли религии в становлении личности современного молодого человека позитивно влияет на весь ход воспитательного процесса в целом, помогая выполнять великую миссию образовательного учреждения.

ТВОРЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П. В. Петров

Томский государственный университет

Деятельность исполнителя, как впрочем, и исполнительское искусство в целом, долгое время не привлекала внимания исследователей. Она рассматривалась однобоко, поскольку ограничивалась требованием предельно строгого соблюдения авторского текста с целью донесения произведения

публике в наиболее чистом виде. Эту точку зрения разделяли многие выдающиеся композиторы и исследователи музыкального искусства: Р. Шуман, С.И. Танеев, П.И. Чайковский, И.Ф. Стравинский, Б.В. Асафьев и др. Так, И.Ф. Стравинский само существование интерпретации объявлял «сущей нелепостью» [1, с. 75]. «Музыку следует исполнять, а не интерпретировать, – говорил он. – Всякая интерпретация раскрывает в первую очередь индивидуальность интерпретатора, а не автора. Кто же может гарантировать нам, что исполнитель верно отразит образ творца и черты его не будут искажены?» [1, с. 125]. Во избежание подобного искажения И.Ф. Стравинский призывал исполнителей не придерживаться «собственных домислов» [1, с. 217], а следовать авторской исполнительской трактовке, увековеченной в грамзаписи.

Подобные соображения ограничивали право исполнителя на художественную интерпретацию музыкального произведения, во многом сужали его возможности и фактически ставили под сомнение творческую природу исполнительского акта. Такой взгляд на сущность исполнительской деятельности в корне ошибочен. Наша задача – обосновать факт наличия творчества в деятельности исполнителя.

Творчество представляет собой «способность человека из доставляемого действительностью материала созидать ... новую реальность, удовлетворяющую многообразным общественным потребностям» [2, с. 554]. Из определения следует, что ценности, создаваемые в процессе творчества, должны обладать общественной значимостью и новизной. На эти два критерия мы и будем ориентироваться в своих аргументах.

Аргумент первый. Любое произведение искусства состоит из материального тела и заложенной в нём *художественной идеи*. Уже поэтому исполнительство не правомерно рассматривать только лишь как механическое средство перевода партитуры в реальное звучание. Творчество исполнителя нацелено на передачу художественной идеи произведения.

Аргумент второй. Для того чтобы художественная идея функционировала в обществе, она должна стать *социально значимой* – стать достоянием широких народных масс. Адекватная передача художественной идеи от автора к реципиенту невозможна без осмысления этой идеи самим исполнителем. Каковы же особенности этого осмысления?

Для ответа на этот вопрос необходимо иметь представления о специфике художественной идеи. В отличие от идеи научной художественная идея представляет собой единство эмоционального и рационального. Наиболее адекватно она выражается в форме образного представления. Она не поддаётся однозначному логическому определению в силу своей изменчивости и неисчерпаемости. По словам И. Канта, художественная идея есть представление воображения, «которое даёт повод много думать, причём, однако, никакая определённая мысль, то есть никакое понятие, не может быть адекватной ему и, следовательно, никакой язык не в состоянии полностью достигнуть его и сделать его понятным» [Цит. по кн. 3, с. 21]. Следовательно,

осмысление художественной идеи требует её *переосмысления* (*художественной интерпретации*). Это объясняется также и тем, что мы не располагаем точными сведениями относительно авторских намерений (особенно, если речь идёт о произведениях искусства, созданных в далёкие эпохи).

Поскольку исполнительская идея художественного произведения не тождественна авторской, трактовка исполнителя и авторское видение произведения могут и не совпадать. И.С. Бах, прослушав одну из своих пьес в исполнении пианистки М. Биго, сказал: «Это не совсем то, что я задумал, но продолжайте в своём духе, если это не вполне я, то тут есть нечто лучшее, чем я» [4, с. 249].

Аргумент третий. Творческая природа исполнительского искусства во многом обусловлена особенностями художественного текста, к которому обращается исполнитель. Если для интерпретации формальных знаковых систем характерна однозначность (каждому знаку соответствует один единственный денотат), то художественная интерпретация характеризуется *множественностью художественного значения*. За музыкальным произведением невозможно закрепить раз и навсегда заданную смысловую и художественную определённую. Это открывает перед интерпретатором простор для *выбора (творческого поиска)* приемлемого варианта прочтения художественного произведения.

Аргумент четвёртый. В рамках «динамичных» искусств выбор определённого варианта конкретизации художественного произведения носит обязательный характер. «Исполнитель, хочет он того или нет, является интерпретатором и воспроизводит сочинение в своём толковании», – замечает Пабло Казальс [5, с. 90]. Необходимость выбора исполнительского варианта обусловлена *особенностями бытия произведения*. Согласно теории вариантного множества художественное произведение существует в двух формах: бытия-возможности (авторский текст) и бытия-действительности (исполнение). Авторское произведение характеризуется потенциальным богатством исполнительских вариантов, но также и конкретной неопределённостью. Исполнению свойственна ясность содержания и точность деталей, однако оно не может исчерпать всего богатства художественных возможностей произведения.

Обе формы бытия художественного произведения дополняют и взаимно обуславливают друг друга. Но это возможно лишь при условии проявления исполнителем творческой инициативы, *создании им оригинальной концепции произведения*. В случае же механического воспроизводства нотного текста все возможные варианты интерпретации стремятся к реализации, но ни один из них не достигает стадии своего воплощения. Г. М. Коган писал: «Чтобы «попасть в точку», надо и целить в точку. Целить же в район – значит целить в сотню точек одновременно, значит не целить ни в одну из них, ставить перед собой смутную, неясную, творчески бесплодную цель» [6, с. 37]. В результате исполнитель остаётся на поверхности произведения, не проникая в суть его художественной идеи. Последняя, в свою очередь, ли-

шается возможности быть достоянием общества. Таким образом, художественная интерпретация есть способ существования произведения исполнительского искусства, а отнюдь не чужеродное ему явление.

Аргумент пятый. Любое исполнение, даже не обладающее высокими художественными достоинствами, является оригинальным искусством. В этой связи Г.И. Гильбурд замечает, что «вариант нейтрального исполнения в чистом виде существует только теоретически, ведь исполнитель как личность может отказаться от самовыражения лишь путём насилия над собой» [3, с. 136].

Аргумент шестой. Критерий новизны результатов исполнительской деятельности подтверждается тем обстоятельством, что исполнитель оказывается втянутым в сферу художественного общения. Любое произведение искусства – это всегда место встречи различных сознаний, поле диалога. Художественный текст не только хранит заложенную в нём информацию, но в рамках него рождается новая информация как продукт *совместного творчества участников художественного общения*. Исполнитель является полноправным участником такого общения, что характеризует его как сотворца.

Таким образом, правомерно утверждать, что исполнительство является творческой духовно-практической деятельностью, в результате которой создаётся произведение исполнительского искусства, которое, будучи общественной ценностью и носителем индивидуально неповторимой художественной идеи, участвует в социальной практике по преобразованию действительности. Будучи искусством вторичного рода, исполнительство, тем не менее, представляет собой относительно самостоятельную сферу творчества, дающее исполнителю широкий простор для творческого самовыражения.

Литература

1. Стравинский, И.Ф. Хроника моей жизни [Текст]: / И.Ф.Стравинский. – Л., 1963. – 240 с.
2. Философский словарь [Текст]: / Под. ред. И.Т. Фролова. М., 2001. – 580 с.
3. Гильбурд, Г.И. Исполнительское искусство – сфера проявления художественной идеи [Текст]: / Г.И. Гильбурд. – Томск, 1984. – 160 с.
4. Альшванг, А.А. Людвиг ван Бетховен. Очерк жизни и творчества [Текст]: / А.А. Альшванг. – М., 1970. – 270 с.
5. Казальс, П. Об интерпретации [Текст]: / П. Казальс. // Советская музыка. 1956. № 1. С. 22-26
6. Коган, Г.М. У врат мастерства. Работа пианиста [Текст]: / Г.М.Коган. – М., 1969. – 220 с.

НОВАТОРСКИЕ ПИАНИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В ПЕДАГОГИКЕ Ф. ЛИСТА

А. Севостьянова

Томский государственный университет

Лист внёс выдающийся вклад в фортепианную педагогику. Его методические воззрения уже в молодости отличались передовой направленностью и значительной новизной.

Важнейшей задачей музыкальной педагогики Лист считал развитие точного и ясного воображения у учеников. Для раскрытия замысла произведения, показываемого ученику, он постоянно прибегал к всевозможным образным параллелям, скрытой программе и тому подобным средствам, стимулирующим работу воображения и помогающим уточнить, конкретизировать представление об исполняемом произведении.

В исполнении Лист требовал прежде всего правды, естественности выражения чувств и призывал отказаться от «устаревшей, условной, ограниченной выразительности» – ответов *forte-piano*, обязательных *crescendo* в известных, предусмотренных случаях, и т.п.. Подобные взгляды резко отличались от обычной в то время практики преподавания и были новым словом в фортепианной педагогике.

Весьма важны высказывания Листа о развитии виртуозности. Он считал, что техника рождается «из духа», а не из «механики». «Виртуозность, – говорил он, – не пассивная служанка композиции, ибо от её дуновения зависит как жизнь, так и смерть доверенного ей художественного произведения. Она может придать музыкальному сочинению весь блеск своей красоты, свежести и вдохновения, но может также извратить его, сделать плохим, изуродовать». Новое понимание виртуозности как формы индивидуального высказывания исполнителя – завоевание романтического искусства.

Процесс упражнения для Листа был основан на изучении и анализе возникающих трудностей. Он предлагал свести фактурные трудности к фундаментальным формулам, при овладении которыми в распоряжении пианиста будут ключи ко многим произведениям.

Все технические трудности Лист делил на четыре больших класса: 1) октавы и аккорды, 2) тремоло, 3) двойные ноты, 4) гаммы и арпеджио.

Для отработки трудностей первого класса Лист рекомендовал играть гаммы простыми и ломаными октавами, репетиционные октавы и аккорды, аккордовые последования разного типа – по ступеням гаммы, по трезвучиям, по уменьшенным септаккордам – с переходом из тональности в тональность и в различных ритмических комбинациях. При этом кисть должна быть эластичной, пружинисто-гибкой, пальцы – активными и свободными, предплечье – неподвижным.

Изучение тремоло и трелей Лист советовал начинать с предварительных упражнений на повторение одного и того же звука. При этом все неиграющие пальцы должны лежать на клавишах в естественном расположении, не препятствуя играющему пальцу. Последний же должен быть независим, свободно и легко подниматься и делать отчётливый, полновесный удар.

После таких упражнений можно приступать к игре трелей с тремя выдержанными звуками (как *legato*, так и *staccato*), держа при этом пальцы почти прямо, ударяя по клавишам подушечками пальцев.

Далее, по рекомендациям Листа, следует упражняться в простых трелях без выдержанных звуков, используя различные аппликатурные сочетания и переменную акцентировку, и, наконец, во всякого рода двойных и аккордовых трелях (последние исполняются двумя руками попеременно).

Лист не делал большого различия между трелями и тремоло. Трель он рассматривал как сжатое тремоло, тремоло – как расширенную трель.

Для овладения игрой двойными нотами Лист также советовал играть упражнения сначала с выдержанными нотами, затем без них, после чего считал необходимым проделать специальные подготовительные упражнения к гаммам в двойных нотах и лишь на последнем этапе рекомендовал приступать к изучению самих гамм во всех тональностях.

Наиболее трудным Лист считал последний класс техники, включающий гаммы и арпеджио. Работу над гаммами он опять же начинал с многочисленных подготовительных упражнений на укрепление и развитие пальцев и лишь затем приступал к игре самих гамм.

Часто Лист распределял звуки гамм между двумя руками и обращал при этом внимание на то, чтобы смена рук была незаметна: гаммы должны звучать так, как будто они сыграны одной рукой (но с большей энергией, силой и быстротой).

Огромное значение Лист придавал и арпеджио, что объяснялось его стремлением к полнозвучию и быстрому охвату всей клавиатуры. При исполнении этого вида техники Лист отталкивался от аккорда, составляющего основу арпеджио. Наряду со всевозможными видами простых арпеджио он использовал в качестве упражнений и арпеджио в терциях и секстах, сжимая разрозненные звуки в единый аккордовый комплекс.

Все вышеперечисленные проблемы, связанные с пианистической техникой, нашли отражение в сборнике Листа под названием «Технические упражнения».

Лист произвёл коренной переворот в области пианистической техники. Симфонической трактовке фортепиано естественно сопутствовали кардинальные изменения всего двигательного искусства пианиста: использование фортепиано во всём его полнозвучии потребовало значительно большей затраты силы, координации всех мышц руки и плечевого пояса, свободы и эластичности движений. Возникла необходимость в применении разнообразных видов туше, в использовании особой аппликатуры.

Многие из приёмов и средств, укоренившихся в пианистической технике до Листа, препятствовали её дальнейшему развитию. Усилия Листа были направлены на то, чтобы устранить несоответствие между формами использования инструмента и техническими приёмами путём отказа от старых форм техники.

Позиция, занятая Листом в отношении пианистической техники, резко противоречила методам и принципам, связанным со старым клавирным искусством, особенно в 40-е годы. Листу была чужда виртуозность французских клавесинистов Рамо, Люлли, Куперена, так же как и техника Клементи, и их произведения практически полностью отсутствовали в его широчайшем концертном репертуаре.

Нельзя сказать, что Лист игнорировал наследие прошлого, но изучение этого наследия привело его к отрицанию и ниспровержению устаревших технических доктрин и к созданию новых форм техники.

Большое внимание Лист уделял самому процессу удара пальцев по клавишам. Он считал, что для извлечения наиболее полного звука палец должен ударять по клавише «подушечкой», а не своим острым концом или ногтем.

Фактором первостепенной важности Лист считал кисть. Свободной кисти он требовал при исполнении любого вида техники. Лист сочетал в своей игре лёгкость и эластичность кисти с движением всей руки, поэтому извлекаемые им звучания на *fortissimo* не были жёсткими.

Немало времени Лист посвятил работе над независимостью пальцев, которую он понимал весьма своеобразно: сила и гибкость пальцев должны развиваться не механически, а с учётом индивидуальных особенностей каждого пальца в отдельности.

Подобная трактовка пальцевой независимости давала Листу возможность «инструментовать» собственные фортепианные сочинения с учётом «тембровых» возможностей каждого пальца (например, он часто использовал подряд 1-й палец при исполнении кантилены в среднем регистре). В результате пианизм Листа становился многокрасочным и «полифоничным».

Лист положил начало такой технике исполнения, при которой отдельные голоса полифонической ткани обретали звуковую самостоятельность и характерность. Этому во многом способствовали разработанные им особые **аппликатурные принципы**, которые стали важным открытием в области пианизма.

Лист оспаривал утверждения старых мастеров о том, что наилучшей аппlikатурой является та, которая наиболее удобна. Используя ту или иную аппlikатуру, Лист исходил не из её удобства, а из поэтического смысла, динамики, фразировки исполняемого. По его мнению, неудобное может быть предпочтительнее удобного, если оно более точно выражает намерения автора и исполнителя. Отсюда большая свобода в выборе аппlikатуры: гаммы, сыгранные одним пальцем, трели со сменяющимися пальцами, более сложная громоздкая аппlikатура для выделения тех мест, ко-

торые при другой аппликатуе производили бы впечатление слишком легко скользящих, то есть, везде применение такой аппликатуе, которая соответствовала бы художественному смыслу данного эпизода.

Подобно Шопену, Лист способствовал возрождению приёма перекладывания пальцев и сделал дальнейший шаг в этом направлении: в его сочинениях встречаются пассажи, где применяются целиком пятизвучные комплексы и, таким образом, 1-й палец следует после 5-го. Тем самым достигается особая стремительность движения.

Широко применял Лист и скользящую аппликатуу, применяя её при игре любыми пальцами с целью достижения ровности, единого характера звучания. Он настолько хорошо владел приёмом скольжения, что создавал полную иллюзию *legato*.

Таким образом, несмотря на осознание важности аппликатуе, Лист считал её моментом подчинённым, определяющимся музыкальными элементами произведения. Он решительно отвергал конструирование аппликатуе вне связи с конкретным звуковым материалом.

Листовская аппликатура тесным образом связана с разработанным им приёмом распределения звуковых последований между двумя руками. Предшествующие музыканты – И. С. Бах, Л. Бетховен также использовали этот приём, но никто ещё не придавал ему такого универсального значения. Лист стремился уравнивать технические возможности обеих рук, поручая им равные по значимости задачи. Он часто использовал перекладывание и перекрещивание рук, стремительные переносы и скачки из одного места клавиатуры в другое, чередования рук по позициям.

Разнообразие туше являлось одной из самых отличительных черт листовской техники. Безусловной необходимостью для пианиста Лист считал овладение тремя основными приёмами звукоизвлечения: *legato*, *non legato* и *staccato*. Эти приёмы, разумеется, использовались и ранее, но Лист углубил их понимание, нашёл тончайшие градации туше и ввёл в связи с этим новые нотные обозначения.

Так, помимо острого, короткого *staccato*, мы встречаем у Листа более резкое *staccatissimo* и более мягкий штрих, обозначаемый *quasi staccato*. *Legato* Листа также не было однообразным: оно менялось в зависимости от характера исполняемой мелодии, порой превращаясь в *legatissimo*.

Для более точного отражения характера штрихов Лист очень часто использовал психологически-образные обозначения: *vibrato* или *vibrante* (вибрируя), *distinto* или *distintamente* (ясно, внятно), *ben articolato* (отчётливо), *secco* (сухо), *duro* (твёрдо, грубо), *veloce* и *velocissimo* (быстро, легко), *leggero* и *leggerissimo* (легко, мягко), *pesante* (тяжело, грузно), *volante* (полётно) и многие другие обозначения.

Проблеме туше Лист придавал очень большое значение, что было отражено не только в его исполнении, но и в нотной записи собственных сочинений, а также в его редакциях чужих произведений. Такое пристальное внимание Листа к штрихам объясняется прежде всего его стремлением к

разнообразию, красочности и рельефности звучания. А богатство колорита, в свою очередь, служит у музыканта средством наиболее полного и яркого воплощения художественного образа.

Итак, в результате рассмотрения основных педагогических принципов и новаторских пианистических приёмов Листа, которые активно используются сегодня в учебной практике, становится очевидной огромная значимость его методических воззрений для музыкантов последующих поколений.

Лист воспитал свыше трехсот пианистов из разных стран. Среди его учеников – Э. д'Альбер, Э. Зауэр, А. Рейзенауэр, А. И. Зилоти, В. В. Тиманкова; и многие из них передали опыт Листа своим ученикам, обогащая его собственными впечатлениями от игры великого артиста.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ В ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ И СКАНДИНАВОВ

Т. В. Смелкова

Томский государственный педагогический университет.

Мифологические системы большинства народов цикличны, они рассказывают о сотворении мира и дальнейшем его существовании. Это существование, по сути, сводится к извечной битве добра со злом. Мир мифа гармоничен, пока сохраняется равновесие: силы добра борются с силами зла и всегда одерживают победу, но зло неистребимо и поэтому эта битва вечна. Так устроена и вся жизнь жизнь: ночь всегда сменяет день, солнце садится, чтобы потом опять взойти. Культ стабильности и неизменности существующего порядка характерен для людей, которые привыкли к постоянству климата, к неизменности условий жизни. Так жили их предки, живут они, и будут жить их потомки.

Лишь немногие мифологические системы нарушают классическую космогоническую модель, вводя в рассказ об упорядочении мира повествование – о его гибели. Наиболее яркими примерами таких древних мифологий являются иранская и скандинавская. Проследить историческое родство между ними трудно, хотя обе названные культуры восходят к единому арийскому истоку; но к этому же истоку восходят и мифологические системы греков и индусов, лишенное, однако, эсхатологического пафоса. Но проследить логические параллели двух названных мифологий представляется важным.

Здесь эсхатологические мотивы появляются уже в рассказе о сотворении мира. То есть еще до завершения основного космогонического процесса в мифе уже появляется угроза разрушения мира.

Эсхатологические мотивы появляются в мифологии не случайно, это тесно связано с исторической судьбой народа. Древнеиранская культура начала складываться вдали от Ирана. Арийцы – предки иранцев и индоари-

ев были кочевым народом с развитой культурой, которую они потом принесли в Индию и Иран [4, с. 4]. Для издревле кочевавших арийцев окружающий мир постоянно менялся: новые земли, другой климат. Люди видели, что где-то условия жизни хуже, где-то лучше и у них возникало стремление найти идеальную страну. Их религия стремилась сделать мир таким, чтобы в нем не было зла, и природа была всегда благосклонна к человеку. Поэтому иранцы считали необходимым помочь богам в борьбе за то чтобы сделать мир идеальным. Согласно древнеиранскому мифу, в последней битве мир будет разрушен, чтоб повсеместно восстановилось царство истины и зла нигде не осталось.

В Скандинавии сложилась несколько другая ситуация. Жесткая природа Скандинавского полуострова сформировала в северных людях другой характер, нежели в жителях теплых стран, в том числе и иранцах, кочевавшим по жарким пустыням и плодородным землям иранского нагорья. Гористая местность, суровый климат и отсутствие плодородных земель вынуждали скандинавов жить под постоянной угрозой голода. В условиях жизни полной опасностей, когда вслед за удачей и победой могло прийти жестокое поражение, а смерть подстерегала на каждом шагу, широкое распространение получили фаталистические взгляды. Возникла вера в безличную силу, правящую миром, в судьбу, которой подвластны и люди и сами боги [1, с. 177]. В языческой религии скандинавов нет стремления к установлению идеального миропорядка. Мир изначально несовершенен в Рагнарек; он будет разрушен, чтоб обновиться и стать лучше, но не стать идеальным.

Всякая мифология содержит своего рода архетипический сюжет, суть которого составляет преобразование хаоса, то есть состояние первозданной неупорядоченности, в организованный космос. Изначально в мире не было ничего, во вселенной царил хаос. Как отмечает Е. М. Мелетинский, энтропия преодолевается информацией, а мифологической информацией является космогония как повествование о структурировании, формировании упорядоченного мира из его хаотического первоначального состояния [2, с. 206]. Поэтому, как и в большинстве мифологических систем, в иранской и в скандинавской мифологии важное место занимает рассказ о сотворении мира.

В представлении иранцев изначально во вселенной не было ни земли, ни солнца, ни планет, ни звезд. Было только бесконечное время – зерван акарана. В нем пребывали благой бог Ормазда и дух зла Ангхро Майнью. Узнав о существовании бога злой дух, захотел его уничтожить и бросил ему вызов. Тогда Ормазда создал в бесконечном времени конечный временной промежуток – девять тысяч лет. В течение этого периода должна свершиться вся мировая история, а в конце будет сражение, в ходе которого решится судьба мира. Первые три тысячи лет пройдут согласно воле Ормазды. Это эра творения. В этот период появляются первые люди, они живут, не зная горя и греха. Но вмешивается Ангхро Майнью и наступает эра смешения добра и зла. Злой дух создает армию дэвов таких как Жадность, Ярость, Лень и многих других. Люди поддаются греховным страстям, и появляется

смерть. Перед последней битвой формируются два войска – праведников и грешников. Когда наступит третья эра – эра разделения. Армии зла и добра сойдутся в последней битве. Иранцы верили, что победит Ормазда, но для этого нужно жить праведно и не грешить. Тогда мир возродится после очищения и настанет царство истины, все люди будут счастливы и жизнь будет такой же идеальной как в первую эру творения, когда все шло согласно слову Ормазды.

В скандинавском эддическом повествовании символом золотого века являются тавлеи – фигурки для игры. Из Ётунхейма являются три великанши, и боги теряют тавлеи. Вот как об этом рассказывается в «Прорицании Вёльвы»: «На лугу, веселясь, в тавлеи играли, все у них было только из золота,- пока не явились три великанши, могучие девы из Ётунхейма» [5, с. 25]. После этого начинается первая в мире война между двумя родами богов: асами и ванами. Первый человек появляется в период между потерей тавлей и войной, то есть когда золотой век уже заканчивается, и начинается процесс распада мира. Таким образом, люди априори не имеют представления об идеальном мироустройстве. Они изначально живут в мире, где есть смерть и на каждом шагу подстерегает опасность. Война становится неотъемлемой частью их жизни и основой культуры, ведь даже боги воюют.

В процессе создания мировых благ, наряду с благими творениями, появляются смерть и война. Миф о первой войне между асами и ванами, которая случается из-за нарушения богами клятвы («крепкие были попораны клятвы, тот договор досель соблюдался» [5, с. 29]), свидетельствует о начале распада. Мир расколот, боги разделились на два лагеря, так возникла война, которая в последствии погубит мир. Второй предпосылкой Рагнарёка является убийство светлого бога Бальдра. Это самый добрый бог из всего скандинавского пантеона; он безгрешен; у него нет ни одного недостатка. Если остановиться на его характеристике, которая дается в «Младшей Эдде», то можно сказать, что Бальдр – идеал. «О нем можно сказать только доброе. Он лучше всех, и все его прославляют. Он самый мудрый из асов, самый сладкоречивый и благостный» [6, с. 43]. Рассказ о гибели светлого бога Бальдра является, по сути, этиологическим мифом о происхождении смерти. Таким образом, уже в процессе созидания мировой структуры можно увидеть зачатки ее будущего разрушения.

Этиологические мифы о первой войне и появлении смерти, по мнению Е.М. Мелетинского, – связующее звено между космогонией и эсхатологией [3, с. 271]. Вместе с тем эсхатологические мифы отчасти представляют собой зеркальное отражение космогонических: рассказу об обуздании хтонических чудовищ противопоставляется рассказ об их высвобождении на волю и битве с богами. В Иране войско праведников, свершив ритуал «Ясна», убивает гигантского волка, который по версии пехлевийского ривайата, появился, когда «волки всех разновидностей собрались в одном месте и слились воедино» [4, с. 387]. После смерти из его тела изливается яд и возникает дэв в виде черной саранчи. Змей Дахак вырывается из оков и соби-

рает войско из всех дэвов. Дхака убивает душа героя Сама Керсаспа, с этого начинается Эра Сошайанса – последнего спасителя. Единоборство Одина с волком Фенриром и Тора с мировым змеем Йормунгандом в Рагнарёк, завершающееся гибелью противников, знаменуют одновременно краткое торжество хаоса и зарождение нового космоса.

В обеих рассматриваемых нами культурах процесс разрушения является прямым отражением процесса сотворения. В Скандинавии Суша, когда-то поднятая богами из моря («земли еще не было, пока сыны Бора, землю не подняли») [5, с.24], теперь вновь в него погружается: «земля тонет в море» [5, с. 36]; звезды расставленные богами по небосводу, падают: «срываются с неба светлые звёзды» [5, с. 36]; солнце, которое асы поставили светить, теперь затухает: «солнце померкло» [5, с. 36]. Все благие творения богов погибают в последней войне. В представлении иранцев время последней битвы настанет, когда злые силы, начнут уничтожать все живое, созданное богами на земле. Вот как это произойдет по версии пехлевийского «Бахман-Яшта»: «Дахак восстанет и набросится на мир. Он сожрет треть людей, скота, овец и других творений Ормазда, осквернит воду, огонь, и растения и совершит еще много других пагубных дел». [4, с. 386] Перед концом света темные силы разрушают все созданное благими богами. Мир как бы очищается, для того чтобы быть созданным заново.

Как в иранской, так и в скандинавской мифологии в последней битве участвуют не только боги, но и люди. Войско начинает формироваться с первых дней появления человека. Но здесь мы видим принципиальное отличие двух разных традиций. В представлении скандинавов в божественное войско попадают только лучшие воины принявшие смерть на поле битвы. Именно они собираются в Вальхалле – райском чертоге верховного бога Одина, для того чтобы принять участие в великой битве в Рагнарек. Для определения посмертной участи не имеет значения как человек жил, главное насколько героической была его смерть. Такие абстрактные категории как добро и зло никак не представлены в эддических повествованиях, здесь есть только деление на умных людей и глупых, на героические подвиги и бесславные поступки.

В Иране основу божественного войска составляют не воины, а праведные люди, которые работают и верны своей вере. Подтверждение этому мы находим в тексте «Авесты»: «Дух зла увидел, работавших человека и быка, и испугался. В скотоводах и пахарях он предощутил свою гибель» [4, с. 90]. В авестийской традиции большое значение имеет именно праведность человека. И силы добра и зла с первого дня появления человека ведут борьбу за каждую душу, ведь грешники пополняют войско темного духа – Ангхро Майнью а праведники вступят в бой на стороне благого бога Ахура Мазда. И как сказано в «Авесте»: «В грядущей битве победа добра над злом не была предрешенной» [4, с.79]. А значит, битву выиграет тот, чье войско будет больше.

В этом аспекте мы также видим отличие двух культурных традиций. В «Старшей Эдде» конец битвы изначально предречен, но это не имеет значения: важна не победа, важен сам бой. Здесь играет важную роль героическая традиция. Ведь для воина в представлении скандинавов победа конечно желанна, но главное это сама битва – возможность проявить свою силу, смелость и боевое мастерство. А чем бой безрассудней тем, он славнее.

Здесь можно провести аналогию мифологической традиции с социально-историческими особенностями развития двух стран. В Иране с его плодородными землями и теплым климатом самыми распространенными и уважаемыми занятиями были скотоводство и земледелие. А достаток человека и благополучие его семьи напрямую зависели от работоспособности. Тогда как в Скандинавии единственным способом обеспечить свое благосостояние были военные и торговые походы. И здесь все зависело только от удачи и смелости.

Скандинавская эсхатология имеет фаталистический мотив. Ход битвы известен заранее и богам и героям. Но самое главное здесь не победа добра над злом, тем более что такие абстрактные категории для скандинавов не имели значения, важен сам бой. Священна сама гибель, означающая единение людей и богов. В Иране эсхатология имеет другие основы здесь это вечная битва добра со злом. Предполагается, что в конце добро победит и настанет царство истины. Но такой конец не предрешен, все зависит от людей, их поступков и их веры. Противоборствующие стороны копят силы, чтобы победить и установить свою власть, а не для того чтобы сразиться и показать свою доблесть. Для иранцев победа добра над злом носит философский характер. Цель – установление царства истины. И люди прикладывают все усилия, чтобы пополнить войско благого бога Ормазда и достичь этой цели. Для скандинавов важно попасть в ряды воинов Одина, потому что это шанс проявить себя и достичь вечной славы. И мотив судьбы вводится здесь не для того, чтобы дать ответ на вопрос кто победит, а для того чтобы подчеркнуть героизм боя. Можно сказать, что иранская эсхатология более оптимистична, хотя исход битвы не предрешен. Эсхатология мистическаго дуализма занимает здесь как бы промежуточное положение между эсхатологией политеизма с вечно раздирающей мир богов враждой и эсхатологией монотеизма (Христианства), неизбежно оптимистической, поскольку сила зла здесь несамостоятельна и обречена на поражение.

Литература

1. Гуревич А.Я. Культура скандинавов IX – XI века. // Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. С. 158-179.
2. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 350
3. Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система. // Мелетинский Е.М. Избранные статьи и воспоминания. М., 1998. С. 269-280.
4. Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., 1998. С. 560.
5. Старшая Эдда. СПб., 2005. С. 462.
6. Стурлусонн С. Младшая Эдда. Л., 1970. С.250.

ЯВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ БАСНОПИСЦА И. А. КРЫЛОВА

О. Г. Трифонова

Томский государственный педагогический университет

Литература призвана отражать действительность жизни народов и их культуру, внутренний мир человека и его место в обществе. А чуткие и проницательные писатели, умело используя литературные жанры, выявляют добродетели и пороки, сильные стороны и недостатки, как человека, так и всего общества в целом, ловко обходя запреты цензуры. Стоит, пожалуй, отметить, что ярким примером служит такой литературный жанр как басенный.

Басня – это небольшой, обычно стихотворный рассказ дидактического назначения. Баснописец достигает нравоучительной цели путем осмеяния каких-либо пороков, изображаемых, как правило, в аллегорической форме. Носители морального уродства и социального зла представлены в басне чаще всего в образе животных, для чего используются их родовые качества, закрепленные в народном поэтическом мышлении. Лев выступает как олицетворение царственности, лисица – хитрости, осел – глупости, медведь – неповоротливости и т.п. Прибегая к иносказанию, баснописец имеет возможность, обходя запреты цензуры, остро высмеивать безобразные явления действительности [1, с. 163]. Своей цели басня достигла в творчестве И.А. Крылова.

На исходе первого десятилетия XIX века Крылов отважился на трудный и неожиданный поступок: он оставил прозу и драматический род, в котором преуспевал, и целиком отдался жанру басни. Узкая, ограниченная жанровая форма стала отныне призванием, вложившим в нее громадное философско-поэтическое и конкретное социально-историческое национальное содержание. В этом старинном жанре Крылов совершил такие художественные открытия, которые навечно обессмертили его имя.

Искусно прикрывшись маской простодушного фабулиста, Крылов выразил свое понимание злободневных социально-исторических событий и всего государственно-политического строя.

В его баснях лукавое простодушие прикрывало критику общественных явлений. Но, поскольку считалось, что критика не интересует Крылова, и благодаря тому, что его житейский облик отчасти совпадал с маской фабулиста, в баснях также усматривали своего рода причуды человека, ненароком бросившего взгляд на общественные пороки. Отсюда вытекала уверенность в поддержке Крыловым существующего режима. Указание на недостатки социального порядка в таком случае служило на пользу властям, а не во вред: Крылов, мол, желал лишь улучшить пребывающие устои. Следовательно, его басни – извинительная прихоть таланта, не имеющая прямого касательства к социальным язвам, которые предстают всего лишь мораль-

ными курьезами. В таком духе воспринимают Крылова, смеясь над его беззловбными будто бы, но меткими шутками. В нем видят мастера подмечать смешное. И только. Вследствие всего этого Крылова «вписали» в режим, приняли как его необходимую и полезную часть, но странную и вызывающую удивление: отрешенный от официальных форм поведения «чудак» в баснях выглядел умным, проницательным и зорким наблюдателем действительности. Это противоречие отнесли на счет оригинальности и нашли его неразрешимым и необъяснимым. Иначе говоря, Крылов сумел искусно скрыть от правительственных кругов свое подлинное лицо человека и баснописца. Лишь очень немногим близко знавшим Крылова удалось разглядеть истинные его черты и приподнять завесу, наброшенную им на свой внутренний мир.

На самом деле в нем билось сердце горячего патриота, мудрого гражданина и скептического философа, тонкого знатока социальной психологии, иронического моралиста, умнейшего русского человека, не примирившегося с жестокой действительностью и осудившего ее тогдашние начала с точки зрения духовных ценностей, почерпнутых народом в его историческом опыте [2, с. 110].

После французской революции и во время войн с Наполеоном со всей остротой встала задача понять роль человеческой действительности, сознательной воли человека в ходе истории.

Просветители доказывали, что нужно построить государство на основах Разума. Эта «теория», казалось бы, восторжествовала во Франции. Однако, с точки зрения Крылова, «теория» не принесла французскому народу и другим народам ничего, кроме ужасных бедствий.

В басне «Лягушки, просящие царя» Крылов коснулся этой темы. То, что произошло с лягушками, обнажало противоречия исторического процесса и свидетельствовало о глубоком недоверии баснописца к оторванным от реальности, предвзятым идеям. Лягушки, полные высокомерия («Лягушкам стало не угодно...», «показалось им совсем не благородно...»), вздумали просить у богов Царя, ожидая, что при царе они будут жить счастливо. Однако, лягушки продемонстрировали только свою глупость. Новый Царь – Журавль – их судит и ест. Лягушки сами виноваты в своих бедах. Крылов имел ввиду, безусловно, «Общественный договор» Руссо, на основе которого государство возникает на основе договорных отношений между гражданами.

Отражение действительности жизни прослеживается и в других баснях. В басне «Водолазы» Крылов склоняется к «средней» точке зрения. Она спрятана между двумя крайностями – «ленью» и «безумством». Один из братьев не напрягает усилий, другой дерзко бросает вызов стихии, превышающей его личные способности. Следовательно, для Крылова могущество людей отнюдь не безгранично. Человек должен соразмерять свои силы, если хочет благосклонности природы и желает без ущерба для себя пользоваться ее дарами. Так же и обстоит дело и с социальным порядком. Покорно доверяться течению жизни – значит обрекать себя на духовную смерть, а

в гордыне ломать по своей воле установившиеся отношения равносильно неминуемой гибели.

Трудно не заметить, как Крылов во имя развития позволяет смеяться над пустотой, ленью и косностью. Он становится непримиримым врагом застоя, общественного и нравственного равнодушия. Так, например, в басне «Пруд и река» Пруд хвастается своим нетрудовым беззаботным житьем:

*...я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге и в покое...*

Пруд нарисован Крыловым беспечным философом, с презрением созерцающим «суету мирскую». В басне осуждаются даровитые люди, которые, по словам Гоголя, дали «задремать своим способностям». Но басня имеет и более обобщенный смысл: Пруд лишен движения, Река не прекращает течения. Следовательно, закон жизни, по Крылову, состоит не в рутине, а в постоянной, непрерывной деятельности и притом приносящей пользу обществу [2, с. 121].

Иван Андреевич Крылов – подлинно народный писатель, художник великой силы, его влияние на русскую литературу было огромным.

В наше время басни Крылова обрели новую жизнь. Они по-прежнему борются с ханжеством и лицемерием – в этом секрет их долголетия. Во все времена люди стремились с помощью столь различных литературных жанров объяснить историю народов, и помимо этого обогатить язык, сделать его более живым и красочным. Так, мы увидели это на примере басен И.А. Крылова, который привлек к своему творчеству сердца многих людей.

Литература

1. Гуляев, Н.А. Теория литературы [Текст]: / Н.А. Гуляев – М.: «Высшая школа», 1977.
2. Русская литература XVIII – XIX веков [Текст]: справ. материалы / Л.А. Смирнова [и др.]. – М.: Просвещение, 1995.

АНГЛИЙСКИЙ ГУМАНИЗМ ЭПОХИ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»

О. Г. Трифонова

Томский государственный педагогический университет

Эпоха «Возрождение» – одно из самых ярких явлений в истории европейской культуры. Отличительные черты культуры эпохи Возрождения: светский характер, гуманистическое мировоззрение, обращение к культурному античному наследию, своего рода его «возрождение» (отсюда и название). Творчество мастеров эпохи Возрождения проникнуто верой в силу разума, стремлением к реалистическому познанию человека, представлениями о стройной закономерности мироздания, красоте и гармонии мира. Коллективный опыт средневековых мастеров уступает место неповторимо-

му индивидуальному творчеству художников, архитекторов, писателей, драматургов и др.

Огромные материальные ценности, богатейший опыт художественного мастерства, накопленный в прошлом, послужили базой для невиданного подъема творческих сил народа. Эпоха Возрождения дала миру самых оригинальных и смелых мыслителей, заложивших основы нового мировоззрения, в центре которого находились природа и человек.

Культура Возрождения возникает, прежде всего, на итальянской почве. Неудивительно, что влияние Италии можно заметить у всех английских писателей эпохи Возрождения. Но гораздо заметнее был самобытный характер английской культуры этого времени. Трагическая судьба свободного крестьянства в эпоху первоначального накопления, быстрая ломка средневековых порядков под натиском силы денег, развитие национального государства с его противоречиями – все это придает общественным вопросам в Англии особую остроту. Широкий народный фон английского Возрождения – его основное достоинство, источник таких достижений 16 в., как «Утопия» Томаса Мора.

Раннее английское Возрождение относится к 16 веку. Наиболее выдающимися представителями его были Джеффри Чосер и Уильям Ленгленд. Феодалные междоусобицы 15 века надолго задержали развитие английского гуманизма. В литературе периода войны Алой и Белой розы преобладают богословские сочинения и рыцарские романы. Сравнительно высокого уровня достигает лишь устная народная поэзия. В начале 16 века снова оживает гуманистическая литература, которая признаёт ценность человека как личности, и проникнута уважением к его мыслям, чувствам, переживаниям.

Источником новых гуманистических идей явился Оксфордский университет. Правда, эти идеи нередко имели богословскую оболочку; в этом отношении Англия походила на Германию. Английские гуманисты Гроскин (1446–1519), Линекр (1460–1524) и Джон Колет (1467–1519), ездившие в Италию, увлекаются там преимущественно филологическими изысканиями, не проявляя интереса к натурфилософским и эстетическим проблемам. Свою филологическую ученость они используют чаще всего для изучения религии и морали. Так, Джон Колет читает лекции о посланиях апостола Павла. Однако подлинное значение его деятельности заключается в том, что он был горячим защитником гуманистической системы воспитания, высказывался против телесных наказаний в школе, боролся против схоластики. Благодаря Колету в Англии возникли светские, так называемые грамматические, школы. Но главной фигурой среди оксфордских гуманистов был Томас Мор, основоположник утопии в литературе.

Томас Мор (1478–1535) воочию наблюдал начало глубоких перемен в положении трудящихся классов Англии, картину народных бедствий, вызванных, прежде всего системой огораживаний. В своем романе-трактате «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве

государства и о новом острове Утопии» Мор изображает Англию в беспощадно резком свете. Тунеядство ее высших классов и кровавое законодательство против экспроприированных и прочее. Из своего описания английской действительности Мор делал вывод: «где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел» [1, с. 364].

Генрих VIII привлек Томаса Мора к государственной деятельности. Некоторое время могло казаться, что такие идеи, как установление мирных отношений между государствами и т.п. оказывают влияние на политику двора. Тем не менее, различие целей неизбежно должно было привести к резкому конфликту между королем и его канцлером Томасом Мором. По требованию короля лорд-канцлер был осужден. Послушные судьи приговорили бывшего лорд-канцлера к страшной казни, которую Генрих заменил отсечением головы.

В дальнейшем влияние гуманизма продолжало расти. Реформация, произведенная сверху государством Тюдоров, уничтожила монастыри и подорвала систему схоластического образования. Вслед за Оксфордом Кембриджский университет также открыл свои двери новым идеям. Вторая половина 16 века – время расцвета гуманистического просвещения. Показательно большое количество переводов на английский язык разнообразных авторов древнего и нового мира, от Гомера до Ариосто.

В неменьшей степени олицетворением духовного подъёма нации является творчество философа и учёного, политика и литератора **Френсиса Бэкона**.

Колоритная фигура Френсиса Бэкона возвышается у начала философии Нового времени. Его мысли отмечены великой культурой эпохи Возрождения, а душа устремлена в будущее.

Френсис Бэкон родился в Лондоне, в семье одного из высших сановников елизаветинского двора. Образование он получает в Тринити колледже Кембриджского университета. Реформация ослабила зависимость этого национального центра науки и образования от церкви. Обучение приобретало всё более светский характер. Огромное впечатление на юношу оказал год, проведённый в Париже в составе английского посольства. Дипломатическая работа позволила ему посетить Италию, Испанию, Германию, Данию, Швецию, Польшу. В 1586 году Бэкон становится старшиной юридической корпорации в Лондоне. В 1593 году он – член палаты общин английского парламента.

После смерти Елизаветы I на престол взошёл Яков I, который распустил парламент. Однако именно в этот период начинается быстрое возвышение Френсиса Бэкона. В 1618 году он становится верховным канцлером и пэром Англии. В 1621 году Яков вновь собирает парламент. Депутаты выступают с резкой критикой деятельности высших должностных лиц королевства. Френсис Бэкон предстаёт перед судом. Ему вынесен суровый приговор – штраф в сорок тысяч фунтов стерлингов, заключение в Тауэр, лишение права занимать какие-либо государственные должности. И хотя

вскоре Бэкон был помилован, его карьера государственного деятеля закончилась.

«Возвышение требует порой унижения, а честь достается бесчестьем. На высоком месте нелегко устоять, но нет и пути назад, кроме падения или по крайней мере заката, а это – печальное зрелище», – писал Френсис Бэкон.

В дальнейшем Френсис Бэкон всецело отдается творчеству. Природа, человек, общество, история, поэзия – все интересует его.

По инициативе Френсиса Бэкона, но уже после его смерти, в 1660 году было основано Королевское общество (Академия наук). Этим событием формально обозначено начало эпохи Просвещения. Среди первых членов Королевского общества были Исаак Ньютон, Роберт Бойль, Роберт Кук, о котором говорили, что не было ничего, чего бы он не знал и не умел, архитектор Христофер Врен, построивший в Лондоне величественный собор Святого Павла, и др.

Труды Френсиса Бэкона поистине энциклопедичны. Они оказали влияние на целую эпоху философского и научного развития. Об этом говорится, в частности, во вступительной статье к знаменитой французской Энциклопедии.

В «Новом Органоне или указаниях для истолкования природы» излагается учение о методе познания как законном сочетании способностей опыта и разума. В противоположность дедуктивной логической теории «Органо-на», написанного Аристотелем, ставшим непререкаемым авторитетом средневековых схоластов, Френсис Бэкон выдвигает индуктивную концепцию научного познания, в основе которой лежат опыт и эксперимент, методы анализа и обобщения полученных фактов.

Бэкон предвидел, что эпоха великих географических открытий не только раздвинет пространственный кругозор человечества, но послужит основой для познания законов природы. «Не должно считать малозначащим и то, – пишет Френсис Бэкон, – что дальние плаванья и странствия (кои в наши века участились) открыли и показали в природе много такого, что может подать новый свет философии» [2, с. 382].

Английские гуманисты оказали огромное влияние на дальнейшее культурное развитие Англии. Наряду с другими европейскими странами Англия оказалась на пороге великого культурного перелома.

Литература

1. Бадак, А.Н. Всемирная история [Текст]: Т.9. Начало Возрождения / А.Н. Бадак [и др.] – Минск: Литература. – 1996.
2. Бадак, А.Н. Всемирная история [Текст]: Т.10. Возрождение и Реформация / А.Н. Бадак [и др.] – Минск: Литература. – 1996.

АРТ ДЕКО В АРХИТЕКТУРЕ И ДИЗАЙНЕ ИНТЕРЬЕРОВ

А. А. Фильченко

Томский институт бизнеса

Искусство XX века знает пока только начальный рубеж своей истории. Многие художественные процессы еще не завершены, хотя мы отсчитываем уже новое тысячелетие, окончательные суждения делать еще рано.

Арт Деко возник на основе различных течений в искусстве и дизайне 1900-х годов, таких как модерн, венский Сецессион, немецкий союз дизайнеров Вербунд, русский конструктивизм и голландское движение «Де Стайл», а так же модернистские достижения в живописи, такие как абстракционизм. Этот стиль особенно ярко нашел проявление в архитектуре и дизайне. Дизайнеры широко использовали и продолжают использовать стиль Арт Деко в своем творческом репертуаре. Ностальгические тенденции в области дизайна периодически возрождают формы Арт Деко, чему способствует эффективность этого стиля при создании атмосферы «элегантности, роскоши и возбуждения», свойственной эпохе ретро.

В архитектуре – это прежде всего стилистика американских небоскребов и советских высотных зданий 20 – х – 30 – х годов. В настоящее время архитекторы, желающие усилить символизм своих проектов снова вернулись к испытанным временем принципам Арт Деко.

Мастера Арт Деко изучали и тонко использовали выразительные возможности, цвет и фактуру различных материалов, стекла, пластмасс. Демонстративная современность Арт Деко проявилась в частой обтекаемости форм («стрим-лайн»). Внешне близкие к Арт Нуво и архитектуре современного движения эти линии отличны от тех и других. Обтекаемые линии произведений Арт Деко подражают динамичным формам транспортных устройств: автомобилей, кораблей, самолетов, но роль этих форм не функциональна, а чисто изобразительна, «семиотична» как знак принадлежности к «современному миру машин», рассматриваемому как среду будущего. Не случайно Арт Деко активно использовался в архитектуре кинотеатров и в декорациях для фильмов с картинками будущего и фантастики.

Подобно архитектуре современного движения Арт Деко видел себя интернациональным стилевым движением, не связанным с конкретными национальными традициями, и это оказалось созвучным настроениям советских архитекторов-новаторов, хотя впоследствии рядом исследователей Арт Деко стал восприниматься – без достаточного основания – как явление чисто американское («стиль небоскребов»).

Формы этих зданий, возводившихся в конце 1920-х годов. По сей день являются наиболее замечательным наследием Арт Деко. До сих пор продолжают строить небоскребы по образцу Крайслер-билдинг.

Технические средства для строительства зданий – стальные конструкции и железобетон – к моменту появления небоскребов в стиле Арт Деко уже были хорошо освоены, «стильность» Арт Деко придавали ступенчатые

силуэты и неконструктивные декоративные элементы, а совсем не высота, новые материалы и технологии.

Именно этот стилевой подход характеризовал также советские павильоны на Всемирных выставках 1937 г. в Париже и 1939 г. в Нью-Йорке и многие постройки Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве (1930), где приемы Арт Деко оригинально переплетались с национальными архитектурными и декоративно-орнаментальными мотивами.

Для интерьера Арт Деко характерны прямые и ломанные линии, четкость и графичность форм. Из материалов используются ткани, стекло, бронза, керамика, ковры в кубических узорах. Кроме того, хорошо подходят фонтаны, подиумы, кованые решетки. Стиль Арт Деко использует самые разные декоративные элементы в дизайне интерьера, яркие и смелые и одновременно исключительно подобранные цветовые сочетания.

Дизайн интерьера Арт Деко современно и необычно сочетает восточные мотивы, элементы старины вместе с новыми шедеврами искусства первой половины XX века. Дизайн интерьера Арт Деко являлся основой почти всех домашних интерьеров в 20-х – 30-х годах. Простота и геометричность стиля открыли эпоху массового производства мебели, сделав ее доступной. Именно в эти годы были созданы практически все образцы мебели XX века.

Для мебели Арт Деко уместна светлая древесина, кожа. От других мебельных стилей его отличает применение декоративных элементов в виде зигзагов, окружностей, треугольников, солнц. В оформлении интерьера Арт Деко используется мрамор, стекло и хромирование для видов домашнего оборудования.

В настоящее время после более чем пятидесятилетнего забвения Арт Деко опять начинает приобретать популярность. Сочетание строгих прямых линий и изящных декоративных элементов, любовь к бронзе, полупрозрачным драпировкам и цветному стеклу делают Арт Деко стилем истинных эстетов. Этот стиль предпочитают состоятельные люди с устоявшимися жизненными предпочтениями и вкусами.

Хотелось бы отметить, что интерес широкой публики к стилю Арт Деко в последнее время значительно возрос. Явление Арт Деко рассматривается как одна из фаз стилового развития XX века, таких как модерн, конструктивизм, модернизм. Становится все более очевидным значение Арт Деко как самостоятельного стиля, влияние его на массовую культуру: дизайн, моду, архитектуру.

СЕКС, ЛЮБОВЬ И МЕДИТАТИВНОСТЬ

А. А. Фролова

Томский государственный педагогический университет

*...Твори себя, живи, и через секс себя неси,
Проси, давай, все позволяй себе,
Переноси непонимание, отказ и неприятие.
Секс – средство достижения тебя любви,
Он – мероприятие, не цель, чтоб поиметь
Пристрастия свои и, застревая в сексе,
Их каждый раз нести.*

Эти строки принадлежат человеку, который был для одних великим учителем, для других – лгуном, даже воплощением зла. Ошо или "подобный океану" (под этим именем знают теперь его во всем мире), Багван Шри Раджниш – просветленный Мастер XX века, явился нам в образе огромной всепоглащающей волны, разрушающей застенчивость в человеческих умах, в образе теплого света, проникающего в самое сердце, в образе того редкого алмаза, что везет найти далеко ни каждому!

Ошо Раджниш родился в Индии в семье джайнов. В возрасте 21 года Ошо достиг просветления, высочайшей вершины человеческого сознания. Здесь, как он говорил, закончилась его внешняя биография и с этого времени он жил без неё, в состоянии единения с внутренними законами жизни.

Он разоблачал лицемерие власть имущих и их стремление затруднить людям доступ к их величайшему человеческому праву – праву быть самим собой.

Он обращался к многотысячным аудиториям, трогая сердца миллионов.

Лекции Ошо затрагивали все основные религиозные традиции мира и, записанные на пленку и оформленные в книги, эти лекции составляют сотни томов.

Я хочу вам поведать его идеи о самом сокровенном, а именно о сексе, любви, медитативности.

В отличие от религиозных конфессий, утверждающих, что секс является препятствием на пути к божественному просветлению, Ошо смело заявлял: секс это дар Божий, нечто естественное, основа для достижения любви, духовности.

Слово «секс» очень красиво. Первоначальный корень слова секс означает разделение.

Об этом Ошо говорил следующее: "Если вы разделены внутри, то секс будет присутствовать. Когда вы страстно желаете мужчину или женщину, одна ваша часть желает встречи с другой, но вы пытаетесь встретить другого вовне. Вы можете встретиться на мгновение, но затем вы будете опять одиноким, потому что вовне не может быть вечной встречи. Секс обречен быть просто мгновением, потому что другой есть другой. Если вы встречаете вашу внутреннюю женщину или внутреннего мужчину внутри себя,

тогда встреча может быть вечной. И тогда все разделения потеряны, эта встреча происходит. Это алхимическое превращение: ваша женщина и мужчина встречаются внутри, и вы становитесь едины. А когда вы становитесь едины, вы обретаете любовь" [2, с. 95].

По его мнению, секс является одним из выходов жизненной энергии. Это самое низшее ее проявление.

Сама по себе энергия нейтральна. Когда она выражается биологически, – это секс. Когда она выражается эмоционально, она может становиться любовью или ненавистью.

Секс – это возможность для более высокой трансформации жизненной энергии. Но когда он становится единственным выходом для жизненной энергии, тогда секс превращается в разрушительную силу. Как только секс становится целью, теряется духовное измерение. Но если секс становится медитативным, тогда он направлен в духовное измерение.

Любое негативное действие по отношению к сексу не преобразует энергию. Напротив, оно породит внутри вас конфликт. Когда вы боритесь с энергией, вы боритесь с самим собой. Никто не может победить в этой схватке.

Ошо говорил, что до настоящего времени общества были так сильно против секса (религии и церкви), что они создали очень бессознательную ненависть.

Также Ошо утверждал, что порнография является следствием подавления секса в его естественном пространстве и теперь утверждающем себя через голову.

А если вы слишком интересуетесь порнографией, что произошло во всем мире, тогда реальная женщина или реальный мужчина не выглядят такими привлекательными.

Секс прекрасен, сексуальность безобразна, как думал Ошо.

Когда секс становится умозрительным, он становится сексуальностью. Но голова не является сексуальным центром.

Запад стал сексуальным из-за фантазий, Восток стал сексуальным из-за подавления. Оба потеряли естественную способность наслаждаться сексом.

Запад стал патологичным, представляя секс окончательной целью в жизни, а Восток стал патологичным, думая, что секс – конечный барьер между человеком и богом.

Секс нужно принимать таким, какой он есть. Это просто биологическая основа существования жизни. Не стоит придумывать ему духовного или антидуховного значения.

Секс является такой неодолимой силой, что ее невозможно трансцендировать, пока не достигнешь божественного.

Для достигшего божественное человека секс перестает существовать так, как он существует для нормальных людей. Это не значит, что отбросив секс, человек соединяется с божественным. Если вы откажетесь от познания секса, вы подавите свой рассудок, но не трансцендируете его. Секс будет рваться наружу, и вы устроите себе ад.

Мужчина и женщина являются тоже двумя частицами единого целого. Поэтому когда они сливаются в одно, в половом акте, они достигают гармонии с сокровенной природой вещей, с Дао. Эта гармония может дать биологическую жизнь новому существу. Если вы не осознаете, то это единственная возможность. Но если вы осознаете, то этот акт может стать вашим духовным рождением [1, с. 28-34].

Чем больше вы будете медитировать, тем меньше вас будет привлекать секс. И энергия, которая выражалась через секс, будет двигаться через медитацию. А когда она течет в медитацию, открываются двери божественного.

Ошо утверждал: секс без любви – не есть глубинное движение.

Сексуальный акт – только физический – две энергии встречаются и рассеиваются. Это линейный процесс. Вы теряете энергию и ничего не приобретаете.

Приобретение произойдет только тогда, когда есть круг.

В акте любви энергия движется по кругу.

В простом сексуальном акте энергия течет от мужчины к женщине. Вот почему женщины могут становиться проститутками – потому что положительный полюс – это мужчина, а отрицательный полюс – женщина.

Ошо был против проституции именно из-за отсутствия круга. Если это любовь, мужчина и женщина встречаются двумя полюсами. Мужчина дает женщине, а она возвращает обратно. Это взаимно, обоюдно.

Сам половой акт – это не диалог между мужчиной и женщиной. Это разговор мужчины с природой, с помощью женщины, или женщины с природой, через мужчину. На мгновение вы оказываетесь в космическом потоке, в небесной гармонии, в созвучии с целым [1, с. 68].

Ошо Раджниш указывал на важность редких актов соития, советуя не превращать их в рутинный процесс и вступать в близость только при огромном желании.

Интересен тот факт, что в Индии в самом древнем тексте о сексе «Кама Сутра» Ватсьяяна говорится, что если вы занимаетесь настоящей, дикой любовью, одного раза в год достаточно!

Что касается слов "секс" и "любовь" в работах Ошо проявляется очень любопытная теория. А именно: ошибочность связывания этих понятий у людей. На самом деле любовь приходит тогда, когда уходит секс. До этого любовь – всего лишь завлечение, предварительная игра. И чем больше секса между двумя людьми, тем меньше между ними любви, потому что им уже не нужно предисловие [3, с. 55].

Когда двое влюблены друг в друга и между ними нет половых отношений, их любовь очень романтична. Но как только появляется секс, сразу же уходит любовь.

Вот почему брак убивает романтическую любовь. Двое познают друг друга, и отпадает необходимость в любви, в предваряющей игре.

Истинная любовь – это не предисловие. Это аромат. Она не до секса, но после него. Если вы проходите через секс и чувствуете друг к другу состра-

дание, тогда возникает любовь. А если вы медитируете, вы чувствуете страдание. Если вы медитируете в момент сексуального акта, тогда ваш партнер уже не будет просто инструментом вашего наслаждения. Вы будете благодарны ему или ей за то, что оба погрузились в глубокую медитацию.

Если в сексе медитировать, то между вами обеими возникает новая дружелюбность, потому что благодаря друг другу вы оба слились с природой, через друг друга вы заглянули в неизведанные глубины реальности.

И так, любовь – это сочетание благодарности, дружелюбности и страдания. Если присутствуют эти три компонента, значит вы любите.

Если развивается такая любовь, она трансцендирует секс. Любовь развивается через секс, но она выходит за его пределы. Если развивается любовь, то исчезает секс.

Секс может достичь любви, только при осознании, и не иначе. Без медитации будет только повторение половых актов.

Когда вы сможете медитировать в половом акте, откроется новая дверь. Вы входите в новое измерение и вас поглощает более глубокое блаженство. Вы встретите нечто столь блаженное, что секс поблекнет и отпадет сам по себе. Когда секс становится медитацией, он расцветает в любовь, и это цветение есть движение к божественному. Вот почему любовь – явление божественное. Когда расцветает любовь, приходит молитва.

Осознавая любовь, вы трансцендируете ее и придете к молитве. Тогда это уже будет общение между вами и целым. Теперь это безличный другой – все сущее – и вы.

Но и молитва это тоже встреча, поэтому и она, в конечном счете, должна быть трансцендирована. Нужно медитировать и на моментах молитвы. Если вы сможете осознавать встречу между собой и целым, тогда вы трансцендируете и себя и целое. Тогда вы есть целое.

К этой целостности стремятся через секс, через любовь, через молитву. Секс перерастает в любовь, любовь перерастает в молитву, а молитва перерастает в полную трансценденцию, в полное единение. Это единство и есть целое, это единство и есть блаженство, это единство и есть экстаз!

Мастер Ошо – выдающийся мыслитель своего времени. И его работы, и вся его жизнь полна противоречивого, непонятного, загадочного. А идеи настолько потрясли весь мир, что споры о них не утихают по сей день и количество его последователей не уступает числу яростно его ненавидящих.

На мой взгляд, может случиться так, что ошоизм встанет во главе религиозных верований, но только тогда, когда общество повзрослеет.

Литература

1. Раджниш, О. Мужчина и женщина. Танец энергий [Текст]: / О. Раджниш. – М., Издательство АСТ, 2008. – 160 с.
2. Раджниш, О. Средний возраст: бесконечное небо. От секса к сверхсознанию [Текст]: / О. Раджниш. – М., "Нирвана", 2002. – 174 с.
3. Раджниш, О. Тайны любви [Текст]: / О. Раджниш. – М., "Нирвана", 2002. – 160 с.

К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ И ЦЕННОСТЯХ ИДЕЙ ЯПОНСКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Н. И. Чабовская

ОГОУ СПО «Томский музыкальный колледж имени Э.В. Денисова»

Философско-художественная традиция осмысления понятия красоты насчитывает в Японии уже 1000 лет. Классическая японская эстетика – комплекс средневековых эстетических представлений, выросший на основе древнего фольклорного творчества и элементов заимствованной и модифицированной иноземной культуры, преимущественно китайской, а также корейской и индийской.

Мерилом представлений о прекрасном для японцев является природа. Не случайно японские исследователи определяют свою культуру как “фольклор четырёх времён года”, а западные учёные называют её “экологичной”. Главная черта японского искусства – стремление к гармонии с природой, а не желание покорять, преобразовывать её. Поэтому архитектурные постройки должны сливаться с окружающей средой, цель японского садовника – показать природу в миниатюре, цель ремесленника – показать фактуру материала, цель повара – сохранить вкус и вид продукта.

Мост между искусством и природой, а также мост между искусством и будничной жизнью – ключевые характеристики японской культуры. В этой стране никогда не существовало деления искусства на чистое и прикладное. Японцы привыкли отождествлять прекрасное с целесообразным, и любой предмет их домашней утвари сочетает в себе красоту и практичность. Отсюда же естественно возникает **каллиграфия**, фактически примыкающая к одному из видов изобразительного искусства. Применительно к японской культуре можно говорить об эстетике прикладного искусства (в частности керамики), эстетике жилища, эстетике украшений, эстетике трапезы и многое другое.

Все теоретические построения японской эстетики создавались представителями разных видов художественного творчества, включая мастеров чайного действа, каллиграфов и других, а эстетические трактаты принимали форму практических наставлений, в которых раскрывались секреты мастерства и рисовались идеальные модели, складывающиеся на основе канонических предписаний. Причём сущность эстетических понятий раскрывается обычно не аналитически, а при помощи примера, чаще всего стихотворного, что нередко приводит к противоположным их трактованиям. По-видимому, в подобном преподнесении эстетических категорий сказывается непосредственное влияние дзэн-буддизма, который не приемлет аналитического мышления. Поэтому интерпретация японских эстетических понятий достаточно сложна. Возможно по этой причине нет ни одной специальной работы по японской эстетике, не смотря на огромный интерес к культуре этой страны со стороны других наций.

Ещё в X-XI веках (период Хэйан) под воздействием синтоизма и учений некоторых сект буддизма сложилась эстетическая категория моно-но-аварэ (“печальное очарование вещей”), наложившая отпечаток на всё последующее развитие Японии. Под ней сокрыто особое понимание красоты (духовной, человеческой, природной), сопряжённой с налётом грусти, некоей элегической печали. Григорьева Т.П. толкует термин моно-но аварэ как “чувство взволнованной завороченности красотой, но с оттенком беспричинной грусти” [2].

Е. Н. Шелестова подчёркивает катарсическую сущность моно-но-аварэ, так как взаимодействие радости и печали при посредстве удивления – чувства, очищающего нервные каналы, непосредственно способствуют катарсису. Только “разнонаправленность” эмоций, когда они соединены вместе, способна привести к их гигиеническому самосгоранию, к нервной разрядке в условиях среды обитания, чреватой катастрофами [17]. Отсюда же вытекает гармоническое взаимопроникновение, “соощущение” человека и природы, очень характерное именно для японцев. Поэтому в японской литературе (особенно эпохи Хэйан) в художественной описании была важна в первую очередь эмоциональная реакция героя на природные явления, воспевалась способность к быстрому и тонкому чувству эстетического сигнала. Во всех жанрах эйкёку (“музыки приятного времяпровождения”), в частности сайбара, рэи, имаё, уто-хико, в эпоху Хэйан действует категория моно-но-аварэ.

В осмыслении японцами красоты главное место принадлежит понятию “*югэн*”, которое стало обобщённым идеалом прекрасного. Оно пришло из китайских религиозно-философских книг, где служило метафорой буддийской мудрости или символом глубины и тонкости области дао у Лао-дзи. Религиозно-философское происхождение этого понятия придало специфические черты японскому средневековому искусству и возникающему от соприкосновения с ним и красотой природы эстетическому переживанию, в котором особую роль играло обнаружение сокровенной сути вещей, таящейся под их внешней оболочкой. Григорьева Т.П. переводит “югэн” как “*сокровенно прекрасное*”, Соколов – “*затаённое откровение*”, Глускина – идея “*скрытой сути*” и “*скрытой красоты*”, Маркова – “*скрытый (сокровенный) и тайный*” [1].

Югэн как критерий японского представления о красоте воплощает собой мастерство намёка или подтекста, прелесть недоговорённости. Дзэами Мотокиё (1363-1443) – драматург и актёр театра Но, понимал югэн как “присутствие элегантного, спокойного, глубокого, смешанного с чувством изменчивости”. В таком толковании красоты сказалось воздействие на художественное сознание японцев буддийской идеи брэнности и непостоянства (мудзё).

С вечной изменчивостью мира (по дзэн) несовместима идея завершённости, а значит, её нужно избегать в искусстве. Полного совершенства можно достигнуть лишь на мгновение. Поэтому совершенствование пре-

краснее, чем совершенство, завершение полнее олицетворяет жизнь, чем завершённость. Следовательно, больше всего способно поведать о красоте то произведение, в котором не всё договорено до конца. “Чаще намекать, чем декларировать” – принцип, который делает японское искусство искусством подтекста.

Югэн – прелесть недосказанности, которая скромно лежит в глубине веков, не стремясь на поверхность. Её вовсе может не заметить человек, лишённый вкуса или душевного покоя.

Наслаждаться искусством означает для японцев вслушиваться в несказанное, любоваться невидимым. Например, жанр сумиэ (рисунки чёрной тушью на мокрой бумаге) – живопись намёков и недомолвок. Хайку (17 слогов) несёт бездонный подтекст. Таким образом, сознательная недосказанность является творческим приёмом, который уводит человека дальше от конкретного образа. Так, наивысшим проявлением югэн можно считать поэму из камня и песка, создаваемую философским садом.

Ощущение невозможности адекватно выразить скрытую под покровом изменчивости глубинную его суть оборачивалось в японском искусстве приверженностью к “значащим умолчаниям”, противостоянием принципу тщательной выписанности, детализации, развёрнутых художественных описаний. Утверждалась поэтика фрагмента, отдельного штриха, семантически насыщенного многозначительного намёка, который был скорее обозначением темы, чем её раскрытием, порождая особое настроение при восприятии искусства – так называемое избыточное (по отношению к непосредственному явлению) чувство (*ёдзё* или *амари-но кокоро*). В поэзии это достигалось, например, окончанием текста существительным с восклицательной частицей, что предполагало дополнение и дочувствование оборванного высказывания читателем. В живописи развитие художественного образа продолжалось в незаполненном белом пространстве (*ёхаку*), в котором умоглядно распознавалась духовная суть изображённого на картине (*ёхакуби* – красота чрезмерной белизны). В музыке основную эстетическую нагрузку несли паузы, заполненные замирающими колебаниями.

Таким образом, “*ёдзё би*” (“красота послечувствия”) служила обнаружению внутренней гармонии, созданию особой эстетической атмосферы – невидимой, неслышимой, но возникающей как отзвук мира вещей. “Избыточная красота” оказывалась тем самым важной частью категории “югэн”. Представление о невыразимости в произведениях искусства полноты художественного переживания получило в Японии мощный импульс от буддийской идеи невозможности выражения истины в знаке.

Под влиянием социально-исторических факторов понятие красоты эволюционировало в японской эстетике от пышности к скромности, от яркости к сдержанности, простоте и бедности. Поэт и теоретик жанра рэнга Синкэй (1406-1475) определял югэн как “изящную скудность” (*котан*) и уподоблял истинную красоту красоте мерцающего льда. Его характеристика красоты как “холодно-высохшего” (*хиэ-ясэру*) предвосхитила появление в конце

средневековой эпохи эстетических категорий “ваби” и “саби”, используемых применительно к чайной церемонии и поэзии хокку и содержащих значение “печаль”, “унылость”, “заброшенность” (к тому же ваби присущи семантические оттенки скудности и ущерба, а саби – одинокой грусти). По мнению В. Овчинникова такой элемент красоты как саби воплощает связь между искусством и природой, а ваби – мост между искусством и повседневной жизнью [6].

Саби – труднопереводимое слово, которое связано с дзэнским мироощущением и является категорией дзэнской эстетики. Вл. Цветов считает, что нет в мире языка, в котором было бы слово, эквивалентное по смыслу японскому слову “саби” [16]. Саби – неподдельная ржавость (буквально “саби” означает “ржавчина”), архаическое несовершенство, прелесть старины (особое очарование японцы видят в следах возраста), печать времени или печаль, вечное одиночество (от прилагательного “сабисий” – “унылый”, “печальный”, “одинокий”). Один из японских исследователей объясняет так: “Саби создаёт атмосферу одиночества, но это не одиночество человека, потерявшего любимое существо. Это одиночество дождя, шуршащего ночью по широким листьям дерева, или одиночество цикады, которая стрекочет где-нибудь в голых белёсых камнях”. Д. Судзуки интерпретирует саби как создание вечного одиночества [11]. Иначе говоря, “саби” – это эмоциональное состояние человека, нашедшего уединение и покой от повседневных забот, мирской суеты. Дух “саби”, а также и “ваби” великолепно воплощает тяно-ю (чайная церемония).

Григорьева Т.П. трактует “саби” как “мудрую согласованность с природой” (печаль – не-печаль). Бинарность структуры “саби” внешне очень похожа на катарсис, что подчёркивается многими её толкователями. “Саби” – некая двойственность, противостояние положительных и отрицательных эмоций [3]. Субстанцию “саби” составляет момент изумлённого просветления. Показательны в этом отношении хайку, ибо они рождаются в момент “сатори”. Таким образом, саби, которое восходит к чувству ужаса перед миром, а затем превращается в “красоту”, “примирение”, на глубинном уровне оказывается категорией гностической.

Отзвуки принципа “саби” – в национальной архитектуре, в том числе в интерьере с его рафинированной эстетикой “тени”.

По мнению Шелестовой Е. Н. дух “преодоления трагедии” пронизывает культуру Японии, является её автохтонной основой. На эту почву впоследствии наложились сходные, но не эмпирические, а умозрительные идеи буддизма и всё это приняло характерную для Японии синкретическую форму сплава мирского и религиозного [17].

Саби – это прежде всего красота, извлекаемая путём углублённого созерцания, погружения в мир природы как результат медитативного опыта [1]. Саби – одиночество в смысле буддийской беспристрастности, отрешённости, рассматривающей все вещи происходящими непосредственно, в

удивительной спонтанности. Отсюда рождается чувство глубокого покоя. Так, в основе поэтики М. Басё лежит принцип саби и эстетика намёка.

В концепции саби заключена важнейшая дзэнская мысль жизнеутверждающего характера: всё, что рождено, умирает, возвращаясь к своему началу, к праху, к “ржавчине веков”, тем самым предполагая новое рождение, вечность.

Примечательно, что понятие “саби” могло использоваться и для обозначения того состояния, в котором пребывал самурай, готовясь сделать себе харакири. Он при этом испытывал чувство, близкое к эстетическому переживанию, ощущая себя включённым в вечный цикл рождения и возрождения, достигаемого через умирание. Обряд харакири становился не столько способом “достойного ухода из жизни”, сколько воплощением вечного возвращения, подчёркивая собой мимолётность человеческой жизни и бесконечность истины.

Судзуки не разделяет понятий ваби и саби. Многие японские исследователи также определяют их как ваби-саби.

Понятие **ваби** не поддаётся точному переводу, хотя в первом приближении по-русски его можно передать как скудость, бедность или даже гордое одиночество. Принцип ваби возник в чайной церемонии, где определял атмосферу умиротворённости, в которой человек наслаждается бедной жизнью и испытывает довольство. Жанейро переводит ваби как “красоту бедности” или “роскошная бедность”. “Быть бедным, то есть не зависеть от мирских вещей – богатства, власти, репутации – и в то же время чувствовать присутствие некоего внутреннего неопределимого, сокровища, находясь вне времени и общественного положения – вот что составляет сущность ваби”, – пишет Д. Судзуки [8].

В искусстве XVI века дух ваби, по мнению Д. Судзуки, составляет прелесть обыденного, стремление к бедности, простоте. Так, бонсай как бы в ином масштабе должен обладать всеми естественными качествами дерева и создавать ощущение натуральности, что коррелируется с эстетическим принципом ваби. Пример ваби – пустынный берег, на котором стоит одинокая хижина рыбака. Ваби подразумевает неприхотливость, скромность жизни, непритязательность. Поэтому для М. Басё бедность становится этикой творчества [8]. Показательно, что комическое предстаёт как одна из характеристик ваби.

Григорьева Т.П. трактует ваби как покой, тишина, скромность, красота простоты, умение быть самим собой, следовать естественному пути. Ваби – отсутствие чего-либо вычурного, броского, нарочитого, вульгарного, прелесть обыденного, мудрая воздержанность, красота простоты [2].

Так как саби и ваби – близкие понятия, то они нередко сливаются и пишутся вместе – ваби-саби. В понятии ваби-саби проявилась склонность к простоте и строгости. Позднее это понятие ваби-саби приобрело ещё более широкий смысл, превратившись в обиходное слово “*сибуй*”.

Сибуй – это окончательный приговор в оценке красоты, определяемый почти инстинктивно. В буквальном смысле сибуй означает терпкий, вяжущий (произошло от повидла из хурмы). Сибуй объединяет красоту простоты и красоту естественности. То есть красота, присущая назначению данного предмета, а также материалу, из которого он изготавливается. Слово сибуй воплощено в терпком вкусе зелёного чая, в тонком, неопределённом аромате хороших духов. Сибуй – это первородное совершенство в сочетании с трезвой сдержанностью. Всё искусственное, вычурное несовместимо с этим понятием.

Понятия ваби, саби и сибуй (три мерила прекрасного у японцев) коренятся в умении смотреть на вещи как на существа одушевлённые, в чём проявляется отзвук синто и глубокий след буддизма.

Завершая настоящую статью, необходимо подчеркнуть, что философская мысль в Японии, возникнув в виде религиозной мысли, долгое время не отделялась от религии, ей не доставало опоры на науку, которая могла бы обогатить её развитие. При этом Нагата Х. на фактическом материале истории японской культуры обстоятельно обосновывает идеи о том, что развитие мировоззренческого сознания японцев происходило в сущности своей по тем же законам, что и у других народов и наряду с религиозным сознанием ему была органически присуща рационалистическая, и в том числе философская мысль [4].

Нагата Х. убедительно показал, что “собственно японская философия как таковая возникла под влиянием глубоко социальных потребностей развития общества в результате переосмысления, творческой переработки самими японцами проникавших на протяжении веков в страну с азиатского континента учений буддийских и конфуцианских школ” [4].

Литература

1. Бреславец Т. И. Очерки японской поэзии IX –XVII веков. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1994. – 237 с.
2. Григорьева Т. П. Красотой Японии рождённый. М.: Искусство, 1993. – 464 с.
3. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. – 368 с.
4. История эстетической мысли. Том 2, М.: Искусство, 1985. – с. 56-91
5. Муриан И. Ф. Сады Дайтокудзи. // Человек и мир в японской культуре. М.: Наука, 1985. – с. 166-183.
6. Овчинников В. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1971.- 224с.
7. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. Этнопсихологические очерки. М.: ВиМ, 1996. – 400 с.
8. Судзуки Д. Жизнь в простоте. // Азия и Африка сегодня. 1991, № 6
9. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма. // Дзэн-Буддизм. Бишкек: МП “Одиссей”, 1993. – с. 19-468.
10. Судзуки Д. Поэзия цветов. // Азия и Африка сегодня. 1991, №8
11. Судзуки Д. Рикю и другие мастера чайной церемонии. // Азия и Африка сегодня. 1991, № 3.
12. Судзуки Д. Уловить неуловимое. // Азия и Африка сегодня. 1991, № 7.
13. Судзуки Д. Человек как часть природы. // Азия и Африка сегодня. 1991, № 5.

14. Федоренко Н.Т. Краски времени. Черты японского искусства. М.: Искусство, 1972. – 144 с.
15. Федоренко Н.Т. Японские записи. М.: Советский писатель, 1966. – 416 с.
16. Цветов В. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
17. Шелестова Е. Н. Эстетика и религия японцев как противоречиво функционирующая целостность. // Человек и мир в японской культуре. М.: Наука, 1985. – С. 258-265.

ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Э. А. Шпомер

Томский государственный педагогический университет

Появление термина "глобализация" связывают с именем американского социолога Р. Робертсона, который в 1985 году дал толкование понятию "глобализация".

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – это начавшаяся активизация процесса усиления взаимосвязанности мира, всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран, различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена [КиМ, А. В. Шубин].

Одним из представителей теории глобализации является Элвин Тоффлер. В своей работе «Третья волна» он говорит о том, что человечество пережило две великие волны перемен, и сейчас наступила третья волна. Первая волна характеризуется аграрной цивилизацией, ее ценностью является земля. Вторая волна – это индустриальная цивилизация: капитал, рабочая сила, средства производства. Третья волна является сверхиндустриальной цивилизацией и ее потенциал в знаниях и информации. Символ первой цивилизации – мотыга, второй – конвейер, третьей – компьютер. Тоффлер говорит о том, что сознание перестает быть «универсальным», оно становится «клиповым», нестандартным, ненасыщенным мыслями. Развитые страны Запада находятся в стадии Третьей волны, Россия еще только входит в нее.

Жак Аттали является автором концепции "нового мирового порядка". В работе «Линии горизонта», Ж. Аттали выделил в человеческой истории три эпохи (строя) – религиозную, завоевательную и торговую. Первая из них выдвинула культ Бога, вторая – культ Силы и третья – культ Денег. Если высшим олицетворением религиозного строя стал священник, а завоевательного – вождь (король, царь и т.п.), то торгового – финансист или торговец, высшим проявлением которых станет «новый кочевник», т.е. человек, кочующий по миру как гражданин мира. Две первые эпохи в развитии общества, по Ж. Аттали, следует рассматривать как неудачные попытки глобализации – стирания границ между государствами. Глобализационный потенциал религии и вооруженной силы оказался недостаточным, чтобы до-

вести объединение человечества до конца. Третья попытка глобализации человечества будет осуществлена представителями финансовой элиты, которых Ж. Аттали называет «новыми кочевниками». Они – подлинные граждане мира, лишенные каких-либо национальных или культурных предрассудков. Ж. Аттали писал о них: «Они перевернут ритм жизни и радикально изменят отношение человека к культуре, науке, семье, родине, миру». Финансисты, с точки зрения Ж. Аттали, в конечном счете, возвысятся над миром как его надгосударственная и наднациональная элита, превратившись в мировое правительство.

Российский политолог А.С.Панарин выступает с критикой глобализации, в мелкой буржуазии он видит ту силу, которая может противостоять главным носителям глобализации – представителям финансово-ростовщического капитала, которые воцаряются над миром как его наднациональная паразитическая элита, делающая деньги «из воздуха» – не за счет организации производства, а счет виртуальных финансовых спекуляций. Мы узнаем в ней все тех же «граждан мира» или «кочевников» Жака Аттали. Информационная глобализация охватывает все сферы культуры – религию, науку, искусство, нравственность, политику и т.д. Задача здесь не хитрая: национальные культурные ценности следует подменить на американские или западноевропейские. Вот почему самыми модными теориями в науке стали американские. Вот почему в кинотеатрах и на экранах телевидения мы видим главным образом американские боевики, детективы и триллеры. Вот почему в наш «великий и могучий» русский язык хлынула целая бездна англицизмов.

Центральная идея, лежащая в основе глобализации, заключается в том, что многие проблемы невозможно адекватно оценить и изучить на уровне национального государства, т. е. на уровне отдельной страны и ее международных отношений с другими странами. Вместо этого их необходимо формулировать с точки зрения глобальных процессов. Некоторые исследователи зашли в этом настолько далеко, что они предсказывают, что глобальные силы (под которыми имеются в виду транснациональные компании, другие глобальные экономические образования, глобальная культура или различные глобализирующие идеологии) становятся настолько сильными, что ставится под вопрос дальнейшее существование отдельных национальных государств. Происходит ослабление государств и появление над ними надгосударства в лице США.

Глобальное информационное общение привело к большому взаимопроникновению культур мира, быстрому распространению достижений технологии, создало новые возможности для совместного решения различными странами важнейших мировых проблем, например – экологических. Глобальная экономика оказывает необратимое воздействие на климат, и только совместными усилиями стран мира можно снизить разрушительные последствия этого процесса. Глобализация приводит к тому, что нацио-

нальные экономики становятся частью единой мировой экономической системы, т.е. глобализированной экономики.

Негативные моменты глобализации кроются в возможности утраты своей культурной самобытности. Происходит это в результате аккультурации и ассимиляции. Заимствование культурных ценностей позволяет больше узнать о другой культуре, способствует сближению народов, общению между ними, происходит стирание границ, а это ведет к потере самобытности, уникальности. Массовое распространение в мире международного языка общения, одинаковых культурных образцов ведет к глобализации мирового культурного пространства, его унификации.

Крупные государства берут на себя власть над народами, считаются их покровителями, но входя в мировые союзы, они не в силах отстаивать их права на самобытность, происходит унификация. И как следствие, народы для сохранения своей уникальности, защиты этнической чистоты уходят из-под этого покровительства. Остаются в стороне от общемировых процессов и пытаются выжить в предлагаемых, навязываемых им условиях.

Опасность глобализма, как идеологии – в создании мощнейшего всемирного аппарата для тотального контроля над человечеством.

Мы видим сегодня только тень глобальной, апокалиптической по смыслу и неотвратимо надвигающейся катастрофы человечества. Но вместе с тем очевиден утопический характер американской политики глобализации.

Глобализация – амбивалентный процесс, имеющий как негативные, так и позитивные последствия. Так, осуществление международного контроля над вооружением ведет к снижению риска внезапного нападения. Всеобщая декларация прав человека гласит о равенстве людей перед законом, о наличии у каждого человека прав и свободы.

Россия находится на стадии вхождения в общемировой процесс глобализации, поэтому данная проблема является для нас актуальной. Принимая решения на государственном уровне надо взвесить все «за» и «против», просчитать все возможные варианты последствий, предполагаемые результаты. Как это может отразиться на стране ввиду ее уникальности и самобытности.

Литература

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, электронный вариант, 2008.
2. Культурология. XX век. [Текст]: энциклопедия. Т.1. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с.
3. Проблемы цивилизационных войн и глобализации [Текст]: сборник статей / под ред. проф. И.С. Куперта. – Томск: изд-во ТГУ «Знание», 2002. – 57с.
4. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст]: / Э. Тоффлер. – М.: Книга, 1999. – 463 с.
5. Жак Аттали (www.krugosvet.ru).

СРЕДОВОЙ ОБЪЕКТ И ПРОЦЕСС ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Е.О. Юрманова

Томский институт бизнеса

Термин «предметная среда» и связанное с ним понятие появились в результате переноса на мир человека и человеческой деятельности представлений, выработанных при исследовании животных организмов и их поведения. В основе соответствующего биологического понятия – «природная среда» – лежало расчленение объекта изучения на «организм» и «среду», причем среда составляла естественные условия жизни организма, к которым организм должен был приспосабливаться. В свою очередь, поведение организма определялось его отношением к природной среде и вместе с тем создавало это отношение: животные могли избегать неблагоприятных условий или, наоборот, находить благоприятные. Даже в тех случаях, когда жизнедеятельность и поведение животных изменяли среду, то это все равно выступало для животных как стихийный, не зависящий от них, естественный процесс изменения самой природы.

Подобные представления об обособленном животном организме и его отношении к природной среде подразумеваются и тогда, когда речь идет о предметной среде человека. Хотя в этом понятии вместо животного организма фигурирует человек, а вместо природы – предметность, окружающая человека, характер абстракции остается тот же: человек оказывается приспособляющимся к предметной среде, а среда – независимой от человека.

Каждый отдельный человек является не только отдельным и самостоятельным человеком, живущим в природной и социальной среде, но всегда также определенным органом более сложного, социального организма – человеческого общества, элементом сложной социальной системы. При этом, как выясняется, именно это второе качество – органа социальной системы – является главным и определяющим для человека.

Отдельный человек может производить, создавать элементы предметного мира, и поэтому многие элементы последнего выступают для него как нечто естественно данное, независимое от него и противоречащее ему, как то, с чем ему приходится считаться и к чему ему приходится приспособляться, т. е. как среда его жизнедеятельности.

Если мы говорим о создании или производстве предметного мира в целом, то можем и должны иметь в виду уже не отдельного человека, а всех людей, объединенных в человечество, или, точнее, Человечество – как единый социальный организм, создающий и производящий весь предметный мир. Но для организма этого рода, для Человечества, предметный мир выступает как продукт его деятельности, как его творение и в этом смысле – как полностью от него зависящий мир.

Предметная среда, как искусственное образование, характеризуется непосредственным окружением человека, создающим все условия для его жизнедеятельности и трудоспособности, формирует также отношения меж-

ду людьми и устанавливает определенные нормы и принципы поведения. Целостность предметной среды определяют средовые объекты – средовые образования, характерные органичным единством пространственных условий, предметного наполнения и особенностей процесса, для которого оно предназначено.

Как правило, Средовой объект имеет сложное строение, включая ряд Средовых объектов меньшего ранга и более узкого назначения, каждый со своими параметрами пространства и оснащения (например, здание – группа помещений этого здания – отдельное помещение – фрагмент помещения), будучи при этом частью более крупной средовой структуры или цепочки структур («улица – район – город»). Средовой объект является непосредственным объектом проектирования архитектора или дизайнера архитектурной среды.

Архитектура – уникальная сфера человеческой жизнедеятельности, в которой соединяются знания строительной науки и искусство. Архитектура – это искусственно созданная материальная макроструктура, которая составляет значительную часть среды окружения человека. Она представляет важную часть культуры, жизни, быта и экономики человека.

Типология объектов архитектуры постоянно расширяется. Сегодня – это жилые, общественные, промышленные здания и комплексы, планировка городов и поселков, ландшафтная архитектура (парки, скверы, бульвары), дизайн городской среды (улицы, площади), интерьеры зданий. Этот перечень говорит о том, что архитектурное проектирование представляет сложную творческую деятельность, в результате которой архитектор создает проекты различных объектов архитектуры. Проектировщик должен владеть техническими знаниями (конструкции зданий, технология строительства, экономика) и художественными (композиция, стиль, художественный образ). Проектировщик использует в своей работе технику черчения (планы, фасады, перспективы, разрезы) и художественное изображение (эскиз, подача проекта, рисунок, моделирование). Но самое сложное в труде архитектора – все требуемые знания необходимо уметь соединить в едином сплаве творческого действия проектирования. Архитектурные объекты в силу своей социальной гражданской значимости должны быть рассчитаны на определенное функциональное назначение – проживание, отдых, обучение, лечение, административное управление и др.

Большей частью архитектурные объекты представляют собой архитектурные здания и сооружения. Поэтому в проектировании должны учитываться все условия для их строительства – конструкции, строительные технологии, экономика. И при всем этом архитектурные объекты являются произведениями искусства, то есть обладают художественными качествами, вызывающими определенные ощущения, чувства, эмоции восприятия. Все эти качества присутствуют одновременно в архитектурном объекте как различные свойства единого целого, которые необходимо учитывать в процессе его проектирования.

Архитектура – это функциональность, конструктивность, художественность, что соответствует высказыванию о сущности архитектуры как «пользе, прочности, красоте», сформулированному еще в античности известным зодчим и теоретиком Витрувием.

Пользу, полезность здания архитектор создает через рациональное функционально-планировочное решение. Проектировщик вводит новые функции, совмещает или разделяет отдельные из них, тем самым появляются новые решения пространственных связей и даже новые типы объектов по их назначению.

Конструктивное решение так же должно быть оптимальным, то есть создаваться с учетом наличия и доступности рациональности для строительства, а также работы всех конструкций в соответствии с задуманной идеей. Решения этих двух направлений в проектировании – «функции» и «конструкции» – обеспечивает не только удобства в следующей эксплуатации объекта, но создает единство, целостность, рациональность решения, что отражается на экономических затратах на него. Художественное решение, «красота» превращает строительство в архитектуру. В понятие «архитектура» здесь вкладывается смысл проектирования объекта как художественного произведения.

В соответствии с этим объект проектируют по законам композиции, учитывающей психологические особенности восприятия формы и пространства человеком. Художественные качества проектируемого объекта достигаются путем создания художественного образа, рассчитанного на определенные эмоции, ассоциации при его восприятии. Творчество всегда имеет индивидуальный характер и требует авторского представления своей работы.

Творчество предполагает создание нового объекта, не существовавшего ранее до этого. Новый объект должен обладать внешними художественными и другими свойствами и характеристиками, отличающими его от известных ранее образцов. Степень отличия представляет степень новизны. В творчестве самым ценным является новизна. В каждом новом проекте совершенствуются положительные качества объекта; рассчитанные на соответствующее эмоциональное восприятие. Новизна не должна быть отвлеченной, абстрагированной от практического назначения объекта. Учет назначения объекта обуславливает целый комплекс характеризующих его свойств, обеспечивающих его полезность, «потребительские свойства». Проектировщики должны быть готовы к тому, что степень новизны может сделать объект непризнанным, чужеродным, непонятным. Известны случаи, когда произведения искусства требуют дополнительного времени для признания обществом, массового привыкания, одобрения. В эстетической оценке произведений искусства в обществе положительную роль могут играть профессионалы, критики, мастера, публицисты. Архитектура, являясь средой обитания человека, воздействует на чувства, отражается в сознании человека и тем самым участвует в формировании его духовного мира.

Создание единства архитектурной композиции из множества составляющих, рождение целостного образа на основе комплекса требований – главная задача архитектуры.

Сложность профессиональной деятельности архитектора заключается в характере ее содержания. Прежде всего – это творческая природа архитектурного проектирования, в котором есть цель, есть средства, есть технология проектной деятельности. Результат данной деятельности каждый раз моделируется в процессе проектирования из комплекса исходных условий заданной ситуации, как авторская концепция. Архитектурное проектирование представляет сложный синтетический характер профессиональной деятельности архитектора. Теоретические исследования позволяют более внимательно рассмотреть отдельные качества (стороны) профессиональной архитектурной деятельности – архитектурного проектирования, в результате чего выявлены следующие особенности:

- 1) творческий характер профессионального труда архитектора, в результате которого каждый раз создается персональное авторское проектное предложение;
- 2) комплексный характер архитектурного проектирования, выражающийся в единовременном учете множества условий и решении ряда взаимосвязанных задач проектируемого объекта, главным из которых являются функциональность, конструктивность и художественность;
- 3) научный характер предпроектных и проектных исследований в архитектурном проектировании, в результате которых решается комплекс профессиональных вопросов методами логического обоснования, анализа, синтеза;
- 4) ремесленный характер работы в архитектурном проектировании с использованием профессиональной техники «эскизирования», «рабочего проектирования», «подачи» проекта и пр.;
- 5) специальная технология работы, в основе которой лежит методика архитектурного проектирования.

Все особенности архитектурного проектирования должны быть учтены в рабочем проекте.

Самой важной стадией проекта считается стадия предпроектного анализа, это сбор информации о проектируемом средовом объекте, оценка существующей обстановки среды, где предполагается размещение проектируемого объекта. Помимо пожеланий заказчика и его расшифровки представлений о проектируемой среде, архитектору необходимо лично проанализировать существующую ситуацию для дальнейшего более грамотного подхода к проекту. Предпроектные исследования являются обязательным этапом, необходимым для оценки реальности поставленных заказчиком задач, их соответствие полученной исходно-разрешительной документации существующим градостроительным ограничениям, геодезическим и конструктивным условиям, существующим нормам и правилам. Важным и необ-

ходимым моментом является сбор и структурирование полученной информации перед непосредственным началом проектной деятельности. Информация должна быть максимально объемной, включать как можно больше планов и схем, таких как топографическая съемка местности с отображением всех структур и коммуникаций, объектов, располагающихся на данной территории. Важны для проектирования: генеральный план с расположением произрастающих на территории объектов растительного происхождения; фото-фиксация местности предполагаемой проектируемой среды; анализ транспортных и пешеходных потоков и их направлений, а также выявление и определение функциональных зон среды. Весь перечень собранных планов и схем, фотографий и кодировок и других правил и требований к проектируемой среде архитектор включает в основной проект. На основании проведенных исследований совместно с заказчиком разрабатывается Техническое задание (ТЗ) будущего проекта, в котором описываются технико-экономические показатели, инженерное оснащение, определяется объем проектных услуг. Задачей предпроектного анализа является "ранняя диагностика" проблем, которые могут возникнуть при проектировании среднего объекта. Эти "проблемы" фиксируются и непосредственным способом влияют на содержание технического задания. Решение проблемных вопросов при проектировании влияет на характер дизайнерской идеи, ограничивая ее в условиях распространения и реализации фантазии проектировщика, либо наоборот, направляя автора проекта к наиболее верному, четко сформулированному и качественно проработанному варианту с точки зрения профессионализма и актуальности выполняемого проекта. От качества проведения данного этапа работы по предпроектному исследованию и серьезности подготовленного документа технического задания проекта часто существенно зависит успех проекта в целом. Важно также вырабатывать свою методику, свои подходы в организации работы, чувства адекватности в планировании всей работы в заданные сроки. Разработка содержания проекта неотделима от технологии работы. Методика архитектурного проектирования представляет теоретическую модель технологии проектирования. В каждом проекте модель методики приобретает свое конкретное воплощение в каждом последовательном действии – сборе информации, в ее анализе, обдумывании проблем, в эскизировании вариантов их решения. В результате формируется проектная идея и ее «подача» в чертежах и макетах.

Таким образом в самом процессе проектирования заключено содержание профессионального творческого метода архитектора (дизайнера среды). В методике вырабатывается самодисциплина, результатом которой становится содержание работы – архитектурный или дизайнерский проект.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ФИЛОСОФИЯ

ТЕМА ЛЮБВИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ	
Р. А. АЧОЛОВА	3
Р. РОРТИ О СООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Е. А. БАРЫШНИКОВА, Л. С. СЫСОНОВА	7
БЫТИЕ В КУЛЬТУРЕ. ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. ХАЙДЕГГЕРА	
А. С. БЕЗВЕРХИН	11
МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАТУРФИЛОСОФИИ	
В. Н. БЕЗМЕНОВ	16
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА НОВОГО ВРЕМЕНИ	
В. Н. БЕЗМЕНОВ, Ю. В. ДРОНЯЕВА	21
КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ-ЗНАНИЯ М. ФУКО И ЕЕ ВКЛАД В ДИСКУССИЮ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕКЕ	
А. В. ВОЛКОВ	25
КАТЕГОРИЯ СМЫСЛА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ	
С. В. ВОЛКОВА	32
БЫТИЕ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	
А. С. ГАМАЛЕЕВА, Л. С. СЫСОНОВА	39
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ	
О. Б. ГУЖАВИНА, М. Г. ТЕН	43
ДАО И ЛОГОС КАК ОСНОВАНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ РЕФЛЕКСИИ	
Е. А. ДЕМКОВИЧ	51
О РАЗЛИЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ	
Ю. В. ДРОНЯЕВА, Л. С. СЫСОНОВА	56
ГРАНИЦЫ МАТЕМАТИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	
Т. А. ЕРЕТИНА	61
ГРАНИЦЫ МАТЕМАТИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ НАУКИ	
Т. А. ЕРЕТИНА	65
РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	
А. В. ЖИДКОВ	69
ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ В ФИЛОСОФИИ	
Н. Н. КОНЕНКО	71
ПОНЯТИЕ АБСУРДА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	
М. В. КОПЫЛОВА	76

ПРОБЛЕМА ВЕРЫ И ДОВЕРИЯ	
Ю. С. КОРЕЛОВА.....	80
ДОФИЛОСОФСКИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ	
М. Б. КРЕЙМЕР, Л. С. СЫСОЕВА	84
ФОРМЫ АДДИКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Н. В. КУРЕНКОВА	89
СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРИТАЦИИ ВОЙНЫ В ГРУЗИИ И ИРАКЕ	
В. П. ЛЮБЧАК, Н. А. ЛЮРЬЯ.	93
КУЛЬТУРОГЕНЕЗ И ЕГО СТАДИИ	
Н. Н. МАСЛЕННИКОВА, Л. С. СЫСОЕВА.....	97
О СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	
Е. Ф. МИХАЙЛОВА, Л. С. СЫСОЕВА.....	102
ФЕНОМЕН ПОСТМОДЕРНИЗМА	
Е. А. ПОЖАРСКАЯ.....	106
ВЛИЯНИЕ ПОНИМАНИЯ ФИГУРЫ АВТОРА НА ВОСПРИЯТИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА	
М. А. РЕЗНИК.....	110
СМЫСЛ ПОИСКОВ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ	
Д. С. РОГАЛЕВА	114
ЗНАЧЕНИЕ ИСЛАМА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА	
А. А. САМИДИНОВА	116
МЕСТО ЭЛЕКТРОННОЙ МУЗЫКИ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА	
А. С. САФОНОВ	121
АТРИБУТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ	
Ю. К. СЕВАСТЬЯНОВА, Л. С. СЫСОЕВА	124
ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО МЕСТО В МИРЕ	
Т. В. СУСЛОВА	129
ПРОБЛЕМА ПРЕДСКАЗАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ БУДУЩЕГО	
И. А. ЦАРЕГОРОДЦЕВ.....	130
ПРОБЛЕМА САМОПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
М. С. ЧЕРНОВА	132
СПОНТАННОСТЬ СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКОВ ЕГО НОВЫХ СМЫСЛОВ	134
А. Ю. ШЕЛЕХИНА, Л. С. СЫСОЕВА	134
К ВОПРОСУ О МЕРЕ И ГРАНИЦАХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В ИННОВАЦИОННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	
М. Н. ШМАТКОВ	138
СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК РЕФЛЕКСИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ОСЕВОЕ ВРЕМЯ	
Л. С. СЫСОЕВА, Т. А. ЯРОВАЯ	143

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

ЭПОХА «ГЛОБАЛЬНОЙ БАНАЛИЗАЦИИ» ИЛИ КРИЗИС МИРА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	
А. В. КРИВОШЕЕВ.....	146
ОБЩЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ Э. ДЮРКГЕЙМА	
О. В. ГЕРАСИМОВА.....	151
МИРОВЫЕ БРЕНДЫ КАК ОСНОВА ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ	
Е. К. ГЛУХОВА	153
СУЕВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
О. В. ГЕРАСИМОВА, Ю. Ю. ГУРЬЯНОВА	156

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ЭЛЕКТРОННЫМ КНИГАМ	
Т. В. ДЕРИНГ	159
ФЕНОМЕН УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Т. В. ДЕРИНГ	163
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
А. Н. ДУДИНА	167
СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА	
И. А. ДЬЯЧЕНКО	172
ОБЩЕСТВО И МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
И. А. ДЬЯЧЕНКО, М. В. ПЛОТНИКОВА, Ю. С. ЛАПИНА	177
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ СВОБОДЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: КОНФЛИКТ ИЛИ РЕЛЕВАНТНОСТЬ	
Е. В. ЕРШОВА	180
СВОБОДА ВЫБОРА И ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ	
Е. В. ЕРШОВА	183
ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН – БЛАГО ИЛИ ЗЛО?	
С. А. ЗУБИХИНА, Е. Г. КЛЮШКИНА	186
КОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ	
Т. А. КИРЯКОВА	192
САМОНАЗВАНИЕ КАК ПРИЗНАК ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ Г. ТОМСКА)	
М. П. КОВАЛЕВ	197
О ДИАЛЕКТИКЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ	
Л. В. КОТЛИКОВА	201
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: ОСОБЕННОСТИ РОССИИ	
Е. А. КУЛЕШ	206
ПОНЯТИЕ «ЛЮБОВЬ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ – МНОГОЗНАЧНОЕ ИЛИ ОЧЕВИДНОЕ	
К. С. ЛУКАНОВА	210
МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ	
О. В. МАЛЮГИНА	213
КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ В ФИЛОСОФСКИХ ПРОЕКТАХ ПОСТМОДЕРНА (НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕЙ М. ФУКО)	
Г. И. МАРТОВА	219
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ В РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЯХ ТУРИСТСКИХ ФИРМ	
ОСЕТРОВА	222
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИКИ СИБИРИ	
М. В. ПЛОТНИКОВА	227
ТУРИЗМ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
Е. А. ПОЖАРСКАЯ	230
ЭКЗОТЕРИЧЕСКИЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЬИ	
Д. В. РУЧКИНА	232
ЭКЗОТЕРИЧЕСКИЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЬИ	
Д. В. РУЧКИНА	235
ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗВОДОВ В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ	238
К. Б. СИЛАНТЬЕВА	238

«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС» В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА	
О. В. Смирнова	243
ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В РЕКЛАМЕ: ГЕНДЕРНЫЙ, ЭТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	
С. Н. Тоноян	247
ПОЧЕМУ МЫ БОИМСЯ СТАРОСТИ?	
Е. С. Цветкова	251
ВОЗРАСТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ: МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
И. И. Цема, Е. Ю. Шамшурина	255
КОНКУРЕНТНАЯ СТРАТЕГИЯ КОМПАНИИ «РОСГОССТРАХ» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕСТЕСТВЕННОЙ МОНОПОЛИЕЙ	
А. З. Бадрутдинова, А. Л. Черепанова	258
РОЛЬ ГЕНДЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
Э. А. Шпомер	263

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КЛАДБИЩЕ КАК ОСОБЫЙ ЭЛЕМЕНТ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ	
С. П. Баканов	266
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ РОССИИ И США	
А. К. Бугаева	268
ГАСПАР МОНЖ. РАЗВИТИЕ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ	
И. Г. Бурцева	272
ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ ПЕРСПЕКТИВЫ В ПРОИЗВЕДИИ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ «ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ»	
И. Г. Бурцева, Ю. В. Доценко, В. В. Колба, А. А. Кулакова	277
ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ ПЕРСПЕКТИВЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА	
И. Г. Бурцева, Н. С. Севастьянова	281
ПЛАКАТ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬФОНСА МУХИ	
В. В. Власкина	285
АРХИТЕКТОР Н. К. ЯКОВЛЕВ	
А. П. Герасимов	287
РЕАЛИТИ-ШОУ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	
Д. В. Глебова	292
ТОМСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВ	
М. А. Головина	296
МЕСТО ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ. НОВЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ	
Е. Ю. Девянина	300
РОЛЬ ЯЗЫКА И РИТУАЛА В ВОЗНИКНОВЕНИИ И СУЩЕСТВОВАНИИ МИФА	
О. А. Диденко	305
ЛЮБОВЬ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ	
С. А. Зубчихина	309
ТВОРЧЕСТВО ПИТА МОНДРИАНА	
Е. Л. Кустова	314
ПОДДЕРЖАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФОРМА АДАПТАЦИИ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	
И. А. Лагутин	316

ЧАК КЛОУЗ: МАСТЕР СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА	
О. В. Ладурко	321
ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЭПОХИ МОДЕРНА. ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО РЕНЕ ЛАЛИК	
А. О. Малухина	323
В ПРЕДВЕСТИИ ОП-АРТА: ВИКТОР ВАЗАРЕЛИ	
К.Е. Миронова	325
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАРСТАНА КАК ОТРАЖЕНИЕ	
ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В СИСТЕМЕ МНОГОСТОРОННЕГО СИНТЕЗА КУЛЬТУР	
С. Д. Мурзенкова	328
РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА	
С. Е. Осокина	333
ТВОРЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
П. В. Петров	335
НОВАТОРСКИЕ ПИАНИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В ПЕДАГОГИКЕ Ф. ЛИСТА	
А. Севостьянова	339
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ В ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ И СКАНДИНАВОВ	
Т. В. Смелкова	343
ЯВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ БАСНОПИСЦА И. А. КРЫЛОВА	
О. Г. Трифонова	348
АНГЛИЙСКИЙ ГУМАНИЗМ ЭПОХИ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»	
О. Г. Трифонова	350
АРТ ДЕКО В АРХИТЕКТУРЕ И ДИЗАЙНЕ ИНТЕРЬЕРОВ	
А. А. Фильченко	354
СЕКС, ЛЮБОВЬ И МЕДИТАТИВНОСТЬ	
А. А. Фролова	356
К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ И ЦЕННОСТЯХ ИДЕЙ ЯПОНСКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	
Н. И. Чабовская	360
ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Э. А. Шпомер	366
СРЕДОВОЙ ОБЪЕКТ И ПРОЦЕСС ПРОЕКТИРОВАНИЯ	
Е.О. Юрманова	369

Научное издание

**ХIII Всероссийская конференция студентов,
спирантов и молодых ученых «Наука и образование»
(20–24 апреля 2009 г.)
В 6 т.**

**ТОМ V
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Технический редактор: П. А. Шевченко, В. Ю. Горбунов
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Подписано в печать: 26.04.2009

Сдано в печать: 17.09.2009

Тираж: 100 экз.

Заказ: 451/Н

Формат: 60х84^{1/16}

Бумага: офсетная

Печать: трафаретная

Уч. изд. л.: 25,3

Усл.-печ. л.: 23,8

Гарнитура: Times NR

Издательство Томского государственного
педагогического университета
634041, г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52-12-93
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru
Отпечатано в типографии ТГПУ,
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52-12-93